

ВЕРА И ТЕРРОР

ПОДЛИННАЯ
ИСТОРИЯ
"ЧЕРНЫХ
ДРАКОНОВ"

«Вера и террор» — это история о том, как могла бы сложиться судьба Кэно и других «Черных драконов» в земном мире, где не было турнира «Смертельная битва», не было магии и других миров и рас, не было богов, которым не безразлична судьба человечества, но зато были жестокие войны и другие суровые испытания судьбы, были отчаянные союзники и была идеология свободы, которая сквозь годы служила единственным маяком там, где не осталось никакой веры.

Посвящение:

Произведение я посвящаю всем, кто работал над вселенной «Смертельной битвы», но в первую очередь — двум актерам, которые достойно воплотили на экране образ одного из моих любимых персонажей — Кэно. К большому сожалению, они оба ушли из жизни. Вечная память Тревору Годдарду и Даррену Шахлави.

Примечание автора:

В произведении описана альтернативная реальность в полном смысле этого слова, и история эта, конечно же, является подлинной лишь в моей собственной голове. Мне не раз говорили о том, что персонажи сильно изменены, что фактически из канона «Смертельной битвы» взяты только их имена, но это уже другие личности, что они фактически созданы заново. Я не отрицаю этого и не могу оправдать такой ход только претензией на реализм и тем фактом, что характеры изменены в соответствии с альтернативным миром, в котором приходится жить этим персонажам. Сейчас мне кажется, что я вполне могла бы написать и историю о том, как Кэно вместе с другими «Черными драконами» боролся за выживание на турнире и в других мирах, в бесконечных междоусобицах других рас, богов и демонов, но и такая история у меня вышла бы не по канону, с измененными характерами персонажей и почти таким же взаимодействием между ними, как оно описано здесь. Это взаимодействие мне нравится, и мне было интересно создавать его. Тем не менее, я не могу оторвать то, что получилось, от первоисточника, сменить имена и сказать, что эта история не имеет никакого отношения к «Смертельной битве». Она писалась под огромным вдохновением и с безграничной любовью к «Смертельной битве», с большим уважением к людям, которые создавали эту вселенную, и этого не изменить. Я люблю «Смертельную битву», и время моего самого пламенного увлечения этой вселенной было поистине прекрасным временем в моей жизни. Мне хочется сказать «Спасибо!» всем людям, что были рядом со мной в то время, за яркие воспоминания и приключения, в которых нас, так или иначе, объединяла «Смертельная битва». И поскольку перезапуски, авторские видения в экранизациях и прочие вполне официальные альтернативные взгляды на вселенную тоже делаются с уважением и любовью к первоисточнику (или, по крайней мере, мне хочется в это верить), то и моя альтернативная история «Черных драконов» — признательность за труд и признание в любви, пусть и в чем-то, быть может, странной.

Сарина Шиннок

Вера и террор. Подлинная история «Черных драконов»

*See me, I believe in a fair fight.
You know, one on one. Man to man.
Hand to hand. Just like my daddy taught me.*
Kano. x/ф «Mortal Kombat»

*Ты хотел свободы — что ж,
Получил сполна,
Отчего ее не пьешь,
Как пили всегда, до дна?*
Группа «Мастер» «Небо в глазах»

1. Порочный круг

— ...Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мной...

Глухой удар и резкий скрежет железа. Дверь слетела с петель и с грохотом рухнула на пол у самых ног Джарека. Не глядя в сторону тех, кто выбил дверь, он перекрестился еще раз и, тяжело вздохнув, опустил голову.

— Где Кэно? — гневно спросил его знакомый женский голос. Джарек молчал.

— Где он? — повторил вопрос женщины низкий голос темнокожего майора. — Отвечай, сволочь!

Джарек нервно провел рукой по своим редким седым волосам, загорелому лицу, расчесал пальцами бородку. Он сглотнул комок, подступивший к горлу, и не своим голосом прошептал:

— На том свете.

Он резко махнул рукой, указав на распахнутую дверь кабинета с красными стенами. Белокурая женщина, спросившая первой о Кэно, не опуская пистолета, осторожно пошла туда.

Помещение слабо озаряла единственная лампа дневного света — остальные давно перегорели. На кроваво-алой стене висело черное анархистское знамя. У стены стоял разложенный диван. На нем лежало тело лидера «Черных драконов». На письменном столе в центре кабинета валялись мужские часы, золотой браслет, зажигалка и перепачканные кровью вещи — черное кимоно с цветными нашивками и серая мужская рубашка. Ближе к краю на влажном лоскуте ткани были разбросаны грязные медицинские инструменты и небольшие окровавленные кусочки железа — осколки разрывных пуль. Рядом стоял пустой стакан из-под воды.

У дивана стояла на коленях и вытирала с лица слез смуглая рыжеволосая женщина в черно-красной одежде. У окна с темно-бордовыми шторами, в кресле с накинута на спинку шкурой койота сидел раздетый до пояса небритый мужчина с покрасневшими от слез глазами и грязными светло-русыми волосами. Он нервно

курил очередную сигарету, поглядывая на разбросанные по паркетному полу окурки. Услышав шаги, молодой мужчина приподнял голову и плюнул в сторону.

— Че еще тут ищешь, сука?!

Но женщина в форме не слышала его. Не слышала она и слов майора:

— Что там, Соня?

Взгляд Сони был прикован к мертвому телу. Она опустила пистолет. На черном диване лежало то, что когда-то было Кэно, лидером клана «Черный дракон», террористом и, в конце концов, ее личным врагом номер один. Первым делом лейтенанту Соне Блейд бросились в глаза его тяжелые армейские ботинки. Во время первого столкновения с главарем террористов она запомнила их слишком хорошо. Боевые ботинки, черные штаны и черно-красный жилет — все было так, как в тот роковой день, когда она дала нерушимую клятву о мести. Черные в серую полоску штаны Кэно были расстегнуты, открывая страшную рваную рану чуть выше левого бедра. Такая же ужасающая рана была слева под ребрами, прямо над первой. Руки Кэно были запачканы его собственной кровью, а губы искусаны в приступе невыносимой боли.

— Что там, Соня, черт возьми?!

Лейтенант Соня Блейд оцепенела от ужасающего, накатившего подобно цунами ощущения пустоты. Теперь все было кончено. Ее поиски мести завершились. Но что будет дальше?

В голове из пустоты явилась непрощенная и отвратительная по сути мысль: «Черт возьми! Он ведь — такой же человек, как и я». А за ней полезли другие, одна за другой, мучительные своей неуместностью: «Еще пять минут назад одним воздухом дышали... ночью еще был жив... Ты, Соня, ты всадила в него две разрывные пули. Твоя месть. Вот она. А что ты вообще знала о том, кого убила? Да, ты его не считала за человека. Вот и прозрей! Очнись! Открой глаза! Он — человек! Как и ты... И он хотел жить...». Мысли мчались по замкнутому кругу, плясали вокруг зияющей черной дыры, возникшей в сознании женщины всего мгновение назад, но уже кажущейся ей данностью вечности: «Такой же, как и ты».

— Да что там, Соня?! Соня, у тебя все в порядке?

Все уже никогда не будет в порядке. Никто не разорвет для тебя, Соня, этот порочный круг...

2. Афганский джихад

«Черный дракон» — так называлась подпольная террористическая организация анархистской направленности, просуществовавшая в США с 1952 по 2007 год. Она отделилась от преступного клана «Красный дракон», и отступники имели на это несколько причин. У «Красных драконов» существовал строгий кодекс чести и секретности, невыполнение которого жестоко каралось. Идеология же «Черных драконов» основывалась на свободе и имела своей целью уничтожение всех типов принуждения и подавления. «Черные драконы» были, возможно, единственными в современном им мире анархистами. Анархизм предполагал, что власть должна быть ликвидирована как таковая во всех её проявлениях. Осознавая, насколько это непростая задача, анархисты объединились под черным знаменем, отказались от кодекса чести и перешли к экстремистской политике, считая, что цель оправдывает средства. Начался путь «Черного дракона», путь непоколебимой веры в идею и

агрессивного террора. Вскоре клан стал объектом охоты для борцов с терроризмом, в частности для Разведывательного агентства, созданного полковником Германом Блейдом в США. Но... Эти люди готовы были сломать, перевернуть мир и, если будет нужно, сдохнуть и отправиться в ад за анархию.

«Анархия — мать порядка!». «Свобода или смерть!». «Будущее за анархией!». Эти лозунги любой из них готов был скандировать, даже если его подняли в два часа ночи. Они не знали сомнений. Они, подобно фанатикам, верили в то, за что воюют и за что гибнут. И потому у них не было кодекса чести. Им не нужны были правила, по которым нужно убивать людей или самим умирать. Они были из тех, кто всегда идет до конца.

В 1982 году одному из самых закоренелых анархистов исполнилось тридцать лет, и он стал полноправным лидером клана «Черный дракон». Он страстно ненавидел мир, в котором ему суждено было жить, но был убежден, что раз уж жизнь дана, то надо брать от этой жизни все, выжимать из нее максимум. Этого человека звали Кэно.

Он тоже был из тех, для кого свобода стала чем-то незыблемым, наравне с религией. Его ровесник и лучший друг Джарек завидовал ему, так как считал, что только он, Кэно, умеет по-настоящему жить. Его уважали, а потому после смерти лидера и основателя клана — Морихея «Мастера» Уехибы — он занял пост главы «Черных драконов». Он допускал военную диктатуру как необходимую переходную форму правления для окончательной победы в сложившейся ситуации, оправдывая ее безоговорочной верой в грядущее торжество анархии. Пользуясь авторитетом среди анархистов, Кэно демонстрировал государственной власти свою силу и угрозы. Обыватели, которым «Черный дракон» внушал смертный ужас, называли его «отцом террора». На его совести числились сотни и тысячи смертей. Этот человек уверенно шагал к своей цели по трупам других, но однажды он просчитался. И он до последнего момента не знал, что именно эта ошибка изменит всю его жизнь, а с ней и жизнь «Черного дракона».

* * *

В середине лета 1988 года Нью-Йорк, как и любой мегаполис, жил своей обычной жизнью, пропахшей типографской краской свежих газет, выхлопными газами и вонью свежееуложенного асфальта, размеренной и вечно торопящейся одному богу известно, куда. Однако большинство жителей подобных городов находит в таком ритме свое спокойствие и удовлетворение, если только их не сшибает с ног офисная депрессия. И этот день мог бы быть самым обычным, монотонно шумным и скучным, если бы какой-то террорист-смертник не явился на многолюдную станцию метро в центре и не взорвал ее вместе с собой «во имя свободы», как он орал перед нелепой кончиной.

Теперь отлаженный механизм города дал сбой, и все были лишены покоя. Район взрыва оцепили, репортеры уже терроризировали идиотскими вопросами экспертов, спецслужбы жаловались на очередную головную боль. Белобрысый коп в черно-синей рубашке, черных полицейских штанах и бейсболке, одетой козырьком назад, стоял в стороне и раскручивал в руке пистолет. Мимо желтых целлофановых лент медленно проехал сверкающий черный Ford Granada GL 1982 года выпуска. Заметив «Форд», полицейский сорвался со своего поста и остановил машину. Тонированное стекло медленно опустилось — за рулем сидел крепкий сильно загорелый мужчина с армейской стрижкой и черной бородой. На вид ему было около тридцати пяти лет.

Под белой мокрой от пота майкой, на которой красовалась иллюстрация к песне группы «Iron Maiden» «Stranger in a Strange Land», резко обозначились его мощные мускулы, на массивном загорелом плече была черная татуировка в виде дракона. На запястье у мужчины блестели дорогие часы, на шее висел крест на черном кожаном шнурке и толстая золотая цепь, в левом ухе была золотая серьга. Рядом с ним сидел лысый металлист с художественно выбритой бородой. У него были проколоты оба уха, а на плече набита татуировка в виде черного креста, увенчанного кулаком. Сзади сидел парень в косухе, с длинными грязными волосами, а рядом с ним темно-русый мужчина лет двадцати пяти редкой трехдневной щетиной.

— Офицер полиции Кертис Страйкер! — полицейский, остановивший «Форд», показал значок. — Всем выйти из машины!

Бритоголовый металлист, парень в затертой косухе и его сосед спокойно вышли из машины. Человек за рулем не сдвинулся с места и только гневно смотрел в глаза копа.

— Вам нужно особое приглашение?! — прикрикнул тот.

Мужчина убрал руки с руля и сел к нему в пол оборота.

— Я жду объяснений! — сурово проговорил он хриплым голосом с австралийским акцентом. — На каком основании Вы остановили нас?

Страйкер еще раз прокрутил пистолет на указательном пальце и дулом указал на то, что когда-то было станцией метро, а ныне походило лишь на кучу строительного мусора.

— Чрезвычайное положение! Я не обязан перед вами отчитываться. Быстро из машины!

Водитель «Форда» лениво потянулся и нехотя вышел из машины.

— Документы! — получил команду он. Мужчина медленно, будто делая одолжение, вытащил из заднего кармана черных кожаных брюк с бахромой вдоль боковых швов паспорт. Полицейский резко вырвал паспорт из его рук и несколько раз метнул взгляд то на фотографию, то на владельца документов.

— Конрад Хоппер 1951 года рождения?

— Да, я, — вяло ответил тот, презрительно глядя на человека с пистолетом.

— Обыскать их! — скомандовал коп нескольким своим подручным. — Всем руки на капот!

Металист, парень в косухе и человек с темно-русыми волосами мгновенно выполнили приказ. Водитель «Форда» не шевельнулся. Его суровое загорелое лицо было словно высечено из гранита — на нем не дрогнула ни одна мышца, ни одна складка не изменила своей глубины.

— У Вас плохо со слухом, мистер Хоппер? Руки на капот!

— А у Вас есть на это основания? — строго спросил Конрад Хоппер. — Где Ваш ордер на обыск?

Страйкер приблизил дуло пистолета к его лицу, но Конрад даже не вздрогнул. Его пронзительные карие глаза намертво впились в фараона, и тот почему-то почувствовал тревогу. К его счастью, двое полицейских заломили Хопперу руки за спину. Водителя «Форда» и троих его спутников обыскали.

— У него пакет! — крикнул один из копов Кертису Страйкеру, держа за ворот косухи парня с грязными волосами. — Похоже, «марки»!

— Конрад! — испуганно закричал панк. — Это не мое! Меня подставили!

Но Конрад не посчитал нужным даже повернуть голову в его сторону.

— Никогда не направляй оружие туда, куда не собираешься стрелять, — нравоучительно протянул он, вновь взглянув в глаза Страйкеру. — Служивый обязан знать, и то, как учат таких дураков. По «красному кодексу».

— Черт с вами — уезжайте, но ваш дружок поедет с нами! — махнул рукой Кертис Страйкер, швырнув паспорт обратно Хопперу. Тот спокойно положил его обратно в карман и молча сел за руль. Лысый металлист и мужчина с русыми, зачесанными наверх волосами, сели сзади.

— Меня подставили! — продолжал кричать вслед парень в косухе. — Выручите меня! Я не виноват! Прошу тебя, Конрад!

Никто более не слушал его. «Конрад Хоппер», как он назвал себя сегодня, завел машину и уверенно нажал на газ.

— Именно из-за таких обкуренных недоносков прогорает добрая половина идеологических подпольных организаций, — заговорил он со своими спутниками низким хриплым голосом. — Я знал, что он этим кончит. А нам теперь нужно уходить под землю и не высовываться оттуда без надобности. В городе стало слишком шумно.

— И что теперь будет с ним? — спросил русский.

— Если люди из АЧК ему помогут, что само по себе маловероятно, то этот вонючий сопляк будет вынужден драить их ботинки до конца своих дней. А так сгниет в тюрьме, когда всплывут все его «заслуги». Но какое нам теперь до этого дело? Надо было голову включать раньше.

Русый несколько минут помолчал. Его обескуражили такие слова «Конрада» об их арестованном товарище.

— Ума не приложу: кому понадобилось подставлять его? Кто мог подкинуть ему «марки»?

— Это сделал я.

Глаза русого расширились, у него на мгновение перехватило дыхание.

— Кэно! — вскрикнул он на весь салон. — Зачем?!

Кэно зловеще улыбнулся, обнажив ровные желтоватые зубы, и рассмеялся.

— И это говорит мне один из самых грязных ублюдков в клане «Черный дракон», как он сам себя именует! У меня устойчивый рвотный рефлекс на неудачников, Кибрал. Что до этого пацана, так тебе-то чего париться? Может, он хоть после этого человеком станет... Научится ценить свободу...

Кибрал перебивал в ужасе и недоумении:

— Ты считал его ни на что не способным?

Кэно насупил брови и достал сигару.

— Он с первого его дня на базе меня бесит! — закуривая, отвечал он. — Мне нужны безжалостные убийцы, смело шагающие к своей цели по трупам неудачников и слабаков. Они должны быть готовы сдохнуть за нашу идею. А этот? Он ничего не умел, кроме как материться и пьянствовать, просто по молодости воевать, как всем пацанам, захотелось. Думаешь, у него была высокая цель? Он не анархист и никогда им не был, просто устал ночевать под мостами, выдернул что-то красивое из песен, которые слушал, гоня на краденых мотоциклах, и придумал, под чьей защитой сныкаться от тех, кому когда-то перешел дорогу. У него была свобода и выбор: кто готов ради цели ломать себя, остается с нами. Нет — уходи. А хотеть свободы и защиты и ни хера не вкладываться — за это надо наказывать.

Кэно вынул из заднего кармана поддельный паспорт, поджег зажигалкой его страницы и выкинул в окно.

— А я вот все хотел спросить: Кэно — твоя истинная фамилия? — решил поинтересоваться Кибрал, чтобы сменить тему. Он как относительно новый человек в клане был в шаге от того, чтобы начать опасаться точно так же быть наказанным за то, что недостаточно «ломал себя».

Брови лидера анархистов гневно сдвинулись к переносице, и Кибрал вздрогнул, увидев его холодный пронизывающий насквозь взгляд в зеркале заднего вида. Этот тяжелый взгляд давал понять, насколько дерзкий вопрос он задал.

— Это закрытая информация, — сурово заявил Кэно.

— Кстати, как будем решать проблему с «Красными драконами»? — спросил металлист, приглаживая художественно выбритую бороду. Случившееся с панком ничуть не задело и не удивило его. Казалось, он даже приветствовал поступок Кэно — убежденный, что свободы не может быть без личной ответственности. Запрокинув голову назад, Кэно выдохнул дым и прорычал сквозь зубы:

— Забей, Картер. Мы поговорим об этом вечером. Я хочу спать.

* * *

Кэно, как это было привычно для него, проснулся с наступлением темноты. Можно было сказать, что он вел ночной образ жизни. Часто ему вполне хватало пары-тройки часов сна в день, но этот человек терпеть не мог, когда кто-то смел тревожить его сон. Его глаза мгновенно привыкли к темноте, он встал с разложенного дивана, на котором заснул не раздеваясь. Кэно протяжно зевнул, у него начинала болеть голова. Накануне он провел без сна три дня. Все из-за проклятых «Красных драконов». Прошлой ночью он столкнулся с ними лицом к лицу, но они ушли. Ушли в тот момент, когда он уже готовился вцепиться их лучшему наемнику в глотку. Но и этому шустрому малому удалось смыться. И что за наемник? Какой-то смуглый худощавый тип в плаще и со шпагой! В каком веке они его откопали? Еще и вызывающе говорил: «Мы еще встретимся. Мы будем драться, Кэно. Мы будем драться!» — когда уносил ноги. Пафоса в этих словах было больше, чем весит сам лучший воин «Красных драконов»! Кэно уже не видел никакой логики в их действиях. Анархист просто хотел стереть их всех в порошок, чтобы более не засорять себе мозги этой проблемой.

Кэно собрал диван в своем личном кабинете с красными стенами, украшенными черными флагами и искусно изготовленными ножами. Он сел в высокое кресло, накрытое потертой шкурой койота, во главе огромного стола и, сгорбив спину, достал из верхнего ящика бутылку виски и бокал. Даже сейчас, в удрученном состоянии, этот человек производил впечатление лидера. Он был достаточно высоким, широкоплечим мужчиной крепкого сложения. Кожа у него была не смуглая, но весьма загорелая и обветренная. Его темная борода, красиво очерчивающая мужественное лицо с тонкими губами, острым носом, грубыми скулами и глубокой впадиной между бровей, имела достаточно опрятный вид. У него были светло-карие, почти желтые глаза, в которых всегда таилась задумчивость и грусть. Его нельзя было воспринимать однозначно: с одной стороны, это был гордый, бывалый воин, молчаливый и бессердечный убийца, чье тело покрывали многочисленные шрамы. Но его суровое, злое лицо давало понять другое: на этом лице будто стояла печать пережитых бедствий и лишений. Да, это был гордый, но мрачный образ бунтаря, скитальца, человека, годами упорно идущего против ветра, непокорного судьбе. Хотя зачастую такие, как Кэно, уже не способны жить без встречного ветра.

Пока главарь в задумчивости выпивал, в кабинете перед ним заняли места за столом семь анархистов, среди которых были Кибрал и Джефф Картер. По правую руку от Кэно, как всегда, сидел Джарек. Лучший друг лидера клана выглядел старше своих лет. Виной тому главным образом были большие залысины, из-за которых он зачесывал свои крайне редкие, слегка кудрявые волосы вперед. Седеть он начал очень рано, когда ему еще не было двадцати, а сейчас его голова будто была осыпана пеплом. Сдвинутые к переносице брови, легкая ухмылка и прищуренные глаза Джарека всегда носили выражение хитрости и коварства, и выражение это ярко дополняла его борода и небольшие бакенбарды. Все его тело покрывали черно-белые татуировки самого разного плана: начиная от символа анархии и герба «Черных драконов» на запястьях и заканчивая монстром Эдди с обложек альбомов «Iron Maiden», оседлавшим сверкающий хромом «Харлей-Дэвидсон», на спине. Джарек очень много курил, и притом с юности, потому у него был неприятный осипший голос.

— Есть новости? — сухо спросил Кэно.

Джарек положил руки на стол и начал говорить:

— Взрыв в центре города. Эксперты говорят об анархизме — свидетели заявили, что смертник орал: «За свободу!». Естественно, теракт списали на нас. Этим уродам-то нет дела до того, что у нас совсем иная философия. «За свободу» — значит «Черный дракон»! И на хер еще мозги сушить?

— Это мы без тебя знаем, — прервал его Кэно. — Давай по существу.

— По существу? — Джарек горестно улыбнулся, и в его верхней челюсти сверкнуло два золотых зуба. — По-моему, далее все очевидно. «Красный дракон». Больше никому. Очередная попытка подставить нас.

— У нас совсем другой почерк! — гневно воскликнул Картер. — Кого они могут подставить этим?

— Все просто... — проговорил Кэно, глядя в одну точку, будто разговаривая с самим собой. — Все просто... Ведь это так выгодно — смешать наш идеологически заданный, революционный терроризм с этим дешевым зрелищем, лишенным каких-либо целей и убеждений. Тогда все — суки! — будут считать нас кончеными психопатами, быдлом, которое тупо убивает, потому что нравится, а не потому, что пытается достучаться до «правых» сволочей, которые — мать их за ногу! — находятся под защитой государства. А на нас государству насрать! Оно нас по-прежнему не слышит.

— А что «Красные драконы»? — неуверенно спросил Кибрал.

— «А что «Красные драконы»? — презрительно передразнил его Кэно. — У них под контролем деньги, наркотики, проституция. Им нужна власть и нажива, нажива и власть... А мы восстали против любого доминирования, и особенно против их господства. Эти же кретины назначили огромное вознаграждение за голову каждого из нас. Сначала они просто ненавидели нас, как ренегатов, предавших их клан и их гребаный кодекс чести. При этом никто не знал об их существовании, они жили себе припеваючи, пока я не заставил их выйти из тени. Какой же я негодяй, черт побери! — Кэно улыбнулся иронично-горестной улыбкой, глядя на дно бокала из-под виски.

— И теперь они точно не успокоятся, пока не уничтожат нас? — малодушно возмутился Кибрал. — Прекрасно. Живем под перекрестным огнем!

Кэно резко поднял голову. Тяжелый взгляд главаря, будто холодный клинок, смазанный нервнопаралитическим ядом, пронзил Кибрала.

— Нам не станет легче от твоего нытья, размазня! Однажды мы изрядно ослабили «Красных драконов» — тебе повезло не знать, какой ценой. Мы пробовали идти к своей цели, игнорируя их. Это невозможно — они, как сиамские близнецы, сращены с властью. Угроза власти — угроза их бизнесам, угроза им — угроза безопасности власти. Странно в современном мире этого не знать! Это смертельная битва! Не существует других вариантов — ни для них, ни для нас.

— Давайте поговорим о планах действия, — спокойно предложил Картер, перебирая пальцем деревянные четки.

— Первая здравая мысль за сегодня, — саркастично бросил Кэно.

— Мы — лидеры семи условных подразделений, и любой из нас скажет, что на данный момент людей в клане недостаточно, чтобы атаковать «Красных драконов», — начал рассуждать Джарек. — к тому же, точные координаты их базы неизвестны до сих пор, как и имя лидера, верно?

— Это так, — Кэно задумался. — Наш человек — Бес — следит за ними уже около полугода, и вчера он прислал вот это. Всем известно, что это значит?

На листке бумаги, который лидер положил на стол, был изображен скорпион, мечеть и три девятки.

— Маркировка афганского героина? — спросил в недоумении Картер.

— На Афганистан приходится до девяноста процентов всего производимого в мире героина, — устало отвечал лидер. — Если мы хотим хорошенько насолить «Красным драконам» — а именно оставить их с голым задом накануне выборов в Сенат, чтобы они хрен кому были нужны — необходимо перекрыть их канал поставки. Кроме того, возможно, удастся выйти на их главаря. Кто умеет хорошо читать карты?

Джарек отвернулся. Это была явно не его стихия. Кэно задумался, с горечью глядя в одну точку.

— Кого сейчас добровольно потянет в Афганистан? — мрачно изрек Кибрал.

— Малой прав, — Джарек удрученно опустил голову. — Там сейчас ад. Риск велик.

— Да ладно тебе, старина! — Кэно похлопал его по плечу. — Поедем, постреляем. Молодость вспомним!

— Вот только медаль за отвагу тебе не дадут! — огрызнулся Джарек. — Хотя я не прочь вспомнить былое. Я всегда вспоминаю свою службу в армии с удовольствием.

— На территории США нам ловить нечего, — продолжал Кэно. — Чтобы выйти на заказчиков, придется совершить рейд в Афганистан. Может, я рискую потерять там лучших из лучших, но в таком опасном деле мне могут содействовать лишь те, кому я полностью доверяю. Призрак, — обратился он к байкеру в косухе с множеством значков участника разнообразных мотофестивалей и черной бандане с языками пламени, — свяжись с Бесом. Пусть на месте достанет нам оружие, а то ехать туда с оружием проблематично. И еще: наведи справки о том, когда и куда именно будет в ближайшее время доставлена эта партия героина... Ну, в общем, ты понял. Что с картами?

— Я готов этим заняться, — спокойно сказал Кибрал. — Когда будут более точные координаты, я достану планы местности.

— Хорошо. Джарек, без тебя никак. Нам нужна твоя интуиция и твое умение чувствовать опасность. Призрак, когда поговоришь с Бесом, сообщи мне. Кто, как не ты, может совладать с управлением чего угодно в боевых условиях. Если нам немного

переодеться и отпустить бороды, нас сочтут за местных. Все остальные пока свободны. Или кому-то что-то не нравится?

— Не очень хочется рисковать жизнью, — грустно пошептал Кибрал.

— Ха! Никому не хочется! Но мы-то знаем, за что рискуем.

Кибрал не стал перечить.

* * *

В ясный жаркий полдень группа американских анархистов, переодетых в пуштунов, подошла к небольшому афганскому горному поселку — к забытой богом дыре под Файзабадом. Их путь в провинцию Бадахшан выдался длинным и выматывающим. Пересечь океан на судне старых друзей — южноамериканских пиратов, встретиться с их братьями по ремеслу из Китая, добраться до земли на старинного вида джонках с рыжеватыми парусами из бамбуковых рей и циновок, скрытно петлять на всем, что подвернется под руку и может ехать, по второстепенным дорогам Китая, пробивать себе путь подкупам и угрозами, и теми же средствами в итоге договориться о нелегальном пересечении границы... Последний рывок проходил по извилистому бездорожью, обступленному головокружительно высокими горами, через Ваханский коридор. Призраком, задачей которого было вытащить товарищей после рейда, остался на китайской стороне, чему можно было позавидовать в долгом походе с рюкзаками весом под семьдесят фунтов. И теперь, добравшись до подножия горного поселка, мужчины были рады перевести дух.

Усталые, заросшие, потемневшие от пота и пыли путники без проблем сливались с местным пуштунским населением. Картер был в сером свитере и штанах песочного цвета. Кибрал надел серую рубашку, жилет и светло-зеленый тюрбан, а его плечи и шею покрывал пыльный бело-серый шарф шемах. Картер и Джарек предпочли афганские береты паколи, оказавшиеся весьма кстати в дотошную жару. Джарек был в серо-коричневой рубашке и таких же штанах, с черно-серым шемахом на плечах. На главаре была длинная темно-синяя рубашка, поверх которой Кэно надел черный жилет. Темные очки-авиаторы скрывали то, что было в его глазах. На плечах у Кэно и Джарека — суровых бывалых мужчин, сильно загорелых, с густыми темными бородами — были нагруженные походные рюкзаки. Кэно постоянно держал руку на рукояти ножа, висевшего рядом с флягой воды на армейском ремне, подпоясывающем его черные штаны. Мужчины остановились около извилистой пыльной дороги, бегущей у подножия исполинских охристых гор с полосатыми и пестрыми снежными шапками.

— Бес встретит нас на руинах древней крепости, — сообщил Картер. — Это в гору, на плато, через поселок, а потом снова подняться. От аула до крепости дороги никакой, крутые скалы, но зато в эту глушь никто не сунется.

— Надеюсь, — хрипло ответил Кэно и харкнул в сторону. — Надо будет сделать привал, а потом до крепости.

На дороге показался силуэт невысокого афганца. Анархисты насторожились. Странник уверенно шел к ним навстречу. Афганец не был вооружен. Кэно направился к нему. Джарек, Картер и Кибрал видели, что странник протягивал главарю какой-то листок бумаги и что-то объяснял на своем языке. Кэно ничего не отвечал, потом забрал листок и кивнул афганцу. Странник удалился.

— Что он говорил? — закричал Кибрал.

Кэно снял очки и рукавом отер с лица пот.

— Сказал, что если мы отдадим эту бумажку некому Ахмеду Тараки, то нас отблагодарят. Объяснил, как найти этого Ахмеда. В прочем, я думаю, что не стоит этого делать...

— Что хоть в письме написано? — спросил Джарек.

— Я могу только говорить на их языке, читать или писать — нет.

— И что мы здесь будем делать? — нервно и с долей ехидства спросил Кибрал. — Думаешь, все так и побегут нам навстречу лишь потому, что мы похожи на моджахедов, а на их языке знаем только: «Аллах акбар»?!

Кулак Кэно прошел в двух сантиметрах от лица Кибрала, тот оступись и упал. С сухой земли клубами поднялась бурая пыль. Прожигающий тяжелый взгляд Кэно был полон неудержимого гнева — он не выносил, когда кто-то начинал лезть не в свое дело, считая себя умнее всех.

— А если серьезно, — вмешался Картер, — то зачем ты с ним так? Он же еще салага...

Кэно метнул на него гневный взгляд и молча надел темные очки.

— Будете учить меня жить — уничтожу и глазом не моргну, — черство произнес он и обернулся в сторону Кибрала: — Не по делу прикуси язык, пока он у тебя есть, а то порядки в этой стране, знаешь ли, жесткие.

Кибрал с усилием сглотнул комок, подступивший к горлу, и неуклюже поднялся с земли.

— А почему ты сказал, что не стоит этого делать? — осведомился он насчет поручения афганца. — Отнести кому-то бумажку за бакшиш — неплохая авантюра. Сотка-другая афганей разве лишняя?

— Расчлененку в ящике подбросить товарищам — тоже бакшиш, — бросил в ответ Кэно. — Могут и убить «гонца», который принес плохую весть.

— А ты уверен, что это плохая весть?

— Тогда почему он сам не передал письмо Ахмеду Тараки? Зачем ему посредники?

Кибрал вырвал письмо из рук главаря.

— Что ж, тогда я пойду один! Расскажи, где найти этого... как его там?

— Один ты не пойдешь, — сухо сказал Кэно и махнул Кибралу рукой, призывая его идти следом. Тот молча пошел за ним к поселению, маячившему впереди. — Джарек, Картер, отдохните пока, что ли. Если что — встретимся уже за поселком. Хода хафез!

— Что-то мне не по себе, — настороженно произнес Джарек, глядя товарищам вслед.

— В каком смысле? — отозвался Картер. Джарек потер рукой вспотевший лоб, тряхнул головой и, глядя в землю, ответил:

— Чую: с ними случится какая-то херня! Плохо дело...

— Так чего ж не сказал им об этом?

Джарек тягостно вздохнул:

— Как будто ты не знаешь нашего вожака! Он-то сказал, что ему нужна моя интуиция, мое чувство опасности, а на самом деле все оно собаке под хвост — Кэно никогда меня не слушает!

— Не слушал — не говорил бы. Кэно словами не бросается.

— Словами-то он — чтоб меня! — не бросается, да только к сведенью хрен что принимает!

Джефф горестно поднял брови, глядя вдаль. Он окончательно потерял Кэно и Кибрала из виду.

— Да ты, Джарек, сам знаешь, почему так. Он не хочет ничего менять — типа, это все судьба...

— Я знаю, и знаю лучше всех, но не могу этого понять — что его судьба его всегда устраивает! — Джарек ударил себя по лбу.

— Да ты ж заешь его! — попытался обнадежить товарища Картер. — Он выбирался из таких передрыг, что все охреневали! Всегда! Хотя врать не буду — зря ты ничего ему не сказал.

— Да черт со мной! — обреченно махнул рукой Джарек. — И вправду: будь, что будет! Хотя, конечно, херово на душе.

Солнце стояло в зените, и зной становился беспощадным. Кэно уверенно поднимался в гору, где располагалось поселение пуштунов. Кибрал тщетно пытался поспеть за ним.

— И что он за человек?! Любая херь ему ни по чем! — с завистью сетовал он на главаря, то и дело поправляя тюрбан, постоянно падающий на глаза.

Кибрал рванул вперед быстрее, но, истратив остаток сил, остановился, вогнав в землю пальцы. Его мышцы болели от усталости, слабые руки дрожали, а большая часть подъема была еще впереди. Кибрал еще немного подтянулся вверх, но силы были совсем на исходе. Его пальцы соскользнули с камня, он дико вскрикнул, но не сорвался. Кэно обернулся. Кибрал всем телом припал к выступу скалы, беспокойно дыша, по его потному лицу стекла слеза.

— Вставай и иди дальше! — прикрикнул на него Кэно. — Тебя не этому учили! Докажи, что у тебя есть яйца!

— Кэно, я ногу вывихнул! — простонал Кибрал.

— Тебе рассказать, сколько у меня было ранений за всю жизнь?! И я шел вперед, если надо было идти! Кончай скулить! Нет, я, конечно же, не заставляю тебя: не хочешь идти — оставайся здесь. Но в таком случае ты и до сегодняшнего вечера не доживешь!

Кибрал пополз по скале вверх, но делал это медленнее и гораздо осторожнее. Он кусал губы, чтобы не стонать, но дышал очень громко и хрипло. Кэно уже был на плато и присел у скалы в тени редких колючих кустарников, чтобы укрыться от солнца и горячего ветра и дожидаться непутевого подручного.

— Салага! — думал он, пряча в карман жилета темные очки. — Совершенно не приспособлен к настоящей войне! И при этом считает себя одним из лучших бойцов клана! Какая самоуверенность!

Сперва анархист возлагал надежды на этого парня, считая, что его небывалая уверенность в собственных силах поможет ему приобрести отменные навыки и статус в клане. К сожалению, эта вера в себя переросла в манию величия, и теперь Кэно был уверен в том, что Кибрал плохо кончит. И перед гибелью этот пижон тысячу раз раскается в том, что не принимал чужих советов.

— Хранит тебя Аллах! Куда держишь путь, странник?

Кэно резко обернулся и увидел стоящего рядом пуштуна с густой седеющей бородой и кажущегося особенно смуглым в белом тюрбане.

— Кто ты? — спросил анархист на языке дари. — Чего ты хочешь от меня?

— Мое имя Мухаммед, а кто ты?

Тем временем момент Кибрал все же выкарабкался на плато и неуклюже доковылял до скалы, у которой сидел Кэно. Главарь кулаком показал ему, что нужно молчать. Кибрал покорно поднял руки и нерешительно присел рядом. Он почувствовал, как пристальный взгляд афганца внимательно изучает его, и в этом взгляде отчетливо читалось недоверие. Глаза Кибрала нервно забегали. К счастью для парня, пуштун вновь взглянул на Кэно и приветливо улыбнулся.

— Мы ищем Ахмеда Тараки, — достаточно уверенно отвечал Кэно. — У нас послание для него.

Афганец заулыбался, кивая головой.

— Я проведу вас к нему, идем за мной, — пригласил его Мухаммед.

Кэно повернулся к Кибралу и шепнул:

— Он приведет нас к Ахмеду. Отдай ему бумажку и более не рыпайся. Усек, о чем я?

Кибрал кивнул и покорно последовал за Кэно. Аул, в который они вошли, представлял собой убогое зрелище. Низкие глинобитные и каменные дома располагались близко друг к другу. Около серо-желтых дувалов ошметинились остатки высохшей и вытоптанной растительности. На окнах с грязными стеклами и дверях краска потрескалась и облупилась, стены покрывал слой коричневой пыли и грязи. Люди ходили в нестиранной одежде, мужчины везде носили с собой оружие, детей было видно редко, еще реже — женщин, закутанных с ног до головы в плотные длинные одежды. Старые афганцы в полдень предпочитали оставаться дома, но и среди них многие готовы были взять оружие, завидев чужаков, которым, возможно, придется дать отпор. Было в округе несколько сгоревших и даже разрушенных подчистую взрывами кишлаков. Руины этих построек были засыпаны землей и камнями, отколовшимися от скал, а под дувалами стояли строем грубые деревянные гробы. Именно гробы сейчас становились ходовым товаром, и местные дукандоры не испытывали муки совести, зарабатывая на смерти.

Мухаммед провел анархистов мимо коричнево-серого глинобитного дувала к выложенным из камня стенам того, что когда-то было постройкой. Разбитый кишлак на окраине поселка выглядел необитаемым. Не было ни дверей, ни куполообразной крыши, ни окон — только дыры в серо-коричневых покосившихся стенах. Обойдя гору пыльных битых камней и досок у стены, анархисты прошли внутрь постройки. Там на выцветших и затертых до дыр топчанах и коврах, беспорядочно кинутых на землю, сидели около пятнадцати душманов. Смуглые, с усами или бородами, с гневом в жгучих черных глазах — это были настоящие бесстрашные и безжалостные люди войны. Несмотря на жару, многие были одеты не только в свободные штаны и рубашки, а и в жилеты, свитера или армейские куртки, и в помещении оставались в шемахах, тюрбанах или афганских шерстяных двухуровневых беретах. Абсолютно у всех было оружие, хотя некоторые положили его на землю, держа в руках глиняные миски с ароматным жирным бульоном и тонкие лепешки чапати и неспешно приступая к трапезе. Кэно поприветствовал местных, и те попросили его пообедать с ними. Террорист поблагодарил за приглашение и присел на свободное место на грязно-сером дырявом ковре, Кибрал остался стоять. Молодой афганец с редкими усами принес из смежного помещения, где располагался закопченный кувшинообразный тандыр, пышущий жаром, еще одну миску супа с парой теплых чапати и протянул ее Кэно.

— Зачем прибыли сюда, странники? — спросил афганец средних лет в сером тюрбане.

— Нам нужно видеть Ахмеда Тараки, — сказал Кэно.

— Что ж, это я, — ответил моджахед.

— Есть послание для тебя, — объявил Кэно и кивком подал Кибралу знак. Подручный протянул листок бумаги Ахмеду. Пуштун несколько раз нервно перечитал письмо, после чего гневно скомкал лист в руке и, что-то грозно выкрикивая, схватил автомат.

Кибрал стоял в стороне и молча слушал Ахмеда, не понимая ни слова. Чернобородый, смуглый афганец в сером тюрбане метнул на него холодный взгляд светло-серых, пронзительных ясных глаз — его взгляд вводил в оцепенение и пугал. Кибрал, будто в бегстве от него, вглядывался в лица других душманов и ловил себя на том, что все они смотрят на него как-то особенно внимательно, будто подозревают его в каком-то страшном преступлении. Кибрал устало переступил с ноги на ногу, его свободная афганская рубашка на груди прилипла к его телу, на ткани проступили пятна пота. Только теперь он понял, какую ужасную ошибку совершил, согласившись на это дельце. Молодой афганец кинул на пол приготовленную для Кибрала миску супа и, схватив парня за воротник, придушил его, прижимая к стене. Хрипло задыхаясь, Кибрал пытался высвободиться, но афганец ударил его ребром кулака в солнечное сплетение, парень согнулся и заскулил от боли. Душман в сером тюрбане встал с засаленного топчана и подошел к Кибралу вплотную, засунул дуло автомата ему в рот и выстрелил короткой очередью. Стена покрылась потеками крови, мозга и мелкими осколками костей, обезглавленное тело мягко осело на пол. Ахмед пнул труп Кибрала ногой и, резко обернувшись, схватил Кэно за горло.

— Они вместе принесли это! — гневно выкрикнул он, держа у виска Кэно автомат. — Значит, придется убить и его!

Кэно с трудом сглотнул вязкую слюну, чувствуя, как кровь стучала в виски. Он схватил руки моджахеда и со всей силы нанес ему удар ногой в живот, тот скорчился от боли, скаля сверкающие зубы, и выронил автомат. Ахмед вынужден был отпустить Кэно, но остальные духи уже держали наготове оружие, собираясь расправиться с врагом.

— Я требую права! — крикнул Кэно.

— Права? Хочешь сразиться с лучшим нашим бойцом не на жизнь, а на смерть, — твердо, но со злобой переспросил Мухаммед. — Так?

— Мы действительно пришли вместе, — заговорил Кэно, указывая на труп Кибрала, — но принес плохую весть и вручил ее вам именно он! Но если уж вы хотите моей смерти, то пусть лучше тот, кто выше, решает: жить мне или нет!

Последняя фраза, казалось, остудила пыл правоверных, они опустили автоматы. Ахмед встретился взглядом с Кэно. В глазах анархиста будто горел огонь — так болезненно было долго смотреть в эти глаза. Душман знал этот взгляд. Взгляд, будто у орла, исподлобья, всегда наполненный жестокостью, решимостью, гордостью и даже прорицанием.

— Что ты решил, Ахмед? — спросил его Мухаммед.

Тараки отвел ясные серые глаза. Он крепко задумался, подперев голову кулаком.

— Что ж, раз так, дадим тебе шанс, — заговорил Ахмед, не повышая голоса. — Пусть решит тот, кто выше. Проверим, нужен ты Аллаху или нет.

— Как? — несколько настороженно, но холодно спросил Кэно. Его глаза ни на миг не оставляли Ахмеда, и афганец пытался всячески уйти от этого взгляда, который, казалось, вот-вот испепелит его, и его прах развеет жаркий ветер.

— Выбирай свою участь: или смерть, или победы в кулачном бою семерых — и будь свободен.

— Жребий брошен! Я дерусь! — гордо заявил Кэно. — Только сначала я доем суп.

— Ешь, — спокойно разрешил Мухаммед. — Ешь. Может, в последний раз — одному Аллаху известно.

Кэно взял миску бараньего бульона с обилием специй и за пару секунд осушил ее, а следом за два укуса сжевал пресные лепешки, одной из которых перед этим вытер бороду, как салфеткой. Он подошел к труп Кибрала, взял его окровавленный тюрбан, разорвал ткань на две части и плотно перемотал ею руки. Он хотел немного размяться перед боем, но Ахмед цепко схватил его за плечо.

— Эй, это честный бой! — крикнул предводитель духов. — Отдай нож.

Кэно снял с пояса футляр с ножом. Он хотел положить его в рюкзак, но Тараки остановил его.

— Нож будет у меня! — сурово произнес афганец, выхватив оружие из его рук.

Кэно неаккуратно бросил рюкзак в сторону. Ахмед прошел сквозь ряды душманов, отобрал семь бойцов для поединка, выстроил их в очередь и попросил первого приготовиться. Кэно немного согнул ноги в коленях, выставил правую руку вперед, а левую сжал в кулак. Он медленно пошел вперед, глядя на соперника глазами, пылающим жадой свободы. Моджахед неспешно отошел назад, будто спасаясь бегством от тяжелого взгляда террориста. Светло-карие глаза Кэно сверкнули — противник вскрикнул от боли, ощутив резкий удар в солнечное сплетение. У него сорвалось дыхание, сердце будто оцепенело. Когда темнота в глазах немного рассеялась, афганец понял, что от боли он упал на колени и все еще не нашел сил, чтобы подняться. Кэно ждал, медленно двигаясь вокруг соперника. Душман встал и сжал кулаки. Кэно отошел назад и замер, выставив левую руку вперед. Как только враг приблизился к нему, чтобы нанести удар кулаком справа, он сложил ладони и рубящим движением сверху вниз переломил противнику шею. Кэно выпрямился, сложив руки за спиной.

— Ловко! — засмеялся Ахмед. — Неплохое начало.

Он дал знак следующему духу вступить в бой. Кэно стоял, сложив руки за спиной и свысока глядя на противника. Афганец поприветствовал его, как по законам честного боя. Кэно едва заметно кивнул и тут же в прыжке ногой с разворота ударил противника в челюсть. Душман, упав на землю, потянулся дрожащей рукой за слетевшим с головы тюрбаном, пытаясь отереть им со рта кровавую пену. Выплюнув несколько выбитых зубов, он встал и начал медленно обходить Кэно, пристально следя за соперником и силясь предугадать его движения. Кэно секущим поперечным ударом попытался свалить его с ног, но соперник не только заблокировал удар, но и смог дать ему ногой в правое предплечье. Кэно отвел правую руку назад, афганец осторожно переступал вокруг него, выбирая момент. Он предпринял попытку нанести хук слева, но Кэно перехватил его руку, с хрустом вывихнув ее. Тут же выставленными вперед вторыми фалангами пальцев ушибленной правой руки он так сильно врезал противнику в плоть справа под челюстью, что вызвал у него мгновенную остановку дыхания и сердца. Ахмед приказал убрать мертвое тело и

вызвал на поединок следующего бойца. Кэно решил не жать. Он стал на одно колено, ударил кулаком в землю и резко, неожиданно с разворота сделал ногой подсечку. Его соперник ловко вскочил с земли и, увернувшись от его удара, прыжком оказался сзади него. Но атаковать анархиста ему не удалось: Кэно пробивающим ударом назад локтем поразил его в печень. Лицо душмана побледнело, из груди вырвался хриплый протяжный стон. Опомнившись от боли, он прыжком оказался возле Кэно и начал наносить множество ударов кулаками. Все они приходились по плечам и предплечьям, в то время как резкие рубящие удары Кэно заставляли его чувствовать тупую давящую боль в шее, груди, животе. Однако он смог выбрать момент, чтобы наотмашь садануть врага кулаком по лицу. Реакция Кэно была моментальной: резким движением он заблокировал удар, а ладонью второй руки двинул снизу вверх противника в челюсть — и тот, запрокинув голову, упал навзничь. Афганец раскинул руки, тяжело дыша.

— Считать до десяти? — ехидно спросил Кэно.

Ахмед молча указал двумя пальцами на четвертого бойца. Кэно сжал кулаки. Невыносимый зной и жажда начинали забирать силы. Четвертый бой, только четвертый. Не пройдено и половины пути к свободе.

— За свободу! — прорычал он по-английски, кровожадные глаза впились в соперника. — Никто не сможет отнять ее у меня!

Он бросился вперед и в прыжке ударил бойца ногой в грудь. Несколько его ребер хрустнуло. Кэно продолжал атаку: он схватил противника за горло и прижал к стене.

— Ты не одолел меня. Ты лишь выбрал момент... — прохрипел, задыхаясь, душман.

— Конечно! Я просто оступися и чуть было не размазал тебя по стенке! Да?

Кэно сжал пальцы сильнее, к лицу врага прилила кровь.

— Прикончи его! — крикнул Ахмед почему-то по-английски.

— Откуда он знает? Может, выучил английский, общаясь с «дикими гусями»? — отчаянно думал Кэно. — Значит, они понимают все, что я говорю. Может, знал и тот, кто вручил письмо? Он знал, что мы не сможем прочесть, что мы не знаем обычаев, что мы поведемся... Не заманил ли он нас сюда намеренно?

— Чего же ты ждешь?! — закричал Ахмед.

Кэно схватил противника за горло второй рукой и вырвал ему кадык. Он смахнул рукавом с лица пот и грязь и приготовился к следующему поединку.

— Что бы они ни задумали, какую проверку ни устроили бы мне, я вырвусь отсюда! — дал он себе зарок и стал в боевую стойку.

Липкий пот покрывал все его разгоряченное тело, волосы были сильно взъерошены, вымокшая от пота рубашка прилипла к спине. Анархист на секунду закрыл глаза. Пятый бой. Солнце уже движется к горизонту, но жара не спадает, как назло. Ощущение, будто стоишь на горячих углях, и такие же раскаленные угли насыпали тебе в одежду, а с этим еще и нужно драться.

Кэно открыл глаза и понял, что бой уже начался. Боец уже атаковал его, но руки инстинктивно и при том совершенно точно блокировали удары. Он попытался врезать врагу ногой, но промахнулся.

— Промах! — встревожено подумал он. — Я больше не в состоянии рассчитывать силу удара.

Но нужно было действовать. Кэно сделал подсечку и, не давая сопернику подняться, начал наносить удары ногами. Он бил резко и сильно, переступая вокруг

упавшего духа, будто пританцовывая. В основном удары приходились по спине и в живот, но когда он раза три саданул противника по почкам, вмешался Ахмед.

— Достаточно! — крикнул он. — Ты и так довел его до полуобморочного состояния. Пора начинать следующий бой.

— Может, дашь передохнуть? — как бы невзначай спросил Кэно.

— На том свете отдохнешь! — злобно выкрикнул Мухаммед.

Шестой поединок давался с трудом, в мышцах уже чувствовалась боль, а внутренности словно горели. Кэно огрел противника наотмашь кулаком по лицу, разбив ему скулу — на чужой щеке остался кровавый след. Боец пытался нанести ответный удар, но Кэно вцепился ему в глотку. Афганец сделал то же самое. Мужчины повалили друг друга на землю. Кэно почувствовал, что душман крепко придушил его: воздуха не хватало, у него потемнело в глазах, изо рта пошла пена.

— Вот тебе свобода! — прошипел моджахед на английском с сильным акцентом.

Анархист двумя руками схватил руку противника, выкручивая ее. Он не слышал чужого крика боли, он только запрокинул голову назад, закрыл глаза и стал отчаянно хватать ртом воздух. Его начинало тошнить от резкого запаха чужого и собственного пота. Встав на ноги, он немного отошел. Когда его противник поднялся, Кэно сзади обхватил рукой его шею, а ногой переломил хребет. Он устало опустил голову, опершись руками о свои колени, и продолжал сипло дышать, сплевывая липкую слюну.

— Может, сдашься? — ехидно спросил Ахмед — его бесцветные глаза будто излучали холод. — Посмотри на себя — у тебя уже совсем нет сил, ты едва стоишь на ногах...

— Не тебе оценивать мои силы! — огрызнулся Кэно. — Лучше десять раз погибнуть в бою, чем один раз сдаться!

Ахмед дал знак последнему бойцу.

Худощавый, но крепкий душман средних лет замер, выставив сжатые кулаки перед собой. Кэно начал отходить назад решительным твердым шагом.

— Отступаешь? — злорадно усмехнулся Ахмед.

— Увидишь! — черство ответил Кэно.

Он отошел настолько, насколько позволяли размеры помещения. Его резкий взгляд в глаза противнику был подобен выстрелу в сердце. Кэно с разбегу в прыжке обхватил руками колени и, сгруппировавшись, швырнул свое тело вперед. Атака была подобна удару пушечного ядра. Последний из отобранных Ахмедом бойцов лежал на земле без сознания, дыхания не было слышно. Ахмед выкрикнул какую-то брань. Кэно припал спиной к раскаленной солнцем стене, пытаясь немного отдышаться и прийти в себя. Усталость просто валила с ног, во рту пересохло до боли.

— Чистая победа. Я вижу: ты способный боец! — натянуто улыбаясь, заметил Ахмед. — Омар! — крикнул он молодому пуштуну, подававшему еду. — Принеси воды!

Анархисту дали умыться и утолить жажду.

— Что ж, обещания я сдерживаю, — вновь заговорил Ахмед. — Ты хотел свободы, так?

Кэно утвердительно кивнул, поднимая с земли свой рюкзак.

— Что ж, можешь идти, боец.

Он отдал анархисту нож, и Кэно закрепил его на поясе. Взвалив на плечо рюкзак, он направился к выходу. Ахмед догнал его и хлопнул его по плечу.

— Пойдешь прямо по этой дороге, — указал душман на горную тропу, — там будет спуск. Поверь мне, так будет проще. Мухаммед рассказывал, откуда вы пришли. Ступай. Этот путь надежней. Иди. Иди вперед и не оборачивайся.

Кэно взглянул на пыльную дорогу. Впереди за горами уже садилось кровавое солнце. Его товарищи наверняка уже успели отдохнуть и пошли дальше, в направлении крепости. Ему не нужно было идти вниз. Но ведь Ахмед почему-то настоял на этом... Кэно неуверенно сделал шаг вперед, потом второй, еще несколько шагов и остановился. Инстинкт подсказывал, что все это не просто так. Может, нет вовсе никакого спуска, а есть засада? И Ахмед не сдержит своего слова? Иначе почему нельзя оборачиваться?

Кэно резко развернулся — и в этот же момент прозвучал выстрел. Анархист ничком упал на землю, закрыв глаза. Осознав, что больше в него не стреляют, он приподнял голову и узнал серый тюрбан и сверкающую улыбку Тараки. Лидер духов прислонил винтовку к плечу, не убирая пальца со спускового крючка.

— Какого дьявола?! — вставая и отряхивая одежду, закричал Кэно. — И за что я дрался насмерть?!

Ахмед смеялся. Рядом с ним стояли еще несколько моджахедов, с интересом следивших за происходящим. Кэно вспомнил, что слышал свист пули над головой: каких-то жалких два сантиметра, и его рейд был бы завершен раз и навсегда. Этот прохвост — отличный стрелок, и если бы Кэно не обернулся назад в нужный момент, Ахмед легко прикончил бы его.

— Знаешь ли, то, что ты только что сделал, было не очень честно! — разозлено заговорил Кэно. — Я выиграл все поединки, и вы обещали мне свободу, а не пулю в затылок!

Ахмед вновь хитро улыбнулся и бросил винтовку.

— Да не будем мы тебя убивать, будь спокоен, друг! Испытание мое ты прошел! Вижу, тебе известно, когда играть по правилам, а когда их нарушать. Тот, кто так отчаянно сражается за жизнь, действительно достоин жить. Аллах неспроста тебя бережет. Что ж, будь свободен! Ступай своей дорогой!

Кэно плюнул на землю и поспешил уйти, все еще оборачиваясь на довольно улыбающегося Ахмеда Тараки.

— Вот уже черти! — процедил он сквозь зубы.

* * *

Время приближалось к ночи, и пустынная местность, окруженная грозными острыми хребтов, окрашивалась в синие тона. Постоянно несущий пыль высокогорный ветер стал пробирать до костей колючим холодом. Посреди древних, по большей части разбитых и занесенных землей руин горной крепости анархисты развели костер. Картер варил тушенку, принесенную Бесом.

— Не устал воевать здесь? — спрашивал Джарек Беса — высокого человека в афганском берете, коричневом кожаном жилете, камуфляжных штанах и красно-сером свитере. — Езжай с нами в США, здесь тебе ловить нечего.

— Меня Кэно послал пасти «Красных драконов», — твердо отвечал Бес. — И я буду следить за ними столько, сколько надо. Я уже привык мотаться по миру, отслеживая их передвижения, каналы поставки оружия, наркотиков и денег. Шпион есть шпион. Это особый талант.

— Долго что-то нашего вожака нет, — отозвался Джефф Картер, помешивая ножом тушенку. — Я тут скоро слюной захлебнусь!

Джарек проигнорировал слова Джеффа. Он взглянул в глаза Беса, строго глядящие вдаль из-под насупленных бровей. Что-то не давало ему покоя в этих глазах.

— Сдается мне, что ты погибнешь здесь, в горах Афганистана, — проговорил он, не глядя на лицо Беса. Информатор ничего не ответил.

Воцарилась тишина. Все молчали, пребывая в какой-то непонятной им самим тревоге. Джареку показалось, что издали доносится выкрикивающий что-то нараспев голос. Это была не галлюцинация: Картер тоже услышал, как знакомый низкий голос неподалеку напевал песню на дари.

— Кэно? — встрепнулся Картер.

— Да тихо тебе! — прикрикнул Джарек. — Голос-то откуда?

Мелодичные слова местной песни прозвучали особенно громко и, казалось, совсем близко. Джарек встал и осмотрелся: по близости не было никого. Он хотел снова сесть на остатки древней каменной кладки, когда краем глаза заметил, что из-за поворота вышел Кэно в мокрой одежде, с рюкзаком на плечах.

— Салам! — закричал Джарек, встречая его с распростертыми объятьями. — Брат! Где ты шатался все это время?

— Да вот в такую херь ввязались, мать ее! Пришлось дать крюка, до горного озера, надо было помыться. Мелкое и холодное, с-сука! — на последнем слове голос главаря дрогнул — пока приходилось взбираться в гору, он не чувствовал холода, но когда теперь он остановился на продуваемой возвышенности в до сих пор не высохшей одежде, у него не попадал зуб на зуб.

— Мыться без одежды ты не пробовал? — решил пошутить Джефф.

— Местные всегда моются в одежде, — вмешался Бес. — Некоторые принимают душ без верхней одежды, но штанов и рубашки здесь не снимают никогда. Если снимешь одежду, им сразу станет ясно, что ты кафир!

— Спасибо за справку! — недовольно бросил в ответ Джефф.

— А где Кибрал? — с тревогой спросил Джарек.

Кэно опустил голову.

— Кибрал убит. Больше ничего не спрашивай.

Он подошел к костру и сел на разрушенную стену крепости, почти полностью ушедшую в землю. Его лицо было горделивым и вдумчивым, но как только Кэно молча опустил голову на грудь, скрестил руки и погрузился в тревожные мысли, его мужественный покой будто растворился.

— Нам не место здесь, — проговорил он. — Эта страна нас не ждет.

— Из-за письма случилось? — все же спросил Бес. — Мужики в общих чертах поведали.

— Да что уже это меняет? — сухо ответил Кэно.

— Нет, это важная информация. Хотя если бы бумажку мне принесли — я бы прочитал, так было б лучше для всех. Ну, кроме духов. Однако и так можно понять, что им там сообщили и чего они взбесились — шурави придут.

— «Советы»? — переспросил Джарек, осознавая осложнение ситуации. — Так от Файзабада до этой глуши... ты сам говорил, что здесь даже постов царандоя нет!

— И, тем не менее, они как-то прознали, что здесь укрывают душманов, — констатировал Бес. — Хорошо, что мы теперь тоже в курсе — нам-то идти им навстречу. Сарбазы там, — он указал куда-то в сторону перевала по другую сторону

глубокого ущелья, — конечно, так или иначе, сообщат о приближении группы трассерами. Большинство этих «зеленых кепок» — бывшие духи, вот, содействуют своим, как могут. Но иметь время на подготовку — однозначное преимущество.

— Четко и по делу, — удовлетворенно оценил размышления разведчика Кэно. — Я малость отогреюсь — и двинем к твоему оружейнику.

— А как же ужин? — занервничал проголодавшийся Картер. — Мой желудок прилип к позвоночнику и готов переварить сам себя.

— Ну, пока ты будешь занят жратвой, Бес обрисует мне маршрут. Идет?

— Идет! — радостно воскликнул Джефф.

Джарек решил также присоединиться к трапезе. Бес снял шапку и пригладил свои короткие волосы.

— Мы пойдем по этой дороге, — начал объяснять он, указывая на планшет с картой, — до того поворота, потом свернем направо и двадцать шесть километров по хребту. Потом спуск, примерно столько же. Соседний аул — почти такая же задница мира, никаких законов, кроме племенных. Там есть человек по имени Рашид, в дукане возле чайханы. Работает давно, с Китаем и Пакистаном, есть все: от кинжалов и сабель до гранатометов и, если повезет, даже зенитки. Он, конечно, как любой торгаш, заливает и может впарить такую кустарщину, но проверенным людям — никогда. Своим у Рашида на порядок дешевле.

— Это просто отменно, старина! — похвалил его Кэно. — Ты же у него свой, так?

Бес кивнул:

— Шайтан из Пакистана! — хрипло усмехнулся он. — Как-то так сложилось.

— Джефф, долго еще ты будешь жрать?! — крикнул на подручного Кэно.

— Я уже все, — ответил Картер, выкидывая банку из-под тушенки. — Спасибо, Чертяка!

Бес махнул на него рукой и стал собираться.

— Предупреждаю: дорога непростая, жизненно важно смотреть под ноги! — предостерег он товарищей. — Все-таки, и здесь иногда идут боевые действия. Тут один друг мой хороший на днях отдал душу богу — наступил на мину. Все, что от него осталось, можно в пакет собрать. Даже хоронить не стали. Вот как здесь бывает!

— Как же вам повезло, — иронично заговорил Кэно, — что вы не знаете, откуда я сегодня пришел и что пережил! Так что в предупреждениях я не нуждаюсь — я знаю, как здесь бывает.

— Ты о гибели Кибрала? — поинтересовался Джарек.

Кэно потер рукой шею — боль после попытки удушения еще не прошла.

— Не только... — угрюмо ответил он и харкнул в сторону, словно пытался освободиться от боли в гортани.

* * *

Над горными хребтами воинственного Афганистана восходил холодный рассвет. Облака над белыми зубцами гор наполнялись тусклым золотом лучей солнца. Наиболее отдаленные пики казались совершенно прозрачными в первых колких лучах, над ними легкой рваной пеленой слался утренний туман.

— Здесь можно присесть и передохнуть, — остановившись на поросшем кустарниками отшибе, сказал Бес.

— Очень кстати, — тяжело дыша, произнес Джарек. — Ноги не держат.

Ночь, проведенная в пешем походе по хребтам и ущельям, со снаряженными рюкзаками, одновременно жаркая от предельной нагрузки и холодная от вдыхаемого ледяного воздуха, выдалась нелегким испытанием для порядком утомленных долгой дорогой через Ваханский коридор путников.

— И это притом, что жара еще не началась, — заметил Джефф Картер.

— Отставить жалобы! — бросил ему Кэно. — Бес, а что слышно про «Красных драконов»?

— Слышно много чего, но правды мало, — усмехнулся «Шайтан из Пакистана». — Здесь недалеке есть перевал, по нему и должна пройти автоколонна. Один за одним, ленточка — иначе тут и не пойдешь. Наркоту повезут, на Китай. Отвечает за это дело Рахим Ашер. А заказчик... Заказчик некто Пилигрим.

— Жаль, настоящее имя нам не известно, — ответил главарь, бросив около камня рюкзак. — Слышишь, Чертяка, еда у тебя еще осталась?

— Сейчас посмотрю, — Бес пошел за своим рюкзаком, который он неудачно кинул на землю, и теперь он находился среди колючек низкорослого кустарника. На мелких камнях в тени куста застыло что-то пестрое, совершенно слившееся с окружением. Бес протянул руку вперед, балансируя на «живых» камнях. Его пальцы уже коснулись рюкзака, когда живое существо под кустарником, почувствовав присутствие посторонних, нанесло молниеносный удар. Бес закричал. Он упал на камни, пережимая рукой свою правую ногу в области лодыжки. В тени колючек и камней послышалось угрожающее шипение.

— Змея! Змея ударила... А-а-а... — простонал шпион.

— Чего все встали?! — заорал Кэно на подбежавших товарищей. — Джарек, возьми ремень, наложи жгут! Яд разносится кровью! Картер, ты разбираешься, вот и посмотри, что это за тварь!

Джефф никогда не скрывал, что в юности любил читать книги о жизни дикой природы и до сих пор посматривал канал «Discovery». Он не стал ученым, как мечтал в детстве, но кое-какие знания должны были отложиться в памяти. Мужчина пошел рассмотреть змею. Лицо Беса стало мертвенно бледным, он оскалил зубы, корчась от боли. Кэно достал самокрутку и закурил.

— Это гадюка! — крикнул Джефф.

— Ты сильно перетянул, перекрыл ток крови, — сказал Кэно Джареку, — ослабь ремень. Держи самокрутку, прижги укус. Температура разрушает яд.

— Это местная гадюка! Гюрза или как там, — еще громче закричал Картер. — Это этот... гемотоксин! Он разрушает сосуды и вызывает внутренние кровотечения!

— И что дальше?! — в отчаянии закричал Кэно. — Какого хрена? Какого хрена?!

— Ну, если здесь все время кого-то кусают змеи, значит должно быть где-то противоядие! — крикнул Картер.

— Умный, да?! — разозлился главарь. — Валяй! Если найдешь в этой глухомани противоядие, я тебе при жизни памятник поставлю, биолог!

Кэно отошел и выматерился от души. Бес следил за «Красными драконами» очень давно и был самым ценным информатором клана, а, кроме того, и проверенным, надежным, хорошим другом.

— Где найти твоего Рашида? — закричал Кэно, трясая за грудки Беса, который находился на грани потери сознания. — Как он выглядит? Рассказывай все, пока еще можешь говорить!

— Он среднего роста, худощавый, — заговорил несчастный «Шайтан из Пакистана», напрягая все мышцы. — В черном тюрбане, с замотанным лицом и в темных очках. Его лица никто не видел, но его знают все. Спросите кого угодно в чайхане — вам помогут его найти...

Он закатил глаза и запрокинул голову назад.

— Нет! — закричал Кэно.

Бес открыл глаза, но на его лице не было никакого выражения, он не видел ничего вокруг себя, не понимал, что происходит.

— Если не принять меры, он умрет, — подойдя поближе, сказал Картер.

Он взял нож и вспорол штанину Беса. Вокруг места укуса образовался отек, нога покрылась красно-синими пятнами.

— Стенки кровеносных сосудов разрушаются, — продолжал он. — Это уже пошло выше колена. Если яд пойдет еще выше, откроются кровотечения во внутренних органах.

— Я так и опасался, что выход лишь один, — потирая рукой лоб, прошептал Кэно. — И кто из нас будет резать?

— Стоит ли? — задумчиво произнес Джарек. — У меня предчувствие, что мы его не спасем.

— И что ты предлагаешь — сидеть и ждать?! — гневно закричал Кэно. — На его месте мог быть кто угодно из нас! Если бы это случилось с тобой...

Джарек опустил голову и прорычал:

— ...Я бы попросил тебя зарезать меня.

— Лучше помоги мне! — приказал Кэно.

Он достал нож, провел большим пальцем по лезвию. Джарек и Картер подошли к Бесу. Джарек схватил его руками за плечи, Джефф держал его здоровую ногу.

— Прости, друг! — горестно сказал Кэно, вонзая нож в чужую плоть.

Бес начал кричать и вырываться, по клинку и рукам главаря текла густая темная кровь. Кэно почувствовал, как нож уперся в кость, и приложил больше силы. Бесплезно — на кости была лишь чуть заметная зарубка.

— Я не смогу перерезать кость! — отчаянно вскричал он.

Джарек и Картер молчали. Кэно стал пилить ножом кость, перед его глазами стоял туман, слух резал дикий крик Беса. Он оскалил зубы, с силой надавливая на рукоять ножа, его одежда была забрызгана кровью союзника. Бес на несколько секунд замолчал, жадно хватая ртом воздух, после чего закричал еще более неистово, а потом почему-то захохотал.

— Чертяка! Ты чего?! — прикрикнул Кэно, глядя в его горящие безумием глаза.

— Все, — прошептал Бес, нелепо улыбаясь, — это все...

Он закрыл глаза и опустил голову, все его мышцы расслабились.

— Мертв, — сообщил Джарек, проверяя пульс на шее.

— Какого хрена?! — сокрушался Кэно. — Лучше бы ты получил пулю в лоб или нож между лопаток на этой «священной войне»! Сука, какая нелепая, бессмысленная смерть!

Тело Беса отнесли в небольшую яму и заложили камнями. Джарек шепотом прочел над погребенным товарищем молитву. Картер держал его рюкзак, глядя на вышитые на нем инициалы «H. D.». Кэно протер свой нож от запекшейся крови и на скале чуть выше каменной насыпи, над головой Чертяки выцарапал клинком: «Харви Дуглас».

— Джихад! Священная война, будь она проклята! — прошипел он, а из сознания все еще не шел безрассудный крик умирающего товарища и его безумная улыбка, как отвратительная печать освобождающей и утешающей смерти на посиневших мертвых губах.

3. Орлы рождаются только в горах

Хмурый вечер, окрашенный усталостью, холодом и печалью, измотанные анархисты встречали уже в чайхане. Поселок, в который они пришли, выглядел не столь бедно и запущенно, хотя в той же мере пострадал от боевых действий. Желтоватые стены с узорчатым рельефом каменной кладки и округлые крыши глинобитных домов были светлыми и, казалось, сливались с небом. Их украшали лазуритово-синие и бирюзово-зеленые оконные рамы. Оранжевый песок вытопанных дорог и улиц на окраинах сменялся тусклой, но весьма густой зеленью. Черными в спускающемся сумраке островами возвышались на отшибах пихтовые деревья. Здесь даже цеплялся за жизнь у подножия гор крохотный виноградник, хотя покрученные низкие лозы не изобиловали листвой. И все же в сравнении с пройденным маршрутом этот аул был настоящим оазисом.

И теперь мужчины молча жевали горячий бараний кебаб и пили крепкий зелёный чай, сидя на удобных топчанах около позеленевшего медного самовара. Рядом помощник чайханщика разгонял плетеным опахалом теплый ароматный дым над жарящимся мясом. Деревянная терраса чайханы, завешенная яркими коврами и уставленная полочками с блестящей посудой, особое место среди которой было отведено сверкающему узорчатому чайнику, утопала в сизом дыму, но не столько от углей для кебаба, сколько из-за традиционных кальянов, за которыми коротали вечер местные мужчины. Анархисты последний раз курили что-то приличное на территории Китая, а в горном походе редко позволяли себе выкурить в кулак одну-другую самокрутку. Кэно и Джарек переглянулись, допивая чай. Главарь махнул рукой хозяину чайханы.

— Табак, — произнес Кэно, когда к нему подошел коренастый пуштун в массивном синем тюрбане, длинной ярко-синей рубашке под черным кожаным жилетом и с бело-зеленым платком шемах. — Хотим купить табак. И трубку.

— Это в дуكانе, — заулыбался во все зубы чайханщик и, чуть поклонившись, жестом пригласил мужчин следовать за ним.

Джарек и Кэно пошли за афганцем на другую сторону опустевшей пыльной улицы, в то время как Картер остался, чтобы доесть еще одну порцию кебаба.

Под ковровым навесом на столиках и полках из потертого и растрескавшегося, но с сохранившейся ручной резьбой дерева располагалось немислимое обилие самых разных товаров. В дуكانе продавали хлеб и лепешки, твердый сыр и мягкий каймак, орехи и изюм, специи и табак, ткани и овчину, цветастые платки и халаты, шемахи и ботинки, кальяны и трубки, ножи и казаны, посуду и ковры и еще множество всего, что только может вообразить житель отдаленного аула. Чайханщик передал клиентов бодрому седому дукандору в белой куртке и сером паколе и поспешил вернуться к своим делам.

— Вещь... — с усмешкой протянул Джарек, присматриваясь к традиционной серебряной трубке с тончайшей витиеватой резьбой. — За такой трофеей я бы поторговался.

— Не сейчас, — неожиданно остановил его Кэно и замер.

Джарек отследил его взгляд и все понял. Главварь наблюдал за вошедшим в дуكان низким тощим афганцем в черном тюрбане, черно-зеленом шемахе, закрывающем нижнюю часть лица, и темных очках-авиаторах. На его узких плечах свободно висела линялая камуфляжная куртка, мешковатыми выглядели и потертые грубые штаны того же комплекта, заправленные в пыльные боевые ботинки. На одном плече мужчина нес полупустой рюкзак цвета хаки, на другом — автомат без приклада. На руках у него были тактические беспальные перчатки, с которыми его мозолистые пальцы с грязными ногтями казались длинными и тонкими, даже изящными. Мужчина в очках сделал вид, что присматривает себе обувь, но сам, видимо, скрытно изучал чужаков.

— Среднего роста, худощавый, в тюрбане и очках, лицо закрыто... Он?

— По идее да. Подойдем?

— Ну а чего тянуть?

Анархисты неспешно подошли к афганцу.

— Салам! Ты Рашид? — бросил Джарек на языке дари.

— А вы, собственно, кто? — спросил человек тихим и мягким голосом, но достаточно строго.

— Моджахеды, — ответил Кэно. — Друзья Шайтана из Пакистана. Нам нужно вооружение.

— Да, мое имя действительно Рашид и я продаю кое-что. Ждите, — не повышая голоса, приказал худощавый афганец в камуфляже и нырнул в низкую дверь в глубине дукана, спрятанную под коврами.

— Джарек, не находишь его странным? — проговорил Кэно, когда оружейник удалился. — Мне кажется, Рашид не тот, за кого себя выдает. Проследить бы за ним.

Джарек молча кивнул и вышел из дукана. Сначала нужно было уйти в сторону, из поля видимости дукандора. Дальше можно было лишь примерно прикинуть, куда мог пойти Рашид. Кэно пошел за дуكان вдоль дувала. Рашид петлял между кишалаками. Джарек и Кэно следили за ним из-за поворотов, держась на приличном расстоянии. Афганец осмотрелся — анархистам пришлось резко пригнуться. Тогда послышался скрип отворяющейся двери. Афганец вошел в дом, захлопнув двери за собой, и мужчины могли лишь примерно догадываться, в какой именно.

Кэно осторожно встал и метнулся короткими перебежками за угол кишлака с поблекшим бирюзовым окном. Припав спиной к стене, он жестом подозвал напарника.

— Посмотри, — сквозь зубы прошептал он. — Но только осторожно.

Джарек вцепился пальцами в деревянную раму, привстал и козырьком приставил ладонь ко лбу. Мутное стекло бликовало, но он смог разобрать происходящее.

— Какого дьявола! — находясь в крайнем потрясении, шепнул он.

Кэно прильнул к стеклу и чуть не упал. Афганец, пообещавший им вооружение, скинул верхнюю одежду, снял пестрый платок шемах, скрывавший пол-лица, черный тюрбан и темные очки. Их собеседник оказался девушкой девятнадцати-двадцати лет. Она положила на накрытую гобеленом лежанку рюкзак и автомат, достала из рюкзака пачку денег, пересчитала выручку и поспешно сунула ее в тайник за черно-красным настенным ковром. Потом она перешла к старинному деревянному столу у другой стены, завешенной таким же ярким ковром, и принялась разбирать какие-то бумаги. Ее молодое смуглое лицо было экзотически-прекрасным — у девушки были пронзительные светло-серые глаза с длинными густыми ресницами и черные волнистые волосы, выразительные скулы и широкие красные обветренные губы с

парой-другой свежих трещин. Она нашла то, что искала, сложила листы пополам и кинула в рюкзак.

— Это и есть местный оружейный барон, черт возьми?! — возмутился Кэно. — Надо бы достойно встретить и поговорить с деткой.

— Да, ты был прав, что Рашид — вовсе не Рашид. Хорошо, что мы не поспорили на сто баксов.

— Тогда спорим на сто баксов, что я ее поцелую, и она ничего мне не сделает? — гордо и вызывающе произнес Кэно.

— Посмотрим-посмотрим... А в прочем, заметано!

Анархисты пожали друг другу руки, разбить было некому.

Девушка зашнуровала военные ботинки, накинула на плечи куртку и, откинув назад волосы, вновь надела тюрбан и очки. Тщательно закрыв лицо шемахом, она взвалила на плечо рюкзак и взяла в руки автомат. Отчаянная женщина, торгующая оружием в затерянном в горах ауле, осторожно вышла из дома и пошла обратно к дукану. Туда уже вернулись, спешно опережая ее, американские террористы.

— Не здесь, — ожидаемо объявил «Рашид», подходя к клиентам. — За мной.

Азартно переглядываясь, мужчины следовали за переодетой афганской женщиной через поселок, до скал, где между камней зиял чернеющий лаз — вход в тоннели-кяризы. Эти искусственные пещеры с давних времен служили аулам оросительной системой, а теперь мятежники-душманы расширяли, дополняли их, чтобы использовать как тайную коммуникацию, места засад, базирования и даже складов. Девушка ловко пролезла в кяриз, что было для нее давно привычным делом, но в сырой темноте тоннеля что-то пошло не так. Она почувствовала, как кто-то рванул автомат из ее рук, но закричать не успела — чья-то шершавая, покрытая мозолями ладонь зажала ей рот. Ее силой поволокли вглубь системы кяризов. Женщина всегда знала, что ее дело связано с риском, у нее были выработаны ориентировочные приемы на случай нападения, но она не успела даже собраться с мыслями и достать кинжал, когда ситуация приняла новый оборот. Ее отпустили так же неожиданно, как и схватили. Нападавшие стояли возле нее, в то время как она оказалась спиной к стене — они намеревались не позволить ей уйти. Высокий бородатый человек сорвал с нее темные очки, тюрбан и платок, а потом щелкнул у ее лица зажигалкой.

— Здешние оружейники выглядят весьма странно... — задумчиво произнес он по-английски, всматриваясь в бесцветно-серые, лучистые глаза незнакомки.

Девушка выхватила из ножен на поясе тонкий кинжал чуру.

— Вы следили за мной?!

— А ты неплохо говоришь по-английски, детка, — улыбаясь, сказал Кэно. Джарек стоял слева от него и держал в руках отобранный автомат.

Девушка угрожающе замахнулась:

— Не смейте угрожать мне!

Кэно рассмеялся и провел рукой по ее волосам. Она отшатнулась и махнула кинжалом.

— А я тут поспорил со своим другом, — спокойно заговорил Кэно, — что я сейчас поцелую тебя, и ты мне ничего не сделаешь.

— Не дождешься!

Она попыталась ударить Кэно ногой в пах, но тот поставил блок и тут же схватил ее за ногу и прижал к холодной стене кяриза.

— А это, кстати, запрещенный прием, детка, — с укоризной заметил он. Девушка отчаянно пыталась вырваться из его крепких рук.

— Знаете, что с вами сделают за изнасилование?!

Кэно отпустил ее и немного отошел назад.

— А я тебя в постель не тяну. Детка, не надо говорить глупостей.

— Автомат отдай!

Девушка продолжала угрожать анархистам чурой, но Кэно повернулся к Джареку и отрицательно покачал головой, давая понять, что автомат не отдадут.

— Ага! Сейчас! И ты меня застрелишь! — поддержал его Джарек.

— Тогда плати деньги за автомат! Живо!

— Ишь ты, какая смелая! — с улыбкой восхитился Кэно. — С кинжалом против автомата идет.

Женщина, торгующая оружием, впервые оказалась в подобной ситуации. Она чувствовала себя загнанной в угол, не могла поверить, что просчиталась, осознавала неравенство сил, у нее начали сдавать нервы:

— Да что вам надо?! — отчаянно закричала она.

Кэно сделал жалостливое выражение лица:

— Оружие хотим купить... Так что насчет нашего спора с другом?

Он попытался вновь коснуться ее волос, черной змеей лежащих на смуглой щеке, но девушка тут же проткнула чурой его ладонь, пронзив мягкие ткани чуть ниже мизинца. Кэно отступил.

— Ты проспорил! — гневно произнесла она.

— Я так не думаю.

Кэно резко схватил ее за плечи, прижал к своей груди и раздвинул языком ее пересушенные губы. Девушка, зная, что стоило сделать, впала в непонятное для самой себя оцепенение. Она вскинула руку с чурой, готовясь нанести роковой удар в спину, но более не шевельнулась. Разум ее кричал, что она теряет, возможно, последний шанс вырваться из рук чужаков, у которых на уме было неведомо что, но своим телом она более не владела. В своих переживаниях она столкнулась с чем-то неведомым, чего никогда не испытывала прежде, чему не находила даже названия. Так как непознанному можно сопротивляться? Она разжала пальцы. Она перестала быть собой. Чура упала на землю, а руки девушки плавно легли на плечи Кэно. Ей на миг показалось, что прошла вечность, когда он все же прекратил крепко держать ее за худые плечи и мять ее губы своими. Готовое к бою сознание мгновенно вернулось в оставленное тело. Девушка резко отпрыгнула назад, с отвращением вытирая зардевшие губы рукавом.

— Отойди!

— Что такое? Боишься нас?

— Знаю, что у вас на уме...

— Было бы у нас что-то на уме, мы бы это уже сделали, детка, — усмехнувшись, проговорил Кэно и вновь жалостливо глянул в ее свинцово-серые глаза: — Нам бы действительно оружие купить.

— Так, знаете ли, переговоры не ведутся! — в полной растерянности крикнула она, пытаясь из последних сил удерживать уверенную позицию, хотя в душе уже чувствовала себя проигравшей. — Настоящее имя Шайтана из Пакистана?

— Харви Дуглас, — ответил Кэно. — Мой сослуживец, много чего могу рассказать о нем. Короче, пошли — поговорим по-человечески.

Воинственная женщина гневно метнула взгляд на Джарека.

— Автомат отдай! — уверенно приказала она.

Кэно кивнул.

— Как скажешь, лидер, — Джарек протянул девушке ее оружие. Она вырвала автомат из чужих рук и закинула его на плечо.

— Ладно, извини, «Рашид», — подавив смешок, обратился к ней Кэно и тут же заговорил серьезно: — Знаем, грубоватое вышло знакомство.

— Меня зовут Кира, — холодно бросила женщина, подняв чуру и убирая кинжал в ножны.

Она достала из рюкзака фонарь и осмотрелась в тоннелях. Сориентировавшись в кяризах, она вновь повела мужчин за собой. Они вышли из искусственных пещер на пустынное плато со следами кострищ, обложенных массивными почерневшими камнями. Над горами в бездонном небе сияли холодные звезды, так похожие на светло-серые пронзительные глаза на смуглом лице восточной женщины. Кира села по-турецки у кострища и убрала фонарь обратно в рюкзак. Стоило ей отвлечься на несколько секунд, Джарек с досадой протянул Кэно стодолларовую купюру. Главарь с улыбкой спрятал деньги в карман.

— Значит, тебе двадцать — или сколько? — лет, а ты одеваешься в мужскую одежду, берешь автомат и идешь торговать оружием? — начал расспрашивать Кэно, присев на камень.

Джарек тем временем начал раскладывать костер.

— Эта война отобрала у меня всю семью, — отвечала Кира, опустив глаза. — В живых остались только я и мой брат Ахмед. Он укрылся в другом ауле, недалеко отсюда, с небольшим отрядом. Он не знает о том, что я жива.

Услышав про Ахмеда, Кэно насторожился. Не обязательно было даже сопоставлять факты — достаточно было вспомнить его ясные серые глаза.

— Твой брат, — осторожно спросил он, — он гордый человек?

— Скажем так, он меня не поймет, — Кира закусила губу, непроизвольно трогая языком закровившую ранку.

— Как же ты, детка, ввязалась в эту войну? — продолжил расспрашивать Кэно, чтобы прервать молчание.

— Мой отец был оружейным бароном в Кундузе. Он участвовал в восстании исламских радикалов 1975 года, правительство его задавило. Он бежал в Файзабад, временно залег на дно, пока в 1979 не началась гражданская война. Тогда он возобновил бизнес. Но война не пощадила ни его самого, ни его семью. Война забирала их друг за другом — родителей, родственников, братьев. Мы бежали в глушь, чтобы выжить. Отец общался в числе прочих с американцами, и довольно часто, так что я смогла овладеть английским и продолжить его дело в 1984 году, представившись именем своего покойного брата — Рашида Тараки. На тот момент ему было бы восемнадцать, три года разницы...

— Я сейчас правильно понял — тебе тогда было всего пятнадцать лет?! — подал голос Джарек, который, кажется, был шокирован.

— Здесь даже в десятилетнем возрасте дети умеют стрелять, — невозмутимо изрекла Кира. — Мне пришлось продавать оружие, чтобы сводить концы с концами.

— А деньги твоего отца? — спросил Кэно.

— От его состояния почти ничего не осталось. Я отдавала часть денег тем, кто здесь действительно в них нуждался. Все помогают повстанцам. Ведь это священная

война. Я рада, что могу хоть чем-то помочь своим в этой войне. Верьте или нет — ваше дело. Но сейчас я держу этот аул.

— На плечах... — задумчиво добавил Кэно и замолчал. Его поразили решительные слова афганской женщины. Таких мужественных и гордых, преданных своим убеждениям людей днем с огнем не сыщешь. Может, он встретил Киру не просто так...

— Так почему ты так испугалась нас, детка? — решил сменить тему анархист.

— А вы сами подумайте. Схватили меня, и вообще...

— Да я хотел поговорить с тобой, но ведь иначе ты не выдала бы нам свою истинную личность.

— А зачем поспорил с другом, что поцелуешь меня?

Кэно улыбнулся.

— Просто захотел поцеловать тебя, детка. А что, понравилось?

Кира опустила глаза и прошептала:

— Да ничего... Можно догадаться, это мой первый поцелуй. Я жила с уверенностью, что его в моей жизни вообще никогда не будет! Ведь я уже четыре года не Кира, а Рашид, и была бы им дальше...

— Но целуешься ты страстно.

Кира смутилась и отвернулась. Ей никто никогда не должен был сказать этого! Она принесла эту сторону жизни в жертву, и в ее стране так было даже проще. А теперь пришел этот мужественный чужак с горящими глазами и сломал какую-то стену. Словно перевернулся мир. Она глубоко вздохнула и подняла светлые глаза к звездам. Хотелось утонуть в ночном небе, чтобы весь земной мир исчез, но девушка ничего не могла с собой поделать и очарованно слушала дыхание сидящего рядом террориста. Все молчали. Джарек клацнул зажигалкой и распалил костер.

— Так кто же вы? Расскажите о себе, — собравшись с мыслями, тихо попросила Кира, взглянув на озаренное огнем костра лицо Кэно.

— Американские анархисты, детка. Мы тоже мятежники — у нас джихад в мировых масштабах. Наш клан называется «Черный дракон». Наша цель — свобода или смерть! — Кэно подкинул в костер несколько сухих веток колючего кустарника. Пламя, потрескивая, взвилось ввысь. Искры обожгли его шершавые ладони.

— Так ведь анархия — это безвластие, а тебя, гляжу, называют лидером...

— Меня называют Кэно. А по сути, у нас свобода и авторитет, а иерархия — временная мера. Сейчас нам нужна армия, сама понимаешь. А так, вообще, главное — это жить на свободе, прожигать эту жизнь, а не ограниченно существовать. Вот знаешь, детка: вороны живут по триста лет, а жрут при этом падаль, а орел живет всего тридцать лет, но питается свежей кровью. Мы — орлы.

Кира покачала головой:

— Ты за словом в карман не лезешь. Но... Орлы рождаются только в горах.

— Ишь ты, какая гордая, черт возьми! — Кэно ухмыльнулся. — Не уж то всерьез веришь в это, детка?

Кира понуро опустила глаза в землю:

— Мой отец так говорил. А я его уважаю.

Кэно положил руку ей на плечо:

— Да брось, детка, не обижайся. Я знаю, что значит уважение к наставнику.

Он достал из кармана жилета крест на черном шнурке.

— Память о человеке, который научил меня всему, что я должен был знать. Мне подарил — будто чувствовал, что завтра его убьют. С тех пор стараюсь все время носить.

— И веришь? Ты человек Писания?

— Это вон Джарек человек Писания. А я не признаю его религию о всепрощении. Всю жизнь я был последним безбожником, а этот крест был лишь напоминанием...

— И все же, есть у тебя какая-то вера или нет?

— Не знаю. Единственный мой идол — свобода, более я ничему не поклоняюсь. Сама решай, считать это религией или нет...

— Лучше спрячь крест. Увидит кто — убьет.

Кэно тяжело вздохнул и сжал кулак. Скрестив на груди руки, он молча стал смотреть в одну точку. В его глазах, как и в душе, клубилась горькая грусть.

— Где заночуете?

— Может быть, здесь. К тебе-то не напросимся — чувствует моя душа.

— Выбор ваш. Надеюсь, вы знаете, чего вам это может стоить.

— Детка, не учи нас жить. Иди домой, а то уже совсем стемнело. Завтра поговорим.

Кира надела очки и подняла с земли рюкзак. Накинув его на плечи, она вновь обмотала нижнюю часть лица черно-зеленым шемахом. Кира уже собиралась идти, но что-то заставило ее в последний момент развернуться и провести рукой по плечу Кэно.

— Утром у дукана. Надеюсь, я найду вас, — с болью и надеждой в голосе прошептала она и нырнула в темноту кяриза.

Мужчины молчали, уставившись на искрящее оранжевое пламя. Костер из последних сил сопротивлялся ночной тьме. Скалы черной крепостью обступали пристанище анархистов. Кэно достал нож и начал строгать какую-то сухую ветку. Джарек закурил помятую самокрутку.

— А эта Кира весьма ничего, — проговорил он, выдыхая дым в кулак. — Нам бы в клан ее...

— Тебя слушаешь — так выходит, что каждую молодую хорошенькую девку надо брать в клан! Невозможно с тобой разговаривать — у тебя же одни телки на уме!

— Я не о том. Неплохой союзник получился бы.

— Ну, об этом рано судить. Мы ее полчаса от силы знаем.

— А здесь время не такое, как у нас дома. Год за три идет.

Кэно вздохнул и запрокинул голову. Красные огни засверкали цепочкой у отдаленного ущелья. Завидев это, главарь тут же вскочил, сбросил кожаную жилетку и накрыл ею костер.

— Сарбазы! — сообщил он, лихорадочно затапывая ногами огонь. — «Зеленые» трассерами сигналият...

Джарек только успел встать, понимая, что сбылись прогнозы покойного Беса, когда внезапно взрыв гранаты где-то совсем рядом заставил вздрогнуть массивные камни.

— Твою мать! Ложись! — заорал анархист, упав на землю и обхватив голову руками, когда вторая граната прилетела прямо на плато, раздробив скалу возле их кострища. Джарек чувствовал, как его оголенные предплечья рассекают острые осколки. На руках выступила свежая кровь.

У Кэно потемнело в глазах, что-то острое тяжелое и холодное врезалось в правую половину лица, глаза запорошило пылью и обрывками сухой травы. Время словно

замедлилось — он чувствовал, как отколовшийся от скалы камень соскользнул с правой скулы, сдирая за собой кожу — его ребра были острее наточенного кинжала. Кэно стиснул зубы. Он подкошено упал на землю и закрыл глаза.

Боль опрокинула его в темноту. Во мраке ему виделись серые стены холодного и сырого подвала. По этим стенам, по потолку, по полу — везде вокруг него собирались пауки, сотни, тысячи черных пауков...

— Нет! Я теряю сознание! Нет! *Heaven can wait, heaven can wait*, — повторил он мысленно, как молитву, собираясь с силами, преодолевая оглушение и боль. — *Heaven can wait, heaven can wait 'til another day...*

Кэно с трудом раскрыл левый глаз. Пыль продолжала медленно оседать на его лицо, и глаз сильно болел и слезился. Анархист попытался вытереть с лица пот и грязь, обтер рукавом левую скулу и лоб, но к правой части лица невозможно было прикоснуться. Он почувствовал, что обломки скалы изранили его руки. Правую половину лица Кэно перестал ощущать вообще. Правого глаза больше не было.

Впереди себя он увидел размытый темный силуэт молодого человека в панаме с широкими полями, в горном камуфляже и со снаряженным рюкзаком на плечах. Боец нацелил на Кэно автомат.

— Сдохни, дух сраный! — прокричал по-русски солдат.

Рука Кэно сжала нож. Он попытался подняться, но тут же снова упал на землю, чувствуя, как по спине и пояснице расходится жгучая боль.

Палец солдата лег на курок, но вдруг он упал, как подкошенный, вскрикнув и схватившись рукой за шею. Из-за камня показался второй силуэт — бородатого человека в афганском берете и с ножом.

— Кэно. Узнаешь меня? Я свой. Я Джарек.

Кэно, услышав эти слова, облегченно вздохнул и сплюнул в сторону отвратительно вязкую слюну. Джарек присел и протянул ему руку.

— Вставай, брат. Мы тут, по ходу, торчим, как дозорные...

— Чего ж эти мудаки зеленые свой фейерверк так поздно включили?! — сквозь стиснутые зубы прорычал Кэно.

— Чем могли... Да еще мы на окраину вылезли, повезло — мать их! — первыми гостей встретить!

В горах поднимался ветер. Он кружил, бил мужчин по лицам, по плечам, по спинам, точно хлыст, и даже мелкие раны давали о себе знать тупой пронизывающей болью. Чуть ниже плато прогремело еще несколько взрывов, насчет расстояния трудно было сориентироваться. Однако, когда внизу раздались гневные крики и очереди, стало ясно, что на окраине поселка местные мужчины приняли бой. Джарек поднял автомат убитого советского солдата.

— Повезло тебе, что камень тебя только зацепил, — обратился он к Кэно. — А то приложило бы тебя — и ты уже нежилец...

Кэно не чувствовал ясности в уме, у него все плыло пред глазами. Джарек первый заметил Киру. Она махала рукой мужчинам, зовя их в кяриз.

Когда все трое укрылись в пещере, главарь смог опомниться. Он снял с пояса флягу, жадно хлебнул воды, остатки вылил на лицо. Боль стала союзником, заставляла сосредоточиться. Он ударил по плечу Джарека, чтобы тот прибавил ходу, потому что Кира заспешила к выходу из искусственной пещеры на краю аула.

— Аллах акбар! — крикнула она, грациозно, как дикая кошка, перепрыгнув с камня на камень. Кэно вскочил и кинулся за ней.

— Куда тебя несет, сукин ты сын?! — закричал ему Джарек.

— Война — дело профессионалов! — свирепо крикнул Кэно, вырвав из рук Киры автомат и кинувшись в бой. Джареку ничего не оставалось, кроме как следовать за ним.

Они вмешались, когда бой за аул был в самом разгаре. Слышались крики боли и матерщина на русском, дари, пушту и каких-то еще местных языках. Дым поднимался над несколькими разбитыми кишлаками. Под горой догорал пущенный под откос БТР. Ветер гнал дым по кругу, застилая едкой пеленой глаза воинов, но Кэно, презрев собственное ранение, уверенно пошел в наступление и уже успел уложить пятерых бойцов. Джарек прикрывал его спину, столь же метко стреляя по врагам.

— Сколько еще с твоей стороны? — закричал ему главарь.

— Около восьми! Что у тебя?

— Десятеро! Выстоим!

— Выстоим! — крикнул Джарек в ответ, но его голос заглушала его собственная очередь. Он смог расстрелять двоих, но тут почувствовал резкую боль в левой ноге. Он отбежал, закрывая рукой огнестрельную рану.

— Че, мудак, больно?! — выкрикивал по-русски молодой небритый солдат в горной форме и поношенном тельнике. — Я тебе покажу, душман вонючий!

Джарек достал из патронташа на поясе метательное лезвие с тремя загнутыми остриями и швырнул его в бойца. Солдат упал. Цель была поражена идеально — лезвие пробило череп точно между глаз. Джарек схватил автомат и продолжил стрелять. Один из солдат кинулся вперед, целясь из-за камней в спину Кэно.

— Кэно! Сзади! — закричал Джарек, но взрыв очередной гранаты перекрыл его голос. В этот момент Кира, ловко и плавно, как пантера, передвигаясь по грудам битых камней, оказалась совсем рядом с бойцом, целившимся в спину анархиста. Она присела, буравя жгуче-ледяными глазами его спину. Парень почувствовал, как сзади на него давит чужой взгляд. Он не успел обернуться, как Кира в грациозном и диком прыжке всадила ему в шею чуру. Тем временем Кэно, после ожесточенной перестрелки из-за укрытий, наконец-то смог убить последнего врага.

— Че с ними стало, а! — психанул он, задумчиво оглядывая трупы солдат — таких заросших, усталых, огрубевших и совсем не похожих в своем возрасте на молодежь. — Со мной в их годы тоже так... Переломало. Но у меня какой-никакой был смысл, а у них, поди, и выбора не было. Интернациональный долг, мудаки!

— Да кто их вообще просил?! — услышал он выкрик Киры, полный гнева и ярости.

— Ну так видишь, чего власть творит, — попытался остудить ее пыл Кэно. — И оно везде одно дерьмо, детка. Все самое худшее случается из-за власти.

— Держу пари, — отозвался Джарек, сидя на камне и перетягивая шемахом рану на ноге, — скоро они уйдут. А свое участие в этой войне они будут помнить вечно — погубить жизнь тысяч двадцатилетних пацанов на чужой земле, на чужой войне!

— С чего взял, что шурави уйдут? — с укоризной спросила Кира, поставив руки на пояс.

— А спорим, что я пророк! — хитрые глаза Джарека сверкнули.

— Что ты мне заливаешь? — с презрением фыркнула Кира. — Какой ты к шайтану пророк?!

— С чего не веришь?

— Да просто потому, что ты бандит. И рожа у тебя бандитская...

— Это оскорбление или комплимент? — ехидно усмехнулся Джарек.

Кира гневно насупила брови:

— Это факт.

— Хочешь — верь, не хочешь — не верь, но я самый настоящий пророк... Будущее умею чувствовать. Ну, конечно, не сильно отдаленное, но все-таки.

Кира пристально взгляделась в его хитрые глаза:

— Отвечаешь за свои слова?

— Голову на отсечение даю! — Джарек провел большим пальцем по своей шее.

— А слабо сказать, что ждет меня в не столь отдаленном будущем?

Анархист задумался, но тут же на его лице появилась еще более лукавая улыбка, два золотых зуба ярко сверкнули в темноте.

— Тебя? Ты будешь одной из нас.

Кира едва заметно улыбнулась, но голос ее остался серьезным:

— Ну, смотри мне. Зарежу, если обманешь!

Ветер налетел еще более сильным порывом, Джарек в последнюю секунду успел поймать налету свой шерстяной берет. Кэно заслонил рукой рану на лице, чувствуя, как частицы пыли и мелкие камешки, гонимые ветром, врезаются в руку.

— Идем ко мне! — крикнула Кира сквозь завывание ветра. — Сейчас начнется буря, и здесь вам ее не переждать. К тому же вы ранены. Ну же, вставайте быстрее! Мы должны успеть.

Кира шла вперед значительно быстрее, усталость Кэно ощутимо давала о себе знать, а Джарек заметно хромал. Впереди обозначились светлые стены кишлака с блекло-бирюзовыми оконными рамами и покрытая старой коричневой краской деревянная дверь.

— Снимайте обувь и располагайтесь. Я сейчас.

Кира заперла дверь, стянула ботинки, не расшнуровывая, и зажгла закопченную керосиновую лампу. Анархисты вошли в комнаты с черно-красными коврами на стенах. Пол кишлака тоже был устлан коврами, более разнообразной расцветки. Джарек сел по-турецки на одну из узорчатых подушек возле низкой лежанки и сложил руки на груди. Кэно обессилено опустился на лежанку и кинул под голову такую же подушку. Он дышал хрипло и тяжело, иногда срывался на кашель. В отличие от Джарека, он не слышал, как за каменными стенами стонет неистовый ветер.

Кира принесла чайник и две металлические кружки.

— Хотите пить? Конечно, хотите.

Кэно собрал последние силы и приподнялся на лежанке. Холодный зеленый чай принес ему небольшое облегчение. Кира посоветовала ему снова лечь и больше не вставать.

— Потерпи немного, пока я промою рану и наложу повязку. Потом станет легче.

Но Кэно было все равно. За свою жизнь он привык практически к любой боли и уже мог не обращать на нее внимание. Не по-женски грубые, хоть и тонкие руки Киры, как оказалось, умело обращались не только с оружием, но и с комплектом оказания первой помощи. Повязка обеспечила покой раненому глазу Кэно, и теперь главарь мог расслабиться и отдохнуть.

— И часто здесь такие бури? — спросил он, стараясь отвлечься от своего ранения.

— Нередко. Но они быстро проходят. Утром ветер совсем утихомирится. Вам нужно будет уехать. Я дам вам все, что нужно. Рана у тебя очень серьезная. Тебе должны помочь, и чем скорее, тем лучше.

— Да брось ты! Все будет хорошо!

— Нож у тебя красивый...

— Я их сам изготавливаю, детка. Это один из парных. Хочешь, махнемся на чуру? Хотя нет, дарю.

Он снял с пояса кожаный футляр с выбитым символом клана «Черный дракон». Кира осторожно взяла нож:

— Так вот просто?

— Если можешь, принеси нам поесть, — устало попросил Кэно.

— Есть болани, но тоже холодные.

— Как твои глаза? — попытался пошутить Кэно, но Кира не услышала его слов. А когда она вернулась, он не захотел повторять эту весьма неловкую попытку.

— Эх, Кира! — проговорил он. — Увозить тебя надо отсюда, подальше от всего этого.

Девушка вскинула голову, словно пораженная громом. Стоило бы все взвесить... Но ей не хотелось взвешивать. Ей больше не хотелось жертвовать собой, впервые в жизни.

— Вы возьмете меня к себе? В клан «Черный дракон»? Если это серьезно, то мое оружие — ваше.

— Господи! Да тебе всего девятнадцать, а тебя тянет воевать? Правда? Ты же понимаешь, что у нас там жизнь не мед, там война считай, что против всего мира!

Ответ сорвался с ее обветренных губ раньше, чем она успела задуматься:

— Я хочу с вами, за свободу! Это мне важно!

— Что тебе важно, детка?

— «Свобода или смерть»! Я помогаю повстанцам здесь, но воюю за их цели, а не за свои. Может, время такое, может, я не рисковала, когда не стало тыла... А в душе я давно поддерживаю инициативы предоставления женщинам равных прав с мужчинами и запрета принудительных браков. Я познала вкус свободы, когда стала Рашидом, но это же такая маленькая крупица! Мне всегда хотелось быть вольной, быть собой, но разве здесь кто-то мог меня понять?! Может, я всю жизнь жду таких, как вы, а тут вдруг... вы сами меня нашли. Неужели у вас не возникает мысли, что все это не просто так?

Кэно на некоторое время задумался и с улыбкой сказал:

— Эх, умная ты, Кира! И красивая! Повезет тому, кто тебя в жены возьмет!

— Ну так берите, — тут же ответила она так, словно бросала вызов.

— Ну, тогда Джарека придется убить...

— Зачем?

— Иначе он меня убьет. Тоже глаз на тебя ведь положил.

— А у меня что, нет права выбора?

— А ты кого выберешь? — хитро улыбаясь, спросил Джарек.

— Кэно.

Она чувствовала в нем силу и хотела быть рядом с ним. С этой страстью бесполезно было бороться — она была так сладка, как чистый высокогорный воздух. И ее не останавливало ни то, что он террорист, ни то, что ему только что изувечили лицо, ни то, что он был намного старше ее... Ничего.

— Орлица нашла себе орла — отец бы это понял, — невольно подумала она.

Кэно же смотрел на страсть с грубой иронией, он не верил в пламенные чувства, но отчетливо видел в воинственной женщине решимость, независимость и бунтарский характер. Он смотрел, как Кира разглядывает выбитый рисунок на футляре его ножа. На нем были вычерчены силуэты двух драконов, а между ними кинжал, похожий на крест.

— Это наш герб, — гордо проговорил Кэно. — Хорошо запомни его. Теперь ты одна из нас.

— Вы так легко примите меня в клан? Кроме шуток?

— Я вижу в тебе надежного союзника, смелого, сильного духом, решительного, самоотверженного.

Кира с долей смущения опустила глаза. Ей не приходилось прежде слышать таких слов. Ни одной афганской женщине не приходилось.

— Да что ты. Я могу лишь завидовать твоему мужеству. Но что занесло тебя сюда?

— У нас здесь дело есть — надрать задницу старым врагам, — твердо заявил Кэно. — Завтра идем на рейд. Если у тебя остались дела здесь, решишь все вопросы завтра с утра?

Глаза Кире зажглись азартом от предвкушения встречи с «Черными драконами». Новая вольная жизнь пьяняще манила ее. Ведь в родной стране у нее больше не могло быть нормального будущего.

— Какие у меня могут быть дела? — сказала она.

Кэно взглянул ей прямо в глаза, заставляя ее заглянуть в собственную душу.

— Ты ведь держишь этот аул? — скорее утвердительно, чем вопросительно произнес он. — Твой бизнес.

Кира взялась за голову.

— Вот шайтан, не по совести вышло! — сетовала она на себя. — Неожиданно так все это! Ну, ничего. Думаю, что есть — передам дукандору. Не пропадет. И найду с утра кого-то, кто письмо передаст Ахмеду, насчет «советов», чтоб он меня здесь уже не застал. Он почитает здешние законы. Если бы знал, чем я занималась все это время — убил бы... Он придет сюда со своими, объединится с теми моджахедами, кто остался. Уж они-то защитят аул... Они защитят.

— Ну, вот и хорошо. Поможешь нам достать машину?

— Машина есть.

— Это отлично. Джарек, найди нашего вечно голодного товарища, — приказал Кэно.

— А ничего, что у меня нога прострелена? — возмутился тот.

— Хрен с тобой, сам пойду.

Он встал, отряхнул одежду и направился к выходу.

— Стой! — закричала Кира. — Никто не выходит в такую бурю.

— Вот именно! А он шатается неизвестно где! Может, ему помощь нужна! Кто об этом будет думать?!

И, не дожидаясь ответа, он ушел.

Выйдя из дома, Кэно припал спиной к стене. Ветер бил наотмашь, неся с окраины гарь недавних пожарищ, а с ней и груды пыли, охапки высохшей травы и прочий мусор. Обжигающе-холодный и сухой поток воздуха затруднял дыхание. Анархист короткими перебежками двигался к чайхане, скрываясь за дувалами. На пустой, хоть и

закрытой от бури соседними постройками террасе между топчанов он завидел Картера. Джефф лежал, не шевелясь, опустив голову на грудь.

— Картер! — хрипло выкрикнул Кэно, чувствуя боль в горле. Ответа не последовало.

— Картер! — прокричал он второй раз из последних сил. Тишина.

Закрыв голову руками и пригнувшись, Кэно бросился бежать через улицу. Ветер обжигал все тело, пытался сбить с ног, но главарь анархистов все же оказался рядом с товарищем. Кэно протер здоровый глаз от попавшей в него пыли. Но лица Джеффа под темно-коричневым паколем он все же не смог разглядеть.

— Картер! — схватив Джеффа за плечо, закричал главарь.

— Чего? — вяло пробормотал Джефф.

— Ты чего, спал здесь, что ли? — злобно закричал Кэно.

— Ну спал, и что тут такого? — невозмутимо ответил Джефф. — Ты знал, что здесь в кальян кладут забористый гашиш?

— Ну ты мудак! Я тебя урою, сукин ты сын! Пока мы рискуем жизнью здесь, он то жрет, то закидывается, то спит! Хорош союзничек! Чтоб тебя...

— Что у тебя с глазом? — испуганно спросил трезвеющий Джефф, глядя на окровавленную повязку.

— «Что с глазом»? Нет глаза! Или не видно?

Джефф медленно отполз назад:

— Э-э! Остынь! Хватит на меня орать!

— Действительно! Давно пора тебя убить! — прорычал Кэно. — Твое счастье, что я сейчас не в том настроении, чтобы кого-то убивать. Бурю переждем здесь, она скоро стихнет — ветер уже успокаивается.

Он отошел к стене и лег на ковер. И только теперь почувствовал, как многодневная усталость брала свое, как мысли проваливались в пропасть сна, а ноги становились чужими. Воюющий ветер уже не столько действовал на нервы, сколько убаюкивал, и мужчина решил не противиться ощущениям измотанного тела и немного вздремнуть до рассвета.

С первыми лучами солнца Кэно очнулся ото сна. Он молча привел Джеффа к кишлаку Киры, остановился у обложенного камнями колодца, набрал ведро воды. Утолив жажду, он окотил голову холодной водой. Усталость как рукой сняло, в мыслях снова почувствовалась ясность. Все, что произошло вчера, Кэно мог бы счесть каким-то кошмарным сном, если бы не увечья на правой стороне лица, дающие о себе знать непрерывной острой болью.

Кира встретила его у двери, показывая на джип «Симург», припаркованный по другую сторону от кишлака за дувалом.

— Это осталось от «диких гусей», — сообщила она. — Я уже погрузила оружие, которое запросил Джарек — миномет, крупнокалиберный пулемет, ну, и автоматы. Боеприпасов достаточно. Радиостанция имеется, японская, связь держит на триста километров при любом рельефе. Еще есть две канистры бензина — должно хватить. Можем ехать, если все готово. Ты нашел своего соратника?

— А то! Обдолбался в чайхане, идиот. Ему несказанно повезло, что чайханщик еще его не вытурил под зад коленом.

Картер нерешительно вышел из-за дувала и направился в сторону лидера клана.

— Так в каком настроении сегодня наш большой папочка? — иронично спросил он. — Меня сегодня будут убивать?

— Если дашь повод — разумеется, буду! — бросил в ответ Кэно. — Все в твоих руках. Бесова карта у тебя?

— Ну я же не конченный ушлепок — даже обдолбанный увести никому ничего не позволю. Все, что было со мной — при мне. Ну, кроме местных денег — тут моя лажа... А с красавицей можно познакомиться? — дерзко осведомился Джефф, уставившись на незнакомку в камуфляжном костюме и черно-зеленом шемахе.

Кира впиалась в него жгуче-холодными глазами:

— Красавица занята! — резко ответила она.

— Кэно, скоро мы едем? — спросил Джарек, осторожно выйдя на порог. — Остался один болани, можно позавтракать. Лепешка холодная, но фарш вкусный.

— Как твоя нога? — поинтересовался главарь.

— На месте! — улыбаясь, отвечал товарищ. — Помощь мне была оказана, как подобает. Болит, конечно, сука. Но очень повезло, что пуля прошла навылет и не в крупный сосуд, слава Богу.

— Едем? — Кира кивнула на джип.

— Едем, детка, — решительно ответил Кэно. — Я за руль, ты сядешь рядом, будешь показывать дорогу. Джарек, Картер, вы сзади. Болани заверните во что-нибудь — в дороге дожую.

Анархисты сели в машину, главарь завел мотор. Езда по тонкому ухабистому серпантину требовала аккуратного вождения, так что в пути предстояло провести много времени. Скоро поселение осталось вдаль, перед взором раскинулись склоны гор, а между ними зеленые равнины, покрытые густой растительностью и воронками от взрывов. Среди изумрудной зелени равнин то и дело возникали квадраты, залитые розово-алым цветом.

— Отчего поля красные? — поинтересовался Джарек. — Выращиваете чего?

— Это цветет мак, — отозвалась Кира, глядя в окно. — Здесь им засеяны огромные площади. Из него делают опиум. Основная прибыль страны.

— Вот, он-то нас сюда и привел, — задумчиво протянул анархист, злорадно усмехнувшись.

Наступило задумчивое молчание. Кэно сосредоточенно смотрел на пыльную горную дорогу, которая неистово петляла и подкидывала автомобиль на бесчисленных камнях и ухабах, но когда езда стала более-менее плавной, он вдруг затянул печальную местную песню, которую напевал пару дней назад на руинах крепости:

Даже не думай, что я буду твоим рабом,

Пусть у тебя и есть богатство и власть.

Даже если ты пронзишь мое сердце клинком,

Я не покорюсь тебе, знай.

Сегодня Новый День — все радуются, но не на моей земле.

Ибо разрушена моя страна.

Что случилось? К нам пришли волки — зачем?

За что отняли последний кусок хлеба у меня?

Почему стала для них добычей моя свободная земля?

Кира, пораженно впившаяся в него ясными глазами, опомнившись, подхватила мотив. Ее чистый голос разносился по горным хребтам и склонам мелодичным неторопливым напевом:

Почему стала для них добычей моя свободная земля?

Почему стала для них добычей моя свободная земля?

— Все хотел спросить, о чем эта песня? — заслушиваясь, обронил Картер.

— Потом как-нибудь сделаю тебе вольный перевод, — швырнул ему Кэно. Джефф понял, что таким образом его попросили заткнуться. Он закрыл глаза, слезящиеся от света солнца, и всецело отдался слушанию пленительного пения Кире:

Почему стала для них добычей моя свободная земля?

Почему стала для них добычей моя свободная земля?

— Откуда ты знаешь наш язык? — спросила она у Кэно, когда допела грустную песню.

— Я знаю очень много языков. Отчасти еще с армии, отчасти от соклановцев. В наших рядах есть выходцы со всего мира... Я еще пацаном был, когда у нас в клане был афганец, Саттар. Он после боев всегда затягивал эту песню. Так мы ее выучили. И смогли спеть, когда его провожали в последний путь. Эх, а я ведь тогда думал, что увижу его старость — железный был мужик! Но достойная смерть в бою — тоже награда. Так по-нашему.

Кира ничего не ответила.

— Здесь перевал, — сказал Картер, сверяясь с карандашными пометками на планшетной карте.

На склоне маячил покинутый, практически сравненный с землей поселок. Кэно направил «Симург» к паре чудом сохранившихся кишлаков. Анархисты оставили джип рядом с этими постройками в густой тени старых пихт. По одну сторону горной дороги они поставили миномет, по другую — крупнокалиберный пулемет. Каждый участник рейда вооружился автоматом Калашникова, Кира осталась вместе с Кэно у пулемета, миномет обслуживали Джарек и Джефф Картер. Теперь им оставалось только терпеливо ждать.

Небо затянулось тяжелыми тучами, на горы спускался холодный пронизывающий туман.

— Аллах покровительствует нам, — шепнула Кира.

— Конечно, у тебя и волос с головы не упадет без воли Аллаха! — усмехнулся Кэно. — Но туман действительно сослужит нам хорошую службу.

В тумане показались проблески фар.

— Идет колонна! — довольно проронил Кэно.

Анархисты начали стрелять по автоколонне. Как по плану, первой они расстреляли машину, шедшую впереди, что на узкой дороге намертво парализовало движение для всех. Вторым был уничтожен замыкающий автомобиль. Никто не мог понять, откуда шла основная стрельба — из пулемета или из миномета. Люди спешно покидали горящие машины и падали под перекрестным огнем автоматов. Когда все они легли на землю, анархисты поспешили к колонне. Из выживших необходимо было выбить информацию. Кэно достал из рюкзака нож, составлявший пару подаренному Кире, и закрепил футляр на ремне. Афганец, который вел первую машину, успел спастись из горящего кузова, однако был очень тяжело ранен.

— Ну что, не хочешь исповедаться перед смертью?! — крикнул ему в лицо Кэно, ухватив раненого за грудки. — Имя?

— Рахим Ашери, — прохрипел афганец, глотая собственную вязкую кровь.

Кэно усмехнулся — им несказанно повезло. Он выхватил нож, приблизил блестящее лезвие к лицу Рахима Ашери и грозно, с каменным лицом спросил:

— Кто заказчик?!

— Пилигрим. Аарон Фьюри, — ответил афганец из последних сил. — Об одном прошу: похороните меня согласно моей вере...

Его голова бесчувственно упала набок, дыхание затихло, с губ сорвалось несколько крупных капель крови, и сухая земля мгновенно впитала их. Кэно бросил мертвое тело. Информация, данная Бесом, подтвердилась, и можно было не сомневаться в ее подлинности. С этим можно было возвращаться на родину, а там разыскать Аарона Фьюри и через него выйти на вожака врагов...

— Дайте теперь мне рацию! — приказал Кэно, направляясь к покинутым кишлакам, за которыми остался «Симург».

— Вы его не похороните?! — с удивлением и даже возмущением спросила Кира, глядя на окровавленное тело Рахима Ашери.

— С чего бы?

— Он хоть и враг вам, но это вера! Кафиру не понять...

— Ну да, «кафиру не понять», — Кэно остановился, поставив руки на пояс, и плюнул на землю. — А то, что я друга своего похоронить нормально здесь не смог, это понять? Друга, с которым я такую мясобоюню прошел! Того самого Шайтана из Пакистана! Это любой должен понять...

Кира вздохнула со смирением:

— Мир праху его. Я понимаю.

Вернувшись к джипу, Джарек занялся рацией, настраивая частоту. Покончив с настройками, он передал микрофон главарю. Тот низким голосом затянул знакомый мотив:

*Даже не думай, что я буду твоим рабом,
Пусть у тебя и есть богатство и власть.
Даже если ты пронзишь мое сердце клинком,
Я не покорюсь тебе, знай...*

Сперва никакого ответа по каналу связи не поступило, но через минуту бодрый мужской голос ответил, скорее сбивчиво проговорив, а не напевая текст:

*Сегодня Новый День — все радуются, но не на моей земле.
Ибо разрушена моя страна.*

*Что случилось? К нам пришли волки — зачем?
За что отняли последний кусок хлеба у меня?*

Кэно удовлетворенно вдохнул полной грудью и ответил:

Почему стала для них добычей моя свободная земля?

— Опять эта песня? — не смогла молча скрывать удивление Кира.

Джарек усмехнулся:

— Это наш пароль здесь. Чтоб не привлечь внимания.

Из радиостанции звучал восторженный голос Призрака:

— Паук, наконец-то! То есть, прием, я Скорпион! Сделано дело? Все живы?

— Информация при встрече, Скорпион. Вытаскивай нас.

Кэно передал байкеру координаты и объявил конец связи. Теперь оставалось только ждать, и он наконец-то позволил себе перекусить холодной лепешкой с бараньим фаршем.

Вдалеке послышался шум пропеллера. Он приближался медленно, и в тумане не скоро обозначился темный силуэт вертолета. Он начал снижение над погибшей автоколонной, и на его борту стала различима эмблема Международного Красного Креста.

— Куда мы держим путь? — поинтересовалась Кира.

— Обратно через Китай нам нельзя, когда мы подожгли задницу тамошней мафии. Полетим на Пакистан, вроде как на базу МКК в Пешаваре. Но на самом деле оттуда будем ехать на Индию. Потом перелет нелегальным рейсом в Манилу. А там уже нас примут на борт судна южноамериканские пираты. С ними до родных берегов, оттуда в Детройт. В Детройте у нас секретная база. Вот такой маршрут, детка. Хоа хафез, Афганистан!

Кира с щемящей печалью обвела взглядом широко распахнутых ясных глаз утопающие в тумане горы. Сердце ее трепетало от мыслей о предстоящей новой жизни с «Черными драконами», но решительно прощаться с родиной... Это была неизбежная трудность. Эту нить проще разрезать быстро.

На борту вертолета стоял высокий человек, одетый в черное. Он помахал руками, подзывая боевых товарищей. Девушка застыла, опустив голову, словно в почтении перед исполинами-скалами в белых снежных шапках и накидках из свинцового тумана — вечными стражами гордого Востока. А потом вдруг, сжав кулаки, сорвалась с места, обгоняя молчаливых мужчин, и одновременно с их лидером села в вертолет.

Полет проходил в молчании. Призрак сосредоточенно пилотировал «вертушку», ни о чем не расспрашивая утомленных боем товарищей. Картер решил вздремнуть, Джарек, как вдохновленный живописец, любовался пейзажами внизу, Кира с замиранием сердца наблюдала, как Кэно от нечего делать перебрасывает в руке сверкающий резным лезвием нож. Клинок трепетал и порхал, как ночной мотылек, танцующий в воздухе перед манящим пламенем. Кира изучила взглядом руки анархиста — его ладони были небывало грубы, покрыты шрамами и давнишними толстыми мозолями и еще свежими мелкими ранами, но ловкость этих грубых мужских рук и четкость каждого движения поражала до глубины души. Если, по распространенному мнению, можно было вечно смотреть на две вещи — огонь и воду, — то к ним добавилась теперь третья — нож в руках Кэно.

* * *

После долгого суматошного пути практически без остановок и отдыха, грязные, вымотанные, пропахшие потом, изнуренные жарой, тряской на пыльных бездорожьях, отсутствием нормального сна, голодом и жаждой анархисты в порту солнечной Манилы взошли на борт корабля современных пиратов. На нагретой солнцем просоленной палубе пахло рыбой и пивом. Прибывших странников встретили двое членов экипажа: длинноногая белокурая девица в кожаных штанах, кедах и обтягивающей белой футболке и высокий темнокожий бразилец с беспорядочными непослушными черными кудрями, одетый в ветровку камуфляжного цвета, протертую везде, где только можно, джинсы, старые кроссовки и перчатки с обрезанными пальцами. За ними вышел, чтобы возглавить «делегацию», седовласый капитан с несколько простодушным взглядом. Он носил потертую черную кожаную куртку поверх темно-бордового спортивного костюма.

— Рад видеть тебя, Кэно! — с улыбкой крикнул капитан.

— Здорово, Биннак! — ответил анархист, кивком приветствуя пирата.

Он твердо пожал руку капитана, после мужчины крепко обнялись.

— Это Биннак, капитан корабля, — представил Кэно соратникам старого друга, а затем указал на женщину в белой футболке: — А это Джола.

— Вас ждет свежая жареная рыба и холодное пиво, — уведомила гостей Джола, поправляя светлые, растрепанные морским бризом волосы.

Кэно указал на высокого бразильца — мужчина приветливо улыбался, сверкнув белыми зубами:

— Это Хесус, он же Сельдяной Король.

— Рыба есть такая, — пояснил Хесус, — серебристая, вытянутая, как ремень, рыба с красными плавниками. Один из плавников образует... ну... типа, корону на голове.

— Они плавают в косяках сельди, — продолжил Кэно его объяснение, — а Хесус по молодости ходил на рыболовецком судне, удил эту самую сельдь. Но признаваться не любит. Ну, как вы тут? — поинтересовался он делами пиратов.

— Да никак! — отмахнулся Хесус.

— Совсем? — недопонял анархист. — Отступные-то получили за своих заложников?

— Нет, — посмеиваясь, покачал головой Сельдяной Король.

— И почему же?

Бразилец отвел глаза в сторону и стыдливо, но в то же время сдерживая смех, ответил:

— Это оказались контрабандисты...

Анархисты расхохотались.

— Вы даете, сука! — качая головой, продолжал безудержно хрипло смеяться Кэно. — Взять в заложники контрабандистов! Конечно, за них вам бабки хрен кто даст — их там вообще не должно было быть! Нечего сказать, потешили старину!

Хесус тоже рассмеялся, припоминая эту донельзя нелепую и абсурдную историю.

Кэно вновь обрел серьезность и встретился взглядом с капитаном. Тот сразу понял — что-то произошло.

— Мне нужно переговорить с тобой, кэп, — обратился лидер «Черных Драконов» к Биннаку.

— Ну, сейчас твои люди пойдут приводить себя в порядок и обедать — а мы пока поговорим, — согласился Биннак.

Джола и Сельдяной Король провели анархистов в каюты, шумно расспрашивая о том, что они видели, что пережили в чужой стране. Когда их настойчивые крики затихли, Кэно положил на плечо Биннака тяжелую ладонь и сообщил безрадостную новость:

— Значится так, старина. Твой сын Кибрал погиб в Афганистане.

Капитан сбросил чужую руку со своего плеча и отвернулся, на его шее резко качнулась толстая серебряная цепь. Он молчал. Кэно мельком взглянул на него — Биннак смотрел вдаль невозмутимым холодным взглядом, но по загорелой скуле катилась слеза.

— Как это случилось? — наконец, смог выговорить Биннак.

— Да как? — развел руками Кэно. — По его собственной вине. Я предостерег... Но ему ж надо было выпендриться! Душманы засунули ему в рот автомат и расстреляли.

— «Выпендриться»... Да, он всегда был таким. Но знал же, что за страна!

— Да что там говорить?! Двоих людей потеряли в этом рейде!

— Кто второй? — сочувственно спросил капитан.

— Бес, наш информатор. И мой старый друг... Идиотская и бессмысленная смерть — гюрза, мать ее! — Кэно с возмущением харкнул за борт. — Да я тоже хорош. Поперся туда, решил молодость вспомнить — теперь вот без глаза остался. Мать моя женщина!

Биннак покосился на окровавленную и грязную повязку на лице анархиста, которую давно не помешало бы сменить.

— В Германию тебе надо ехать, Кэно, — посоветовал капитан. — К этому доктору Генриху Вайнеру. Он-то тебе поможет.

— Да брось, Биннак, — махнул рукой Кэно, — там уже ничего невозможно сделать.

— Так Вайнер же никогда не говорит: «Невозможно», — настойчиво продолжил убеждать его пират. — Он-то в свое время тебя на ноги поставил, когда все говорили: «Ничего невозможно сделать».

— Тогда, старина, все было намного проще... Да что с этим париться? Это не смертельно. Можно жить и с одним глазом...

Биннак положил руку на плечо Кэно и предложил ему пройти за остальными:

— Давай выпьем — помянем моего сына и твоего соратника...

Анархист резко развернулся и грозно зыркнул на него, будто выстрелил:

— Старик, пить нужно за живых, а мертвых оставь в покое, — сердито приказал он. — Мы-то живы.

— А ты все дальше будешь воевать за свою анархию? — поинтересовался пират.

— За нее родимую! — Кэно горестно приподнял брови и усмехнулся. — Я помру за нее!

Биннак глядел на него с тревогой.

— Помереть всегда успеешь, а пожить?

Террорист свысока посмотрел на него, как на ненормального.

— Опять ты за свое, кэп?! — он снисходительно покачал головой. — Ты же бандит, грабитель и вымогатель, а так простодушен! Пойми, старина, мне нравится моя жизнь!

— Как знаешь, — согласился Биннак. — Главное, чтоб жалеть ни о чем не пришлось...

Кэно не принял его слова во внимание. Его задумчивый взгляд скользил по линии горизонта, где гладь океана сливалась с безоблачным небом. Такое спокойствие и пустота навевали скуку и тоску...

— Черт с тобой, кэп! — плюнул на беседу Кэно. — Пойду к своим.

— Не торопись, Кэно, — задержал его тот. — Есть к тебе просьба.

— Что за просьба, Биннак?

— Не говори Джоле о смерти Кибрала, пожалуйста, — шепнул капитан на ухо лидера «Черных драконов».

Кэно глянул на него с безразличием, на его загорелом потном лице читалась только усталость.

— Это тебе решать, старик, что говорить своей дочери. Я пошел.

— Ты смотри нас не забывай! — крикнул пират вдогонку террористу.

Кэно обернулся. Он утомленно улыбался.

— Ага! Забудешь тут вас, после всего! — бросил он. — Удачи, кэп!

Биннак махнул ему вслед рукой и уставился на спокойную бирюзово-синюю воду.

Через пару месяцев после переезда в США Кира перестала волком смотреть на окружающих. Она становилась более открытой для эмоций и словно спешила впитывать новую жизнь. Вскоре девушка стала полноценным членом клана «Черный дракон», и Кэно взялся лично обучать ее рукопашному и ножевому бою. В честь этого события она украсила свое плечо черно-красной татуировкой в виде герба клана. Кире давно нравилось это цветовое сочетание. После вступления в ряды анархистов она обыкновенно носила черные военные ботинки, красные брюки, черный кожаный топ и красную жилетку. Одежда прекрасно подчеркивала ее фигуру — девушка всегда была стройной и даже худощавой, с тонкими запястьями и изящными ключицами, небольшой аккуратной грудью и гибкой талией, а рельеф мышц, становящийся от регулярных тренировок все выразительнее, только украшал ее, уподобляя бронзовой статуе амазонки. Любой, кто встречался с Кирой взглядом, ощущал, какая страстно-пламенная душа жила в этом дисциплинированном теле. А чтобы менее походить на женщину с Ближнего Востока, девушка перекрасила волосы в красновато-рыжий цвет.

Осенью Джарек все-таки уболтал главаря смотаться в Германию к Генриху Вайнеру — хирургу с мировым именем.

— Ты знаешь, я никогда не говорю: «Невозможно», — еще раз повторил ему Генрих. — Только на разработки уйдет не один год.

— Я никуда не спешу, — отвечал Кэно.

Вожаку оставалось только покорно ждать.

Февраль 1989 года выдался по-весеннему теплым. Ясным вечером Кэно сидел на крыше заброшенной детройсткой электростанции, служившей штабом «Черным драконам», и беспечно смотрел на закат. Кира была рядом. Она пристально вглядывалась в его лицо, и он почувствовал ее навязчивый взгляд.

— Что, не нравятся шрамы? — спросил он.

Теперь Кэно носил на правом глазу черную повязку, из-под которой расходились глубокие, пугающего вида рубцы, уродующие правую половину лица. Но Кира была другого мнения:

— Отчего же? Тебе идет. Ты на пирата похож.

Кэно горестно улыбнулся:

— Вот так, сбылась мечта стать пиратом! Да вообще, анархисты и пираты — братья по духу. Любовь к свободе! Некоторые думают, что и ножи у меня похожи на пиратские...

— Чего ты хочешь?

— В жизни — создать анархическое государство. Конкретно сейчас — есть.

Кира ненадолго ушла и принесла тарелку плова. Анархист достал из-за пояса нож и приступил к ужину. Кира наблюдала за ним с каким-то угнетением и тоской.

— Будем ругаться с тобой, Кэно, — проронила она.

— Почему это вдруг?

— С ножа ешь — значит, драчливая натура.

— Да ладно, детка, я с детства еще так привык. Хотя, отрицать не буду — драться я люблю. Но с тобой драться больше не буду — мне и одного раза хватило, — он усмехнулся, потирая Т-образный шрам на ребре ладони, оставленный чурой.

Кира грустно взглянула вдаль.

— Просто странно как-то: у меня на родине плов руками едят.

Кэно поднял на нее взгляд, их глаза встретились. Анархист сразу понял по ее печальному отчужденному взгляду — она не избежала противоречивой тоски по родине. Воинственный, живущий традициями предков Афганистан, красивый и суровый, властный, но родной... Он навсегда остался далеко, Кира уже не вернется назад. Никогда.

— Все же... Скажи, детка, а почему ты сражалась за моджахедов, если тебе хотелось свободы? Это ведь была война не за свободу, а за диктатуру самих себя. Тем более, ислам угнетает права женщин. На кой черт тебе это было надо — переодеваться в мужчину и воевать на «священной войне»?

— Это была война за мой дом, моих братьев, мою веру. Я не собиралась после гибели моей семьи сидеть и ждать, когда коммунисты придут хозяйничать на наших землях! Чужакам там не место, не говоря уже о том, чтоб нести туда свои порядки! Да, я выбрала меньшее из двух зол, но это был действительно джихад, — Кира сложила руки и взглянула с надеждой в небеса, — Аллах, храни мой народ!

Кэно взглянул на нее с восхищением и уважением.

— Это я и хотел услышать. Знаешь, детка, говорят, что из Афганистана ушел последний советский солдат. Из твоей страны официально вывели войска!

Лицо Кире озарила натянутая улыбка, но в холодных серых глазах оставалось уныние.

— Спасибо за эту новость. Может, теперь все будет хорошо.

— Все будет хорошо, если будешь в это верить, детка. Как говорил Че Гевара, «до победы — всегда»!

Он поставил тарелку на серые кирпичи и прижал Киру к себе. Кровавый закат отражался в их усталых глазах. На его груди сверкал серебряный крест, а на ней ветер трепал красную футболку с гербом Афганистана. Где-то на Ближнем Востоке над горами и мечетями, как всегда, кружили орлы. Реяли орлы и над горными хребтами и прериями Северной Америки. Птицы разных видов, но одного рода, отличные внешне, но имеющие один образ жизни. И два человека на крыше заброшенной электростанции — американец австралийского происхождения и афганская девушка, атеист и последовательница ислама — были подобны им. Их объединяли характер, идея и вера в заветную свободу. «До победы — всегда»! На этой священной войне они теперь всегда будут вместе.

4. Игра в бога

Осенний вечер в Детройте выдался хмурый и дождливый. За городом, в окрестностях озера Эри трое мотоциклистов ехали по грязным дорогам к заброшенной электростанции. Это были молодая белокожая азиатка с короткими черными волосами, крепкий японец средних лет в черной одежде, длинные волосы которого были собраны в косу, и загадочный широкоплечий человек в круглых черных очках и кожаной бандане, нижнюю часть лица которого скрывал черный платок. Доехав до станции, байкеры припарковали мотоциклы и через разбитое окно пробрались внутрь. Они знали о том, что на самом деле работа станции была возобновлена. Им также было известно, кто и в каких целях использует электроэнергию. Женщина и двое мужчин вошли в аппаратную и поприветствовали работника.

— Вход на базу открыт, — ответил тот, нажав несколько клавиш на пульте управления.

Пришедшие спустились в машинный зал, где стоял монотонный гул, и подошли к огромному люку на полу. Люк со скрежетом открылся. Японец достал фонарь и осветил лестницу, ведущую глубоко под землю. Он начал осторожно спускаться вниз, женщина направилась за ним, схватив мужчину за плечо, человек с закрытым лицом пошел последним, нажав на стене кнопку. Люк закрылся за байкерами. Лестница привела их к подземным коммуникациям. Люди прошли мимо множества бронированных дверей с кодовыми замками и детекторами отпечатков пальцев, пока не спустились к самой нижней двери многоярусного секретного подземного комплекса. Японец встал напротив тяжелой черной двери. Рядом располагался датчик движения, сканер отпечатков пальцев и диктофон. Японец положил правую руку на сканер.

— Кодовое имя? — запросил компьютер.

— Тремор, — ответил японец.

— Данные подтверждены.

Створки двери медленно раздвинулись и закрылись сразу, как только Тремор вошел. Женщина подошла к пульту и также положила на сканер правую руку.

— Кодовое имя?

— Тасия.

— Данные подтверждены.

Как только тяжелые створки двери захлопнулись за спиной Тасии, к сканеру подошел мужчина с закрытым лицом. Он снял с правой руки кожаную перчатку и прикоснулся к сканеру ладонью. На его руке не было ни единого живого места от шрамов и следов глубоких ожогов.

— Кодовое имя?

— Безликий, — глухим хриплым голосом ответил мужчина.

— Данные подтверждены.

Безликий уверенно шагнул сквозь дверной проем в длинный коридор, освещенный лампами дневного света.

— Пошли быстрее, — поторопил его Тремор.

В коридоре дежурили трое мужчин в бронежилетах и с автоматами Калашникова.

— Хой! — поприветствовал их Тремор. Охранники базы ответили ему кивком.

Тремор, Тасия и Безликий прошли в самый конец коридора к широкой черной двери. Около двери дежурили еще два охранника.

— Мы вернулись с задания, — объяснил им Тремор.

Один из охранников постучал в черную дверь и вошел в кабинет. Спустя минуту он вернулся, объявив:

— Он вас ждет.

Тасия, Тремор и Безликий вошли в просторный, отделанный дубом кабинет, где на стенах среди внушительной коллекции собственноручно изготовленных главарем ножей висели флаг «Черных драконов» и черное знамя с известным анархическим символом «А» в круге. В высоком кожаном кресле, на спинке которого лежала шкура койота, сидел Кэно и что-то просматривал на компьютере.

— Ну что, вы навели справки? — спросил он, взглянув на прибывших.

— Да, — уверенно отвечал Тремор. — Аарон Фьюри, он же Пилигрим — один из многих наркоторговцев из Нью-Йорка. Его шестерки, согласившиеся помочь нам за

определенную плату, говорят, что он уже давно сотрудничает с «Красными драконами» и китайской мафией. Они помогут взять его, но... нужны еще деньги. Боюсь, у нас их нет.

— Я выдам любую сумму, — спокойно заявил Кэно. — Вам известно, что такое АЧК?

Тремор растерянно пожал плечами.

Кэно развернул монитор к нему, и Тремор взглянул на изображение черного креста, увенчанного кулаком.

— АЧК — это Анархический Черный Крест. Их герб означает: «Сила в единстве!» — слабые пальцы вместе образуют сильный кулак. В настоящий момент эту организацию возглавляет выходец из нашего клана — Джефф Картер. Их цели — ликвидация тюрем, помощь попавшим в беду анархистам, то есть оплата услуг адвоката или врача, медикаментов или хирургических операций и тому подобное. Но их основное занятие — это сбор средств с общественности. Эти средства они любезно предоставляют нам. Думаете, в наше время анархизмом мало кто интересуется? Как бы ни так! Сейчас АЧК передает нам миллионы долларов. Это без выручки, которую мы получаем благодаря террористическим акциям. Так что денег до хера! Мне нужны только гарантии. Кто этот ваш союзник?

— Недовольная пешка. Очень любит деньги и остальное его мало интересует. Когда возьмем Аарона Фьюри — пришьем этого малого. Зачем нам свидетели?

— Если вы уверены на все сто — действуйте. Я хочу выйти на их босса. Насколько вам известно, стая разбегается, когда погибает вожак. Так уничтожить их будет гораздо проще.

— Кэно, — прервал его Безликий. — Ты уверен, что нам стоит тратить время, деньги, силы и боеприпасы на войну с «Красным драконом»?

— Разуйте глаза! Власти у них, конечно, поубавилось — благодаря нам — но невозможно так просто убить змею, которую тайно кормит с руки правительство! Мы не сможем вести войну за анархию, пока эти ушлепки целятся нам в спину! — злобно ответил вожак.

Тремор вздрогнул всем телом, посмотрев на лицо Кэно. Японец несколько раз перевел взор то на черную повязку на его правом глазу, то на живой левый глаз. Взгляд главаря переполняла немая ярость.

— Завтра мы отправляемся, — объявил японец, нервно дергая молнию косухи. — В скором времени Пилигрим будет здесь. Мы всегда на связи, остаемся на той же частоте.

— Что ж, действуйте, — ответил Кэно. — Вы свободны.

Тремор вышел из кабинета, еще раз растерянно взглянув на лидера клана, Безликий следовал за ним. Тасия, прежде чем покинуть кабинет, подошла к Кэно и, опустив воротник его черно-красной кожаной жилетки, нежно погладила его рукой по спине, плечам и шее.

— Расслабься, друг мой. Ты по-прежнему нервничаешь, как будто тебе всю ночь снился кошмар...

Кэно плотоядно лязгнул зубами и выхватил из-за пояса нож.

— Прикуси язык, детка. Иначе придется тебе его укоротить за такую дерзость.

Тасия ласково погладила его по руке, и он опустил нож.

— *You're the Bad Guy*, — шепнула она ему на самое ухо, — *But I like you; you're the strongest of the all...*

Она направилась к двери и, уже собираясь идти, послала ему воздушный поцелуй. Главарь сделал вид, что не заметил этого жеста. Он просто открыл банку пива и влил все ее содержимое себе в глотку.

— Да уж, Тасия. Все никак не можешь забыть, — прошептал он, облизывая сухие губы. — *Angie, baby, they can't say we never tried...*

— Я кое-что принес тебе, дружище, — заявил Джарек, неожиданно войдя в кабинет. Кэно чуть было не подавился пивом и ударил кулаком по столу.

— Черт бы тебя побрал!

— Ах, простите, что без приглашения, босс, — огрызнулся Джарек, но тут же вновь сменил тон на весьма дружеский: — С меня пиво. А пока я принес планы системы безопасности базы.

Он кинул на стол диск.

— Я просмотрю чертежи несколько позже, — ответил Кэно. — Я только что отправил бойцов на ответственную операцию.

— Безликого, Тасию и Тремора? — перебил его Джарек.

— Ага. Что скажешь об исходе этой операции?

Джарек закрыл глаза, коварная ухмылка на мгновение исчезла с его лица, он перебивал в глубокой сосредоточенности.

— Я полагаю... они справятся лучше, чем можно было ожидать, — заключил он.

— Что ж, тогда ждем подтверждений этому «пророчеству», — произнес Кэно, расслаблено развалившись в кресле, и открыл новую банку пива.

* * *

В чайна-тауне Квинса ночь выдалась беспокойной. Впрочем, здесь было вполне привычно слышать вой полицейских сирен, выстрелы и крики. Трое байкеров — Тасия, Тремор и Безликий — припарковали мотоциклы около суши-бара. Неказистая неоновая вывеска с изображением дракона в восточном стиле, двумя иероглифами и надписью «Golden Dragon», несомненно, ни за что не вызвала бы доверия к местной кухне.

— Не могу поверить, что этот ушлепок Фьюри выбрал для встречи с клиентом такую загаженную забегаловку! — с отвращением бросила Тасия.

— Зато вряд ли кому-то придет в голову искать его здесь, — заключил Безликий. — Ну что, зайдем?

Они зашли в суши-бар, весьма мрачный из-за черной мебели и красно-оранжевого приглушенного света. Тремор выбрал столик у двери, чтобы внимательно следить за всеми, кто войдет в помещение. Официантка — азиатская девушка в алом кимоно — приняла у них заказ.

— Я все понимаю, суши-бар в китайском квартале, но неужели трудно было достать японские кимоно, а не китайские?! — не мог не критиковать такой просчет заведения Тремор.

— Тебя так задевает это? — удивилась Тасия. — Такой патриот вдали от дома?

Японец покачал головой:

— Дело даже не в корнях. Это глубже... Я убежден, что был воином-тенью в одной из прошлых жизней.

— Тебе это приснилось? — не без иронии поинтересовался Безликий.

— Да приснилось, прикинь! Сам сопоставил факты с историей ниндзя, — с возмущением ответил Тремор, — после много лет повторяющихся кошмаров. Мне и сейчас часто снится, как я, укрывшись в засаде, жду того, кого мне заказали — полководца Оду Нобунагу. Я стреляю в него. Дважды. Пули ударяются в панцирь, но не пробивают его. Я бегу, но... меня хватают. Подвергают долгим изощренным пыткам, истязают, а потом... мне готовят жестокую казнь: меня по пояс закапывают в землю, приносят пилу, надпиливают шею с двух сторон, а потом объявляют гражданам провинции, что каждый из них может отрезать любую часть моего тела. Это сон, одна ночь... но в нем проходит три дня. Это чувствуется всякий раз отчетливо. Толпа не расходится три дня! А на третьи сутки меня, все еще живого, распинают.

Его собеседники не нашлись, что ответить на это ужасающее откровение. Не важно, врал ли их боевой товарищ насчет веры в реинкарнацию, — никому не хотелось бы жить с бесконечной чередой подобных кошмаров. В суши-бар вошел белый человек в кожаном пальто и темных очках. В правой руке он держал дипломат с кодовыми замками. Мужчина поправил уложенные гелем волосы и прошел мимо барной стойки к красной двери в конце зала. Когда человек скрылся за дверью, Тремор, Тасия и Безликий направились за ним. За дверью оказался коридор, в котором не было дверей, а только арки, завешанные шелковыми шторами в темных тонах с вышитыми восточными драконами. Человек с дипломатом вошел в одну из комнат, у входа в которую стояли две стройные азиатки в черных кимоно. Они поприветствовали белого мужчину поклоном и задернули за ним шторы. Тремор хотел идти за ним, но женщины в черном преградили ему дорогу.

— Эй! Мы с ним! — пытаюсь пройти, выкрикнул Тремор и неожиданно получил сильный удар кулаком в челюсть. Тут же азиатка в прыжке пнула его ногой в грудь. Женщины-охранники сбросили кимоно и оказались в кожаных брюках и корсетах. Воительницы приняли боевые стойки.

Тремор сбросил косуху. Под курткой он был облачен в коричневые кожаные доспехи — на нем были кираса, наплечники и накладки на руки, а вокруг торса через левое плечо была намотана цепь, увенчанная крюком. Тасия выхватила из-под длинного кожаного плаща две катаны, в руке Тремора сверкнули четырехконечные метательные звезды. Одна из воительниц в черном перехватила в воздухе руку Тасии и собиралась нанести удар ногой в печень, но искусная фехтовальщица увернулась, выкрутив сопернице руку, и пронзила катаной ее сердце. Тремор метнул четыре звезды во вторую воительницу, но та очень ловко уклонилась от них. Японец выбросил цепь с крюком вперед, но женщина пригнулась, Тремор повторил маневр — она перепрыгнула через цепь. Вдруг что-то неистово пронеслось перед его глазами — и враг рухнул на пол с перерезанным горлом. Тасия улыбалась, поглаживая рукоять катаны. Тремор на миг отодвинул ширму и метнул в комнату оставшиеся звезды. Раздались вскрики и хрипы. В следующую секунду из-за ширмы начали стрелять. Не долго думая, Безликий выхватил из кармана косухи гранату и зашвырнул ее в комнату. Грянул взрыв, из зала послышались нецензурные крики, следом раздался вой пожарной сигнализации.

— Ты идиот! — заорал Тремор, сворачивая цепь и вновь надевая косуху. — Все было нормально, тихо, а теперь хозяева ресторана наверняка послали за фараоном! Чтоб ты сдох, пиротехник хренов!

Тасия вошла в комнату. В воздухе клубился дым, на полу лежали изрезанные осколками тела официантки в кимоно и четырех охранников в строгих костюмах, с пистолетами в руках. По комнате разносился аромат разбитого кальяна, шелковые подушки и циновки на полу были залиты кровью. Возле двух открытых дипломатов лежал в полуобморочном состоянии белый человек, за которым байкеры и пришли. Напротив него еще один мужчина — китаец в костюме-тройке с окровавленным лицом — пытался прицелиться в «Черных драконов» из пистолета, но Тремор всадил ему в руку железную звезду.

— Кто из вас Аарон Фьюри? — строго спросила Тасия.

— Пилигрим?! — переспросил мужчина, выронив пистолет и корчась от боли. — Это белый.

Тремор подошел к Пилигриму и пнул ногой тело. Фьюри застонал.

— Жив, родимый! — злобно ухмыляясь, сказал японец. — А ты сам что за птица?

— Йон Шао, — прохрипел китаец.

— Китайская мафия, — сказал Безликий. — Нам до него дела нет.

Он достал пистолет и оборвал мучения гангстера выстрелом в голову, а затем достал еще одну гранату и швырнул ее в угол комнаты. После взрыва в стене образовалась огромная дыра. Безликий выбежал из здания, нашел ближайший канализационный люк и отодвинул крышку. После он вернулся и помог Тремору затащить в люк Пилигрима. За ними спустилась Тасия, прихватив оба дипломата. Безликий закрыл крышку люка, достал и включил карманный фонарь. Байкеры стояли по колено в грязной зловонной воде. Тремор взвалил тело Аарона Фьюри на плечо и вместе с товарищами стал изучать содержимое дипломатов.

— Да-а, операция самоокупилась, — проговорил он, глядя на новенькие зеленые купюры. — Что во втором?

— Скорее всего, наркота, — ответила Тасия. В дипломате лежали шприцы с какой-то мутной жидкостью.

Тасия достала рацию:

— Пантера вызывает Паука, прием!

— Паук на связи, прием! — ответил ей искаженный помехами голос Кэно.

— Рыба на крючке. Мы взяли его, — доложила она.

— Все чисто?

— Да. Мы даже не встретились с легавыми. И еще: мы изъяли у него некоторую сумму денег и неизвестный препарат.

— Слушай меня внимательно, — строго заговорил главарь, чеканя каждое слово, — мой приказ: ни за что — слышите? — ни за что не пробуйте эту дрянь! Усекли? Особенно Безликий!

— Приказ понятен. Нам не нужно повторять дважды. Мы выдвигаемся на базу.

— Хорошо, — довольно ответил Кэно. — Пантера, прием окончен.

Тасия отключила рацию и взглянула на союзников.

— Как будем действовать?

— Я немного ориентируюсь в этих подземельях, — заявил Тремор. — Выйдем на поверхность подальше отсюда, а дальше... будем действовать по ситуации.

Полчаса путешествия по вонючим тоннелям канализации оказались до тошноты утомительными. У Тасии дико разболелась голова, Тремор курил, не переставая, лишь Безликий держался относительно хорошо.

— Поднимаемся и ловим машину! — воскликнул, остановившись, Тремор. — Я больше не могу.

Они оказались в совершенно темном переулке среди бедных домов, окна на первых этажах были заколочены досками либо заложены кирпичом.

— Как ты собрался ловить машину, дорогой? — ехидно спросила Тасия. — Тебе не кажется, что трое людей в одежде, перепачканной дерьмом, с чемоданом денег и таким же чемоданом наркоты, которые еще и тащат за собой истекающего кровью мудака, выглядят несколько подозрительно?

— Сейчас покажу, — спокойно ответил японец.

Он коснулся своего лица рукой, испачканной кровью Аарона Фьюри, под носом и в углу рта, вышел на узкую дорогу и стал ждать. По дороге медленно ехал обшарпанный белый фургон. Тремор выставил вперед руку с поднятым большим пальцем. Фургон остановился, Тремор подбежал к двери. Молодой мужчина за рулем устало взглянул на него.

— Порошу, довезите меня до больницы! — с придыханием взмолился японец. — Меня избили и ограбили! Умоляю!

— Ладно, садись, парень, — сжалился водитель.

— С удовольствием, — прошептал японец, выставив из-за спины руку с пистолетом. — Живо из машины! Руки за голову!

Мужчина испуганно выполнил требование. Тремор ткнул пистолетом ему в спину:

— Ну, пошел вперед!

Уведя водителя в переулок, японец отобрал у него ключи и, не церемонясь, пристрелил незнакомца. Безликий помог Тремору погрузить в фургон Пилигрима. Японец сел за руль, Тасия села рядом с ним, Безликий остался в кузове вместе с добычей. Тремор со всей силы нажал на газ. Он успел выехать из города до того, как мосты в этой части Нью-Йорка перекрыли, а полиция получила приказ останавливать всех с похожими приметами. Они гнали практически без остановок, не считая заправок, до самого Мичигана. Лишь в маленьком городишке на берегу реки Детройт они сделали остановку. Тасия немного перевязала раны Аарона Фьюри, чтобы пленный не умер от потери крови. Пилигрим не приходил в себя. Украд одежду у первых встречных, анархисты зашли в ближайший бар перекусить, — правда, Безликий забрал еду с собой и поел в машине, не желая показывать своего лица, — после чего «Черные драконы» немного отдохнули в фургоне. Им оставалось только вернуться на базу.

* * *

— Пилигрим. Аарон Фьюри. Я знаю: ты уже пришел в себя, — шептал Тремор, склоняясь над пленным. — Хотел с тобой по-хорошему, типа, ты уже и так ранен, а ты... Не хочешь говорить с нами — так мы заставим.

Аарон лежал в темном и сыром подвальном помещении на холодном полу в одних штанах, все его тело сочилось кровью. Тремор взял две пачки соли и одну за другой разорвал их над над израненным телом Фьюри, обильно засыпав резанные и рваные раны. Пленник пронзительно закричал, из его глаз брызнули слезы, он корчился на полу и стонал сквозь стиснутые до боли зубы.

— Ну что, еще подсолить? — язвительно спросил Тремор. Наученный собственными кошмарами, этот японец был мастером пыток, и сам процесс причинения боли ему не просто откровенно нравился — будучи изощренным изобретателем чужих мучений, он стал бесчувственным к собственной боли, как в ужасающих снах, так и в реальной жизни. В этом было и одно из значений его прозвища — он любил вызывать у захваченных врагов дрожь.

— Не-е-ет! Хватит!!! — взмолился Аарон Фьюри.

— Тогда говори: на кого ты работаешь?

— Не знаю имя, знаю прозвище — Бог... — теряя сознание от боли, прошептал Пилигрим.

— Молодец, — похвалил Тремора Кэно, войдя в подвал. — Теперь избавь его от мучений. Прикончи его — он более нам не нужен.

— Он только погоняло сказал... — удивился ниндзя. Кэно успокоил его:

— Этого достаточно. Настоящее имя мне известно — это Дагон.

Ниндзя выхватил из кармана метательное лезвие и всадил его в темя Аарона Фьюри. Все мышцы убитого расслабились, по полу от его русой головы расплзлась лужа свежей крови.

— Дагон, — задумчиво повторил Кэно. — Известный гангстер... в прошлом. Он вполне может быть лидером клана. Что ж, прикончить его будет гораздо проще, чем я думал.

— У тебя есть план? — поинтересовался ниндзя.

— Именно.

— Какой?

— Скажу так: я знаю его слабость, — ответил Кэно.

— И что же это за слабость? — осведомился Тремор.

Кэно зловеще ухмыльнулся:

— Азартные игры.

* * *

Красочные огни подпольных казино заманивали людей в свои сети, как мифические девы сирены мореплавателей, несмотря на любые риски. Спиртное, карты и деньги были наркотиками во все времена, и игорная индустрия современного мира рубила огромные прибыли на неконтролируемом азарте игроков, чему никак не мешало отсутствие официального разрешения на эту деятельность. И самое крупное из подпольных казино Нью-Йорка при ипподроме «Belmont Park» выглядело потрясающе роскошно, в соответствии со своими доходами.

— Я вижу, Вы здесь впервые? — обратился охранник к мужчине в дорогом бежевом костюме-тройке и рыжеволосой девушке в эффектном красном платье, которые только что вошли в ярко освещенный зал с бело-золотыми колоннами.

— Да, — ответил мужчина с хитрым блеском в прищуренных глазах.

— Что ж, добро пожаловать.

Мужчина взял свою спутницу под руку и повел ее вперед. Ее длинное красное платье выглядело завораживающе, свет маняще играл на каждой складке, ярко-алая ткань с легким блеском подчеркивала прекрасную фигуру. Мужчина пригладил бородку и поправил черный с красными полосами галстук, гармонирующий с бордовым жилетом.

— Ну что, красавица Кира, бросим вызов теории вероятности? — спросил он.

— Давай, прорицатель Джарек, продемонстрируй на практике свои навыки, — ответила девушка, игриво поправив золотую сережку с темно-красным камнем в левом ухе.

Джарек купил фишки и пошел играть в рулетку. У стола толпились люди — многие уже сделали ставки. Он подошел к столу, закрыл глаза и напряженно сосредоточился. В уме ураганом проносились красные и черные цифры.

— Зеро! — выкрикнул Джарек, делая ставку.

Предчувствие не обмануло — выпало именно зеро.

— Играем на все? — хитро спрашивал Джарек Киру, приподняв правую бровь.

— Давай! — азартно подхватила она и подмигнула. Джарек снова закрыл глаза на несколько секунд, напрягая все мышцы лица, отчего на висках проступили пульсирующие жилы.

— Шесть! — заявил он полным решительности голосом.

Золотое колесо с черными и красными гнездами вновь закрутилось, а когда сбавило обороты, шарик скатился в черное гнездо с цифрой шесть. Джарек поставил на то же число, другие игроки начали подозрительно перешептываться.

— Шесть, — объявил крупье. — Играете еще?

— Нет, я уйду с этими деньгами, — ответил Джарек.

— Может, еще разок? — попросила Кира, захваченная первым знакомством с азартными играми.

— Нет, красавица. Иначе это затягивает. Я хотел бы, конечно, глянуть, как они охренеют, когда сейчас снова выпадет шесть. Но эти не оценят магию!

— Значит, так ты использовал свой дар в молодости — карты, рулетка...

— Ну, еще подворовывал... Не изобрели еще такой замок, который я не открою.

— Не могу поверить, что лучший друг Кэно — отъявленный бандит.

— А что? Кэно сам бандит в прошлом. Да ну его — это прошлое! Лучше перекинемся в карты с одним господином.

Взгляд Киры прошелся по всем картежникам, пока она не отыскала лицо того, за кем они сюда пришли. Мужчина лет шестидесяти в коричневом костюме с черной рубашкой и бежевым галстуком, лысый, с густой темной бородой. Его лицо было крест-накрест изрезано старыми шрамами, а правый глаз был слепым, молочно-белым. Старый гангстер сэр Дагон имел весьма зловещий вид.

— Я отлучусь ненадолго, — шепнул Кире на ухо Джарек. — Подожди меня здесь.

Он зашел в туалет, запер дверь и открыл на полную мощность воду в умывальнике. Убедившись, что шум воды может заглушить слова, он достал мобильный телефон и набрал номер.

На улице стояли вряд три черных автомобиля. За рулем самого первого из них был Кэно. От нечего делать, он слушал новости по радио и покуривал сигару, когда услышал звонок своего телефона.

— Я слушаю, — шепотом ответил он.

— Здравствуй, папа, — поприветствовал его Джарек.

— Как игра?

— Я сорвал джек-пот, — Джарек отвечал предельно осторожно. — Когда распишем пулю?

— Через полчаса, — сообщил Кэно. — А пока отыгрывайся. И еще: как там твоя невеста?

— Не волнуйся за нас, папа, — ответил Джарек и понизил голос так, что его шепот был едва различим на фоне шума воды и помех связи: — у нее есть козырь в рукаве.

Кэно отключил телефон.

— Ну что? — спросила его сидевшая рядом Тасия.

— Кира вошла с оружием. Сэр Дагон на месте. Через полчаса атакуем.

Джарек вернулся к Кире с несколько взволнованным видом.

— Когда? — встретила его вопросом девушка.

— Через полчаса, — шепнул Джарек. — А пока я играю с Дагоном. Ох, как же давненько я ни с кем не играл!

Кира тихо засмеялась:

— Догадываюсь, почему. Кэно и меня предупреждал насчет тебя: «Ни за что не играй с ним в карты, особенно на раздевание»!

Джарек усмехнулся и подмигнул ей. Он подошел к столику Дагона и решительно сел напротив гангстера. Здоровый глаз Дагона недовольно сощурился, правый слепой при этом не шевельнулся.

— Позвольте сыграть с Вами в покер, сэр? — хитро ухмыляясь, попросил Джарек.

— Отчего бы не сыграть? — снисходительно хмыкнул Дагон.

Принесли новую, еще запечатанную колоду карт. Джарек выбрал первого попавшегося из толпы наблюдателей и попросил его сдать карты. Игроки сделали ставки. Официантки принесли мужчинам виски за счет заведения. Началась игра. Один из подручных Дагона внимательно следил за ним и за Джарekom, но вскоре нервно отошел к барной стойке.

— Что у него? — спросил второй подручный Дагона, снимая напряжение белым вином.

— Не знаю. Он профессионал — карты ни разу не засветил! — в негодовании прошептал ему первый.

Джарек улыбался, его прищуренные глаза сверкали. Здоровый глаз Дагона нервно забегал.

— Открываемся? — спросил анархист, облизывая губы.

— Да! — воскликнул сиплым голосом Дагон и начал одну за другой выкладывать карты на стол: — Четыре туза — каре.

Джарек щелкнул пальцами и начал открывать карты:

— Внимание, сэр: червовый король, трефовый король, бубновый, пиковый, джокер! Наивысшая комбинация, так сразу, бывает же! Мне очень жаль — плакали Ваши денежки...

Дагон ударил кулаком по столу:

— Везунчик, да? Играем еще!

В этот раз Дагон сам сдавал карты, нервно мигая здоровым глазом. Кира следила то за его руками, то за руками Джарека. Ей не удавалось заметить, как ловко он прятал карты в рукав и менял их, когда было нужно.

— Флеш! — крикнул Дагон, открыв карты.

— Роял флеш! — бросил карты перед собой Джарек.

— Нет, ловкач! Уж я-то отыграюсь! — скрипя зубами, крикнул Дагон.

Он начал тасовать карты.

— Нет-нет, — остановил его Джарек, взяв колоду в руки и передавая ее Кире. — Пусть она сдаст.

Кира увидела, как Джарек в мгновение ока подменил верхнюю карту. Она перемешала карты так, что верхняя карта все равно осталась на своем месте. Анархист чуть заметно кивнул ей в знак одобрения и махнул головой, указывая, что первому надо сдать Дагону.

— Играем... — промолвил Джарек, глядя на часы. Оставалось всего семь минут.

Дагон пристукивал правой ногой. Джарек выдерживал паузу.

— Чего ждешь, наглец?! — прохрипел Дагон, не выдерживая напряжения.

— Четыре десятки и пятерка. Каре.

Дагон начал открывать карты с небывалой уверенностью.

— Четверка и четыре валета... Стоп! — он прикусил губы, его белый глаз стал красным от прилившей к голове крови. — Три валета! И двойка...

Гангстер закрыл глаза, карты посыпались на пол. Вдруг он выбросил руку вперед и схватил Джарека за лацкан пиджака:

— Змееныш! Ты сжульничал!

— После того, как сжульничать хотел ты, — усмехнулся Джарек, как ни в чем не бывало.

— Отпусти его! — выкрикнула Кира, наставив на Дагона пистолет, извлеченный из кобуры на лодыжке.

— Так вы вместе провернули это, — протянул Дагон, покачав головой. — Что ж, убить убоих!

Но его подручные, находящиеся в зале, не успели достать оружие. Послышались выстрелы и звон разбитого стекла, в помещение ворвались люди с оружием. Их было около двенадцати. Впереди шел мужчина в кожаной куртке, с черной повязкой на правом глазу.

— Всем лежать! — командовал он, размахивая двумя модернизированными автоматами Калашникова. — Мы пришли за одним человеком! Не будете рыпаться — не пострадаете!

— А если все же будете, — добавил плечистый человек в темных очках с завязанным лицом и расстегнул косуху, под которой засветился таймер, подсоединенный к шашкам динамита, — мы разнесем здесь все к чертовой матери!

— Все кончено, Дагон! — прокричал одноглазый, направляя на гангстера дуло автомата.

— Кэно! — радостно воскликнула Кира.

Подручные Дагона попытались среагировать, но Кира опередила их и тремя меткими выстрелами уложила гангстеров.

— Охрана! — вскричал Дагон в последней надежде.

— О ней мы уже позаботились! — ответил Тремор, обматывая вокруг груди цепь, увенчанную окровавленным крюком.

— Отлично, ниндзя! — крикнул Кэно. — Тасия, твой выход!

Азиатка с белым, как маска кабуки, лицом метнулась к Дагону, ее длинный плащ взвился черными кожистыми крыльями за спиной. В руках Тасии блеснули катаны, мечи рассекли воздух с протяжным свистом, и по столу разлетелись брызги крови, а на пол упала отрезанная голова сэра Дагона.

— Миссия выполнена! — довольно прорычал Кэно и позвал своих людей уходить из казино, оставив обезглавленное тело гангстера сидеть за игральным столом.

— Что произошло, что ты примчался в такую рань? — спрашивал Кэно Джарека. Лидер видел, что его лучший друг был чем-то небывало обеспокоен — таким разозленным и взмыленным он не видел Джарека уже около года.

— Я был в Нью-Йорке, — нервно жестикулируя, отвечал Джарек. — В преступном мире смерть Дагона ничего не изменила. Ничего! Кто-то сменил его на посту лидера «Красных драконов» четыре года назад!

Кэно схватился за голову и прикусил губы.

— Это достоверная информация? — уточнил он, гневно сдвинув брови.

Джарек глубоко вздохнул и выговорил:

— Абсолютно.

Кэно что-то невнятно прорычал сквозь зубы и ударил кулаком по столу. Банка пива, стоявшая на столе, опрокинулась, и добрая часть ее содержимого вылилась на пол.

— Суди сам, — продолжал Джарек, — кому в кресле босса нужен старый маразматик, просаживающий круглые суммы в казино? Они выбрали кого-то иного: молодого прыткого сукиного сына.

— А Пилигрим?

— Пилигрим просто не знал правды. Он — простая пешка в этой игре.

— В какой еще игре?! — недовольно выкрикнул Кэно.

Джарек встретился с ним взглядом:

— Игре в Бога. Аарон Фьюри, как и мы, думал об одном человеке с прозвищем Бог — о Дагоне.

Кэно задумчиво потер рукой мокрую от пота бороду:

— Ну, под этим именем Дагона давно знают контрабандисты, наркоторговцы, наемники...

— Именно наемники дали мне эти сведения, — перебил его Джарек. — Старые связи, Скиталец.

Кэно, услышав это, переменился в лице, злобно оскалился и сжал кулаки, все его мышцы мгновенно напряглись.

— Никогда не называй меня так! — медленно проговорил он с растущей злобой во взгляде.

— Тем не менее, под этим именем тебя еще помнят, — объяснил Джарек. — Корсар передавал тебе привет и желал долгих лет здоровья.

Гнев Кэно моментально испарился, главарь насторожился:

— Ты говорил с ним? Черт тебя подери, что еще сказал тебе Корсар?!

— Дал наводку на еще одного известного в криминальном мире «Бога» — Тейвена. Поговаривают, он брат сэра Дагона.

— То есть, я сейчас верно понял — не тот «Бог» умер? — уточнил вожак.

— Именно, — ответил Джарек.

Кэно задумался, глядя в потолок. Он пытался вспомнить:

— Так... Что нам известно о Тейвене? Бандит, известен как лидер небольшой группировки «Blood bonds». Значит, забьем ему стрелку.

— А предлог? — удивился Джарек.

— Предлог банальный: «Не лезь не в свое дело». И возьмем его...

— Живым или мертвым?

Кэно недовольно глянул на Джарека:

— Что, шулер, последние мозги в карты проиграл? Кому нужен мертвый язык? Мы же не знаем точно, какая роль у него в этом. Потому приказываю: действовать предельно аккуратно, Тейвена брать живым. Втолкуешь всем, кого это касается?

Джарек ухмыльнулся:

— Отчего же нет? Сделаем, брат.

Кэно остался доволен таким ответом.

* * *

Лидер «Blood bonds» был разозлен до предела с самого начала дня, когда маленький мальчик принес ему под двери дома посылку без обратного адреса — обычную картонную коробку, но что было в этой коробке! Тейвен распечатал коробку и тут же отпрянул от нее: ее содержимое распространяло по всей комнате страшное зловоние.

— Дохлятина какая-то! — проронил Тейвен, сдерживая рвотные позывы.

В коробке лежала мертвая рыбина — зубастая гуананчо с отсеченной окровавленной головой и вскрытой брюшной полостью. Рядом была записка. Тейвену не оставалось ничего другого, как только прочесть:

— «Сегодня в восемь вечера возле суши-бара «Golden Dragon». Не стоило совать нос не в свои дела».

— Стрела! — безрадостно осознал Тейвен. — Вот только бы понять, кому я перешел дорогу в этот раз...

* * *

До вечера он так и не смог найти ответа, и пришлось приехать на стрелку без малейшего ведома, кто же будет стрелять. Тейвен вышел из черного «Мерседеса», за ним вышли и встали рядом его телохранители. Тейвену хотелось курить, но он терпел лишь затем, чтобы не дать никому и намека на то, что он нервничает.

Свет фар черного «Форда» разорвал темноту ночи. Из машины вышли рыжая девушка в черно-красном кожаном костюме и мужчина в коричневой кожаной жилетке, камуфляжных штанах и боевых ботинках бежевого цвета.

— Кто же вы, господа? — с вызовом спросил Тейвен, тщательно скрывая удивление.

— «Черные драконы», — ответил хриплый голос, и из машины вышел главарь — широкоплечий мужчина с черной повязкой на правом глазу, одетый в черную кожу. — Вы должны были слышать, сэр Тейвен.

— Кэно? Значит, ты прислал мне дохлую гуананчо? На тебя не похоже.

Живой, полный гнева глаз Кэно будто лазерный луч выстрелил в Тейвена:

— А что тебе вообще известно обо мне? Это был намек! На известную нам обоим личность.

Глаза гангстера, от уголков которых вверх и вниз отходили вытатуированные черные полосы, нервно забегали, он пригладил свою остrokонечную бородку и с некоторой растерянностью спросил:

— Так чего ты хочешь? Чем я помешал тебе?

— Потом объясню, — бросил в ответ Кэно. — А сейчас я хочу драться с тобой!

— Драться? — не понял подхода Тейвен.

— Видишь ли, я верю в честный бой, — начал говорить Кэно, сбрасывая куртку. На нем была черная майка-борцовка, кожаные штаны и ботинки с металлическими набойками. — Знаешь, один на один. Мужик на мужика, кулак на кулак. Как учил меня мой папочка. Выбирай: в рукопашную или, может, на ножах?

— В рукопашную! — решительно крикнул Тейвен и скинул с плеч кожаный плащ. Его одежда тоже была черной, но жилет и брюки были расшиты золотистыми восточными узорами.

Противники вышли вперед и пожали друг другу руки. Затем каждый отошел на несколько шагов. Тейвен разбежался и в прыжке выставил ногу вперед, но Кэно уклонился и ударил его ногой по ребрам. Гангстер упал на колени, но тут же вскочил, бросился вперед и быстро нанес Кэно три удара: по лицу, в грудь и в живот.

— Неплохо, — проговорил анархист, потирая рукой правую скулу.

— Ты дерзнул вызвать на поединок Бога! — грозно выкрикнул Тейвен.

Он бросил все свое тело вперед и плечом так ударил Кэно в грудь, что из его мускулистой груди вырвался какой-то нелепый хрип, а сердце обезумело. Он согнулся от боли и отпрянул назад.

— Ну, теперь ты меня разозлил, — скрипя зубами, протянул Кэно. — Поверь, и боги чувствуют боль!

Кэно бросился вперед, схватил Тейвена за горло, ударил в грудь, в живот, несколько раз отвесил ногой по и так поврежденным ребрам. Тейвен вцепился руками в руки Кэно, державшие его шею, и пнул его ногой в живот. Анархист отпустил Тейвена, но тут же ударил ногой с разворота. Гангстер поставил блок и кулаком дал Кэно по хребту. В этот момент стальная набойка ботинка Кэно врезалась в его колено, Тейвен застонал и упал. Кэно ударил его сверху ногой по хребту, потом кулаком в висок. Бог потерял сознание и ничком упал на асфальт.

— Грузите в машину! — приказал Кэно Кире и Джареку.

— Не смейте его трогать! — закричали телохранители Тейвена, выхватывая пистолеты.

— А вот этого делать я не советую, — проговорил сиплый голос. Из «Форда» вышел Безликий, все так же скрывающий свое лицо, и расстегнул косуху, демонстрируя динамит. — Убирайте пушки и валите отсюда, — приказал взрыватель, включая таймер. — Это не муляж — разнесет все к чертям собачьим!

Гангстерам пришлось выполнить требование. «Черные драконы» связали Тейвена по рукам и ногам и погрузили Бога в багажник.

— Игра окончена! — объявил Кэно, закрыл багажник, сел за руль и завел машину.

* * *

— Ну что? Раскололся? — спросил Кэно, спустившись в подвал. Тейвен был прикован наручниками к трубе, его лицо опухло от побоев, несколько зубов было выбито, кровь струилась изо рта и разбитого носа ему на шею и грудь, на теле, пронзенном тонкими иглами в болевых точках, местами не было кожи.

— Ни в какую, — досадно развел руками Трemor.

Кэно потер кулак и проговорил:

— Плохо работаешь, ниндзя. Отрезай ему хер.

Тремор не любил прибегать к такой крайней мере, вызывающей быструю смерть жертвы от потери крови, но подчинился. Он переступил через разбросанные по полу медицинские инструменты, взял нож и схватил Тейвена за пояс брюк.

— Стойте! — хрипло вскрикнул Тейвен, когда лезвие ножа прорезало ткань и уперлось в лобковую кость, угрожая скользнуть вниз. — Умоляю, не надо!

Тремор убрал нож.

— Тогда говори, кем тебе приходится Дагон? — грозно потребовал ниндзя.

— Брат я ему! Двоюродный брат! — сатанея от боли, простонал Тейвен.

Кэно улыбнулся.

— А что знаешь про «Красных драконов» и про их босса? — продолжал допрос Тремор.

Гангстер сощурил воспаленные глаза и посмотрел на ниндзя, а потом на Кэно с презрением.

— Я тебе брата и его клан никогда не сдам! — пренебрежительно прорычал он. — Хоть отрежь все, что угодно, хоть убей! Ничего тебе не скажу, гребаный ты циклоп!

— Безликий! — позвал Кэно. — Сэр Тейвен ведет себя невежливо! Разберись!

— Сейчас исправим, — сипло говорил Безликий, спускаясь в подвал. — Я как раз хотел испытать новый огнемёт...

Глаза Тейвена наполнились неопишуемым ужасом. Огонь будто заключил в смертоносные объятия его изувеченное тело. Горячие слезы покатались по его лицу вдоль татуировок, изо рта пошла кровавая пена.

— А-а-а!!! Хватит! Все скажу! — заорал он, срывая голос, в страшной агонии. — А-а-а! Не-ет!!!

— Достаточно, — скомандовал Кэно Безликому, подошел к Тейвену и схватил его за шею: — Говори, сволочь!

— У них новый лидер... — из последних сил выговаривал Тейвен слабеющим хриплым голосом, который периодически прерывали протяжные глухие стоны. — Новый... А-а-а... Дагон ему верил, как себе ... Наркоту не Дагон, а он заказывал... А-а-а... Брат подставил себя, а его прикрыл...

Тейвен умолк и закрыл глаза. Кэно еще сильнее вцепился ему в шею, выхватил нож из рук Тремора и направил туда, где собирался резать ниндзя.

— Кого «его», сука?! — закричал главарь в лицо гангстеру. — Говори, ублюдок! Говори! Кого? Падла, мразь, говори! Кого «его»?!

Тейвен открыл глаза, придя в сознание на одно-единственное мгновение, прежде чем умереть, и шепотом выговорил имя:

— Мавадо.

5. Мавадо

А небо — радость-и-бездна,

Но оно не дрогнет

От агоний молний,

Время не застынет

Черной смолой,

Мертвой листвой,

Если ты исчезнешь...

Сергей Маврин «Пусть настанет завтра»

«Все, кого не коснулось то, что отравило мою жизнь. Молитесь! Я уже не молюсь: меня это не спасет. Я умру. «Да, все мы не вечны», — скажут некоторые. Но я умру не в назначенный мне час... А если быть совсем честным, то... мне просто удастся увернуться от косы смерти. Я уже мертв.

Я чувствовал это. Чувствовал давно, еще тогда, когда на корриде стоял наедине с быком, когда смотрел в глаза этого животного, в эти свирепые, бешеные, налитые кровью, но так похожие на человеческие глаза. И я махал красным лоскутом ткани перед самой мордой быка. И сейчас я делаю то же самое — дразню смерть.

Она настигнет всех. Вопрос лишь в том, как именно. Я хочу гордой смерти. Потому я играю с ней в эту жестокую игру. И еще: молитесь, молитесь, чтобы с вами не случилось того, что случилось со мной...».

Мавадо встал из-за стола и скинул с плеч черный кожаный плащ с кроваво-алой подкладкой, перебросил его через свою шпагу и начал изображать матадора, бьющегося с быком. Все его движения были отточены, резки, но красивы, как в танце пасодобль. Никто, увидев такую слаженность, четкость, силу и энергию этих движений, не допустил бы мысль, что этот человек с юных лет страдает от неизлечимой болезни.

Впрочем, именно эта болезнь определила его судьбу, однако Мавадо не всю жизнь был лидером гангстеров. Он был когда-то известным матадором. Рискованное ремесло передалось ему по наследству от отца, хотя при этом своего отца Мавадо никогда не видел. В прочем, тогда он еще не звал себя этим именем.

Его имя Андриан, фамилия — Мальвадо, что по-испански означает «злобный». Мать овдовела через полтора месяца после его рождения — его отца, опытного тореадора, убил бык. Много лет этот человек устраивал захватывающие и жуткие зрелища, но ведь если долго дразнить судьбу, то она расправится с тобой в два счета, когда ей насолят твои авантюры. Тореро умер мгновенно — рог быка переломил ему хребет. В десять лет, узнав правду, Андриан, сын молодой вдовы, взял себе зарок никогда не заниматься этим безумным делом. Все изменилось на тринадцатом году жизни, когда на него напал никому не известный недуг. Андриан стал чувствовать слабость, боль в груди, иногда доходило до потери сознания. В местной больнице ничего внятного не могли сказать, пришлось поехать по многим элитным клиникам Европы. Его сердце еле билось, от остановки спасали лишь инъекции адреналина, но причину отклонения никто установить не мог.

— Мы впервые сталкиваемся с подобным, — говорил, сидя в палате у его постели кардиохирург с мировым именем. — Не могу сказать, с чем это связано, но проводящая система его сердца задает ничтожно малую частоту сердечных сокращений. Только адреналин, вырабатывающийся в организме, заставляет его биться немного чаще. Поэтому он до сих пор жив, но для нормального самочувствия... этого недостаточно. Сделать что-либо с проводящей системой сердца навряд ли возможно. Даже если найдется способ повлиять на нее, операция будет очень рискованной. Единственный выход — повышать адреналин. Но что будет дальше — никто не может предсказать. Его сердце может остановиться в любую минуту.

Андриан знал, что делать. Есть множество способов поднять уровень адреналина в крови. Он выбрал тот, к которому нельзя привыкнуть — игру со смертью.

Андриан отрекся от данной матери клятвы и стал тореадором. Несмотря на молодость, Мальвадо делал значительные успехи. Тысячи людей вопили от страха, хватаясь за сердце, когда он бросал вызов разъяренному, неукротимому животному снова и снова, и снова. Став за семь лет мастером своего дела, он уже не ставил целью просто красиво убить быка — ему нравилось дразнить, ввергать в бешенство зверя порывистыми взмахами кроваво-красного плаща и обрывать его ярость в одно мгновение острой шпагой. Его любили, его выхода ждали, но слава ослабляет бдительность и чувство опасности. Однажды это должно было случиться: всего один просчет — и бык поднял матадора на рога. Толпа содрогнулась от яростного вскрика боли. Зверь буквально подбросил Андриана в воздух, вспарывая рогом его живот. Мальвадо упал, глаза ему засыпало песком, но он смог прикончить животное крутым взмахом и точным ударом шпаги. Клинок прошел между передними ребрами животного и пронзил сердце. Мальвадо закрыл глаза. Мужественный дерзкий и отчаянный матадор теперь находился при смерти: рогами бык вскрыл ему брюшную полость, переломал четыре ребра и разорвал внутренние органы. Андриану было необходимо срочное переливание крови и серьезная операция, благо, его вовремя доставили в больницу, где специалисты спасли его жизнь.

К несчастью, погоня за адреналином должна была на этом закончиться — по состоянию здоровья Мальвадо больше не мог быть матадором. Попытки сослаться на болезнь были тщетны: заявление: «Я смертельно болен! Я умру без адреналина!» — было расценено лишь как красивые слова фаната своего дела, либо организаторы корриды категорически не хотели брать на себя возможную ответственность. После ухода с арены никого не волновала судьба известного тореро. И о том, что он, любимец публики, умрет в своем старом доме где-то на окраине страны, вряд ли кто-то думал. А он мысленно вновь и вновь задавался одним вопросом: неужели никого не заденет эта смерть?

«Ты — как гладиатор в древнем Риме. Толпа любит тебя, скандирует имя своего кумира, пока ты силен, пока ты способен драться и побеждать. Если тебя убьют или просто покалечат — о тебе забудут. Ты уже не можешь развлечь толпу — и ты никому не нужен!

Этот мир каждый день видит сотни, тысячи, стони тысяч рождений и смертей. Знай — Земля не сойдет с орбиты от еще одной. Твоей. Чем ты лучше других? Мы все умрем. Ты не первый и не последний. Неизлечимая болезнь? Сердце? Кого ты этим удивишь? Да, и сейчас, в этот день, как и в любой другой день, на Земле кто-то родится и кто-то умрет. Может, и ты».

Он мог повторять это изо дня в день, но душа не мирилась со встречавшим его безразличием. Одному ему было известно, что он просыпается с мыслью: «Еще один день. Он наступил. Сердце бьется в груди. Я жив...». Да, каждый человек живет с осознанием того, что он рано или поздно окажется на смертном одре, но какую часть своей жизни простой человек отдаем подобным мыслям? Десятую, сотую, тысячную часть? Никто не ответит точно, но Андриан Мальвадо отдавал теперь им весь остаток своей жизни. «Собрать оставшиеся деньги и ехать в США, искать там спасение...». Если бы он только знал, что этих денег не хватит даже на одно обследование. Чтобы добыть средства, Андриан ухитрился купить пистолет и пытался ограбить один бильярдный клуб в Нью-Йорке. Откуда было знать, что клуб принадлежал гангстеру

из банды под названием «Красный дракон»? Бывший матадор уже не вышел бы живым из рук бандитов, если бы не смог зарекомендовать себя боевыми навыками, чтобы стать одним из них. С 1984 года Мавадо, как американцы перековеркали его фамилию своим произношением, работал наемником «Красных драконов».

Строго соблюдающий кодекс чести и секретности, чтящий все традиции и законы группировки, не пугающийся ни дьявола, ни бога, ни смерти, Мавадо сходу стал одним из лучших. В 1986 он возглавил клан «Красный дракон», ибо сэр Дагон верил ему, как себе. У «Красных драконов» было все, что ему нужно: деньги, связи, высокие технологии, база для исследований. У Мавадо появился шанс на спасение.

Соклановцы знали о его недуге. Но это не задевало его. Разработанная медиками клана в 1994 году терапия позволила ему жить дальше, однако угроза для жизни сохранялась. Смерть от остановки сердца осталась его приговором, это был только вопрос времени. Мавадо настоятельно рекомендовали беречь себя, но он уже никого не слушал. Страх перед гибелью он потерял с тех пор, когда только вышел на арену к быкам первый раз. С тех пор адреналин стал для Мавадо наркотиком. Он любил дразнить смерть.

«Что, скелетище с косой? Скажешь, я тебя достал? — говаривал он, когда смотрел на высококачественную копию «Смерти тореадора» Пикассо на кроваво-алой стене своего кабинета. — Так почему же не прикончишь меня? Кишка тонка? Хочешь свалить меня с ног — а я еще поживу... Я переживу многих своих врагов, слово даю!». Несколько раз после этих слов бывший матадор стрелял из револьвера по черному быку на картине, считая, что холст только украсила пар-другая следов от пуль.

Кроме игры со смертью у него была еще одна одержимость — «Черные драконы». Мавадо очень щедро платил за каждое новое слово, которое становилось известно об этой группировке «ренегатов», как называл их каждый второй «Красный дракон».

В кабинет Мавадо зашел один из его преданных подручных, выходец из Северной Кореи Хсу Хао — коренастый крепкий мужчина в тактических штанах цвета хаки и парадной военной фуражке с эмблемой клана.

— Мавадо, у нас есть но... — начал говорить он, но запнулся на полуслове, застыв в испуге на пороге. Мавадо кинул на пол свой плащ и шпагу и теперь сидел за столом в высоком кожаном кресле, закинув на стол ноги и приставив к виску револьвер.

— Тс-с-с! — Мавадо приложил палец к губам и нажал на курок. Осечка. Хсу Хао облегченно вздохнул. Мавадо ухмыльнулся и положил револьвер на стол, как ни в чем не бывало, обратившись к подручному:

— Да-да. Продолжай.

— Опять играешь в русскую рулетку? Ты с этим не шути! — заикаясь, пригрозил ему пальцем Хсу Хао. — А если ты застрелишься в один прекрасный день, что нам делать?

Мавадо истерически засмеялся.

— Ну, застрелюсь — и что? Все равно же умру когда-то. Не хочу во сне от остановки сердца из-за того, что у меня никому не известная болезнь.

— У нас есть новости, — серьезно заявил кореец, когда Мавадо вытер слезы смеха. — Кэно накатал статью в анархистскую газетенку «Веселый Роджер». Статейка, конечно, какая-то панковская — с грязью и матерком, но она содержит

продуманную теорию так называемого анархо-экстремизма. И знаешь, эта теория многих заинтересовала.

Мавадо снова захохотал.

— Заинтересовала?! И что? Скажешь, когда я приду прикончить его, эти диванные активисты станут передо мной стеной и скажут: «Помиловать быка! Стреляй в нас — а его не смей трогать!»? Да они разбегутся во все стороны, как тараканы, доказывая, что они не с ним и это все не их дело! Я убью его.

— Ты уже сталкивался с ним и оставил Кэно в живых, хотя у тебя была возможность убить его! Весь клан до сих пор думает, как понять такое поведение с твоей стороны.

— О-о, все просто. Я люблю играть со смертью. Я был матадором восемь лет. Много привычек после корриды я сохранил. Да, я живу по правилам корриды, а слово «матадор» означает «тот, кто убивает». К тому же, черный бык — это олицетворение смерти, и это придает поединку... характер ритуала. Человек против смерти! Это мой единственный способ жить. Вместе с тем, этика корриды требует от тореро относиться к быку как к другу, проявляя должное уважение к его силе и храбрости. Я уважаю Кэно. Знаешь, за что? Мы с ним похожи. Мы — лидеры подпольных организаций и искусные воины, мы оба идем к своей цели по трупам, и мы ненавидим друг друга. Один должен убить другого, чтобы его мечта сбылась. Как тореро, убивая быка, хочет получить награду и признание толпы, а бык, нападая на матадора, хочет продлить свою жизнь. Посмотри вокруг, Хсу Хао: весь мир — на арене! Но знаешь ли ты, что на корриде бык должен быть убит строго в определенный момент — в течение десяти минут после начала третьей терции? Если этого не произошло, тореро дается первое предупреждение. Ты мне уже дал его. Через три минуты дается второе предупреждение. Я дожусь второго. Мне безумно нравится злить того, кого я должен убить!

— Но если еще через две минуты бык жив, то его уведут, чтобы оставить для следующей корриды или заколоть. Такое развитие событий является позорным для любого тореро, и ты это знаешь!

— Вот именно — знаю! И тебе нечего вмешиваться! Я сам знаю, когда мне убить Кэно! Уходи!

Хсу Хао ушел, громко хлопнув дверью. Мавадо встал и поднял с пола свои вещи. Он взял оставленную подручным на столе передовицу газеты с изображением герба «Черных драконов», дважды сложил листок бумаги пополам и насадил на шпагу.

«Отступники, — произнес он с ехидной ухмылкой. — Мы же найдем вас всех. Всех до единого. Вы пошли против нас, дали миру узнать о нашем существовании, распространили о нас дурную славу. Нет, это, конечно, не смертельно, но, знаете ли, весьма неприятно. Вы заплатите за это. О вас ходят разные слухи, как и о вашем лидере — Кэно. Никто ведь точно не знает ничего о нем, да? Но мы уже встречались, Кэно. Я знаю о тебе все, я изучил твой стиль боя, твое поведение, твою философию... Ты ведь так хочешь уничтожить меня, мое присутствие не дает тебе покоя, мешает осуществить задуманное. Трудно жить под прицелом, жить, зная, что тебя ищут, жить жизнью отступника? Не жить гораздо проще, я дам тебе это понять. Мы еще встретимся с тобой, Кэно. Мы будем драться снова... Мы будем драться!».

6. Спасение наркоторговца

— Кобра, стоять! Тебе не скрыться!

Парень с длинными светлыми волосами в кожаной куртке и рваных черных джинсах отчаянно бежал по темным и грязным переулкам. Сумка, перекинутая через плечо, как показалось ему, замедляла его движения, и парень швырнул ее на землю. Обернувшись, он не заметил обломок трубы у себя под ногами. С диким вскриком он упал ничком на асфальт.

— Это судьба, Кобра.

Кобра привел в норму дыхание и поднял на преследователей полные ненависти глаза. Семеро мужчин в спортивных костюмах обступили его, не оставив ни малейшего шанса спастись бегством. Кобра попытался встать, но высокий человек в темно-серой куртке ударил его кулаком по спине. Парень упал на колени и застонал. Человек достал нож-бабочку.

— Если убьете меня, — нервно закричал Кобра, — так сперва объясните, за что!

— А ты не догадываешься? — с сарказмом спросил человек в серой куртке, присев на корточки. — Скажи, что ты выполняешь чьи-то поручения — я пойму. Скажи, что ты торгуешь наркотиками, чтобы хоть как-то сводить концы с концами — я и это пойму. Но когда из-за этой гадости, которую ты продаешь, погиб мой брат, я поклялся, что я узнаю, кто ты, найду тебя, где бы ты ни был, и убью.

Кобра медленно поднялся с земли и стал в боевую стойку.

— Я знаю, что ты учишься восточным единоборствам, — продолжал человек, — но нас гораздо больше, и твои приемы нас не испугают. Именно там я и навел справки о тебе — в «Karate DoJo». А помогают мне сейчас твои «друзья» из этой самой школы.

Кобра взгляделся в знакомые лица. Его душил гнев и одолевало отчаянье.

— Иуда, — сквозь зубы простонал он и бросился в атаку на человека с ножом, издав в отчаянии дикий крик: — За анархию!

Он знал, что для любого анархиста выкрик «За анархию!» означал «Наших бьют!». И тогда совершенно незнакомые люди могут прийти на помощь — один из немногих плюсов Детройта. Но переулки были совершенно пусты.

— За анархию! — истошно заорал Кобра, сопротивляясь многочисленным ударам.

Он держал своего противника за руку, отодвигая от себя нож-бабочку. Вдруг руки зложелателя расслабились, и его тело мягко осело на пол. Кобра отшатнулся — в спину убитого было всажено три резных метательных лезвия.

Из-за угла раздались выстрелы, и еще двое из врагов Кобры упали замертво.

— Не стреляй! — послышался из темноты хриплый голос. — Можешь попасть в него.

— Ясно, — ответил решительный женский голос.

Из темноты переулка появились три человека с ножами: девушка в черно-красном кожаном костюме с огненно-рыжими волосами, собранными в два хвоста, и двое суровых мужчин средних лет. Один из них был в светло-коричневой кожаной жилетке и штанах цвета хаки, среднего роста, с большими залысинами и легкой проседью в волосах. В правой руке он держал округлые метательные лезвия с тремя загнутыми остриями — точно такие, какими был убит враг Кобры. Второй мужчина был высоким, широкоплечим, с армейской стрижкой и носил бороду. На нем были тяжелые военные ботинки, черная жилетка с красной подкладкой и черные в серую полоску штаны, подпоясанные широким ремнем с красной пряжкой с изображением двух черных драконов и меча, похожего на крест. В темной поросли на его груди

сверкал крупный нательный крест на кожаном шнурке и две золотые цепи. Правый глаз мужчины был закрыт черной повязкой, из-под которой по правой половине лица расходились страшные шрамы.

— Теперь силы равны, — произнес хриплым низким голосом человек с черной повязкой на лице. — Что, Кобра, проучить твоих «друзей»?

Он сделал прыжок вперед и пнул стоявшего прямо перед ним паренька ногой в грудь. При этом его руки с ножами были широко раскинуты, и лезвия сильно зацепили двух других. Кобра попятился в сторону, но мужчина в камуфляжных штанах с лукавой ухмылкой преградил ему дорогу. Одноглазый вонзил нож в сердце упавшего на землю парня, другой предатель бросился на него, но девушка метнула нож в спину спортсмена. Последний соперник пытался провести комбинацию ударов, но мужчина с повязкой на глазу уклонился и легко провел ножом по его шее...

...Когда последний из «друзей» Кобры рухнул на асфальт с перерезанным горлом, человек со шрамами обтер резное лезвие ножа об штаны и пожал Кобре руку.

— А теперь ты пойдешь с нами, — сухо сказал он, не разжимая крепких пальцев. — Есть разговор.

— А можно мне забрать свою сумку? — неловко попытался улизнуть Кобра.

— Что в сумке?

— Кроссовки, кимоно...

— И героин, — резко добавил человек в кожаном жилете.

— Откуда вы знаете? — у Кобры перехватило дыхание, его сердце будто взбесилось в груди от страха.

— Мы все слышали, — ответил человек с повязкой на глазу, — абсолютно все.

* * *

Джарек вошел в кабинет Кэно, принеся под мышкой ноутбук.

— Чего тебе? — устало буркнул главарь.

— Вайнер прислал разработки, — сообщил Джарек, включая ноутбук.

Сонливость, одолевавшую главаря мгновение назад, как рукой сняло.

— Показывай, — заинтригованно приказал Кэно.

Джарек показал на экране чертеж объемного изображения:

— Вот этот кибернетический имплантат, над которым мы с доктором трудились все это время.

— Я только стальную пластину вижу, — проронил главарь, всматриваясь в линии чертежа.

— Да, пластина, — начал разъяснять соавтор Генриха Вайнера. — В нее встроена линза, за которой находится, как объяснил мне доктор, то, что заменит рецепторы глаза — подвижный сенсор. Он движется аналогично зрачку человеческого глаза, также способен регулировать количество поступающего в него света. Одинаково хорошо распознает близкие и отдаленные предметы — полный аналог человеческого зрения.

— И как этим управлять? — осведомился Кэно.

— Планируется соединить его непосредственно с нервами, — продолжал Джарек, — отвечающими за восприятие информации, движение глазного яблока, век... Короче, ты сам будешь управлять этой хреновиной. Точнее, твоя нервная система. Конечно, ты будешь способен осознанно координировать действия механизма. То

есть, хочешь закрыть один глаз, чтобы другим смотреть в прицел — он отключится. Если просто закрываешь оба глаза — он автоматически вырубается синхронно с левым, живым. Короче, ты не почувствуешь, что он искусственный — потому что твой мозг управляет им, как настоящим.

Кэно заулыбался. Джарек не видел его настолько довольным уже очень давно — новость его небывало обрадовала.

— Если у вас все так круто вышло, — с ехидством спросил он, — может, добавим кое-чего?

Джарека даже дернуло судорогой от удивления:

— Это ты о чем?

— Этот сенсор ведь может быть в десятки раз чувствительнее человеческого глаза так?

— Верно, — подтвердил Джарек. — И что?

— Я смогу отлично видеть в темноте, или даже в инфракрасном спектре? — Кэно коварно сощурил единственный глаз.

— Зачем тебе это? — опешил Джарек.

— Ну, представь: кто-то караулит тебя в засаде, а ты кидаешь в них гранату — и с концами. Потому что сквозь стену видел тепло, излучаемое их телами! Круто же?

— Да-а, — протянул Джарек и задумчиво почесал затылок. — Только придется что-то придумать, чтобы ты это контролировал, иначе... будет жуткая расфокусировка.

— Это проблемы Вайнера, — успокоил его главарь, но следующая фраза добила Джарека: — Еще хотелось бы иметь при себе оружие, которое никто не сможет у меня отобрать.

Правая бровь анархиста задергалась, глаза расширились.

— Ты спятил, друг, — сделал вывод он. — Это невозможно!

— У тебя же врожденная техническая гениальность! — воскликнул Кэно. — Хотя и непонятно, откуда — без образования, без грамотности и совести, сукин ты сын. Ты работал с лазерами, ты в них шарил! Так что потрудись сделать это.

— Я попробую, — сдался Джарек, решив не тягаться с упертым нравом вожака. — Но я не обещаю... А где пацан, которого мы спасли вечером?

— На первом ярусе коротает время в компании моего байка. Кстати, пора бы его допросить. Работай, дружище.

Джарек не нашел другого способа расслабиться, кроме как закурить.

* * *

Кобра сидел с туго связанными за спиной руками на стуле посреди темной комнаты, которая, очевидно, исполняла функции гаража. Полки на стенах были завалены деталями и инструментами, около входа стоял мотоцикл «Харлей-Дэвидсон». У противоположной стены стоял еще один стул, на спинке которого висела футболка с надписью: «Sturgis. Black Hills rally 1996». Она, судя по всему, была сувениром, привезенным с байкерского слета в Стерджисе, проходившего пару месяцев назад. Человек со шрамами, спасший Кобре жизнь, включил тусклые синие лампы дневного света.

— Меня зовут Кэно, — сказал он, вглядываясь в серые глаза Кобры. — Я лидер террористического клана «Черный дракон». Слышал о таком?

Кобра побледнел от страха.

— Знаю, — запинаясь, выговорил он. — Вас разыскивают в тридцати пяти странах.

— Уяснил, с кем имеешь дело? Не будешь делать глупостей?

— Нет, — Кобра мотнул взмокшими светло-русыми волосами.

Главарь «Черных драконов» развязал ему руки. Парень принялся нервно тереть похолодевшие и саднящие ладони.

— Значит, ты наркоторговец? — строго спросил Кэно и сел на стул, накрытый футболкой.

— Да, — с замиранием сердца сознался Кобра. Отступить было некуда.

— На кого работал?

— На тех, кто платил, — простодушно отвечал парень. Кэно не понравился этот ответ.

— Что знаешь о человеке по имени Мавадо? — грозно прорычал он, доставая из футляров на поясе пару ножей. — Сотрудничал с кланом «Красный дракон»?

— Да нет же! — обливаясь потом, завопил Кобра. — Нет!

Кэно успокоился, на время спрятал ножи в ножны и строго спросил наркоторговца:

— Зачем занялся этим?

— Чтобы заработать деньги на обучение в школе восточных единоборств, — ответил Кобра, опустив глаза. Его сердце рвалось от страха из груди, как дикий зверь из вольера. Он не знал, что от него хотят услышать и как в зависимости от ответов может решиться его судьба.

— Что, неужели некому оплатить твоё обучение?

Кобра нехотя прошептал:

— Я сирота...

— А устроиться на работу ты не мог?

— Мне всего семнадцать лет. Где я найду приличную работу в этом городе? У меня и образования-то нет.

Кэно ничего не ответил. Кобра пытался избегать его взгляда, но террорист вглядывался сквозь глаза в самую его душу.

— И долго ты торгуешь героином? Сколько жертв?

Кобра понурил голову и проговорил сквозь зубы:

— Я не знаю.

— То есть, ты не знаешь, сколько жизней ты погубил. Тебе все равно. Странное у тебя мировоззрение. Ты веришь во что-нибудь?

— Я атеист! — резко ответил Кобра.

Кэно встал и начал расхаживать по помещению, глядя себе под ноги.

— Говорят, что, по сути, любое мировоззрение, — начал рассуждать он, — основано на вере. Даже атеизм. Ведь его основное положение: «Высших сил нет», и оно недоказуемо. Зато удобно, не так ли?

— А Вы верите во что-нибудь? — осведомился Кобра, не найдя никаких других вариантов, что ответить.

— Я верю в свободу. Свобода — мой единственный идол, единственная вера, я поклоняюсь ей, за нее проливаю кровь и за нее погибну, — Кэно резко метнул взгляд в лицо Кобры: — Но ты отступил от темы! Даже моя «религия» предполагает наказание за грехи, но атеизм — нет. Ты заслуживаешь кары, и ее боишься!

— Я не боюсь! — отчаянно выкрикнул Кобра.

— Если не боишься, зачем так кричать? Почему ты так нервничаешь? Да потому, что знаешь, что врешь! Причем не мне.

— Нет!

Но Кэно отвернулся, не реагируя на его попытки оправдаться.

— Ты боишься. Ты не можешь отстоять свои взгляды, свой образ жизни. Сам не знаешь, что не веришь в себя. Вряд ли ты останешься среди нас...

Кобра оторопел. Угроза смерти нависла над ним, и даже ниже, чем недавно в темном переулке.

— Почему? Я же анархист, — Кобра сорвал с себя куртку, демонстрируя черную футболку со знаком анархии.

Кэно сел на стул и вновь взглянул в глаза парня. Кобре начало казаться, что матерый террорист видит его всего насквозь и что перед ним невозможно скрыть ни одной своей мысли.

— Мало быть анархистом, чтобы вступить в наши ряды, — заключил лидер «Черных драконов». — Говорить легко. А мы действуем. Мы перевернем этот мир. Анархизм — это целое учение, философия, состояние души. А ты ничего не видишь дальше понятия «безвластие». Ты не подходишь нам.

Кобра сосредоточился. Страх готов был разорвать его безумствующее сердце. Нужно было продолжать бороться — но знать бы, как...

— Что будет со мной, если я не подхожу?

— Отпустить тебя мы не сможем — ты сильно много знаешь о нас. Придется тебя убить, — проговорил Кэно, и на его лице не дрогнул ни один мускул. Он уже клал руку на рукоять ножа.

Кобра почувствовал, будто все его внутренности скрутило в один тугой узел, холодный пот окутал под одеждой все тело, к горлу подступила тошнота.

— Стойте! — закричал он со слезами на глазах. — Не надо! Если я ничего не знаю об анархизме, то я очень хочу узнать! Я и статью Вашу читал! Я хочу научиться быть одним из вас!

Кэно опустил руку.

— Почему тебе это так важно? Боишься смерти, слабак?

— Нет. Мне нужна свобода. Свобода и авторитет. Если бы у меня была свобода, — все еще рыдая, Кобра перешел на крик, цепляясь за последний шанс отстоять себя, — я бы не стал на этот проклятый путь наркоторговли!

Лицо Кэно ничуть не изменило каменного выражения. Кобре начало казаться, что у этого жестокого человека вообще отсутствуют эмоции.

— Ты не сказал ничего нового, — заключил Кэно и встал в центре комнаты, глядя в потолок. — Если бы у нас была свобода, все мы жили бы по-другому.

Синяя лампа дневного света озаряла изувеченное лицо анархиста, и Кобра пристально вгляделся в глубокие старые шрамы. От правой брови не осталось почти ничего — она была рассечена в четырех местах.

— Что у Вас с лицом? — нерешительно поинтересовался Кобра.

— Получил ранение в Афганистане, — не глядя в его сторону, ответил Кэно.

— Вы были в Афганистане? — удивленно переспросил парень.

Кэно опустил голову и тихо ответил:

— Проездом.

— Я прошу Вас помочь мне! — казалось, Кобра начал сходить с ума от страха и отчаянья. — Вытащите меня из этого омута! Я умоляю...

— Ты сам выбрал эту участь, — сурово проговорил Кэно, — а теперь бежишь от нее. Слабак. Сам-то колешься?

— Нет! — резко ответил Кобра, показав вены. — И не собираюсь!

— Ну, хоть в чем-то ты поступил правильно. А откуда такая страсть к восточным единоборствам?

Кобра немного успокоился и заговорил увереннее:

— Сначала хотел научиться постоять за себя. Теперь совершенствую свои навыки. Мечтаю испытать их в реальных условиях. Это в «Karate DoJo» я взял себе псевдоним Кобра.

Кэно саркастично улыбнулся:

— Случайно не потому, что оружие кобры — яд? А что касается твоих навыков... Хм... Ночью уже испытал. Не впечатляет. Ты весьма слаб духом. И ты нервничаешь, потому что не хочешь слушать эту правду.

— Знаешь, — помолчав минуту, продолжил он, — я позволю тебе остаться. Но только потому, что знаю, что иначе ты пропадешь.

— Вы что, просто пожалели меня? — спросил Кобра с надеждой в голосе. Это была безумная надежда на то, что в душе террориста еще осталось хоть что-то человеческое.

— Лишь потому, — ответил Кэно с укоризной, — что ты хотя бы на словах анархист. Иначе я бы тебя зарезал без разговоров. Надеюсь, среди нас ты поумнеешь.

Он выключил в гараже свет и ушел, заперев за собой дверь. Кобра остался наедине со своими мрачными мыслями.

* * *

Тяжелая дверь отделанного дубом кабинета распахнулась, с грохотом ударившись о стену. Одним шагом Кэно оказался в кабинете и закрыл дверь за собой, хлопнув ею так, что она еле удержалась на петлях. Он одновременно выхватил оба ножа, раскрутил их в руках и метнул в стену. Он стоял молча, тяжелое глубокое дыхание его походило на рычание разъяренного зверя, кровь била в голову, гнев во взгляде и оскал желтоватых зубов вселяли ужас. Кира прижалась спиной к спинке стула, утратив дар речи.

— Что произошло? — крикнул Джарек.

Кэно положил в рот сигару и клацнул зажигалкой:

— Он ничего не слышал о «Красном драконе» и тем более об этом гребаном Мавадо! — Кэно затыкнулся. — Ничего.

— И что ты намерен делать? — поинтересовался Тремор. — Устранишь его?

— Вряд ли, — покачал головой Кэно и выпустил дым через нос. — Он прокричал: «За анархию!». Так? Мы никогда не убивали своих сторонников. Он такой же обиженный жизнью, как и мы. А если он — еще одна сломанная судьба, то это не могли быть пустые слова. К тому же, пацан занимался восточными единоборствами. Бойцы мне нужны позарез.

Кэно сел в кресло и схватился за голову. Кира глядела на него с негодованием. Она встала из-за стола, подошла к вожаку и начала нежно гладить руками его усталые плечи и спину.

— Ну почему ты так нервничаешь? — сочувственно прошептала она. — Что такого произошло?

— У меня давно нервы ни к черту, детка, — промолвил Кэно, перебросив сигару в зубы из одного уголка рта к другому, — а теперь... Я, похоже, не отвечаю за себя. Меня на хер вымотала эта война с «Красным драконом». Три года резни! Три года в крови и в дерьме, мать моя женщина! Я так устал...

Руки Киры ласково опустились на его мускулистую грудь.

— Но ведь ездили в Стерджис, — девушка пыталась ободрить его, успокоить, чтобы он перестал так себя изводить, — отдохнули? Ведь было хорошо? Как по мне, я могу сказать с уверенностью: такие дни стоят целой жизни. Ради них стоит жить!

Воспоминания о байкерском слете сделали свое дело — Кэно даже заулыбался.

— Было круто... — согласился он, но тут же вновь помрачнел. — А потом все сначала. Замкнутый круг. Я теряю время, я теряю людей... Сколько ребят гибнет! И за что?!

— Ты и вправду устал, — отметила Тасия. — Эта война измотала даже тебя.

Все погрузились в уныние. От жестокой резни устали все. Казалось, этому аду не будет конца.

— А помните, как последний раз дрались? — злобно усмехнулся Тремор, пытаясь разрядить обстановку. — Их толпа, а нас пятеро! И тут из-за угла с криком: «*Smoke on the water, Fire in the sky!*» — выскакивает Безликий и укладывает половину из огнемета! Стоит — довольный, и тут замечает: «Что-то у огнемета резервуар дымится...». Кэно смотрит на него, охренева. «Ты идиот! Выкинь его на хер! Сейчас рванет!». Ну, Безликий же послушал Кэно — выкинул свою цапку в самую гущу врагов. Полздания разворотило к херам! Класс!

Кэно хрипло засмеялся. Кира тоже чуть заметно улыбнулась, чувствуя, что ему стало легче.

— Ты еще тогда надел мне на безымянный палец кольцо от гранаты, — вспомнила она.

— Но Безликий, конечно, дал жару! — не мог угомониться Тремор. — Брат, как ты вообще стал таким психом-взрывателем? Что, мать твою, тебе приснилось?!

— Ну, как вам сказать? — заговорил Безликий, скромно молчавший все это время. — Я ж родился и вырос в небольшом поселке в России. Вроде прекрасная местность: лесок, речка... Проблема в том, что там осталось до хрена снарядов после Второй мировой. Мне было около двенадцати лет, мы с пацанами постоянно бегали в тот лес, и однажды нашли мину. Долго рассматривали, пытались разобрать, пока мне в голову не стукнула бредовая идея: «А давайте ее подожжем». Распалили костер, значит, кинули эту хреновину туда, сидим час — ни черта! Тут кого-то из пацанов домой позвали, мы с ним ушли. Только вышли из лесу — она там, сука, как рванет! Тогда никто не узнал, что это мы, только слухи ходили о том, что какие-то придурки мину подожгли. А вот потом... На речку с теми же пацанами пошли — раков ловить. Я нырнул, смотрю — хреновина какая-то между камней. Достаяю — граната. Стою, спрашиваю: «Пацаны, чего делать?». У них на лицах ужас. «Ты придурок! Выкинь ее на фиг!». Я в реку кинул... Потом, помню, стоит передо мной злющий мужик из МЧС, допрашивает: «Где ты ее взял?». Я показываю на кратер, где раньше дно реки было: «Там». Он: «Где именно?». Я весь дрожу от страха: «Ну, вон там». Он как заорет на меня: «Малой! Ты что, не вкурил, что где ты взял «там», это все теперь здесь!». Тогда мужик один — бывалый военный — заступился за меня. «Ты чего, не понимаешь, что

пацаненок ни в чем не виноват?» — говорит. Меня отпустили. Кинул мне этот из МЧС вслед: «Иди уже, террорист». Местность потом взрывчаткой чистили... А я... Да что я? Все любят смотреть на огонь, так? Я всего-навсего люблю его чуть больше, чем все остальные. Всего-то.

— А огонь любит тебя, — с иронией улыбнулась Тасия. — Вот вспоминаю, каким ты пришел к нам в клан... Ты был тем еще красавцем! Завидная фигура, светлые волосы, быстрые зеленые глаза... А теперь? Куртки и свитера под горло или шарф и перчатки при любой погоде и закрытое всем, чем можно, лицо. Из-за любви к огню и взрываю все тело в шрамах и ожогах — сказать, что у вас с ним страстный роман, значит не сказать ничего! Никогда не жалеешь?

— Ничуть, — сипло утвердил Безликий.

— Что тебя удивляет? Каждый из нас, — грустно заключил Кэно, — здесь по-своему дурью мается! Каждый по-своему сходит с ума.

— Кэно, а что с этим белобрысым будем делать? — спросил Джарек.

— Обучать его, — приказал главарь. — А что?

— А он справится?

— Не справится —дохнет, не захочетдохнуть — справится! А нам... надо что-то менять, — бросил Кэно и вышел из кабинета.

Хотелось выпить. Но ему почему-то было тошно.

Только ему было известно, насколько эта война на самом деле измотала его. Лишь он один знал, как он устал — от всего мира, от самой жизни.

7. Ставки сделаны!

— «Хотя под анархизмом обычно понимают насильственное, антигосударственное движение, на самом деле анархизм — намного более тонкая и полная нюансов традиция, чем простая оппозиция государственной власти. Анархисты противостоят идее о том, что власть и доминирование необходимы для общества, и вместо них предлагают более кооперативные, анти-иерархические формы общественной, политической и экономической организации». Л. Сьюзан Браун, «The Politics of Individualism», стр. 106», — дочитав цитату, Кэно подкинул газету вверх, и она упала посреди стола, на ее страницах проступили пятна от разлитого на столе пива. — «Веселый Роджер» прямо пытается изобразить нас в хорошем свете!

— И на кой черт им это надо? — ударив кружкой пива о деревянный стол, бросил Джарек. На лице Кэно сверкнула улыбка, он развел руками и ответил:

— Все просто. Газета «Веселый Роджер» — не периодическое издание. Анархический Черный Крест выпускает ее в основном тогда, когда нужно дать информацию общественности о попавших в беду анархистах. Как думаешь, народ будет жертвовать деньги на нас, если написать всю правду?

Джарек осушил кружку пива, с грохотом поставил ее на стол и, скрестив на груди руки, пристально взглянул в глаза главаря.

— А в чем правда? — вызывающе спросил он.

— В том, что моя политическая теория не базируется на каких-либо возникших до меня взглядах. Я продолжил строить теорию анархо-экстремизма, созданную Мастером Уехибой.

Лоб Джарека изрезали глубокие складки, он серьезно задумался. Кусая губы, он расчесал пальцами редкие волосы и проговорил:

— Странно, за все эти годы я ни разу не слышал какую-то прям теорию от тебя. Кэно засмеялся.

— Ты, дружище, мудака и кретина, — не без иронии промолвил он. — Ты — единственный, кто не читал мою статью «Крылья черных драконов»! Ты хоть помнишь, что означает герб нашего клана?

Джарек гневно вскинул голову, его хитрые глаза сверкнули.

— Иди ты на хер! — обиженно воскликнул он и отвернулся. — Я его разрабатывал, а ты...

Кэно опустил голову так, будто признавал свою вину. Кира, сидевшая справа от Кэно, громко засмеялась, на что Джарек изобразил еще более глубокую обиду. Он взял из тарелки жареного мяса индюшиное крыло с золотистой корочкой и с угрюмым видом принялся есть. Джарек прекрасно понимал, что Кэно не говорил серьезно, но теперь отплачивал ему тем же. К сожалению, на Кэно это никак не действовало.

В подпольном баре «Valhalla», где часто собирались анархисты, стоял монотонный гул пьяных голосов, нецензурная брань и звон бокалов, стаканов, пивных кружек и прочей посуды, из которой можно было выпить «за анархию». Душный сухой воздух наполняли запахи пива и жареного мяса, а также горький табачный дым. На сцене рок-команда «Iron Certain» играла песню «Stranger in a Strange Land»:

Was many years ago that I left home and came this way,

I was a young man, full of hopes and dreams.

But now it seems that all is lost and nothing gained.

Sometimes things ain't what they seem —

No brave new world, no brave new world,

No brave new world, no brave new world.

Night and day I scan horizon, sea and sky.

My spirit wanders endlessly

Until the day will dawn and friends from home discover why

Hear me calling, rescue me,

Set me free, set me free.

Lost in this place, and leave no trace...

Stranger in a strange land, land of ice and snow,

Trapped here in this prison, lost and far from home.

One hundred years have gone and men again they came that way

To find the answer to the mystery.

They found his body lying where it fell that day

Preserved in time for all to see.

No brave new world, no brave new world...

Lost in this place, and leave no trace...

What became of the men that started?

All are gone and souls departed.

Left me here in this place so all alone...

— Кончай с этой песней! — закричал Кэно, поднявшись из-за стола.

— Я думал, тебе нравится эта вещь, — подавлено произнес солист. — У тебя даже на майке картинка к ней была...

— Под эту песню вы будете меня хоронить! — злобно заявил Кэно. — Но пока я жив, сыграй «Blood brothers»! И принесите мне чего-нибудь поприличнее, чем это пиво!

Рокер покорно выполнил заявку. К столу, за которым сидели Кэно, Кира и Джарек, подошел сам бармен — высокий шотландец с длинными рыжими волосами и бородой, собранной в косичку.

— Скотч тебя устроит, отец?

— Вполне, — холодно ответил Кэно и откусил кусок мяса от зажаренного индюшиного окорока.

Бармен ушел.

— Он косит под викинга? — спросила Кира, глядя ему вслед.

— Не знаю, когда как, — ответил Кэно. — Вообще, он родился в Шотландии, и зовут его Коннор. Какое прозвище могли мы ему дать? Конечно же, Горец.

— Горец? — переспросила Кира. — Забавно.

— Мне бы еще покурить, — проговорил Кэно.

Горец принес бутылку виски, бокалы, сигары и пепельницу. Кира допила пиво и небрежно поставила кружку. Ее начинала угнетать обстановка этого места.

— Значит, Джарек прямо серьезно подходил к разработке нашего герба? — поинтересовалась она, пытаясь отвлечься.

— Нет, мы просто передрали его у «Красных драконов»! — со злым сарказмом ответил Кэно, швырнув окорок индейки обратно на тарелку. В его душе вскипела ярость, однако он вовремя отдал себе отчет: — ...Ох, детка, не бери близко к сердцу. Это старая тема.

Кира положила одну руку ему плечо, второй рукой взяла его за ремень брюк. Она придвинулась к нему ближе, готовясь долго слушать его низкий, грубый, но завораживающий голос.

— Так вот. Знаешь, что меня бесило, когда я только попал в этот клан, еще пацаном? Что у нас не было собственной символики! Просто перекрашенная эмблема «Красных драконов»! Даже Мастера это особенно не парило — типа, дракон же, символ свободы выбора и силы духа. Но это же их мудацкий герб...

— И твоя инициатива была его сменить?

— Моя. Но воплощал Джарек. Эй, мудака, слышишь, мы тебя не забыли! — Кэно иронично усмехнулся обиженному другу. — Так вот, у тех дракон был один, большой, оскаленный — типа как их сила и власть. У нас их два одинаковых и, в общем, не грозных — как равенство и сотрудничество. А между ними кинжал, который еще и похож на крест — крест на могиле тех, кто пал за наши идеи — это знак того, что мы готовы пойти на все во имя анархии! Кстати, черные флаги анархистов и черный цвет на нашей символике — не только знак отрицания власти. Черный цвет — цвет анархизма с 1880 года. Это и отрицание всех проявлений власти, и противоположность белому флагу — никакой сдачи на милость победителя, никогда никакой капитуляции! Ну, и еще траур по всем, кто сражался и умирал в бою за идеалы анархистов.

— А красный цвет? Вы ведь все равно его оставили, хотя это цвет врагов.

Лицо Кэно стало мрачным и угрюмым.

— Есть какие-то теории, что красный — цвет интеллекта. Ведь мы, пусть и экстремисты, но за разумную свободу. Это энергия, сила, агрессия, адресованная нынешнему строю и нынешней гребаной власти! А еще это кровь, которая была пролита и которую еще придется пролить за все, во что мы верим, — Кэно встал из-за стола и поднял бокал со словами: — За свободу! За анархию! За «Черных драконов»!

— Кэно пьет! — торжествующе закричал во все горло Джарек. — Ура-а-а!

— *Vivat anarchia!* — взревел на весь бар Кэно. Послышался звон кружек и бокалов, тонущий во тьме выкриков множества анархистов:

— За Кэно! *Vivat anarchia!* Ура-а-а!

— Можно мне сигару? — спросила Кира, допив скотч.

— Советую бросить курить, детка, — с тоской глядя ей в глаза, ответил главарь, вновь принимаясь за недоеденный жирный окорок.

— Но ты-то не бросаешь. И говоришь, что никто не вправе тебе что-то указывать, заставлять тебя.

— Я не заставляю, я просто дал совет, — уточнил Кэно, протягивая ей сигару. — Мне не хочется, чтобы ты сокращала свою жизнь. Впрочем, твоя воля.

— Так печешься обо мне — хоть бы раз свою жизнь пожалел!

— Что толку? Все равно меня убьют.

— Да ладно тебе! Ты сам профессиональный убийца.

— Убьют, Кира, убьют. Я это точно знаю, детка. Всех нас найдут, рано или поздно. Твой портрет пока еще не висит на каждой доске объявлений с надписью: «Особо опасна. Розыск. Живой или мертвой». Вот и живи себе спокойно, наслаждайся жизнью.

— Кира-Кира! — посмеиваясь, промолвил Джарек. — Рыжая ты дура! Понадобился же тебе этот отвратительный кретин!

— Что ты твякнул?! — крикнул Кэно, пригрозив другу надкушенным индюшиным окороком. — Сейчас зубы будешь по полу собирать, мудак!

Джарек засмеялся:

— Кира, да посмотри на него: ни чести, ни манер...

— Какая же ты все-таки сволочь! — проговорил Кэно с пьяной улыбкой и посмотрел на Киру. — Видишь, детка, мой лучший друг — последняя сволочь. Ну Джарек и сукин сын! И пусть он потом не обижается, когда я однажды его зарежу!

Кэно достал нож и красиво раскрутил его в руке. Лезвие играло в приглушенном свете, будто крылья белой птицы. Джарек всматривался в танец сверкающего клинка с замиранием сердца. Он был доволен, что главаря так завела его глупая шутка. Кэно всадил нож в стол и положил руку на плечо Киры.

— За во-он тем столиком девчонка — вполне себе ничего, — указал Джарек на одинокую девушку за столом у стены. — Пойду знакомиться.

— Катись уже, плешивый Казанова! — бросила Кира с презрением. — Вот уже бабник...

— Я не бабник, я просто люблю женщин, — плутовски ухмыляясь, ответил Джарек и подмигнул Кире.

— Да конечно! — не верила ему Кира. — Если попросить тебя сказать первое слово, которое пришло тебе на ум, ты скажешь: «Сиськи»? Так?

Джарек похотливо клацнул зубами:

— Красавица, здесь ты права.

Джарек пошел к девушке за дальним столом. Кира и Кэно не спускали с него глаз. Анархист подсел за столик, что-то сказал девушке, попытался обнять ее, но получил пощечину такой силы, что едва не упал со стула.

— В половине случаев его похождения заканчиваются именно так... — заключил Кэно.

— А во второй половине? — с улыбкой поинтересовалась Кира.

— Секс, на утро она ему: «Ты был великолепен!», а этот придурок отвечает вопросом: «Кто ты?». Естественно, снова получает по роже и идет искать себе новую любовь на одну ночь. Я сам был таким. Бурная молодость.

— Я, кстати, перечитывала на днях твою статью, — стряхивая пепел с сигары, заговорила женщина. — Как-то странно она у тебя написана... Вроде так по-научному начал, расписывал свою теорию, потом в это описание матерщина стала проскальзывать, а потом вообще — слов нет, одни маты... извиняюсь, одни эмоции. Пишешь о том, как ты товарищей боевых терял, проклинаешь весь мир, о теории своей анархической забыл уже... Это нормально так?

— Понимаешь, детка, я ее одним махом накатыл. Я просто писал все, что приходило в голову. Лезут в башку воспоминания — и их на бумагу, маты — так и пишу маты. А потом перечитал, думаю: «Может матерщину да отсебятину убрать?». А потом решил: «Хрен с ней — пусть будет!». А что? Пусть знают, каков я на самом деле, не моя работа — красивые слова выставлять в нужном порядке. Вот пусть знают, что в башке у меня — мать ее! — что в душе моей творится. Пусть узнают, сколько ребят за эту свободу погибло! На руках умирали боевые друзья... Вот пусть читают и понимают, что я чувствую. Свобода слова, все-таки... Единственное, что я убрал — конкретные имена, звания, даты, места, названия операций. Но это само собой разумеется.

— Мир, выходит, в твоих глазах — черно-белый. Все делится на правильное и неправильное. По одну сторону «Черные драконы» — союзники, а по другую — весь остальной мир — враги.

Кэно сурово, но горестно взглянул на нее:

— Второй раз спросишь: «Это нормально так?»? Детка... А что, у тебя иначе?

— Не в том дело, Кэно, — задумчиво произнесла она, обнимая его. — Я не уверена, что до конца понимаю, что для тебя свобода.

— Что свобода? — тоскливо проговорил главарь. — Она же для каждого своя. Вот твоя свобода в том, чтобы никто не ущемлял твои права лишь потому, что ты женщина. Отсутствие дискриминации. Или Джарек. В чем его свобода? «Сегодня я с одной, а завтра — уже с другой», — свобода? Да, для него это и есть свобода...

— Нет-нет, Кэно, — поправила его Кира. — Для тебя? Лично для тебя? Что для тебя свобода?

Кэно взял Киру за руку и убрал ее ладонь со своего живота:

— Ты меня напрягаешь, детка. Дай сосредоточиться, — он закурил еще одну сигару: — Для меня? Знаешь, я думаю о том, что такое свобода, ровно столько, сколько я живу. В принципе, правы абсолютно все: и ты, и Джарек, и каждый, кто отвечает. Если подвести черту и дать точное определение, то я бы сказал, что свобода — это когда ты можешь быть таким, какой ты есть. Пусть ты ушлепок с тысячей косяков, но ты таков и никто не имеет право переделывать тебя. Это ты. И когда тебя принимают таким, какой ты есть — это свобода.

— И все? Такая простая истина? К этому сводится вся твоя анархическая философия?

— Тебе не нравится?

— Нет, я в восторге. Только удивительно, что все оказалось так просто...

— Да, просто. Очень просто. Только попробуй заставить мир вразумить эту элементарную истину?! Проклятье! Я бы не злился весь свет, если бы не понимал, как это сложно, мать его! Жизнь показала, что вбить людям в голову куда более заумные принципы гораздо проще. Проще заставить их подчиняться, чем научить их ценить собственное мнение и бороться за него! Суки! Многие сами добровольно принимают чужие стереотипы. Конечно, управлять серой толпой, тупой однородной массой гораздо удобнее! Черт бы побрал весь этот мир! Да только кто вообще первый решил, что нужно управлять?! Что меньшинство должно подчиняться большинству?! Кому понадобилась эта галиматья?! Какому сучьему сыну?! Все самое худшее в истории было законным, все зло исходило и исходит от власти! Все угнетения, все неравенства, все войны, и прочее... Никто не знает, кто придумал власть, да только никто уже не помнит, что все может быть иначе! А может! Можно добровольно сотрудничать, по своей инициативе! И слышать всех! Ведь когда-то так было... — Кэно привел дыхание в норму после вспышки ярости и попытался взять контроль над собой. — Ты права, детка. Мы воюем за такую простую, элементарную истину. Мы не первые в этом деле и не последние. Но сколько народу погибло за нее? Статистики нет, не выгодно считать! А только борются против войны, против терроризма... Мрази! И неужели никому не дано понять, что гораздо проще было бы единственный раз услышать нас? Позволить нам показать всему гребаному миру, как можно!

Кира подавленно замолчала. Молчал и Кэно. Тишину разрушил голос Джарека, который только что вернулся за их столик:

— Думаю, ее вопрос в том, что если наша цель — какая-то обобщенная, абстрактная, то как же тогда за нее сражаться?

— Я все по делу. Эта абстрактная цель — это суть цели вполне конкретной! — сказал Кэно и подмигнул Кире левым глазом. — И эта цель неоднократно находилась у нас под ногами.

— Земля, — бросил Джарек с усмешкой. — Типа, только мертвые свободны.

— Нашел, над чем шутить, гребаный ты идиот! — выкрикнул Кэно и тут же, понизив голос, прошептал: — Мы же хотим создать свое государство.

Кира замерла, удивившись такой нерешительной подаче этого заявления:

— Это я знаю. Но в чем проблема с этой целью?

— Остров. Я уже говорил тебе, детка, что анархистам близка пиратская любовь к свободе. Но я не рассказывал, что именно пираты основали на острове первое анархическое государство. Мы просто последуем их примеру. Когда закончится война с «Красным драконом» и у нас будет достаточно людей и оружия. В конце концов, когда этих придурков из Конгресса окончательно достанет наш террор, они отдадут нам остров. Остров Генеральных штатов.

— Почему он? Не то, чтобы я что-то возражала, но... На глазах же у всего мира.

— После всего, что было между нами и «Красными драконами», не может быть других вариантов, кроме как поднимать победное знамя над их землей. Пока что их. Это непременно должен быть Нью-Йорк.

— У тебя точно хватит денег на оружие? — настороженно осведомился Джарек.
— Никто не знает, сколько еще нам придется воевать с Мавадо. Сколько денег у нас сейчас?

— Нисколько, — ответил Кэно, не глядя на его лицо.

— Ладно, Кэно, — смеясь и похлопывая его по плечу, сказал Джарек, — я серьезно спрашиваю.

— Я серьезно отвечаю, — как ни в чем не бывало, ответил вожак, так и не оборачивая на него взгляд. — Я ввязался в очень рискованную авантюру. Исход однозначный: либо все — либо ничего...

Джарек небрежно поставил бокал на стол, разлив половину его содержимого. Он был поражен настолько, что у него начался нервный тик — правый глаз задергался.

— Ты в своем уме? — с усилием выговорил он. — Что ты сделал?

— Я закупил на деньги АЧК комплекс зданий в центре Нью-Йорка, — отвечал Кэно, неуместно улыбаясь.

— На какой хер тебе это надо? — недоумевал Джарек, закрывая рукой правый глаз, который продолжал дергаться.

— Мне-то эти три небоскреба нужны, как собаке пятая нога, — признался Кэно, — обычные офисные помещения. Вот застраховал здания на кругленькую сумму от всего, что только возможно — от взрыва, от терактов... Сейчас вот офисы в аренду сдаю, скоро там все помещения будут заполнены...

Джарек как бы невзначай ощупал ладонью лоб главаря:

— Странно, температуры вроде нет, а городишь такой бред.

— Джарек, заткнись, — бросила ему Кира и, глядя в единственный глаз Кэно, ехидно усмехнулась. — Я, кажется, догадываюсь, где собака зарыта.

— Да. Потом я в зданиях начну делать ремонт — внесу некоторые изменения в конструкцию. А потом получу прибыль.

— Сколько лимонов планируешь поиметь с этого бизнеса, твою налево? — бросил Джарек, занюхивая рукавом скотч.

Кэно оскалил зубы, в левом глазу вспыхнула искра азарта:

— Тебе столько во сне не снилось! Если ты так и не смекнул, в чем задумка, то скоро в новостях все увидишь. Но если что-то пойдет не так... — лицо Кэно помрачнело: — Как говорил Гитлер: «Я в два счета кончу дело при помощи пистолета».

Кира чуть не подавилась виски, услышав эти слова.

— Что, все настолько серьезно? — Джарек также был обеспокоен заявлением.

Кэно пригладил пальцами бороду и ответил, закрыв единственный глаз:

— Считай, что я поставил на zero все, что у меня есть, включая собственную шкуру!

Джарек хитро сощурил глаза и уверенно прошептал:

— Предлагаю выпить за твой триумф, а он непременно будет.

— Благословенная анархия! — закричала Кира на весь бар, вставая из-за стола и поднимая бокал. — За Кэно!

— За Кэно! — воскликнул, вскочив из-за стола, Джарек.

— За Кэно! — взревела толпа пьющих стоя анархистов. — Ура-а-а!

— За меня, — шепнул Кэно и одним махом осушил полный бокал скотча.

Кэно выкупил комплекс зданий под видом малоизвестной компании, выложив все деньги, заработанные кланом и АЧК за долгие годы, на покупку и страховку небоскребов. Тысячи компаний арендовали здесь офисы, банки хранили здесь свои золотые запасы. Смена владельца поначалу абсолютно никого не удивила, но через неделю начались странные и подозрительные события. Работников в срочном порядке выгоняли из офисов, предоставляя им другие помещения. Приказ перейти в другой офис за один день, прихватив с собой всю оргтехнику, начальство не спешило объяснять. Они могли только отнекиваться и бросать скупые фразы, вроде: «Мы тут ни при чем. Это приказ вышестоящих инстанций». Сотрудники поговаривали между собой, что в здании ведутся очень масштабные ремонтные работы. Были совершенно безумные и абсурдные догадки, вроде того, что экспертизы показали, что асбест, которым защищен каркас зданий, способен вызывать раковые заболевания, и теперь стены необходимо покрыть веществом, якобы нейтрализующим действия опасного асбеста. Но эти догадки были стерты в порошок, когда у всех появилась хроническая головная боль от рева перфораторов за стенами. Потом люди слышали, как будто кто-то передвигал в этих комнатах что-то тяжелое, видели, что из здания вывозили нереальное количество груза, не слишком похожего на строительный мусор. Начальники крупных фирм злились на то, что в офисах не проводится уборка на надлежащем уровне — на столах, оргтехнике и особенно на подоконниках каждое утро скапливался внушительный слой серо-коричневой пыли.

Эта ерунда продолжалась две недели. А потом...

Потом наступил страховой случай. Под видом охраны в здания проникли террористы-смертники, взорвавшие одновременно три небоскреба вместе с собой. Внушительный и величественный комплекс зданий разрушился в мгновение ока, сложился, как картонный домик от дуновения едва заметного ветерка. Вдоль стен зданий плавно оседал вниз ядовитый белый газ. Все утро ветер разносил по городу бумагу для принтеров и факсов и документации из офисов. На месте взрыва не нашли ни одной детали от оргтехники, ни одной дверцы сейфа, ни одной дверной ручки — только серо-коричневая пыль, «метеориты», как эксперты звали огромные куски сплавившихся воедино металла и бетона, громадные стальные балки, согнутые пополам силой взрыва.

Экспертиза установила, что причиной такого масштабного разрушения могла быть только термитная смесь. Взрыв динамитных шашек, принесенных террористами, только поджег смесь, замурованную в стены во время «ремонтных работ». При горении термит выделил небывало высокую температуру и небывалое количество энергии. При взрыве слой асбеста просто слетел с металлического каркаса зданий. Только такое вещество, как термит, могло сплавить воедино железо и бетон. Только такой мощный взрыв мог деформировать балку из карбоновой стали более полуметра толщиной. Именно термит при горении выделяет ядовитый белый газ. Ясно было одно — этот теракт был кем-то тщательно спланирован, подготовлен заранее. И тот, кто его задумал, имел достаточное количество денег, чтобы прикрыть эти выводы от огласки. Этот человек получил внушительные страховые выплаты и с легкой руки отдал половину денег компании, которая взялась восстанавливать комплекс. Просто-напросто никто не знал еще одной детали событий — этот хитрюга умудрился вывезти половину золотых запасов арендовавших здесь площадь банков. Кэно, именно Кэно, а

не кто-то другой, получил с этого дельца восемнадцать миллиардов долларов чистой прибыли!

— Что теперь, большой папочка? — спрашивал Джарек во время празднования удачи, разливая по бокалам коллекционный виски Dalmore 50.

Кэно взмахнул рукой:

— Зададим жару старым врагам. Создадим армию, а потом... Моя мечта. Но сперва я должен немного подлечиться.

Джарек хитро сощурил глаза — он понял намек.

* * *

На завершение разработок ушло еще около двух лет. Эти два года пролетели в эйфории от победы, в разгульной жизни с разбоем, растратой денег, выпивкой и тяжелой музыкой практически каждый вечер. Однажды Кэно и его бывалые товарищи по пьяни чуть не разнесли любимый бар «Valhalla», но главарь возместил убытки с лихвой. Тем более что пора было завязывать с этими дебошами и ехать к Генриху Вайнеру.

Зима в Мюнхене была красивой. Тяжелые хлопья снега ложились на шершавые стены старинных домов, на ветвях деревьев расцвели колючие серебристые цветы инея. Пасмурное серое небо низко нависло над городом и уныло роняло на землю густой снег.

Три пары тяжелых ботинок с хрустом топтали запорошенные дороги города. По улице шли двое мужчин и молодая женщина. Красно-рыжие волосы женщины присыпал снег. Ее, облаченную в подчеркивающий стройную фигуру кожаный плащ с белым шарфом, держал под руку высокий крепкий мужчина в длинном черном пальто. Вместо шарфа его шею и грудь защищала от ветра и холода шкура койота, снег лежал на его коротких черных волосах и густой бороде, черная повязка закрывала то, что осталось от его правого глаза. Рядом, с кейсом в руке шагал мужчина с хитрющим взглядом, с бакенбардами и козлиной бородкой, одетый в теплый свитер и кожаную куртку нараспашку. Он лукаво посмеивался, сверкая двумя золотыми зубами.

Троица подошла к трехэтажному особняку в викторианском стиле. Мужчина с повязкой на лице постучал в дверь. К пришедшим вышел охранник в сером костюме.

— Что привело вас, господа? — спросил он по-немецки.

— К Генриху Вайнеру, — сорванным голосом ответил одноглазый мужчина также на немецком языке. — Мы договаривались о встрече.

— Документы, — попросил охранник.

Незнакомец протянул ему паспорт. Его спутники сделали то же самое. Охранник взял документы и начал сверять фото.

— Так... Грегор Кронненберг?

Мужчина с повязкой на глазу кивнул.

— Вальтер Зайлер?

— Я, — с хитрющей ухмылкой ответил второй.

— И Хельга Кронненберг?

— Я его жена, — опередила вопрос рыжеволосая женщина, взяв мужчину за руку.

— Вас провести к господину Вайнеру? — спросил охранник.

— Не нужно, — холодно проговорил одноглазый и вошел в особняк.

Роскошное помещение слепило глаза золотом всех вложенных в него денег. Окна с витражами, мебель из натурального дерева, красный бархат, камин из черного мрамора, на котором лежала черная с золотом каска... У камина в кресле грелся наглый пушистый кот, помесь перса и шотландской вислоухой. Как у персидского, у него была длинная рыжая с белыми пятнами шерсть и слегка приплюснутая морда, от шотландской породы кот унаследовал лежащие уши. Покосившись на чужаков, кот рассерженно прошипел, выгнув взъерошенную спину.

— Тихо, Альфред, — попросил строгий мужской голос.

Генрих Вайнер спустился в гостиную, погладил и почесал за ухом разбушевавшегося Альфреда, на что кот довольно заурчал. В руках Генрих держал книгу Зигмунда Фрейда «Толкование сновидений». Вайнеру было сорок пять лет, но из-за сединок выглядел как минимум на десяток старше. В бороде проседи было несколько меньше, чем на голове. Глаза доктора были быстрыми, меткими, пронзительными — ничто не могло ускользнуть от этого зоркого соколиного взгляда. Генрих был в дорогом светло-сером костюме-тройке, при галстуке с золотой застёжкой. Мужчина производил впечатление педантичного аккуратиста, влюбленного до глубины души в собственную работу, а точнее в прибыль, которую она приносила.

— Ты все же приехал, Кэно, — немец заговорил по-английски. — Ты осознаешь, чем рискуешь?

— Тебе есть дело до моей шкуры, Вайнер? — посмеиваясь, ответил Кэно. — В жизни бы не поверил...

— Операция сложная — а я и без того высоко оцениваю свою работу... — начал намекать врач, уводя в сторону глаза.

Кэно уставился на него, как командир на новобранца:

— Не дрейфь, фриц! — приказал он. — Не за харчи будешь работать!

— А что с механизмом? — уже серьезно и по-деловому спросил Вайнер.

— Он при нас, — ответил Джарек и показал ему кейс.

— Тогда в госпиталь, — заключил немец, бросив на кресло книгу Фрейда. — Ты готов завтра вечером лечь на операцию?

— С радостью, — совершенно спокойно ответил Кэно. — Не хочу больше терять время.

* * *

В частный госпиталь Вайнер привез анархистов на своем белом «Мустанге» восьмидесят пятого года выпуска. Металлический рев его двигателя напомнил Кэно тяжелую музыку мотора мотоцикла «Харлей-Дэвидсон», и он всю дорогу расслабленно наслаждался этим звериным ревом.

— Шмит! — позвал Генрих одного из своих ассистентов. — Все готово к тому, о чем я говорил?

— Конечно, — заверил врача коллега. — Вы сами будете готовить к операции?

— Да, — ответил Вайнер. — Дело непростое.

Он проверил, все ли в порядке с механизмом. После распорядился, чтобы Кэно прошел необходимые обследования.

— Противопоказаний нет, — заключил он, ознакомившись с результатами. — Сегодня приступим. Джарек!

— Да, — отозвался ожидавший под дверью анархист.

— Ты уже знаешь, что будешь ассистировать мне?

— Конечно. Мы ведь все обговорили.

— Хорошо.

Кира пришла в палату, где главарь должен был ожидать своей участи. В помещении было тепло, и он лежал полностью раздетый, укрывшись простыней до пояса. На запястье у него была бирка с фальшивой немецкой фамилией и данными о группе крови и резус-факторе. Это оживляло старые воспоминания — в свое время пять лет подряд нашивка с теми же обозначениями красовалась на его военной форме. Повязку с лица сняли — шрамы, очерчивающие пустую глазницу, были настолько глубоки, что в нескольких местах доходили до костей.

— Ты нервничаешь побольше моего, детка! — обнаружил Кэно, едва Кира переступила порог.

— Еще бы, — подтвердила она и взяла его за руку. — Джарек вроде как заверил, что все будет хорошо. Но я хочу, чтобы и немец в этом поклялся.

— Достаточно того, что я в нем уверен. *Heaven can wait*, — ответил Кэно. — *Heaven can wait 'til another day...*

Его слова не слишком убедили Киру. Она впервые переживала за него так сильно, хоть и сдерживала свое волнение с неслабым мужеством. И все же, когда в палату зашел Генрих, Кира озвучила ему свое требование.

— Обещаю, — честно ответил врач. — Все будет в лучшем виде.

Он сделал лидеру анархистов инъекцию для предварительной медикаментозной подготовки к общей анестезии. Кэно почувствовал, что его начало сильно клонить в сон, он закрыл единственный глаз, но возникшая вместе с дремотой сухость во рту не позволяла в полной мере расслабиться. Однако позже он уже не помнил, как его отправили в операционную.

Стена операционной была оборудована окном. Обычно здесь наблюдали за ходом операций ученики Вайнера. Сейчас у стекла стояла Кира, и ее брови горестно сдвинулись к переносице, а зубы сжались — она собирала все силы, чтобы удерживать в узде эмоции.

— Аллах! Молю! Помоги! Будь с нами! Помоги нам, Аллах.

Тем временем Джарек мысленно дочитал свою молитву, нервно обмахнул себя крестом и последним вошел в операционную, когда Шмит вместе с еще одним ассистентом хирурга Брауном заносил инструменты. Генрих взял скальпель. Джарек встал у стола, чувствуя слабость в ногах от накатывающего страха. Предчувствия подсказывали, что опасаться нечего, но душа не хотела мириться с происходящим. Генрих Вайнер разрезал кожу там, где должен был располагаться имплантат, и осторожно начал удалять ее. Он приподнимал и срезал кожу медленно, миллиметр за миллиметром. Когда Генрих практически снял ее, открылось сильное кровотечение. Вайнер взял перевязочный материал и кровеостанавливающее средство. На остановку кровотечения ушло больше часа времени, тут же понадобилось начать переливание крови. Шмит и Браун ассистировали Генриху, отирая бинтом, захваченным корнцангом, кровь и перекрывая зажимами сосуды, когда хирург стал резать мышцы. Вскоре остатки глаза были удалены из глазницы, кости черепа и крупные нервы оголены, — все было подготовлено к внедрению имплантата. Это была часть работы для Джарека. Генрих достал еще один бикс с инструментами для микрохирургических

операций, еще раз изучил строение имплантата и, отладив работу специального микроскопа, отошел от стола, пропуская вперед анархиста.

— Приступай, — скомандовал Вайнер, толкнув плечом его к столу вплотную. Джарек не мог пошевелинуться.

— Приступай! — требовательно повторил Генрих Вайнер.

Джарек закрыл локтем вспотевшее лицо, в тишине послышался скрежет его зубов и хриплое, словно рычащее дыхание. Он чувствовал себя так, словно сердце с такой силой толкает кровь по сосудам, что они вот-вот разорвутся, брызжа изнутри кровью, и все тело будет пронизано неумолимой болью. Он еще раз взглянул на лишенный кожи и плоти участок чужого лица, к которому он должен был по живому приспособить сложный механизм, сочленить имплантат с нервами и остатками мышц, вживить его в ткани чужого лица. Куда он полез! Что он, Джарек, себе возомнил — разве это дело по его способностям?! Может быть, кровь бы не остывала в его венах и не вскипала в сердце, если бы под наркозом был совершенно не знакомый ему человек, но не его лучший друг.

— Не могу... — невнятно пробормотал он, отводя в сторону налившиеся кровью глаза.

— Черт возьми! — чертыхнулся Генрих, всплескивая руками. — Так и знал, что придется делать все самому! — он сделал над собой усилие, глубоко вздохнул и указал Джареку на дверь: — Убирайся к черту!

Джарек глубоко вздохнул, несколько раз сжал и разжал кулаки и, собравшись, наконец, с мыслями, сказал:

— Дай мне инструменты.

Он бегло перекрестился еще раз, не прикасаясь к телу пальцами в стерильных перчатках. Когда он подходил к столу, взору Киры на мгновение предстало то, что происходило в операционной. Увиденное ввергло ее в сильнейший шок.

Кира кинулась бежать во всю прыть, пока никто не заметил неконтролируемого ужаса на ее лице. Она ураганом неслась по белым коридорам госпиталя, раз за разом ее била нервная судорога, нарушая координацию без того нелогичных движений. Ее мышцы были напряжены, кулаки сжаты, и она уже не могла расслабиться. Выбившись из сил, Кира остановилась и села у холодной ярко-белой стены. Не успев отдышаться, она почувствовала, что руки непроизвольно потянулись за сигаретами. Кира закурила, опустив голову и погрузив свои дрожащие пальцы себе в волосы.

— Какого шайтана он решил сделать это с собой?! — простонала она. — О Аллах, только бы все прошло успешно!

Генрих Вайнер и Джарек простояли у операционного стола до раннего утра, переводя уставшие глаза с окуляра микроскопа на монитор компьютера, где была детально изображена схема разработанного Джареком механизма. Генрих поставил задачу, чтобы нервы проросли не так, как до операции, давая возможность Кэно собственной волей координировать действие кибернетического внедрения. Микроскоп с огромным увеличением, ничтожно малого размера хирургические инструменты, слепящий монитор компьютера — у Генриха начинали болеть и слезиться глаза. К счастью, Джарек уже выполнил всю основную работу, и теперь Генрих лишь закреплял металлическую пластину на лице Кэно. Джарек вышел из операционной и пошел на лестничный пролет. Постояв там несколько минут в тишине, он немного опомнился после всего случившегося, спустился по лестнице и вышел во двор покурить. У Генриха Вайнера работа уже шла к завершению. Шмит отер пот с его

изрезанного от напряжения складками лба. Генрих закрепил пластину, обработал срез кожи во избежание инфекции и, отойдя от пронзительного света бестеновой лампы, смог вдохнуть свободно. словно тяжелый груз свалился с его уставших плеч — он завершил труд всей своей жизни, величайшую операцию на данный момент своей карьеры. Он никогда, никогда еще не делал ничего подобного, и вряд ли сделает что-либо более глобальное в будущем, да и об этом достижении официальный мир не узнает, что оно было делом рук гениального Генриха Вайнера.

— Что дальше? — окликнул его ассистент, ожидая поручений.

— В послеоперационную палату, Шмит, что же еще? — невозмутимо ответил Вайнер. — Я буду в кабинете. Срочно сообщите мне, когда он придет в сознание. В противном случае прошу меня не беспокоить, разве что только при крайней необходимости — если будут проблемы. А пока я отдохну — день выдался не из легких.

Хирург вышел из операционной, кинув на использованные инструменты окровавленные перчатки. Он торопливо снял маску, халат и направился к своему кабинету. Завидев издали Генриха, Кира вскочила на ноги, совершенно не чувствуя былой усталости.

— Постой, Вайнер! — закричала она, и ее голос эхом разнесся по пустым коридорам. Генрих замер, ожидая, когда Кира подойдет к нему.

— А вот кричать не надо, — с укором заявил он запыхавшейся женщине. — Здесь вам не пивной бар и не рок-концерт, а клиника.

— Как он? — спросила Кира, не слушая его замечаний.

— Операция прошла успешно, — автоматом ответил уставший донельзя Генрих, открывая двери кабинета. — Жить будет.

Он собрался идти, но Кира со всей силы вцепилась в его руку.

— Я могу его увидеть? — спросила она. Генрих взглянул на нее так, будто та издевалась:

— Имей совесть! Знаешь, как мне было тяжело. Ему вряд ли было легче, и сейчас ему так же тяжело. Поэтому навестить его ты сможешь только днем, после того, как я его осмотрю. Все ясно?

Кира кивнула и покорно побрела прочь. Она провела предутренний час, бесцельно скитаясь по заснеженным окрестностям и покуривая сигареты. К рассвету усталость окончательно доконала ее — она уснула, сидя на засыпанной снегом лавке.

— Господин Вайнер! Грегор Кронненберг пришел в себя.

Генрих проснулся на кушетке в своем кабинете. Сотрудник, ассистировавший ему вчера на операции, стоял в дверях, ожидая поручений.

— Идите, Шмит, — отпустил его Генрих. — Я сам разберусь.

Вайнер направился в палату.

— Ну, здравствуй, Генрих, — окликнул его Кэно, присаживаясь на постели.

— Как себя чувствуешь? — спросил хирург.

— Башка, сука, раскалывается, — прорычал Кэно, пытаясь ощупать ладонью правую половину лица, но Вайнер остановил его:

— Не вздумай! И вообще, какого черта ты встал?!

Кэно усмехнулся, все еще чувствуя сильную боль во всей правой половине головы:

— Скажешь, мне нужно лежать, да? От меня ты этого не дождешься. Кстати, я не чувствую никаких изменений, кроме того, что у меня дико ноет полбашки! Непорядок, Вайнер...

— Я еще не активировал его, — пояснил хирург. — Нужно было подождать, пока нервы приживятся к имплантату окончательно. К тому же, я не был уверен, что не будет отторжения.

Генрих приблизился к нему, надел перчатки и взял инструменты. Он протер правый висок анархиста дезинфицирующим раствором и разрезал кожу около пластины. Кэно стиснул зубы и прорычал что-то нецензурное, когда хирург взял какой-то инструмент и погрузил его в рану. Вайнер закончил процедуру, наложив пару швов на место разреза.

— СВД мне в зад, я вижу! — ошеломленно проговорил Кэно, уставившись в одну точку.

— Когда пройдет головная боль, объясню тебе, как управлять механизмом, — сообщил немец.

Кэно осторожно встал с постели и взял с прикроватной тумбы свою одежду.

— Далеко собрался? — укоризненно спросил Генрих.

— В холл. Поглядеть, как это смотрится.

В холле, куда не попадал утренний свет солнца, еще не горели лампы, и коридоры наполняла темнота. Анархист подошел к зеркалу на стене. Плавающий кроваво-красный электронный глаз озарил стальную пластину на его лице, отголоски красного света горели даже где-то в глубине левого, живого глаза.

— Выглядит дьявольски круто! — прошептал Кэно, зловеще скаля зубы.

* * *

В числе погибших во время взрыва комплекса зданий был некий Даниэль Блейд. Он отнюдь не являлся какой-то известной личностью, молодой мужчина работал директором службы безопасности. Его смерть ничем не отличалась от тысяч других, таких же бессмысленных и по сути несправедливых смертей, но его сестре казалось совершенно иначе.

8. Над пропастью

Холодный ветер развеивал светло-русые волосы Кобры. Мимо проносились поезда, вдали мерцали огни ночного города. Двадцать четыре года жизни виделись ему все более и более бессмысленными и никчемными, когда он оценивающе проматывал их в уме, вот уже два часа подряд стоя на этом мосту.

Три года, как наступило новое тысячелетие, а за спиной все те же поезда, под ногами все тот же мост, все тот же город вдали. И он, Кобра, все тот же, — пусть раньше он просто гулял по этому мосту, а теперь намеревался здесь свести счеты с жизнью. Еще девять лет назад, становясь от нелегкой жизни наркоторговцем, он где-то глубоко в душе ощущал опасение, что для него все кончится именно так. Легко разбиться об асфальт, упав с моста. Трудно разжать руки, которыми вцепился в перила, и сделать твердый шаг вперед. Он стоял уже два часа и не мог совладать с собой.

— Я слишком слаб, чтобы жить, — сокрушался он, — но я и слишком слаб, чтобы умереть.

Шесть лет он был одним из «Черных драконов», и шесть лет он слышал в свой адрес одно и то же:

— Ты не способен сдерживать свои эмоции! Ты бежишь прочь, когда нужно бороться! Салага! Ты не уверен в себе, твой страх неудачи в любой момент может заставить тебя предать! Ты слабак.

За эти шесть лет Кобра изменил свое мнение о Кэно. Теперь для него это был человек, которого хочется уважать, по-настоящему одержимый своим делом, хладнокровный и непоколебимый, не привыкший сдаваться или отступать. А вот изменить мнения Кэно о себе Кобра не смог. Месяц назад он не выдержал и сбежал из клана. Месяц он бесцельно скитался по миру, пытаясь укрепить силу своего духа. И чем кончились его старания? Двумя часами, проведенными на мосту в попытке самоубийства, и на то не хватало сил...

— Прыгай! — выкрикнул за спиной хриплый голос, и сильная рука ударила Кобру в спину. От неожиданности он не успел зацепиться за что-нибудь руками и сорвался вниз.

Кто-то успел крепко схватить его за руку, и парень почувствовал сильную боль в запястье. На какое-то время его жизнь была спасена. Он поднял глаза, глядя вверх сквозь ширму волос, мокрых от холодного липкого пота. На мосту стоял небритый темноволосый мужчина в тяжелых армейских ботинках, штанах цвета темного хаки и черной куртке с капюшоном. На груди его раскачивались золотые цепи и крест на черном шнурке. Порыв ветра сорвал с мужчины капюшон, и Кобра оторопел, глядя на своего спасителя. Правую половину его лица закрывала серебристая металлическая пластина, буквально вживленная в тело, правый глаз заменял пылающий красный шар. Преодолевая ужас, Кобра не сразу смог узнать этого сурового человека, чей взгляд, казалось, видел душу насквозь.

— Что, страшно? — спросил человек и резко отпустил руку Кобры, но тут же перехватил ее в воздухе другой рукой. Его взгляд прошел сквозь тело парня ледяным буром, оставив за собой панический страх.

Все тело Кобры была крупная дрожь, он чувствовал пульсацию каждого сосуда в своем теле. Он пытался выговорить хоть слово, но дар речи предательски покинул его. Мысли о желании жить переплетались с множеством воспоминаний, ощущений и эмоций, пока не слились в один безумный выкрик:

— Кэно!!!

Кэно засмеялся.

— Что, сопляк, теперь захотелось жить? Теперь ты понял, какая идиотская идея стукнула в твою безмозглую башку?!

Беззвучно рыдая, Кобра кивнул. Кэно схватил его второй рукой за капюшон черно-белой спортивной куртки и вытащил на мост. Кобра упал навзничь и зарыдал.

— Тебе повезло, что я шел мимо. Больше никому, очевидно, вправить тебе мозги. Как ты вообще додумался?

Кобра закрыл лицо руками. Он не мог ничего ответить.

— Ты мог жить другой жизнью! — Кэно перешел на крик. — Это выход не в твоём случае! Хотя, — шепотом добавил он, — я бы не был такой размазней, как ты — я бы прыгнул. Слабак.

Кэно зашагал прочь, бросив в зубы сигару. Он набрал полные легкие дыма и выпустил подряд несколько дымовых колец. Кобра спешно побрел следом, вдыхая рассеивающийся в воздухе аромат сигары.

— Сученок, как ты вообще мог... — продолжал бранить его главарь.

— Я более не смог терпеть, — сознался парень. — Я не могу жить с мыслью, что я... предал клан.

Кэно резко остановился. Кобра неуклюже попятился назад от его грозного взгляда — все его тело до сих пор дрожало от страха.

— Что?! — с негодованием переспросил вожак «Черных драконов». Кобра покорно опустил голову и честно сказал:

— Я предатель, Кэно. Я сбежал.

Главарь взглянул по сторонам, задумавшись над этими словами. Из клана сбежал — зачем? Что такого с ним там произошло? Или не только с ним?

— Почему? — спросил вожак анархистов. Из уст парня он узнал страшную новость, какую даже не мог вообразить:

— «Черные драконы» ополчились друг на друга.

Главарь не мог поверить услышанному. Его когорта всегда была горой друг за друга! Как могла начаться междоусобица? Больше всего его пугала одна мысль — неужели это действительно было истинное лицо анархизма?

— Ты меня разводишь, мудака?! — прокричал он, отказываясь верить полученным сведениям.

— Нет, — Кобра отрицательно замотал головой. — В клане война. Я могу поклясться своей жизнью, что говорю правду. Человек по имени Кабал поднял восстание против своих же. Против тебя. Он назвал себя новым лидером клана. Безликий, Тасия и Тремор возглавили сопротивление, поклявшись уничтожить Кабала, но это оказалось не так просто. Началась война...

Кэно отвернулся. Кобра видел, как он сжал кулаки, под курткой очертились контуры напряженных мышц. Вот так съездил подлечиться! Уже нашелся умник, желающий стать лидером клана! Да уж, мир абсурден. Кабал... Кэно смутно припоминал новобранца с таким именем, но не помнил, чтобы был хоть какой-то повод ожидать от него нож в спину! Теперь анархисты перережут друг друга — и что будет дальше? Что им останется?!

Докурив сигару, Кэно снова заговорил с Коброй, пытаясь выяснить подробности:

— Почему же ты сбежал? Испугался? Зассал?

— Я не смог выбрать сторону, — принялся оправдываться парень. — Ты спас мне жизнь и учил меня, жестко, но круто. Я никогда этого не забуду. Я не способен предать тебя, Кэно, и никогда не предам! — поклялся он, но, помолчав несколько секунд, признался: — Но Кабал... Он говорил так... Он говорил, что мы убиваем ни в чем неповинных людей. Я знаю, что я погубил немало жизней, и мне до сих пор... не по себе от этого. Я понял, что больше так не хочу.

— Мы не психи, убивающие всех подряд, — Кэно был недоволен объяснением — только идиоты верят таким красивым высоким речам, но Кобра, вроде как, не был идиотом. Главарь продолжил говорить: — Наша цель — ликвидация власти, и мы показываем, что власть ни на что не способна. Мы встали на путь террора, потому что не имеем возможности вести открытую войну. Думал, что сейчас, когда людей в клане сотни, возможность появится. Оказалось, нет. Твою ж мать!

— И все-таки, — не мог успокоиться парень. — Ты взорвал комплекс зданий. И у тебя не возникало мыслей, что в этих зданиях могли находиться те, кто тебя поддерживает? Твои единомышленники?

— Мои единомышленники, — зло ответил террорист, — не протирают штаны в офисах перед мониторами, а сидят со мной на секретной базе, вооруженные до зубов, и ждут нашего часа.

Он побрел дальше, снова закуривая сигару. Кобра плелся за ним медленно и неуверенно, будто только что совершил марш-бросок, и переставлять ноги почти не осталось сил. А под мостом ожидали Кира и Джарек, которые еще не были в курсе шокирующей новости.

* * *

За городом на берегу реки Детройт ночную тишину гнали прочь звуки выстрелов, крики и матерная брань. Они доносились с заброшенной электростанции, машинный зал которой был переполнен гомоном. Было поразительно, что массивные механизмы станции не стали красными от крови — столько людей здесь было расстреляно и еще сотни сражались.

— Кабал! — кричали одни, бросаясь в атаку.

— Кабал должен умереть! — прозвучал женский голос, эхом разнесенный по все станции. — В бой! За Кэно!

— За Кэно! — взревели ее сторонники, проводя контратаку. Белолицая женщина в фиолетовом корсете, кричавшая об убийстве Кабала, выхватила две катаны и тут же рубанула одного из врагов по грудной клетке. Она практически перерубила его пополам. Вдруг японец в кожаных доспехах, стоявший рядом с ней, упал на пол с вымоченными кровью волосами.

— Трemor! — воскликнула женщина с испугом и бросилась к раненому.

— Прекратить бой! — внезапно прогремел на весь зал хриплый грубый голос.

Свет погас. Люди с оружием застыли на месте, следя за человеком, прошедшим в центр машинного зала. Лицо его скрывал покров темноты, разрываемый ярко-красным светом, который излучал его правый глаз. Этот горящий глаз поверг всех присутствующих в неописуемый ужас. Таким же кровавым светом горела клавиша детонатора на груди чужака. Человек — если только этот тип был человеком — нажал кнопку, и на стене за его спиной вспыхнули красные цифры на таймере взрывного устройства.

— Сейчас вы сложите оружие, отойдете к стене и заложите руки за головы, или я взорву вас всех вместе с собой к чертовой матери! Ясно? Бросайте все оружие, и без глупостей — я вижу в темноте! Я слежу за вами. Тридцать секунд! Двадцать девять...

Тьму наполнили шорохи и металлический грохот падающего оружия. Анархисты то и дело косились на таймер, трепеща от страха и бранясь на чем свет стоит. Слышались глухие удары — то ли драка продолжалась на кулаках, то ли просто кто-то перецеплялся через оставленные на полу тела убитых товарищей.

Неизвестный остановил устройство, когда таймер показывал шесть секунд до взрыва.

— Вот так. Хорошо, — злобно рявкнул он и включил свет. Мужчина с горящим красным глазом оказался никем иным, как истинным главарем клана, зловеще прославленным Кэно. — Что ж, дети, папа вернулся. Папа наведет здесь порядок!

Кэно взглянул на гору оружия, потом на толпу людей, заложивших руки за голову. По всему машинному залу пол заливали лужи крови, люди стояли между телами убитых, на чей-то труп даже покидали оружие, были и живые, которые еще дышали или стонали от боли. Тасия не выполнила приказа — она сидела на полу, на ее коленях была голова раненого Тремора.

— Значит, это то, во что превратились «Черные драконы»? — прокричал Кэно с ненавистью и презрением. — Братоубийцы! Как вы могли пойти на такое?! Суки! Почему, реализуя общую цель, вы перегрызлись, как свора собак?! Кто поднял бунт?

Из толпы шагнул вперед молодой худощавый мужчина с длинными ровными черными волосами, бородкой и бакенбардами, в черной футболке, штанах и жилетке цвета хаки. На нем были высокие сапоги, металлические наколенники и черный пояс-патронташ, руки были в тактических кожаных перчатках. Он последним кинул на гору оружия два экзотических клинка, увенчанных крючьями. Казалось, он совершенно не боялся главаря.

— Бунт начал я, — заявил он, сделав еще один развязный шаг вперед.

— Имя? — требовательно спросил Кэно.

— Кабал, — представился мужчина. Кэно подозрительно сощурил левый глаз — что-то в нагловатом лице Кабала ему особенно не понравилось, что-то едва уловимое, что, по ощущениям, могло ввергнуть в бешенство.

Во взгляде Кэно и еще нескольких сотен анархистов зажглась злоба. Человек, стрелявший в своих, говоривший о Кэно с ненавистью и презрением, теперь стоял перед ним самим и смотрел на него с вызовом и пафосом.

— Ну, что будешь делать, большой папочка? Убьешь нас? Какой это тогда анархизм, если ты, как диктатор, управляешь нами?! Ты говоришь о свободе, а сам урезаешь нам эту самую свободу! Ты раздаешь приказы идти в бой, попивая в кабинете вискарь! Ты борешься за лучшую жизнь, убивая тысячи непричастных людей! Я считаю, что нам нужен другой лидер.

Кэно задумчиво почесал черную бороду и уточнил:

— Ты как долго здесь? Ты ж, сука, ни хера не знаешь. Это инициатива, добровольный личный вклад каждого анархиста. Бойцы здесь не по призыву! И все это общественные решения: если сегодня они готовы проворачивать прибыльное дело — они проворачивают это дела, а если хотят бухать — они бухают. Взвесив информацию и возможности, разумеется. Но ты, по ходу, не догоняешь, что такое свобода и авторитет! Но ты считаешь, что на главаря твоя кандидатура подходит? Ты, типа, достойный. Поэтому тебе можно все, даже в своих стрелять, да, ушлепок?

Кабал насупил брови. В карих глазах, как фитиль динамитной шашки, зажглось недовольство:

— Жертва ничтожными приведет к победе достойных. Это ведь твои слова, Кэно?

Главарь промолчал. Он просто сердито и строго уставился на него, будто испепеляя предателя взглядом — Кабал начал нервно хрустеть пальцами.

— Значит, «Черные драконы» уже ничтожные... Может, я, по-твоему, тоже ничтожество? — с явной угрозой продолжил после паузы Кэно.

— Ты — самое последнее ничтожество в этом клане! — с отвращением вымолвил Кабал. — Ты используешь тактику запугивания, насилия, применяешь грубую силу, считая, что цель оправдывает средства. Но почему за нашу цель должны гибнуть другие?

— Так что предлагаешь ты? — Кэно злобно оскалился, его лицевые мускулы непроизвольно напряглись. — Что конкретно ты сделал для клана? Сократил вдвое число людей? Убил товарищей?!

Кабал начал терять былую уверенность в себе, слова уже не выскакивали бодро и четко — он начал запинаться, продолжая ломать пальцы:

— Я пытался провести реформацию, сделать клан более расчетливым, более рассудительным. Для привлечения внимания к нашей цели хватило бы массовых акций, периодических изданий, Интернет-порталов и в том же духе... Анархизм отрицает насилие, так говорит любая литература.

Кэно сжал кулаки.

— Для меня существует только один теоретик и практик анархизма — мой Мастер, Морихей Уехиба! — гаркнул он на Кабала. — Так вот он говорил, и я говорю: «Цель оправдывает средства». Мы приветствуем насилие, если оно приведет нас к свободе! А только оно и приведет — иначе новый мир уже построили бы. Те, у кого была инициатива, но не было яиц, чтобы действовать жестко.

Кабал издевательски заухмылялся:

— Тебе легко говорить! Не ты в этой войне проливаешь кровь за свободу, ты только в баре пьешь пиво и покуливаешь сигары, слушая хэви-метал, когда твоя телка под столом тебе отсасывает...

Кэно наотмашь засветил предателю кулаком в челюсть, Кабал упал, чуть было не сделав в воздухе кувырок.

— К твоему сведению, мразь, я участвую во всех операциях! Или тебе показать шрамы?! — оскалив зубы, бросил Кэно и ударил Кабала еще раз. — И координирую я все по разумному общественному выбору! До тех пор, пока наша цель не будет достигнута.

Шустрый малый откровенно перепугался. Он ощупал место удара костяшками пальцев — на лице остался след от тактической перчатки Кэно с металлической вставкой, выполняющей роль кастета.

— Извини, брат, не знал... — прошептал Кабал, нерешительно подняв глаза на вожака «Черных драконов».

— «Брат»?! — опешил Кэно, его кинуло в жар от неудержимой ярости. — Да как у тебя, сволочь ты конченная, язык повернулся произнести это слово после всего, что ты сделал?!

Кабал приподнялся, фактически стоя на коленях.

— Прости меня, я... — пробормотал он, но главаря теперь только еще больше бесило каждое его слово:

— «Прости»?! Твое прощение ребят не вернет! — Кэно снова ударил его, в кровь разбив нос повстанца, и поднял его с колен, схватив за грудки. Гневный и злой взгляд главаря пронзил Кабала, как стилет. — Ты хоть знаешь что-нибудь о тех, кого расстрелял, сученок? Чем они жили? Чего они хотели? О чем думали? К чему стремились?! Молчишь, падла?! А я знал! Это были друзья... Что мы с ними прошли! Тебя я ни разу не видел в деле, а ты уже кланом решил распоряжаться, конченный ублюдок!

Перепуганный повстанец вспотел с головы до ног. Теперь на него смотрели со злостью и презрением даже те, кто был на его стороне. У него все сжалось внутри, руки предательски тряслись, силы покинули окончательно.

— Меня убьют? — спросил Кабал нервно, но все же с долей вызова.

— Нет, — сухо бросил Кэно. — Я не опущусь до твоего уровня, тварь, чтобы своих валить! Но наказать тебя придется.

Кабал покорно опустил голову. Кэно пытался привести в норму дыхание после крика, но злоба заставляла его сердце биться чаще, отравляла его кровь, покрывая сознание пеленой тумана.

Кабала ожидала жестокая расплата за содеянное: Тремор по приказу Кэно подвесил его наручниками на трубе на нижнем ярусе базы и разрешил «Черным драконам» пытаться его, как угодно, три дня. Ниндзя ощутил головокружительную смесь старого ужаса и пьянящей садистической эйфории, когда приводил в исполнение этот приговор. В какой-то момент Тремору даже показалось, что по его лицу потекла вязкая кровь, но это был всего лишь пот.

Он много раз перечитывал историю ниндзя. Был такой воин-тень Сугитани Дзэньюбо, и ему действительно было поручено убить Оду Нобунагу — на тот момент фактического правителя Японии. И он стрелял в этого тирана, дважды, но не убил. И агенты Оды Нобунаги искали ниндзя, и расправа над ним была невероятно жестока... Казнь была точно такой, как в кровавых кошмарах Тремора. Почему же дух несчастного ниндзя не успокоился до сих пор? За что сражался Сугитани Дзэньюбо? Ода Нобунага бросил против четырех тысяч ниндзя армию в сорок шесть тысяч самураев! Воины-тень боролись за свою жизнь, за сохранение своего искусства... Вполне ясно, что никто не хотел бы стать их очередным «шедевром». Тем не менее, искусство ниндзя было живо до сих пор — например, в Треморе. По меньшей мере, он был уверен в этом. И если в этой жизни он для чего-то получил новый шанс, то был обязан использовать древнее искусство, чтобы отвоевать свою свободу.

Идея казни была с азартом принята озлобленными и подавленными из-за понесенных потерь анархистами. Сам вожак не участвовал в кровавом ритуале искупления, а сидел в одиночестве в гараже, пытаясь подобрать на гитаре тяжелое соло. Крики предателя за стеной и матерщина соратников, конечно, мешали ему в этом деле, но сама ситуация несколько вдохновляла. Может быть, после продолжительного истязания самоуверенный сученок поймет, что чувствует он после того, как его потрепала жизнь, может, до него дойдет, что в дерьмовом мире нет места жалкому состраданию. А в подвал приходили все новые и новые люди, желающие покончить с предателем. Кэно с довольным видом перебрал струны.

— Кабал! Ублюдок ты траханный! — слышался сквозь стену сиплый голос Безликого. — Приготовься — будет жарко!

«Три дня ублюдок не продержится — этот психопат опять решил испытать огнемет собственной разработки!» — догадался Кэно. Такая перспектива ему не нравилась. Ему пришлось бросить гитару, взять старую добрую «Беретту» и идти туда, откуда уже всю доносился мучительный непрерывный крик боли замученного Кабала.

Безликий действительно испытывал огнемет, а пара его товарищей жадно следила за процессом. Кэно вышиб дверь ногой и пять раз выстрелил в трубу над головой Кабала. Поток воды погасил пламя. Мужчина, подвешенный на трубе, продолжал стонать, на его обожженном и исполосованном теле дотлевали остатки одежды.

— Вашу ж мать! Я кому-то приказывал убивать его?! — заорал Кэно.

Анархисты замотали головами. Кэно опустил пистолет.

— Анархизм — это не безумие и произвол, — изрек он небывало строго и спрятал «Беретту» в кобуру.

Он махнул рукой Тремору, тот снял Кабала с трубы и взвалил изувеченное тело себе на плечо.

— Как же три дня? — спросил Безликий в недоумении.

— С него и так хватит. Вы достаточно развлеклись, — саркастично швырнул Кэно, и Тремор покорно понес лишившегося сознания Кабала в лазарет.

* * *

Анархисты не могли понять до конца, зачем Кэно сохранил предателю жизнь. Что это, в нем проснулась жалость? Еще чего! Ходил слух, будто словечки Кабала зацепили главаря, и, исходя из слов: «Я не опускаюсь до твоего уровня, чтобы своих валить», Кэно решил не убивать повстанца. Так сказать, побережь репутацию. Однако те, кто знал Кэно достаточно хорошо, понимали, что подобный мотив был ему так же совершенно чужд, как и жалость.

Кэно оставил Кабала в живых из одного соображения — пусть этот изгой, покрытый шрамами, бродит среди анархистов. Эти шрамы, нанесенные ему его же товарищами по оружию, будут хорошим напоминанием для восставших, что бывает с предателями. Пусть боятся! Будут знать, как предавать! А Кабала все же стоит попробовать «перевоспитать» — неплохой боец мог пригодиться, особенно вооруженный устрашающими мечами-кишкостерками. С этим вожак отдал приказ врачу клана Васе Сорокину спасти жизнь прохвоста любой ценой. Вася, конечно, не был ровней Генриху Вайнеру, но смог создать дыхательный аппарат, сохранивший Кабалу жизнь. Изувеченный предатель теперь ходил сквозь ряды террористов, будто призрак из будущего, в железной маске, и Кэно, перестав видеть его лицо, так и остался без ответа на собственный вопрос, что в этом лице так взбесило его при встрече с «реформатором» клана.

Никто не знал, что творилось в голове Кабала, пока он валялся в лазарете. Но, похоже, ошибку свою он признал — по крайней мере, он в этом клялся, а что было на уме на самом деле — это ведал, пожалуй, один только дьявол. Джарек только позволил себе пробормотать что-то вроде:

— Не нравится мне этот сукин сын. Что-то здесь нечисто. Не стоит его словам доверять на все сто.

— Не пальцем деланный — догадался! — бросил Кэно ему в ответ и шепнул приказ: — Ты за ним присматривай. Я ножи люблю, но, знаешь, не между моих лопаток.

Когда Кабал поправил пошатнувшееся здоровье, пообещал служить клану с честью и достоинством. Даже пришел поклясться в присутствии всех анархистов, на что Джарек презрительно бросил: «О! Втирается в доверие!».

Кэно ожидал его. Вожак стоял в центре машинного зала под водопадом искусственного света, Джарек стоял от него по правую руку, лукаво посмеиваясь, слева стояла Кира, сложив руки на груди и свысока глядя на черноволосого мужчину в железной маске.

Кабал пригладил волосы и глубоко шумно вздохнул, мышцы его лица задержались под стальным респиратором.

— Простите меня, — произнес он, его голос прозвучал, как хриплое эхо из пещеры. — Весь этот ад, что мне устроили, дал мне понять... Я буду служить «Черному дракону» верой и правдой. Что скажешь, лидер?

Кэно надменно приподнял левую бровь и ухмыльнулся:

— Из страха? Если это ад, ты — грешник, стало быть, я же сам Дьявол. На колени!

Кабал виновато опустил голову на грудь и безропотно стал на одно колено. Он беспокойно ждал, что будет дальше, отзвук его дыхания разносился по всему залу. Короткие рукава черной футболки позволяли видеть, как у него задрожали локти.

— Кэно, переигрываешь! — шепнул на ухо главарю Джарек сквозь зубы.

— Так надо! — буркнул в ответ вожак и снова обратился к Кабалу: — Ответь, что именно ты понял! И повтори свою клятву.

Мужчина поднял голову в непоколебимой решительности, металлическая маска сверкнула, как клинок занесенного над головой меча. Ударив себя кулаком в грудь, Кабал гордо провещал:

— Беру в свидетели всех присутствующих: клянусь, я буду служить «Черному дракону» верой и правдой! За свободу и авторитет, за добровольную службу воинов свободы, за равный личный вклад каждого из вас в будущее благословенной анархии!

— Вот и славно, — Кэно заулыбался, потирая мозолистые ладони. — Пока ты свободен. Жди приказов.

В ответ Кабал резко кивнул, выпрямился и ушел из помещения отчеканенным, почти строевым шагом.

— Пусть это станет уроком для всех, — монотонно заговорил Кэно, будто зачитывал указ, — так будет с каждым, кто пойдет против своих!.. Хотя, нет. Будет еще хуже! Всем ясно?

— Да, — промямлил неуверенный голос в толпе.

— Да! — прокричал Джарек, вскинув вверх кулак.

— Да! — так же восторженно повторила Кира, выхватив из ножен клинок и подняв его над головой, будто призывая идти в бой.

— Да!!! — взорвалась довольная толпа. — Vivat anarchia!

Кэно причесал пальцами бороду и довольно осмотрелся. Он видел блеск в глазах каждого из подручных, и это приносило главе клана долю уверенности в завтрашнем дне. Отблески внутреннего огня в глазах анархистов давали знать, что на этих ребят можно положиться. Только вот одного «Черного дракона» — Кабала — в этот момент в зале уже не было.

9. На лезвии бритвы

— Это твой родной город? — расспрашивал Кэно Кобру, рассказывая с ним по ночным переулкам Квинса.

— Да, я родился и рос в Нью-Йорке, — безмятежно отвечал парень, ковыряя пальцами цветные нашивки на черном кимоно. — Лет до двенадцати, пока не погибли родители. Во время беспорядков, в криминальных районах...

— Нужна будет твоя помощь, — уведомил главарь, прерывая его погружение в воспоминания. Кобра не был против — он давно уже заставил себя воспринимать прошлое как ничего не значащую данность.

— В чем моя помощь?

— Я собираюсь построить новую базу в этом городе, — пояснил Кэно. — Так будет проще наводить справки о «старых друзьях» и вести с ними войну. Союзников нужно держать при себе, а врагов, знаешь ли, еще ближе. К тому же, непосредственная

близость к конечной цели. Так что, Кобра, присмотришь мне какой-нибудь заброшенный завод?

— Завод нет, — задумчиво отвечал молодой анархист, — но я получил сведения о заброшенных подземных тоннелях. Только есть проблема: что использовать в качестве источника энергии? Из техники там имеется лишь бурильная установка. Исходя из мощности, сгодились бы и она, но расход на топливо...

— Ничего, — успокоил его Кэно, — Джарек заставит эту детку работать на нас.

— Ты уверен в нем на все сто? — засомневался Кобра.

Кэно остановился прямо перед ним:

— Взгляни в мой правый глаз — это все его работа. Так что верь мне: он гребанный гений.

— А это будет круто! — задумавшись, воскликнул Кобра. — Подземная база, представь! А ты — подземный босс! Звучит охренительно.

Кэно не разделил его восторга и энтузиазма.

— В Нью-Йорке есть еще более крупная проблема, — сообщил он. — Здесь расположен штаб Разведывательного агентства, которое занято, считай, лишь тем, что собирает сведения о нас!

— Слышал... — припомнил Кобра. — Его основатель — Герман Блейд — суровый тип. Но, сука, герой Америки.

— А теперь о твоих навыках в реальных боевых условиях. Здесь есть бар, его держат «Красные драконы». Нам нужен язык, выьем информацию о расположении их базы. Я только страхую.

— Понял. Но нас, похоже, опередили, — Кобра застыл на месте, увидев за углом бронированный фургон штурмового подразделения полиции. Молодой террорист накинул на голову капюшон и отступил назад в темноту переулка.

Кэно наоборот, сделал шаг вперед, пытаясь несмотря на фургон увидеть происходящее в баре, переключив зрение на инфракрасный спектр. Двое копов из штурмовой группы — мужчина и женщина — вышли из разгромленного помещения. Они погрузили в фургон автоматы и каски.

— Наша миссия выполнена! Это успех! Пропустим по чашке кофе? — решительно спросил мужчина, снимая бронежилет.

— Векслер, — смеясь, ответила женщина, — ты неисправим.

— Так, все, Соня, это не обсуждается. Мы сегодня герои.

Коп подошел к водителю фургона, распрощался с ним до следующей смены и, отпустив сотрудника, приобнял напарницу.

— Уходим. Не сегодня, — заключил Кэно, развернулся и харкнул на асфальт, уходя подальше от бара. — Вот ушлепки траханые.

— Они разделились с нашими врагами, — недоумевал Кобра.

Векслер слышал его голос. Молодой, но высокий и широкоплечий коп с армейской стрижкой остановился и припал спиной к стене.

— Что там, Векслер? — шепотом спросила Соня — белокурая женщина со строгими ярко-голубыми глазами.

Ее напарник прижал палец к губам, приказывая молчать. Он слушал едва уловимые обрывки разговора уходящих анархистов:

— Они убрали пару мелких пешек, а нам теперь хер, а не информация! — объяснял суровый хриплый голос. — Шестерки власти. Герои Америки, мать их! Как этот твой Герман Блейд. Личная цепная собака президента, натравленная на «Черных

драконов»! Сомневаюсь, что сам он нюхнул Вьетнама или Ближнего Востока. Обычная штабная крыса...

— Возможно, это «Черные драконы»! — улыбаясь, шепнул Векслер.

— Не пойму твоей радости от встречи с очередными террористами, — удивилась Соня.

— Представь, что мы получим, если задержим еще и их!

Соня стала рядом с ним и насупила брови:

— Мне кажется, это плохая идея. Команды не было. Мы толком без вооружения!

— Поговаривают, сынок этого Германа Блейда погиб в 2001, когда мы взрывали комплекс зданий, — продолжали слышаться из переулка обрывки диалога.

Соня едва сдержала крик гнева и боли.

— Боже! Так это они! — проронила она.

Векслер достал пистолет и шагнул в темноту.

— Лучше прикрой меня! — недовольно произнес он.

Женщина последовала за ним. Впереди чернели силуэты двух крепких мужчин.

— Ни с места! — во все горло закричал коп, направляя на предполагаемых преступников пистолет.

Мужчины остановились. Один из «Черных драконов» остался на месте, второй уверенно пошел вперед, ехидно посмеиваясь.

— Вы арестованы! — еще раз выкрикнул Векслер.

Человек подошел ближе, и Векслер увидел стальную пластину на лице и светящийся красный глаз. Полицейский почувствовал, как невольно предательски дрогнули его руки, и он выстрелил мимо цели. Ярко-красный луч вырвался из электронного глаза преступника и перерезал пистолет пополам. Векслер отпрыгнул назад, вытирая со лба мгновенно выступивший пот.

— Идешь с пистолетом на безоружного? — произнес таинственный человек в кожаной черно-красной жилетке, серых штанах и тяжелых военных ботинках. — Дерись по-честному, как мужчина, а то стрелять в спину умеет любой мудака!

Векслер сжал кулаки. Соня пошла вперед, но дорогу ей преградил второй «черный дракон» — длинноволосый парень в капюшоне, под кожаной курткой облаченный в черное кимоно. Он ударил девушку с ноги в предплечье, и та уронила пистолет. Парень в кимоно продолжал атаку.

— Тварь, кто ты, черт возьми?! — скрывая страх из-за всех сил, крикнул Векслер, вперя гневный взгляд светло-зеленых глаз в человека со стальной пластиной на лице.

— Кэно, — сухо ответил преступник. — Я полагаю, ты слышал это имя. Сегодня ты слышишь его в последний раз. *Love is a razor and I walked the line on that silver blade...*

Векслер замахнулся, но его кулак прошел мимо лица Кэно, и в то же мгновение тяжелый ботинок врезался в его висок. Полицейский упал на колени. Кэно провел апперкот, и мужчина упал навзничь, отплевываясь кровью.

— Вставай! Дерись! Или слабо без ствола, кулак на кулак?! *Living on a razor's edge, balancing on a ledge. Living on a razor's edge...*

Векслер вскочил и попытался со всей силы ударить Кэно в грудь, но его рука была перехвачена. Кэно вывернул ему плечевой сустав, послышался сиплый стон и хруст костей. Коп плюнул в сторону кровью, выхватил нож и сделал резкий выпад вперед, целясь прямо в солнечное сплетение, но и вторая его рука была перехвачена. Кэно развернул его к себе спиной и заломил его руку с ножом вверх и назад. Векслер

вскричал. Кобра в это время уже нанес Соне достаточно ударов, чтобы свалить ее с ног, и достал из-за спины мачете. Он видел, что женщина теперь больше не полезет на рожон, и с интересом наблюдал за действиями Кэно. Преступник достал из ботинка нож и плавно перерезал полицейскому горло. Из последних сил закрывая рукой рану, из которой фонтаном брызгала кровь, Векслер упал замертво с широко раскрытыми глазами. Кэно вытер нож об штаны, поставил ногу в тяжелом ботинке на грудь убитого в знак победы и произнес:

— *The evil that men do lives on and on... The evil that men do lives on and on...* Как ты, так и я. Не захотел по-честному — что ж... Красивая улыбка, сученок. От уха до уха.

Соня припала спиной к стене и не могла пошевелиться, глядя на забрызганное кровью красивое лицо Векслера, на его правильные, мужественные черты и на устрашающе неуместную, словно уродующую в одночасье весь мир, широкую резаную рану на шее. Глубокий разрез под челюстью обнажал мышцы и связки и перерезанную гортань. Соня смотрела на убитого напарника с побледневшим и будто каменным лицом, но из ее голубых глаз лились немые слезы. Ее белые волосы, собранные в тугой хвост, взмокли от холодного пота. Дрожь в онемевших и покрытых гематомами руках стала столь сильной, что женщина даже не могла поднять свой пистолет, который Кобра выбил из ее рук, не говоря уже о том, чтобы нажать на курок. Кэно уверенно подходил к ней все ближе и ближе, и ее сердце сжималось от неопишуемой ненависти к этому жестокому человеку.

— Ну что, детка, собираешься еще драться? Или застрелишь меня?

— Убью, — протянула она, пытаясь сделать голос твердым, отчего слова превратились в какое-то глухое бурчание.

— Вы хоть думаете, че творите? Понимаете, на каких мудаков вы работаете?

— Ты убил моего брата...

— Ох, дура ты! Скажу тебе так: мы, анархисты, за равноправие — если встретишься нам еще раз, отгребешь так же, как все, кто переходил мне дорогу. Беги, детка, пока я добрый!

Соня мысленно проклинала весь мир. Горькая скорбь бойца, потерявшего товарища в сражении, была окрашена для нее алым цветом злобы — на убийцу, уходящего безнаказанным, с чувством полного превосходства, на себя, за то, что не смогла спасти напарника, на злой рок, по воле которого силы были теперь не равны, и ей не оставалось желаемого выбора. Но именно злоба и продиктовала ей решение — она еще все изменит! Но для этого сначала ей нужно остаться в живых. Соня молнией метнулась прочь по темному переулку, гневно сжимая кулаки и зубы до боли и мысленно обращаясь к оставшимся позади преступникам:

— Вы еще заплатите за все это! Кэно! Я пойду за тобой в ад, найду тебя, где бы ты ни был! И убью тебя! Убью! Ты заплатишь!

* * *

Год спустя строительство новой базы анархистов было завершено. Она располагалась под землей, а вход был выведен в заброшенные цеха старого химического завода, который стоял на обрыве над водой. Если бы не бедный квартал и свалка металлолома рядом, кусок серой дорожной ленты и рекламный щит с

предупреждением о вреде курения, местность здесь можно было бы даже назвать красивой по меркам индустриального пейзажа.

Глубокой ночью в кабинете Кэно, где на черных стенах располагались кованые щиты с гербом «Черного дракона» и знаком анархии, в котором букву «А» пересекал автомат Калашникова, собрались трое анархистов. Джарек снял и повесил на спинку стула свою жилетку и от нечего делать крутил в руках метательное лезвие. Кира сидела на коленях у Кэно, обнимая его и поглаживая его коротко стриженные волосы.

— У нас есть оружие, у нас есть армия, — тихо заговорил Кэно, — но ведь вы понимаете, что «Красных драконов» гораздо больше, как и их вооружения. К тому же есть спецагенты, цепные собаки правительства. Наши шансы ничтожны.

— С этим нужно что-то делать, — глядя в пол, говорил Джарек. — Вот только бы понять, что именно. И наших подопечных это мало волнует.

— Понимаешь ли, брат, большинство тех, кто сейчас спит за стенкой, — конченные психи, головорезы, которые мечтают умереть, не дожив до сорока, и отправляются на смерть с улыбкой на лице. Говорить им о чем-то вроде стратегии или тактики — пустая трата времени. Потому я и собрал здесь вас, — Кэно умолк и опустил голову.

— Нам нужна поддержка со стороны, — прозвучал в тишине голос Киры. — Поддержка среди представителей власти. Да, мы против устоявшейся власти, но пока что она решает все.

— Это так, — горестно соглашался лидер террористов. — Если бы существовала партия, которая тайно покровительствовала бы нам, и если бы эта партия имела представительство в Сенате, естественно, не самым честным путем, мы бы имели реальные шансы. Но так всегда поступали «Красные драконы»! А что иначе? Можно попробовать создать такую технологию, против которой любое оружие будет бессильно.

— Или украсть ее, — добавил его лучший друг, — и потом самим доработать.

— Да, есть такой вариант. Знаю, что ты занимаешься. Но на это в любом случае уйдут годы... Будут ли готовы столько ждать эти гребаные безумцы, спящие за стенкой?

— Да, а еще вчера мы с этими психами-головорезами сражались плечом к плечу против агентов Германа Блейда, — вспомнил Джарек. — Кстати, как тебе твой новый «смертоносный враг» — эта белокурая девчонка в кепке? Где-то с год назад ты, кажись, зарезал ее напарника, и она поклялась тебя убить.

— Ага, меня поклялась убить какая-то зеленая сопля! Посмотрим, что из этого выйдет. Я ее увидел — ты что! Ей все-то лет двадцать пять, а она «лейтенант Сил специального назначения Соня Блейд»!

Джарек плюнул в сторону и метнул лезвие в стену, будто слова Кэно зацепили его.

— Я бы не советовал тебе так пренебрегать ею. Я кишками чувствую — с ней все не так просто. Мой тебе совет — не руби с плеча. Она сдержит свое слово. То, что было вчера — только начало.

— Ты что, боишься? Увидел у нее Desert Eagle и зассал? Отставить дрейфить! Если она нас так любит — почему бы нам не позабавиться? Надо было взять ее в плен — у нас был бы в этом бункере медовый месяц! — сказал с насмешкой Кэно.

— Чего еще?! — обижено спросила Кира, ухватив его за волосы на затылке и пронзая его резким взглядом холодных серых глаз.

— Да я пошутил, детка.

— Знаю, уже привыкла. Хотя разок дать по яйцам все же не мешало бы за такие шутки, — женщина схватила главаря за цепочку на шее, словно собиралась придушить, и тут же отпустила. — Так как там все прошло вчера? — захотела узнать она.

— Стычка с отрядом военных во главе с этой Соней Блейд, детка. Я оставил ей на столе конверт, в котором была картинка с ножиком и надписью: «Для тебя, детка». Сколько злобы было! Увидела меня — без расспросов начала стрелять. Всю обойму в меня высадила, чуть не попала, сука!

— Ножик я рисовал, — похвастался с неизменной коварной улыбкой Джарек. — Жаль, не успел я ее заценить, — он сжал пальцы так, словно лапал невидимую женскую грудь, похотливо наморщив нос. — Мы-то в здании заложили бомбу с часовым механизмом. Пришлось сматываться...

— Стоит радоваться одному, — пытаюсь скрасить обстановку, заговорила Кира, — пока мы здесь, на своей подземной базе, у нас есть хотя бы капля заветной свободы.

— Да какая к чертям свобода, если нельзя без автомата и бронежилета выползти на поверхность?! — с досадой бросил Джарек.

— Брат, — Кэно серьезно взглянул ему в глаза, словно собираясь поведать ему самую ужасающую тайну Вселенной, — абсолютной свободы нет. И никогда не будет, на самом деле. Ты же не можешь отменить законы природы, продолжительность своей жизни, изменить возможности своего организма, ну, и в том же духе. Но с другой стороны, свобода — она всегда с тобой! Твой мир твоих собственных неприкосновенных мыслей! Там делай, что хочешь — и почему бы и нет? Что свобода? Да это то, чем в равной степени владеет каждый и чего вообще не существует на Земле. И ниче ты не сделаешь с этим парадоксом. Главное, что у нас есть цель, и за ней стоит идти! — Кэно уверенно стукнул кулаком по столу.

Кира положила руки ему на шею и вожделенно взглянула ему в глаза.

— Мы дойдем до конца! — твердо сказала она и страстно поцеловала его.

* * *

Лейтенант Соня, дочь полковника Германа Блейда, действительно была не так проста, как кажется. Конечно, анархистам не было известно, что произошло год назад в Разведывательном агентстве.

А произошло следующее. Сразу после похорон Векслера женщина пришла к своему отцу, сообщив, что хочет пройти спецподготовку, получить зеленый берет и поступить на службу в отдел по борьбе с терроризмом.

— Женщина должна рожать детей, а не с дробовиком за террористами бегать, — недовольно отвечал Герман Блейд. — Сначала полиция, потом штурмовой отряд — и ты прекрасно знаешь, что мне и это не нравится.

— А смерть Даниэля тебе понравилась, папа? — со злой иронией бросила Соня. — Я уверена, что за тем терактом тоже стоял этот ублюдок Кэно! Я сама от него слышала! И доказательства найду! Лягу костями, но найду.

— Не горячись, а? — попросил отец, удрученно смягчаясь. — Есть люди, которые давно ведут дело «Черных драконов» — они разберутся. Доверься им.

Соня Блейд гордо поставила руки на пояс, с вызовом глядя на полковника:

— Я доверяю лишь одному человеку — ты с ней говоришь! А что касается Кэно, то эту тварь я сама лично пристрелю! — ее пронзительно-голубые глаза гневно прищурились. — Я клянусь.

Герман Блейд угрюмо потупил взор:

— Господи, на что тебе он сдался?

Соня закрыла глаза — воспоминания отозвались колючей болью в ее сердце.

— Мне надоело, что террористы безнаказанно отбирают у меня тех, кого я люблю, — сурово ответила она.

10. Терция смерти

Очередное утро на базе «Черных драконов» казалось непривычно тихим и безмятежным. В комнате Киры царил полумрак. Ее вещи и оружие вместе с книгами, дисками и прочим хламом было разбросано по всему помещению. На стенах, покрытых агрессивными черно-красными граффити «Anarchy for this fucking world!», «Live free or die!» и «Long live Black Dragons!», висели совершенно неровно наклеенные плакаты хэви-метал групп, рисунки мотоциклов и эскизы холодного оружия. Ровно здесь висела только плазменная панель, покрытая унылым слоем пыли и паутины. Дым сигар еще не развеялся и особенно густо клубился над журнальным столом возле кровати, на котором стояла полная окурков пепельница. Рядом валялась пустая упаковка из-под презервативов.

Кэно лежал в постели Киры и докуривал очередную сигару. Сама Кира безмятежно уснула на его мускулистой волосатой груди. Он погладил ее по растрепанным рыжим волосам, и Кира нежно улыбнулась во сне.

— Что, устала, детка? — проговорил он, выбрасывая окурочек.

Очнувшись от поверхностного сна, Кира кивнула ему в ответ. Они всю ночь занимались любовью.

Кэно почесал бороду и задумался. Он хотел закурить еще раз, но почему-то передумал. Он поймал себя на том, что сам не знал, чего сейчас хочет.

— Что, хорошо вот так лежать в постели с особо опасным преступником, известным на весь мир террористом? — заговорил он, но Кира делала вид, что не слышит. — Что же ты, такая красивая и умная женщина выбрала такого бессердечного ублюдка как я? Я же не способен тебя полюбить...

— Нет! Ты умеешь любить, поверь, — устало ответила Кира.

— Любовь и секс это разные вещи, детка. Я — человек войны, мое дело убивать, а не любить. У нас никогда не будет любви, и ты это понимаешь. Да, детка. Прекрасно понимаешь.

Кира подняла голову и строго глянула в его левый, живой светло-карий глаз.

— Если так, то почему до сих пор не ушел? Почему ты в постели не с другой? Почему мы вместе уже почти пятнадцать лет?

— Не знаю, — простодушно отвечал главарь.

— А может, любишь? Только ты не хочешь почему-то признавать это.

— Нет, я просто не могу кого-то полюбить, и все тут. Как в песне: *Born with the heart of steel*. Я террорист, я пришел, чтобы разрушить и построить заново мир. Разрушить, понимаешь? Ведь мир сейчас — такое дерьмо...

Кира отвернулась:

— Когда ты такой, с тобой невозможно разговаривать?

— Какой? Жестокий?

— Нет, занудный моральный мазохист. Каждый раз после секса ты заводишь один и тот же разговор. Тебе самому не надоело? А потом доказываешь, что ты борец за свободу, а не бандит, хотя до этого сам назвал себя конченным бандитом и ублюдком. Определись уже!

— Ты же знаешь, что я не бандит. Я воин свободы. Но ведь дыма без огня не бывает. У меня руки в крови.

— У меня тоже. И что? Это, как и много чего еще, у нас общее. Мы можем быть вместе!

— Мы и так вместе, детка. Просто я не знаю, как надолго.

— И все-таки, почему же ты не ушел? Что тебя держит?

— А тебя что?

— Мне с тобой хорошо.

— Ну, вот. Та же причина. Вот только с Тасией мы говорили о том же. Ей казалось, что это любовь. Не поверишь, детка, она даже посвятила мне песню. Недавно в баре она снова ее пела. Дьявол, как она играла на гитаре! Все заслушивались.

— Что за песня? — любопытствовала Кира.

Кэно взял со стола мобильный телефон и включил одну из записей. Кира начала вслушиваться в звуки гитары и сильный голос Тасии:

Use your might! Kano, fight.

The world is at your feet.

Fight! Use your might.

I'm on your side.

You are wanted, and you're haunted.

You're the Bad Guy, but I feel for you.

You're the danger, a fallen angel.

But I like you; you're the strongest of the all.

— Вот так, — проговорил Кэно, отключая телефон, — но мы все равно разбежались. Она нашла себе того, кто ей действительно подходит.

— Вот шайтан, я сейчас должна была бы зарезать тебя из ревности! — растерянно усмехнувшись, воскликнула Кира, сев на постели по-турецки, обнажив аккуратную смуглую грудь с темными сосками. — Но я, непонятно с чего, ни разу не верю, что ты куда-то денешься! Это вообще нормально так?

— Это жизнь, детка. Хер ее разберешь.

— Ну так и что ты? Ты нашел себе ту, которая подходит тебе? Почему молчишь?

Кэно чуть заметно кивнул в ответ.

— И все? Почему не можешь сказать вслух? Или ты врешь?

— Я не уверен.

— Во мне? Или в себе?

— Во всем. Такая у меня работа, такая, сука, жизнь, в которой нельзя быть уверенным. Каждый мой день может стать последним. Нас всех убьют. Еще ни один «Черный дракон» не умер своей смертью. А завтра пуля — не ровен час — уложит или меня, или тебя. И что тогда? Ты сама это выбрала, хотя я говорил сразу — тут не мед. Мне же не хочется, чтобы тебе было больно.

— И из-за этого ты не хочешь любить? Тогда и мне стоит от тебя отдалиться.

— Тут добровольная инициатива. Как ты будешь счастливее, детка. Это только тебе известно. Но я никогда не смогу полюбить тебя, Кира. Я ненавижу весь гребанный мир. Я не верю в любовь.

Кэно отвернулся лицом к стене. Он закрыл левый глаз, правый электронный погас автоматически. В глубине души он знал ответы на вопросы Киры. Сейчас, как и тысячи раз до этого, он лежал в постели с дорогой его сердцу женщиной. И будь он проклят, если ему не хотелось, чтобы так было всегда! Чтобы можно было покинуть подземную базу, сесть в обнимку с Кирой на обрыве, у костра, с парой-другой бутылок хорошего пива и молча смотреть на ночное небо. Чтобы мчать вдвоем с бешеной скоростью на «Харлее» по дорогам страны, самозабвенно развлекаться на рок-концертах и байкерских слетах, путешествовать и бросать вызов природе. Чтобы можно было жить спокойно, чтобы не приходилось каждый час думать о том, что его рано или поздно найдут и застрелят, а ее приговорят к смертной казни. Он всем сердцем этого хотел, и размышлять об этих недостижимых мечтах было в разы больнее, чем думать о насущной тяжелой и ненавистной жизни. Но отступить уже давно было некуда. Назад дороги больше нет. Как и нет в душе матерого террориста даже намек на веру в то, что в его жизни что-то могло быть иначе.

— Сегодня ночью я буду брать базу «Красного дракона», — произнес Кэно мрачно и торжественно. — Мы взяли на днях языка, и он после самых жестоких пыток Тремора нарисовал нам план их базы.

— Я пойду с тобой, в твоём подразделении! — решительно воскликнула Кира.

— Нет, детка, — заявил Кэно. — Это наше самое опасное — мать его! — дело. Здесь я не хочу рисковать тобой!

— Если мы вместе — значит, мы вместе во всем! И я здесь, чтобы сражаться, а не только спать с главарем клана!

— Одно другому — не помеха, — Кэно сел на постели и бегло усмехнулся. — Что ж, надо признать, у тебя, в отличие от некоторых, реально есть яйца. Одевайся и готовь оружие. Пора дать распоряжения остальным. Думаю, тореро уже получил мое послание.

* * *

— Разбиваемся на десять групп, включая базу! — раздавал приказы в главном зале штаба «Черных драконов» Кэно. — Ответственный за связь — Дракула. Позывные остаются старые. У кого нет старых позывных, слушайте сюда: Кабал — Носорог, Кобра — Уж...

— Почему Уж? — возмущенно удивился парень.

— Потому что еще не дорос до кобры! — грубо прикрикнул Кэно. — Кабал, ты ведешь вторую группу. Позывные твоих подручных: Картер — Черный Гриф, Безликий — Богомол, Тасия — Пантера, Тремор — Ягуар. Ясно? Джарек, Кира, Кобра и Призрак идут со мной. Остальные знают свои группы. Готовьте оружие. Выезжаем в десять вечера! Пока все свободны...

Анархисты с вдохновенным, но несколько взволнованным видом, разбрелись по базе.

— Стой! — окликнул главаря Джарек. — Кэно, операцию нужно отменять! Нам лучше не соваться к Мавадо сейчас — что-то случится. И сценарий этого «чего-то» не самый лучший!

— Дружище, ты оказался порядочной сволочью! — заговорил Кэно, расхаживая по залу и глядя на свои армейские ботинки. — Ты — отвратительный кретин, Джарек. Я и не думал, что ты засышь от страха, услышав про Маваду. Жалкое зрелище...

Кэно намеренно коверкал имя лидера «Красных драконов», демонстрируя этим все презрение и насмешки над ним. Это доставляло анархисту некоторое удовольствие.

Джарек напряженно слушал Кэно, медленно закрывая воспаленные глаза. Казалось, все мышцы его тела и лица била дрожь. Вдруг он подскочил, к голове прилила кровь, его всего пробрала судорога. Зажимая руками рот, Джарек метнулся за угол. Перед глазами стояли пятна, по спине пробежал холод. Еще одна судорога повалила его на пол, за ней последовала обильная рвота желчью. Его внутренности будто вывернуло наизнанку, но Джарек смог подняться с колен, нервно сплевывая горькую от желчи слюну. Смахнув дрожащими пальцами пот с лица, он пошел обратно к Кэно. Его шатало, как на палубе корабля во время качки.

— Да что с тобой сегодня такое, дьявол?! — во всю глотку закричал Кэно, заметив его состояние. Джарек тряхнул головой и еще раз сплюнул. Его знобило.

— Это ужасное чувство! — прохрипел он сквозь стиснутые зубы. — Будто мои кишки пытаются выползти наружу...

Кэно взгляделся в слезящиеся воспаленные глаза, в которых пылала ненависть к собственному недугу. Джарек с трудом стоял на ногах, его лицо побледнело, под глазами появились темные круги.

— Тебя довести до лазарета? — с тревогой спросил Кэно.

Джарек сделал вид, что не слышал его слов. Его раздирали изнутри боль и страх. Похожие чувства были перед рейдом в Афганистан, перед убийством союзников, перед ранением Кэно. Однако они никогда не были сильны настолько, чтобы завладеть и разумом, и телом. Именно это неудержимо пугало Джарека — от напряжения на его висках проступили синие пульсирующие жилы.

— Это предчувствие... — еле слышно прошептал он — силы его покидали. — Я чувствую каждой клеткой тела... Произойдет что-то ужасное!

Кэно ударил себя по лбу, его зубы громко лязгнули.

— Дьявольщина! — прокричал он. — Будь ты проклят, самопровозглашенный Нострадамус! — состояние друга начало внушать ему серьезные опасения и ужас. — Черт, мне лучше отойти. Я не нуждаюсь в порции желтой лихорадки!

Расширенные кровеносные сосуды расчертили сеткой белки глаз Джарека, его челюсти свело, на лице обозначились все мышцы и вены. Кровь ударила в мозг. «Как он не может понять, что значит то, что чувствую я!».

— Кэно, будь ты проклят! Я не болен! Произойдет нечто страшное, сегодня, ночью... И это касается тебя.

Кэно замолчал и опустил руки.

— Твою ж мать! Предчувствия хоть раз подводили тебя? — спокойно, но настороженно спросил он.

Джарек опустил глаза. Ему не хотелось говорить правду, но душа просто кричала ему о том, как много зависит теперь от него и от его слов. С усилием он ответил:

— Нет.

Кэно отвел глаза в сторону. Джарек взгляделся в его застывшее суровое лицо, в его живой левый глаз — и вздрогнул. На мгновение ему показалось, что у главаря на виске зияет кровавая рана, и кровь медленно стекает по его щеке на шею.

— Слушай, измени свой план. Соверши рейд в другой раз. Давай останемся на базе.

Кэно не обернулся в его сторону. Джарек вновь взгляделся в его лицо — рана исчезла. «Наверное, галлюцинации из-за давления и головной боли, да еще и старые травмы», — пытался он тщетно успокоить себя, хотя и чувствовал, что это не так. Кэно начинал заметно нервничать.

— Черную метку уже передали Мавадо. Отступать теперь нельзя. Хочешь — оставайся, сукин ты сын, никто тебя волоком не тянет!

Он резко развернулся и зашагал прочь. Джарек вцепился ослабшими пальцами в его жилет.

Кэно обернулся и увидел в глазах Джарека безмерную боль и мольбу.

— Даже не думай! Я еду с тобой!

— Ты псих, мать твою? Какой кирпич упал на твою башку? Да у тебя все совсем херово — ты на грани обморока! А мы тебя в отключке потом за собой таскай?!

— Заткнись! — сипло прорычал Джарек. В мыслях крутилось одно и то же: «Как он не может понять! Господь Всемогуший! Как он не может поверить!». Отчаянье заставило его вскричать, несмотря на боль: — Я чувствую, какая херня должна с тобой случиться! Я не оставлю тебя, брат!

Их глаза встретились в упор. Кэно видел боль и мольбу в глазах Джарека, Джарек — кровавую рану на левом виске Кэно. Главарь неизбежно начинал чувствовать то же, что и его лучший друг — тревогу. Он махнул рукой.

— Чтоб тебя черти взяли, брат! Собирайся! Будь, что будет — но мы не сдадимся! Усвоил? Мы не сдадимся.

Джарек положил руку на твердое плечо друга и решительно кивнул в ответ:

— *Если ополчится против меня полк, не убоится сердце мое! Если восстанет на меня война, и тогда буду надеяться.*

* * *

Мавадо, небывало задумчивый и удрученный, расхаживал по базе «Красных драконов», раздавая приказы. Верный подручный Хсу Хао следовал за ним, но слова Мавадо опередили вопрос корейца:

— Я получил черную метку.

— Позволишь взглянуть, босс? — осведомился Хсу.

Мавадо провел его в свой кабинет, открыл ящик стола и кинул перед подручным разорванную коробку и записку: «В живых останется лишь один из Драконов». Коробка была перепачкана засохшей кровью, в ней лежал срезанный с человеческого плеча кусок посеревшей кожи с татуировкой в виде герба «Красных драконов» и инициалами R. «R.» D..

— Знаешь, чья кожа? — спросил Мавадо с вызовом.

У Хсу Хао на миг перехватило дыхание:

— Одного из наших... — произнес он, хорошо зная, что в клане каждый носит такое клеймо. — Судя по инициалам... — он задумался и вдруг испуганно воскликнул: — Боги! Роджер «Ворон» Дарксмит! Один из лучших.

— Кэно будет здесь сегодня, — говорил Мавадо, не обращая внимания на ужас в глазах Хсу. — Какая удача, правда? Шляпа матадора упала вниз дном — добрый знак,

не так ли? Начнем третью терцию, терцию смерти, Кэно! И если, Кэно, ты так хочешь — то будет по-твоему! «В живых останется лишь один из Драконов»!

* * *

Девять черных джипов и закрытый черный фургон подъехали к четырехэтажному кирпичному зданию, занимавшему огромную площадь и напоминавшему издалека старую фабрику. Территория базы «Красных драконов» была огорожена металлической сеткой и колючей проволокой, на ограждении висели желтые таблички с надписью: «Осторожно! Высокое напряжение!». По периметру ограды стояли фонарные столбы, но ни один фонарь не был включен, как и не было видно света ни в одном из окон здания.

— Район обесточен, что ли? — в недоумении произнес Кэно. — Ну, может быть, оно и к лучшему. Дракула, отгони подальше свой фургон и стой на стреме. Если нагрянут непрошеные гости — сообщи немедленно. Ясно?

— А то! — ответил худощавый парень с редкими ровными волосами до плеч и в круглых черных очках. Его небывало тощее лицо походило на форменный череп, а неровные зубы напоминали клыки. Дракула отошел к фургону, сел за руль и отъехал к гаражному комплексу недалеко от базы. Там заметить его было сложно, зато он мог прекрасно наблюдать за всем происходящим. Припарковавшись, Дракула вышел из машины и запрыгнул в кузов.

— База вызывает Паука, это проверка связи, — услышал по передатчику Кэно. — Как слышно? Прием.

— Паук на связи, — ответил главарь, — База, слышу вас отлично. Прием окончен.

— Что дальше? Есть предложения? — осведомился Кабал.

— Если район действительно обесточен, — заговорил Безликий, — то я запросто справлюсь с этой изгородью и дверями здания.

— А я расправлюсь с ними в любом случае, — заявил Кэно. Кира улыбнулась.

Его лазер в два счета превратил ограду в груды расплавленного металла. Кэно сел за руль и въехал на территорию базы. «Черные драконы» ринулись за ним.

— Внимание всем, это Паук, прием! Здесь мы расходимся, — объявил по передатчику Кэно. — Моя группа и группа Носорога идет в подвал, Ящерица и Сокол — на первый этаж, Волк и Барракуда — на второй. Гризли и Тритон — третий. Койот и Аллигатор, ваш четвертый этаж и крыша. Всем все ясно?

— Есть, — ответили лидеры групп.

— Тогда приступаем. Я высаживаю дверь. Прием окончен.

Кэно вырезал смертоносным алым лучом тяжелую стальную дверь из проема и вошел на базу. Кругом царила темнота. Он пошел прямо в конец первого помещения и остановился у шахты лифта.

— Лифт в подвале, — объявил он, глядя вниз. — Можно спуститься по тросам. Я расчищу путь.

Спустившись по тросам в шахте на крышу лифта, Кэно прорезал лучом в ней люк. Оплавленный по краям кусок крыши с грохотом рухнул вниз. Кэно спрыгнул и высадил двери лифта. Переключив зрение на инфракрасный спектр, главарь осмотрел подвал. Перед анархистами был коридор, ведущий в две стороны: тот отрезок, что вел влево, был пустынным и куда-то заворачивал; отрезок, ведущий вправо, был таким

длинным, что казался бесконечным, и был наполнен огромным количеством стеклянных дверей и неизвестных пультов управления.

— Такое впечатление, что я плохо помню план их базы, что за бред?! — с недоумением и злобой прошипел сквозь зубы Кэно.

— Что ты сказал? — закричал ему сверху Кобра.

— Придурок, не ори мне в ухо! — сердито промолвил Кэно, поправляя передатчик на левом ухе. — Спускайтесь сюда — все чисто.

«Черные драконы» последовали за ним. Кромешная тьма, которая в подвале была заметно плотнее, чем на первом этаже, так и впиалась в глаза анархистов. Кабал переключил свой прибор виденья на ночное зрение.

— Я ни хрена не вижу! — возмутился Кобра.

— Хватит уже скулить! — прикрикнула на него Кира и саданула парня локтем по ребрам.

— Мать моя женщина! — обескуражено выругался Кэно. — База совершенно пуста! Мне это совсем не нравится. Я вижу в темноте лучше всех, я проведу свою группу в правую сторону. Носорог, води свою группу в левый коридор.

— Приказ понятен! — твердо ответил Кабал. — Выполняю.

— За мной! — скомандовал Кэно своей группе.

Кира схватилась за его левую руку, Джарек положил ладонь на плечо женщины, Призрак последовал за ним, Кобра пошел последним, ухватив байкера за воротник косухи. Постепенно глаза начинали привыкать к темноте, и террористы уже могли различить низкий потолок коридора, голые стены и двери из матового стекла впереди.

— Что за дверями? — поинтересовалась Кира. — В инфракрасном спектре видно лучше?

— Не намного, — ответил Кэно. — Из живого — ничего. Какие-то пульта управления. Только какой от них толк, когда все обесточено...

Внезапно позади раздался скрежет. Анархисты остановились. Кобру пробрала дрожь, он чуть не упал с ног, удерживаясь лишь за куртку Призрака.

— Порвешь косуху — пошью себе новую из твоей кожи! — пригрозил парню байкер.

— Тихо вам! — прорычал Кэно. — Заткнитесь!

Звук доносился из шахты лифта. Как будто там кто-то царапал ножом по стеклу. К этому звуку добавилось сиплое рычание, похожее то ли на рев крокодила, то ли на чей-то предсмертный хрип. На первом этаже слышались чьи-то шаги, а вскоре стали различимы и голоса.

— Что за черт... — донесся до слуха Кэно обрывок фразы.

Тут грянул выстрел. То ли рычание, то ли шипение, вселявшее тревогу еще до этого, теперь стало еще более свирепым, но постепенно оно стихло, только снова послышался скрежет, с которого все началось. Звук быстро удалялся, пока и вовсе не затих. Затихли и шаги людей наверху.

— И что это было? — с невообразимым ужасом в голосе промямлил Кобра.

— Уж, заткни свое гребаное хлебало! — яростно прошипел на него Кэно.

— Ящерица вызывает Паука! — услышал по связи главарь «Черных драконов». — Прием! Прием!

Кэно замер и насторожился.

— Паук на связи. Что у вас, Ящерица? — ответил он женщине. — Прием!

Голос подручной дрожал и срывался в конце каждой фразы, словно даже по каналу связи можно было почувствовать, как от испуга готово выпрыгнуть из груди ее молодое сердце.

— Здесь что-то есть. В шахте лифта. Оно бежало по стене...

Холод пробежал по спинам анархистов. Кобра еще раз дернул Призрака за косуху, но тут же поторопился извиниться.

— Ты че, сбрендила?! — в диком негодовании воскликнул Кэно.

— Клянусь! — с надрывом крикнула Ящерица. — Эта тварь направляется к вам. Прием!

— Спасибо за информацию, Ящерица. Прием окончен, — ответил главарь, в ошеломлении глядя в одну точку. — А я-то думал, что оно ушло...

Скрежет когтей существа в шахте лифта раздался вновь — судя по всему, оно пустилось в бег. Кэно побежал к шахте лифта, со всей силы сжимая в руках Mossberg 590. Существо приближалось. Анархист вошел в лифт и взглянул вверх через проделанный им же люк. Шипение стало отчетливым, у Кэно на секунду возникла иллюзия, что в нем можно было разобрать человеческие слова:

— Приказ... Убить...

Главарь с огромным усилием сглотнул комок, подступивший к горлу, и выстрелил. Существо упало на крышу лифта, издав жуткий сиплый предсмертный хрип. Кэно показалось, что он снова слышал слова:

— Нет... Больно...

Он бросил дробовик, подтянулся и выбрался на крышу лифта. Кэно взглянул на убитую тварь. У него отняло дар речи, ему казалось, что у него парализованы все мышцы лица, по всему телу пробежали болезненные мурашки, будто его ударило током. Перед ним был труп не человека. Труп мужчины с гербом «Красных драконов» на плече, в изодранной грязной одежде. Глаза убитого были широко раскрыты — и глаза эти были желтого цвета с вытянутыми, как у змеи, зрачками. Желтые зубы представляли собой острейшие клыки. На скулах и на лбу не было кожи — ее заменяла кроваво-красная, цвета свежего мяса чешуя. Такая же чешуя покрывала почти все тело, а на локтях и плечах, а также вдоль хребта одежду пробивали острые костные выросты. Руки и ноги человека почти полностью превратились в лапы ящерицы — пальцы сильно удлинились и оканчивались длинными и кривыми грязными когтями.

Кэно закрыл глаза. Он с неистовой силой потер ладонью живой глаз и снова взглянул на мертвое тело. Нет, это была не галлюцинация. Кэно без особых раздумий подтолкнул тварь ногой к люку, и труп с глухим ударом рухнул вниз. Анархисты мгновенно кинулись к лифту.

— Это оно? — заикаясь, вымолвил убитый ужасом Кобра.

— Странно, оно холодное... — заметил Кэно, осмотрев существо в инфракрасном спектре. — Гребаный человек-ящер, мать его... У них что, сука, здесь центр генной инженерии?

— Такое чувство, будто я попал в компьютерную стрелялку, — с восторгом, скрывающим ужас, проговорил Кобра, проверяя затвор автомата Калашникова.

— Тритон вызывает Паука! — раздался по всем передатчикам истошный умалишенный крик. — Прием! Здесь что-то необъяснимое! Что-то ужасное! Что это, мать его?! Что это?! А-а-а!

Связь оборвалась. Крики стихли.

— Похоже, мы потеряли группу... — заключил Кэно, слушая шипение помех в передатчике. — Плохи дела.

В это время его люди на втором этаже отстреливались от группы «Красных драконов». Лидер группы раздавал команды, не останавливая стрельбу. Благодаря слаженным действиям команда выстояла, им удалось уложить всех врагов на обе лопатки.

— Это далеко не лучшие бойцы, — проговорил командир группы, осматривая и обыскивая трупы. — У них те же боеприпасы, что и у нас — можно восполнить потери... А это что за черт?!

Он остановился у белой двери с желтым знаком биологической опасности. Лидер группы вышиб дверь ногой и вошел. За дверью оказалась лаборатория. На столе в центре помещения лежал мертвый человек. Анархист подошел ближе и включил фонарь, чтобы осмотреть труп: тело человека местами покрывала черно-красная чешуя. Но «Черного дракона» ввергло в ужас и панику другое — лицо покойника. Это лицо было ему хорошо знакомо.

— Твою мать, это же Варвар! — с болью простонал сквозь зубы анархист. — Я считал, что он погиб... два года назад!

— Силы Небесные! — воскликнул один из его подручных, приблизившись к лидеру группы. — Лучше бы он сдох на том задании! Варвар был героический мужик. А это, мать его...

За стенами внезапно раздалось сиплое рычание множества тварей. Только сейчас анархист увидел в другом конце лаборатории еще одну дверь. По ней во всю царапали когти рептилий.

— Уходим! — скомандовал лидер группе.

Анархисты бросились к выходу, но дорогу им уже преграждали люди-ящеры с горящими в полутьме хищными желтыми глазами.

— Волк вызывает Паука! — закричал анархист в микрофон передатчика. — Они здесь везде! Спасите нас! Прием!..

Твари наступали. Волк начал стрелять.

— Паук вызывает Волка! — услышал он голос Кэно, сеявший в душе смутную надежду на спасение. — Прием! Кто «они»?!

— Не знаю! — отчаянно вопил Волк. — Твари! Чешуйчатые твари! А-а...

И снова связь оборвалась. Помехи в передатчике зловеще шипели.

— Волка больше нет, — горестно прошептал Кэно и тут же, спохватившись, закричал в микрофон: — Паук вызывает Барракуду! Прием! Барракуда, уходите оттуда! Немедленно покиньте второй этаж! Барракуда, вы слышите? Прием!

Глухо. Только помехи в передатчике. Кэно мог сделать только один, самый прискорбный вывод — славного малого Барракуды также уже нет в живых.

Кэно молча шел по коридору, ведя свою группу в неизвестность, минуя одну за другой матовые стеклянные двери. План базы «Красного дракона» теперь напрочь вылетел из головы — он не мог думать ни о чем, кроме гибели своих бойцов.

— Сокол вызывает Паука! Паук, прием! Ни за что не ходите на первый этаж! Слышите? Здесь полно этих людей-ящеров!

— Сокол, прием! — закричал Кэно. — Ждите! Я пришлю вам подмогу!

— Выстоим! — ответил Сокол, и Кэно смог вздохнуть с облегчением, но ненадолго: — И еще: Ящерица больше не выйдет к вам на связь.

Кэно прикусил губы. Джарек ощутил ком поперек горла, в его сердце ударила боль, на глазах выступили слезы. Он закрыл лицо руками и, припав спиной к стене, стиснул зубы в беззвучном стоне.

— Че это ты? — удивился Кэно. — Это ведь война! Нам всем больно, но...

— Я знаю, ты не поверишь моим словам, но... эту девку я любил.

Он не врал. Когда-то Ящерица, она же Валькирия была его девушкой. А потом... были причины, по которым она в нем разочаровалась и сама бросила его. Джарек не раз пытался забыть ее — безрезультатно.

— Она бросила меня, да. Я сделал вид, что ничего не случилось. Со сколькими девками я после встречался и переспал — ни одной не удалось унять меня. Каждую я сравнивал с ней... Что был за человек?! Богиня войны!

Да, он менял женщин, как перчатки, но Валькирия... Она была безумной, сумасшедшей воительницей и такой же любовницей! И Джарек понимал, что никогда более нигде на свете не сможет сыскать вторую такую, как она. Непокорную. Неземную.

— Паук вызывает Аллигатора! — кричал Кэно на грани отчаянья. — У вас все чисто? Прием!

— Паук, прием! — отвечал боец. — Все чисто.

— Тогда иди на первый этаж! Нужна помощь!

— Есть, Паук! — браво ответил Аллигатор. — Прием окончен.

На лице Кэно мелькнуло чуть заметное облегчение. Проблеск надежды вернулся.

— Койот, прием! У вас все чисто?

— Чище не бывает — ни души, — отвечал Койот спокойным безразличным голосом. — Все пусто.

— Тогда следуйте с Гризли на второй этаж! Есть работенка, — сообщил Кэно, и тут же добавил: — Только не мешкайте — глаза вас не обманывают.

Гризли и Койот живо отправились выполнять приказ, а Кэно повел своих людей дальше. Внезапно главарь остановился в нерешительности.

— Это последняя дверь, — объявил он.

— Кэно... — вдруг протяжно позвал из-за двери сорванный низкий голос.

— Силы Небесные! — прошептал Джарек и обмахнул себя крестом.

— Что это еще за херь?! — отчаявшись, воскликнула Кира.

— Я предупреждал... — прорычал Призрак.

— Я больше не буду, жизнью клянусь! — испуганно пробормотал Кобра, отпустив воротник косухи Призрака.

— Призрак, Кобра и Кира, вы останетесь здесь, — приказал Кэно. — Джарек пойдет со мной. Если что-то случится, дайте знать немедленно. И еще: Кобра, оставь в покое чужую косуху. Мне это надоело!

Кобра покорно кивнул. Кэно и Джарек шагнули вперед. Кэно положил руку на желтый знак биологической опасности посередине белой матовой двери. Замок не был заперт, дверь отворилась перед анархистами совершенно легко и бесшумно.

— Кэно... — продолжал звать низкий гнусавый голос из темноты.

— Кто ты? — прошептал Кэно.

— Кэно... Подойди... — снова протяжно позвал голос, оставляя вопрос без ответа.

Главарь осмотрел помещение. Это был громадный зал, в котором находилось огромное количество каких-то приборов, полок с препаратами, столов с

медицинскими инструментами. Вдоль стен стояли циклопические стеклянные резервуары, в которых были заспиртованы гибридные твари, похожие на тех, от которых пришлось отстреливаться «Черным драконам». Черная и красная чешуя, костные выросты на теле, клыки, змеиные зрачки... Только лица оставались более-менее человеческими. Лица бывших соратников Кэно, лица «Черных драконов», считавшихся погибшими в схватках с кланом Мавадо! Сердце главаря упало в груди, на немигающем левом глазу выступила слеза.

— Джарек... — прошептал Кэно, глядя в темноту отсутствующим немигающим взглядом.

— Чего? — через силу спросил товарищ.

Кэно оскалил зубы, по его левой скуле стекла горячая слеза.

— Пристрели меня! — с болью взмолился он сорванным голосом. — Я не хочу это видеть! Твою мать, пристрели меня! Сука, чтоб такое... нет, лучше сдохнуть.

Джарек ничего не ответил и бегло протер влажные покрасневшие глаза. Он сам хотел молить Небеса о смерти.

— Кэно... — снова взывал голос из темноты.

Главарь анархистов медленно зашагал вперед, как на плаху. Впереди стоял операционный стол, к которому был привязан человек, звавший его — точнее, еще один гибрид человека и рептилии, еще один пропавший без вести соратник.

— Клинок, ты?! — сорванным голосом спросил Кэно.

— Да-а... — простонал бывший «Черный дракон». Похоже, он находился при смерти.

— Что, мать его, тут происходит?! — в негодовании спросил вожак. — Кто сделал это с тобой и с другими?

— Это идея Мавадо... — ответил слабеющим голосом Клинок. — Мудак... Это только эксперименты... В его планах создание армии...

— Много наших здесь? — уже спокойно или, скорее, обреченно спросил Кэно. Его боль дошла до предела, большее стать уже просто не могло, потому после встречи с Клинком наступило мрачное безразличие, порожденное мыслью, что уже ничего нельзя вернуть, ничего нет возможности изменить.

— Было много... — прохрипел Клинок. — Добрая половина загнулась...

Кэно закрыл глаза, нервно глотая небывало вязкую слюну, которая, казалось, перекрывала дыхание.

— Лучше бы и ты умер! — скорбно прошептал он. — Лучше бы я не видел тебя, Клинок!

— Нет... — начал причитать Клинок, теряя рассудок. — Нет больше Клина... Во что превратился я, бравый десантник? А я помню, когда прыгнул первый раз... Сердце колотится, а очко может переломить монтровку, хех... А уж потом, где мы только не топтали небеса... Кэно! — внезапно опомнившись, воскликнул он. — Убей меня! Так, чтоб быстро. На хер спецподготовку — к такому дерьму нас не готовили... Я больше не могу... Кэно! Не могу...

Кэно выпрямил спину, расправил плечи и взглянул на изможденное лицо Клинка в последний раз. Лазерный луч, прошедший через сердце бывшего соратника, оборвал его мучения раз и навсегда. Джарек отрешенно наблюдал эту картину, сдерживая слезы. Кэно же окончательно одолело бедственное безразличие, но с ним пришло и осознание того, что теперь нужно смотреть только вперед.

— Здесь дверь, — указал он на стальное полотно в стене за операционным столом. — Я понял! Дверь, за ней коридор, по коридору прямо еще дверь... Кажется, мы сможем найти Мавадо.

— Кэно, — остановил его Джарек, — так нельзя. Мавадо хочет, чтобы мы его нашли!

— Отступать нельзя, — отрезал Кэно. — Иначе... мы распишемся в своей трусости! Прислать черную метку и не прийти на бой — что может быть позорней?!

Джарек опустил глаза и ответил:

— Только сгнить в плену.

— Чертовски верно, брат, — горестно усмехнувшись, согласился Кэно и вышел на связь с Кабалом: — Паук вызывает Носорога, прием!

— Носорог на связи! — как ни в чем не бывало, ответил Кабал. Кэно позавидовал его беспечности: как же повезло тому, кто не видел того, с чем здесь столкнулся он.

— Возвращайтесь, — приказал вожак. — Я знаю, куда идти. Мои люди будут ждать у шахты лифта.

— Паук, вас понял, — лихо ответил Кабал. — Конец связи.

— Паук вызывает Скорпиона, — продолжал Кэно, собираясь отдать приказ Призраку. — Встречай группу Носорога у шахты лифта и води их сюда. Приказ понятен?

— Приказ понятен, Паук, — спокойно, но с нотками боли в голосе ответил байкер. — Конец связи.

Кэно задумался.

— Должен быть еще один ход к кабинету Мавадо... — напряженно вспоминал он. — Я не хочу ребят сюда вести... Стоп! Вентиляционные тоннели!

— Все гениальное просто, — заключил Джарек.

Кэно и Джарек вышли из лаборатории. Они чувствовали себя так, будто вырвались из преисподней. Увы, никто не знал, закончился ли на самом деле этот рукотворный ад.

— Что там было? — нервно спросила Кира.

— Вам не нужно знать... — холодно ответил главарь. — Вот решетка!

Он выбил решетку и открыл тоннель вентиляции.

— Дожидаемся остальных, — объявил он.

— Нам туда лезть? — несколько брезгливо спросил Кобра.

— Но ты же Кобра, — ответил Джарек с ехидной улыбкой. — Змеи должны ползать...

Послышались шаги. Призрак привел на место группу Кабала. Кэно, подтянувшись, запрыгнул в тоннель и подал руку сперва Кире, потом Тасии. Мужчины забрались в тоннель самостоятельно. Джарек пошел самым последним, присматривая за Кабалом.

— Ты хорошо знаешь, где нам выходить? — уточнила Тасия.

Кэно ухмыльнулся:

— Выход лишь один.

Он был прав — у тоннеля не было ни единого ответвления. Кэно вышиб ногой еще одну вентиляционную решетку и спрыгнул на пустующую железную площадку. Он помог спуститься женщинам и осмотрел помещение, пока мужчины покидали тоннель. «Черные драконы» оказались по другую сторону стальной двери, которая должна была следовать за дверью в конце лаборатории. Вниз вела металлическая

лестница. Таких лестниц спускалось по две от каждой стены, и на площадке каждой из них была железная дверь.

— Восемь дверей, — заметил Кобра.

— Молодец, считать умеешь! — с сарказмом бросил Кэно. — Если Мавадо хочет встречи, почему не дал знак?

— Применять метод научного тыка сейчас не имеет смысла, — отметил Джарек. — А вдруг за другими дверями наемники клана? Или еще толпы ящеров?

— Если только инфракрасный спектр что-то скажет... — уповал Кэно на свое оружие.

Он побежал по лестнице вниз и поднялся на вторую площадку.

— За этой дверью ничего. Есть у стены ряд огромных холодных предметов. Джарек, это нечто вроде того, что мы уже видели сегодня.

Кэно метнулся к следующей стене.

— За этой дверью ничего, — отметил он.

— Совсем ничего? — уточнил Кобра.

— Ничего, что отличалось бы от окружающей среды по температуре! — нехотя объяснил Кэно. — Дошло?

— Все, больше не вмешиваюсь! — безропотно отступил парень.

— Четвертая дверь... — Кэно задумался. — Очень интересно... Коридор... Потом зал... В зале люди... С оружием... Около сотни... Один сидит в кресле в центре зала... А может, это подстава?

— Нет-нет, Кэно, — поспешно заверил его Кабал. — Это та самая дверь.

— Откуда знаешь? — резко спросил Кэно, впиваясь в него глазами.

— Я просто вспомнил план базы, — развел руками Кабал. — Я у тебя на столе видел его.

— Если это верная информация, тогда вперед, — объявил Кэно, ударяя себя кулаком в грудь. — За анархию!

— За анархию, — шепотом повторили «Черные драконы».

Безликий достал взрывчатку.

— Не стоит, — остановил его главарь и вырезал лазерным лучом и эту дверь.

* * *

Мавадо сидел в кресле и ласкал танцующими длинными пальцами свою верную подругу — шпагу. «Красные драконы», выстроившиеся в зале полумесяцем напротив двери, заметно нервничали. В конце коридора раздался грохот.

— Это они? — спросил Хсу Хао, ни на секунду не отходивший от кресла главаря.

— Коррида началась... — проговорил Мавадо. Он смотрел в одну точку жгучими черными глазами так, будто пытался прожечь взглядом дверь. — Матадор ждет своего выхода!

И он кровожадно улыбнулся, продолжая с пафосом гладить шпагу.

* * *

Кэно и его люди прошли по коридору к створкам огромной металлической двери с электронным замком.

— Значит, не все обесточено, — сообразил вожак. — Если уж они вошли... Не могли же эти конченные психи замуровать там сами себя!

В один миг на потолке коридора вспыхнули все лампы, заливая узкое пространство ослепляющим резким светом. Створки двери со скрежетом разъехались.

— Вперед! — закричал Кэно! — Чего встали?!

— Глазам больно! — простонал Кобра.

— Заткнись, нытик! — огрызнулась на него Кира и ринулась вслед за Кэно. За ней в бой бросились Джарек и Кабал, Тасия, Тремор и Безликий, потом Призрак и Джефф Картер. Последним в зал проскочил Кобра, за секунду до того, как свет снова погас, и створки двери сомкнулись, лязгнув за его спиной.

— Кэно, Кабал, куда стрелять? — закричал парень.

— Они окружили нас! — сообщил Кэно. — Кабал, смотри за спину Маваде!

Кабал понял, на что намекал главарь — за спиной Мавадо Хсу Хао держал одну руку на пульте управления, вторая рука сжимала пистолет. Кореец не видел в темноте, но обо всем догадался по словам. Началась стрельба и резня. В темноте слышались усиленные эхом выстрелы, крики, звон клинков и цепей, но оба клана здраво понимали, что дерутся вслепую. Кэно опустил голову и выстрелил в пол.

— Чего ты добиваешься? — спросил Кобра. — Хочешь насквозь прострелить Землю?

— Так они увидят хоть что-нибудь! — прокричал Кэно.

Кабал побежал. Он мог бежать с такой скоростью, которую не способен развить ни один живой человек. Он подбежал к Хсу Хао. Кореец выстрелил, но в ту же секунду Кабал оказался уже позади него. Кэно выстрелил в стену рядом, вспышка красного света дала возможность Тремору разглядеть бойцов. Ниндзя бросил цепь. Крюк зацепил пистолет Хсу Хао и вырвал его из рук. Кабал уже стоял у пульта. Кореец подбежал к анархисту и хотел напасть, но почувствовал внезапный холод стали в груди. Свет включился. Кира выдернула резной нож из сердца Хсу Хао, подручный главаря «Красных драконов» с хрипом упал навзничь. Безликий нажал на клавишу детонатора — две бомбы взорвались за спинами наемников Мавадо. Тасия орудовала катанами, как косарь серпом, срезая головы врагов, Джарек и Тремор мастерски раскидывали метательные лезвия, Кобра, Картер и Призрак стреляли из автоматов.

— Пора положить этому конец! — приказал Кэно.

— За анархию! — воинственно вскричала Кира, занося клинок за спиной Мавадо, но тореро выхватил из внутреннего кармана плаща Беретту М-92Ф.

— Нет! — вскричал Кэно, бросился вперед и повалил Киру на землю. Тремор так же ловко обезоружил Мавадо, но добить врага не успел — его заступили наемники. Кира открыла глаза и попыталась встать. Она вздрогнула — у Кэно была рана на левом виске, свежая кровь стекала по его щеке на шею.

— Все в порядке, детка, только кожу рассекло, — прошептал вожак и улыбнулся.

Он встал и горделиво стряхнул пыль с одежды.

— Что там, Безликий? — крикнул Кэно.

— Устройство сработает через полчаса! — ответил подрывник.

— Мавадо уходит! — закричала Кира, указывая вверх. На потолке открылся небольшой люк, в комнату опустилась тонкая лестница. Мавадо уже ступил на нее.

Кэно бросился бежать. Он даже не воспользовался лестницей — он подпрыгнул, ухватился руками за край люка и за секунду исчез из виду. Лестница рухнула на пол. Люк закрылся.

— Кэно! — прокричала Кира. Тут раздался выстрел. Один из наемников Мавадо попал ей в живот. Кира зажала рану рукой, но кровь струилась сквозь пальцы. К счастью, тот, кто стрелял, уже упал замертво. Джарек всадил ему метательное лезвие в затылок.

— Призрак, поухаживай за красавицей! — попросил он байкера.

Призрак взял Киру на руки и унес за спины вооруженных товарищей. Он снял с головы бандану с языками пламени и закрыл ею огнестрельную рану, чтобы хоть как-то остановить кровь.

— Мы вернемся на базу, нас прикроют, — сказал он. — Все будет хорошо.

— А как остальные? — пошептала Кира. Она старалась молча терпеть невыносимую жгучую боль.

— Внимание всем, прием, это Паук! — услышали по передатчикам анархисты. — Всем вернуться на базу — здание будет взорвано через двадцать восемь минут! У меня осталась одна миссия — я иду за Мавадо. Если через двадцать восемь минут я не выйду на связь — знайте: все кончено, я мертв. Конец связи.

Это были последние слова Кэно, адресованные команде. Более говорить вожак не мог — он преследовал Мавадо. Матадор выбежал на крышу здания и остановился. Небо заволокли грозовые тучи, по крыше неистово хлестал дождь.

— Вот мы и сошлись лицом к лицу! — довольно прорычал Кэно за спиной Мавадо.

— Пусть начнется битва! — крикнул Мавадо, резко развернувшись. Сверкнула молния, озарившая алую подкладку плаща и вскинутую ввысь шпагу. Кэно выхватил ножи. Протяжный раскат грома барабанной дробью ознаменовал начало смертельной битвы.

Кэно бросился вперед, рассекая воздух ножом снизу вверх — Мавадо подпрыгнул и уклонился. Он начертил шпагой в воздухе полукруг, Кэно попытался перехватить его руку, но Мавадо извился, будто змея, всем телом и ушел в бок. Анархист перебросил нож и, прижав клинок к предплечью, рубанул махом направо. В этот миг «Красный дракон» присел — и лезвие коснулось лишь его растрепанных волос. Он сделал выпад со шпагой вперед, Кэно попытался ударить его ногой по руке, но матадор сделал кувырок назад и прыжком вскочил на ноги. Противники остановились, пожирая друг друга глазами. Дождь и ветер наотмашь хлестали их по лицам, их одежда вымокла насквозь. Сверкнула молния, на миг осветившая фигуры двух смертельных врагов. На озаренном алым светом лице Кэно была напряжена каждая мышца, левый карий глаз с неконтролируемой злобой и жаждой крови глядел из-под ровной черной брови. Смуглое лицо Мавадо, на лоб которого спадали вымоченные дождем смолисто-черные волосы, было надменно спокойным, тореро горделиво посмеивался.

— Мне знаком твой стиль боя, — с усмешкой отметил он. — Ты умеешь только нападать!

— А ты, ушлепок, только уклоняться! — злобно огрызнулся Кэно.

Мавадо ринулся на него, выставив оружие вперед. Кэно так поставил блок ножом, что удар отдался по руке Мавадо — он чуть не выронил шпагу. Кэно усилил свой напор на него, небывало быстро орудуя клинками. Казалось, лезвия ножей рассекают

на две части каждую, попадающуюся на пути, каплю дождя. Серебристые брызги слетали с клинков жемчужной россыпью, противника завораживал этот танец смертоносного металла и небесной воды. Мавадо уходил от атак мягко и плавно, будто на цыпочках переступая по крыше. Он уклонялся, извиваясь всем телом, как кобра, танцующая под дудочку факира. Постепенно его попытки контратаки стали более уверенными и напористыми, каблуки его остроносых черных туфель отбивали степ на крыше базы, вторя барабанной дроби дождя. Плащ Мавадо играл в ветре, как плащ матадора. Лидер «Красного дракона» будто вытанцовывал перед Кэно пасодобль, с привычным для себя упоением балансируя над пропастью, играя со смертью. Его руки, плечи и грудь были исполосованы ножами, но Мавадо не замечал боли. Он встретился глазами с Кэно, собрал силы и нанес решающий удар. Кэно также выбросил вперед руку с ножом. Битва остановилась. Мавадо со всей силы вцепился в шпагу, Кэно не отпускал рукоять ножа. Главарь «Черного дракона» осмотрел свое тело: шпага Мавадо пронзила его торс, клинок вошел справа в подмышечную впадину и вышел слева около шеи. Мавадо сощурил глаза, оскалил зубы и застонал — Кэно вогнал клинок ножа ему под левую лопатку. Тореро стоял на цыпочках, опасаясь, что нож войдет еще глубже. Кэно дернул рукоять ножа на себя. Мавадо истошно закричал от боли. Анархист еще раз взглянул на тореро, потом на его шпагу в своем теле и безумно расхохотался:

— Твою ж мать! Мавада, у тебя руки из задницы! Уже и заколоть нормально не можешь!

Мавадо, прикусив до крови губы, выдернул шпагу из тела Кэно. Главарь анархистов извлек нож из его тела — и Мавадо упал на колени. Кэно тяжелым боевым ботинком саданул его по печени, лидер «Красных драконов» растянулся на мокрой крыше, корчась от боли. Он попытался отползти, но бежать было некуда. Кэно резко наступил на его хребет, и Мавадо вскричал, не помня себя. Террорист схватил врага за горло. Мавадо чувствовал, как его ноги оторвались от крыши, горло сжала боль, дышать становилось все трудней. Кэно подошел к самому краю крыши, выставив руку, которой вцепился в горло врага, вперед.

— Дерьмо ты собачье, что ты сделал с моими людьми, тварь?! — заорал он, тряся Мавадо на высоте четырех этажей над землей. — Я мозги твои тебе по тупой твоей морде размажу, сукин сын! Я на куски тебя, гребаный ублюдок, разрежу и скормлю собакам! Я стены в своем кабинете покрашу твоей гадской кровью, понял, гнида?! Ты мне за все заплатишь, конченная мразь! Давай, молись, Мавада, пока я не разжал пальцы!

Мавадо в ужасе схватился руками за удерживающую его руку Кэно. Из-за холодного ветра и дождя все его утомленное тело била крупная дрожь. Однако лидер «Красного дракона» не был намерен сдаваться. Мавадо собрал силы и ударил ногами вперед, по торсу Кэно. Анархист упал на спину, отпустив Мавадо. Кэно вскочил и взглянул на врага, озлобившись до предела. Мавадо также поднялся на ноги, поднял шпагу и выставил клинок перед собой. Среди раскатов грома послышался шум лопастей пропеллера. Черный вертолет завис на уровне крыши здания за спиной Мавадо.

— *Hasta la vista!* — усмехаясь, бросил главарь «Красных драконов» и с разбегу запрыгнул в вертолет.

— Что, бежишь с поля боя! Где твои яйца?! — с ядовитым сарказмом прокричал Кэно.

— Мы закончим нашу битву в другой раз, — ответил тореро, широко улыбаясь.

Кэно рычал от гнева, оскалив зубы. Все мышцы его тела напряглись до предела, казалось, волосы на затылке встали дыбом, злоба затрудняла дыхание и сердцебиение. Он впился глазами в наглого врага и выстрелил. Мавадо поставил клинок шпаги на уровне своего лица, отразив луч. Кэно оступился на скользкой крыше, уклоняясь от собственного лазера.

— Сукин сын! — прорычал он, поднимаясь с колен.

Он взглянул на таймер на запястье.

— Дьявол! — выкрикнул Кэно.

Его наручный таймер был запрограммирован так же, как таймер Безликого, и отсчет начался, когда взрыватель установил бомбу. Сейчас до взрыва оставалось меньше минуты.

Кэно снял с уха передатчик, бросил его на крышу и раздавил ногой. Он разбежался и, сгруппировавшись, прыгнул с крыши здания, когда взрыв прогремел за спиной, будто синхронный удар тысяч молний. Из окон рванулось неистовое пламя и клубы черного дыма.

Кэно упал на крышу припаркованного под окнами здания автомобиля. Заскрипел мятый металл. Осколки стекол с тревожным звоном всплеском, словно потоки воды, разлетелись в стороны. Из-за сильного удара головой вожак «Черных драконов» потерял сознание. Лишь одно в катастрофически сложившемся раскладе все же было хорошо — он еще был жив.

* * *

Черный вертолет, слившийся с темнотой ночи, направлялся за город. Его глухой гул пересекался с шелестом проливного дождя и торжественным голосом молний. За штурвалом вертолета был один из «Красных драконов», а верный подручный Мавадо — Хсу Хао — также был на борту. Рана на его груди сильно кровоточила, но кореец не обращал на нее никакого внимания.

— Что за черт? — в недоумении проговорил Мавадо. — Ты должен был окочуриться после такого ранения!

Хсу Хао ухмыльнулся, пригладив короткие усы в стиле Фу Манчу:

— У меня нет сердца.

— Дьявол, я тоже так хочу! — обескуражено произнес Мавадо. — Жаль, возраст уже не тот и с моей болезнью — не переживу операции...

— Да, в мое сердце уже стреляли однажды, но наши люди сделали мне новое, — объяснил кореец. — Теперь появился предлог немного усовершенствовать его подобно тому, что Кэно сделал со своим глазом...

— Я не хочу слышать о Кэно! — резким выкриком перебил его Мавадо. Он был зол, как никогда раньше. «Никогда, никогда нельзя недооценивать противника!» — дал в уме себе зарок лидер «Красного дракона». Хсу Хао тяжело вздохнул:

— Что ж, тореро, сегодня твоя шляпа упала дном вверх.

Губы Мавадо растянулись в мефистофельской улыбке:

— Vale. Это второе предупреждение.

11. Без слов

Призрак припарковал автомобиль не в гараже заброшенного завода, а прямо на площадке цеха, у самого входа на подземную базу «Черных драконов». Он взял Киру на руки. Женщина устало открыла глаза и с немым вопросом пронзительно взглянула на старого байкера.

— Двадцать восемь минут прошло, — прошептал Призрак с горькой скорбью. — Мне очень жаль...

Кира собрала оставшиеся силы и достала свой передатчик.

— Орел вызывает Паука! — закричала она, преодолевая собственную боль, которая сейчас не имела для нее никакого значения. — Прием! Орел вызывает Паука!

— Зря стараешься, — прервал ее байкер. — Дракула сказал, что связь с ним оборвалась.

Женщина закрыла лицо руками, из последних сил сдерживая слезы.

— Этого не может быть! — проронила она, отчеканив каждое слово так, словно пытаюсь поставить миру и судьбе свои условия. — Не может.

Призрак взял руку Киры в свою грубую ладонь и взглянул в ее потухшие свинцовые глаза:

— Дорогая, никто не отказывался от надежды. Люди Кэно и Кабала еще не вернулись — возможно, им что-то известно.

— Джарек! — спохватилась Кира и вновь схватила передатчик: — Орел вызывает Лиса, прием!

— Потом, — остановил ее Призрак. — Сначала в лазарет.

Байкер понес женщину по пустующим коридорам базы. Он остановился у белых дверей и осторожно постучался. Двери открыл металлист средних лет в балахоне и бандане русского рок-коллектива «Мастер». Поверх балахона на его плечи был наброшен медицинский халат.

— Здравствуй, Сорокин, — поприветствовал его Призрак.

— Лучше просто Вася, — равнодушно бросил металлист.

Василий Сорокин вошел в лазарет и указал Призраку на один из трех операционных столов. Байкер бережно положил на него Киру. Сорокин застегнул халат, зажег бестеневую лампу, вымыл руки, надел медицинскую маску и перчатки.

— Как себя чувствуем? — спросил он Киру, глядя на ее измученное лицо.

— Хреново... — тихо ответила она, из последних сил зажимая пальцами рану.

Металист склонился над ней и начал расстегивать молнию ее черного кожаного топа. Кира выхватила из кобуры на поясе пистолет Colt Government model и направила его на лицо Сорокина.

— Слишком много позволяешь себе, Вася! — недовольно заявила она.

Вася кивнул и, закатив топ снизу, открыл рану. Призрак взял Киру за руку. Она стиснула зубы, чтобы не стонать от боли — Сорокин извлекал пулю.

— Все хорошо, — шептал ей на ухо байкер.

— Все! — воскликнул Вася. — Вытащил эту гребаную пулю! — он вложил Кире в руку окровавленный кусок свинца: — Возьми на память. Что ж, еще малость потерпи, красавица: швы — и все.

Призрак не отходил от женщины, хотя та продолжала держаться мужественно, не проронив ни звука. Вася Сорокин наложил швы, обработал место ранения и закрыл его стерильной повязкой. Призрак снова взял Киру на руки и вынес из помещения.

— Куда теперь? — совсем слабым голосом осведомилась женщина.

— В твою комнату — немного отдохнешь, — ответил байкер.

— А как же...

— Я все тебе сообщу, — уверил ее Призрак, хорошо понимая суть ее вопроса.

Но Кира не могла так просто успокоиться. Она принялась искать передатчик, но это оказалось тщетно.

— Я забрал его, — признался байкер, — не делай опрометчивых решений.

Кира разозлено метнула на него пронизывающий гневный взгляд и достала из кармана жилетки мобильный телефон. Невероятно быстро набрав текст, она отправила Джареку сообщение: «Что с лидером?».

Ответа не последовало, но неожиданно через несколько минут первый друг Кэно сам перезвонил Кире.

— Вы мне писали? — спросил он.

— Да, — не понимая вопроса, ответила Кира.

— С кем я говорю?

Кира растерянно посмотрела на номер — номер действительно принадлежал Джареку, да и голос был точно его.

— Ты совсем спятил, шулер гребаный?! — воскликнула она. — Ты говоришь с Кирой Тараки!

— Извини, у меня не записан твой номер, — подавленно ответил Джарек.

— Так что?

Вопрос Кире оставался без ответа:

— Ты о чем?

— Ответь на сообщение! — нервно крикнула она.

Ответ Джарека просто убил ее:

— А что ты писала?

— Ты что, не читал? — Кира впадала в ярость.

— Я забыл, — виновато прошептал анархист.

— Как ты мог забыть вопрос: «Что с лидером?»?! Ты на базе?

— Связи с ним нет, — как-то развязно и нехотя ответил Джарек.

— Ты уже на базе? — настойчиво повторила женщина второй вопрос.

— Я не могу говорить, — отрезал Джарек и сбросил вызов.

* * *

По объездной трассе мчали два черных джипа. Анархисты возвращались на базу, следуя последнему приказу Кэно. Джарек остался теперь за главного, с ним в машине были Кобра, Кабал и Безликий; Тасия, Тремор и Картер ехали следом. За джипами следовал черный фургон Дракулы.

— А что остальные? — спрашивал Кобра с заметной нервозностью.

— Они покинули базу раньше, чем мы, — сухо ответил Джарек, погруженный в собственные раздумья.

— Двадцать восемь минут давно прошло, — отметил Кабал.

— Что теперь? — тревожно воскликнул Кобра. — Кэно мертв?

— Связь оборвалась не после взрыва, а за минуту до него, — доложил Безликий. — Это может означать, что...

— Только не говори, что его убили до этого! — вскричал Кобра, отказываясь верить худшим опасениям.

— Если бы его убили, сигнал оставался бы без ответа, — объяснил Кабал. — Но сейчас и сигнала нет.

— Вот, — продолжил Безликий, кивнув в подтверждение этого замечания. — Значит, передатчик неисправен. Кэно мог сам вывести его из строя, чтобы никто по сигналу не смог выйти на нас.

Джарек задумчиво смотрел на дорогу, изогнувшуюся, будто огромная черная змея, сквозь завесу дождевых струй.

— Он не умер, — проговорил он, сосредоточившись на своих ощущениях. — Его повязали.

— Откуда ты знаешь? — с недоверием спросил Кабал.

— Чувствую.

— Ты за всех можешь так чувствовать?

— Нет, только за него. Мы кровные братья.

— И что теперь будем делать? — осведомился Кабал.

— Вернемся на базу, вооружимся, заберем с собой Призрака — у меня есть одна задумка по поводу него — и отправимся за Кэно, — уверенно заявил оставшийся за главного анархист.

— Куда, интересно знать? В задницу к Дьяволу? — продолжал нервничать Кобра.

— За нашим лидером непременно пришли бы те, кто ненавидит его больше всего... — озвучил свои рассуждения Джарек. — Мы едем к Разведывательному агентству Германа Блейда!

* * *

— Орел вызывает Паука! Орел вызывает Паука! Прием! Паук, почему не отвечаешь? Прием! Орел вызывает Паука!..

Осознав всю бессмысленность этой затеи, Кира бросила передатчик, который Призрак все же отдал ей после самоотверженных угроз ножом, на стол. Она легла на кровать и стала изучать потолок, пытаясь отвлечься от бесконечных мрачных мыслей. Она со стоическим упорством держалась убеждения, что не все потеряно, и не могла вынести бездействия. Кира вновь села на кровати и включила передатчик:

— Орел вызывает Лиса! Прием! Орел вызывает Лиса! Лис, ответь! Прием!.. — совсем отчаявшись, она кинула передатчик в стену. — Шайтан, и с этим дохлый номер! О Аллах, да что же мне делать?!

Она аккуратно проверила повязку на ране и, убедившись, что все в относительном порядке, решительно пошла в кабинет Кэно. Дверь была распахнута, в кабинете царил тот же рабочий беспорядок, что и до отправления на операцию — стол был завален схемами секретной базы и планами атаки. Только посреди этой горы тактических разработок появились два листка бумаги, которых не было раньше. На бумаге было что-то нарисовано серым карандашом.

— Странно, — отметила Кира. — Не похоже на план или схему. Откуда это здесь?

Женщина взяла листы со стола. К ее удивлению, это оказались рисунки, небрежные, но реалистичные наброски, сделанные на скорую руку. На одном был изображен Кэно за прутьями решетки тюремной камеры, на втором — Джарек, обвешанный оружием и идущий к черному джипу. Кира в недоумении перевернула лист. На обороте стояли три неровные печатные буквы: «Jar».

— Джарек, — догадалась Кира. — Хочешь сказать, что Кэно арестован, и ты один идешь его освобождать? Как бы ни так!

Конечно, обстоятельства складывались весьма странным образом: Джарек не отвечал на сообщения, не записывал в телефон ее номер, не выходил на связь, а теперь оставил рисунки вместо того, чтобы просто написать записку. Ведь гораздо быстрее было бы чиркнуть на листке: «Кэно арестован. Отправляюсь ему на помощь. Джарек». Да, как говорил вожак, каждый в этом клане сходил с ума по-своему, но столь непонятное поведение, да еще и в критически сложившейся ситуации, никак не ожидалось со стороны этого человека, который всегда был правой рукой главаря. Кира дала себе зарок серьезно с ним поговорить, но только после того, как Кэно вернется на базу.

Женщина вернулась в свою комнату, быстро сунула в ботинки ножи и перезарядила два кастомизированных пистолета Colt Government model восьмидесятой серии. Она отправилась в гараж, оседлала мотоцикл и рванула в город. Вдруг ее запал остыл из-за затерявшейся в наплыве невыносимых эмоций здоровой мысли, что она понятия не имеет, куда ехать.

— Вероятнее всего, в Разведывательное агентство, — лихорадочно думала Кира. — Хотя не факт.

Женщина достала передатчик. Это был последний шанс вернуться во всеобщее дело.

— Орел вызывает Базу, прием!

— База Орлу, как слышно? Прием! — ответил Дракула.

— База, ответьте: Лис и Скорпион направились к Разведывательному агентству?

— База Орлу: данные верны.

Кира оживилась и даже улыбнулась:

— База, дайте координаты.

Дракула объяснил женщине, куда ехать. Она решительно мчалась по трассе сквозь холодный неутрахающий дождь, обгоняя ветер. Впереди появилась четверка знакомых черных джипов. Автомобили заворачивали за угол.

— «Черные драконы»! — радостно отметила Кира и прибавила скорость.

Лихо маневрируя, периодически выскакивая на встречную полосу, петляя между машинами, она смогла быстро догнать «Черных драконов» и поравняться с идущим впереди всех автомобилем Джарека. Тот давно заметил ее в зеркале заднего вида. Джарек опустил стекло и закричал:

— Какого хрена тебя сюда принесло? Призрак говорил тебе остаться!

— Да как ты можешь?! — вскричала Кира. — Сукин ты сын, как ты только посмел допустить мысль, что я не приду ему на помощь?! Проклятье, да как вообще мы могли допустить это?! Джарек, ты же веришь в этого своего католического Бога?

— Скажешь тоже — «католического Бога»? Верю, а что? — удивленно ответил он.

— Так вот и передай своему Богу, что он — мудака! — отчаянно выбранилась Кира.

— Тогда и ты передай своему Аллаху, что он — кретин! — отплатил той же монетой Джарек.

— Поговорили! — со злобной иронией бросила Кира. — Я пойду в самую Преисподнюю за Кэно! На базу я ни за что не вернусь!

— Ты ничего не понимаешь! — продолжал кричать Джарек, указав ей на сверкающий детонатор на своей груди. — Я готов взорвать это гребаное агентство вместе с собой, если не будет выхода!

— Тогда я сделаю все возможное, чтобы выход был! — отрезала Кира и уверенно повернула вслед за Джареком.

* * *

Среди промозглой дождливой ночи, когда большая часть населения города видела не первый сон, Разведывательное агентство продолжало работу. В рабочем кабинете за столом, освещенным только настольной лампой, сидел и курил сигарету капитан Сил специального назначения Александер Брайан. Он зевнул и лихорадочно потер пальцами глаза и изгиб своего орлиного носа — Брайан ощутило устал напряженно смотреть в монитор, и его изрядно клонило в сон. Сонливость развеялась, когда дверь кабинета отворилась. Александер поднял прищуренные черные глаза на вошедшую в помещение женщину в темно-зеленой тактической экипировке, плотно облегающей стройное тело, и черной кепке с эмблемой Разведывательного агентства. Он погасил сигарету и приветливо улыбнулся.

— Капитан Брайан! Здравия желаю! — поприветствовала его Соня Блейд. — Значит, Вы проверяете данные. Вам удалось установить личность задержанного?

Капитан Брайан задумчиво почесал темную щетину на щеке:

— По отпечаткам совпадений нет — нигде лично не засветился. А вот по тому, что осталось от лица, есть одна версия. Прошу, лейтенант Блейд.

Он передвинул свое кресло, чтобы она могла подойти к столу и взглянуть на монитор. Соня впиалась озлобленным взглядом в черно-белое изображение.

— Это капитан Сил специального назначения Т.Дж. Гаррет. Фото старое, из личного дела, 1969 год. Здесь ему восемнадцать лет — понятное дело, должен был сильно измениться. Но форма носа, мочки ушей, эта впадина между бровей...

Соня Блейд выпрямила спину и скрестила руки на груди:

— То есть, по-Вашему, такое животное могло попасть в ряды «зеленых беретов»? И что, у него чистое прошлое?

Александер развел руками:

— Там никакого прошлого. Вроде как он приехал из Тасмании, а дальше след теряется. Миграция в США, служба, как способ получить гражданство... Кто будет что подозревать, если он был хорошим солдатом?

Белокурая воительница презрительно сощурила холодные синие глаза:

— Нет, эта тварь не может быть «беретом»! Что там еще в личном деле? — она забрала «мышку» из-под ладони Брайана и пролистала файл: — Серебряная Звезда, три «Пурпурных сердца»... Серьезно?!

— Он служил в Пятой группе спецназа на Ближнем Востоке. Говорят, солдаты там хлебнули такого... У кого угодно могла съехать крыша.

— То есть, у него по полной съехала крыша — а командование ему «Звезду»? Бред! — Соня Блейд умолкла, шумно дыша от едва сдерживаемого гнева. То, что смог раскопать капитан Брайан, никак не вязалось с картиной личности ее заклятого врага. Эти два портрета были категорически несовместимы. Версия выглядела для нее совершенно абсурдной.

— Где он сейчас? — прервав молчание, спросила лейтенант.

— В допросной, — развязно ответил Брайан и встал из-за стола, чтобы налить в кружку горячего крепкого кофе. — С ним работает майор Бриггс.

Льдисто-голубые глаза Сони расширились, а брови в негодовании сдвинулись к переносице:

— Как? Я же говорила: даже со связанными руками он представляет опасность!

— Ты про кибернетический имплантат на его лице? — уточнил капитан, заливая крутым кипятком кофейный порошок. — Управление им осуществляется его нервной системой, так что эта проблема решилась очень просто.

— И как же?

— Местная анестезия. Ему вкололи новокаин.

— Я могу лично его допросить?

Капитан Брайан усмехнулся, вновь сощулив ословелые черные глаза:

— А-а, личные счета! Только в моем присутствии. Никто не знает, что взбредет в голову этому «животному».

В это время в допросной, посреди которой стоял железный стол в ржавых пятнах крови, горел свет. За столом, спиной к тяжелой околоченной железом двери сидел Кэно. Позади него стояли двое агентов с автоматами. Его притащили сюда, едва он пришел в себя. Раны, которые час назад нанес ему Мавадо, уже не давали о себе знать. Эти раны стали несущественной мелочью, ничем в сравнении с тем, что с ним сделали после задержания проклятые «борцы за справедливость».

— Ну что, сволочь, будешь говорить или нет?! — спрашивал темнокожий майор, расхаживая по комнате кругами и наматывая на кулак цепь. — Кто ты?! Настоящее имя!

Кэно поднял голову, глаза ему заливала кровь. Наручники сильно мешали кровотоку в кистях рук — он с трудом мог согнуть и разогнуть пальцы. Тем не менее, он сжал кулаки, впиваясь в майора глазами, полными ненависти. Казалось, даже его искусственный глаз горел неукротимой яростью.

— Говори с моим кулаком, мудака, — лицо не хочет тебя слушать!

Майор наотмашь ударил анархиста обернутым цепью кулаком в челюсть. Кэно согнулся над столом и захаркал кровью.

Дверь допросной со страшным скрежетом открылась, и в помещение вошли Александер Брайан и Соня Блейд. Капитан держал в руках толстенную папку с бумагами и кружку горячего кофе.

— Можете дать нам немного времени, майор Бриггс, — обратился Брайан к афроамериканцу.

— Под Вашу ответственность. Но если что — я тут рядом, — нехотя согласился майор и удалился.

Пришедшие сели за стол, Брайан передал Соне папку. Лейтенант Блейд перебрала несколько бумаг, с торжествующе-грозным выражением лица закрыла папку и, складывая руки куполом, взглянула исподлобья на окровавленное разбитое лицо террориста.

— Здравствуй, Кэно. Вижу, над тобой уже изрядно поработали, — издевательски начала говорить лейтенант Блейд, ни на миг не разрывая зрительный контакт со схваченным смертельным врагом, каких бы усилий ей это ни стоило. — Ты ведь рассчитывал не на такую нашу новую встречу? На твоём месте я бы дала чистосердечное признание, пока из меня не сделали фарш.

Кэно обнажил зубы в перекошенном оскале и показал женщине средний палец. Соня более не могла сдерживать неистовые эмоции. Она схватила со стола кружку Брайана и выплеснула кипяток в лицо арестованному террористу. Кэно не успел увернуться, жидкость сильно обожгла то, что осталось живого на правой половине его головы.

— Ты сука! — сжимая зубы, прорычал Кэно. Соня Блейд с довольным видом сложила руки на груди и издевательски ухмыльнулась. Ее душу переполняло какое-то крайне странное, неведомое ей до сего дня чувство, смесь триумфа и возбуждения с легким омрачающим оттенком страха перед внешним видом собственной победы. Кровь стыла в жилах при виде многочисленных увечий, кровоподтеков и ссадин на чужом теле, и усмирить нервы лейтенанта могла только одна мысль: перед ней не человек, перед ней — беспринципный убийца.

— Так что насчет моего предложения, Кэно? — саркастически обратилась она к врагу.

Кэно в упор уставился на нее так, что она невольно съежилась под его тяжелым взглядом.

— Поцелуй мою задницу, детка! — ответил он, сплевывая на стол — во рту не исчезал отдающий железом вкус вязкой крови. — Хрен тебе, а не чистосердечное признание! И пытками меня нечего пугать — и не такое дерьмо видал!

Соне Блейд становилось не по себе. Она чувствовала какой-то жар в груди, отдаленно напоминавший жажду крови. С ней никогда не было такого раньше. Встреча с тем, кого она желала проучить, унижить и истязать до смерти все это время, ввергала ее в напряжение, граничившее с сексуальным.

— Что ж, Кэно, — вновь заговорила она с арестантом, указав на его уголовное дело в папке, которую принес Брайан. — Поговорим о том, что числится на твоей совести...

— За три смены всего не перечислишь! — прервал ее грубый выкрик Кэно. — Но моих деяний там, в лучшем случае, две трети. Остальное вы, сукины дети, на меня повесили! Может, еще теракты Аль-Каиды мне приплетете?! Валите на меня все, только в таком случае моя смерть не решит и десятой части ваших проблем. Че, мудакам у власти и так сойдет? Или вы прикрываете их задницы?

Лейтенант Блейд сжала трясущиеся кулаки. Капитан Брайан видел, что ее захлестывают эмоции, и ему это отчаянно не нравилось. Он сожалел, что допустил ее к допросу, и теперь опасался, что она может наделать глупостей. Ей нельзя было позволить сорваться. Капитан нервно откинул со лба блестящие от пота волосы и выхватил пистолет, направив ствол на террориста.

— Молчать! — гневно крикнул он. — И не думай, что я запугиваю тебя, мразь! Он действительно заряжен!

Александр нажал на курок. Громкий выстрел слился воедино с криком Кэно — пуля попала ему в плечо. Боль и жар разошлись по всей левой руке, кровь стекала по избитому плечу и мускулистой груди анархиста.

— Знаешь, детка, кое в чем я сознаюсь, — ехидно промолвил Кэно, опомнившись от боли. — Взрыв комплекса зданий в 2001 году — моя работенка. Поговаривают, там твой братик работал, да?

Соня в ярости ударила кулаками по столу. Брайан выстрелил в Кэно еще раз, на сей раз в левую ногу. Анархист закричал, запрокинув голову назад, Соня опустила глаза, чтобы не видеть его лицо, до неузнаваемости искаженное муками. Немного

пересилив боль, Кэно устало опустил голову на холодный стол. На несколько секунд наступила тишина, которую тревожило только хриплое затрудненное дыхание тяжелораненого террориста. Александер Брайан схватил Кэно за ворот жилетки, заставляя его сесть ровно, и медленно засунул холодный серебристый ствол Кольта Combat Commander за пояс ему в штаны. Казалось, глаза Кэно уже ничего не видели перед собой — в этих глазах теперь застыл смертный ужас, первобытный животный страх.

— Значит так. Слушай сюда, урод! Или ты подпишешь все бумаги, своим гребаным настоящим именем, или я нажимаю на курок. Это ясно?!

Кэно не мог произнести ни слова в ответ. Капитан Брайан ударил его кулаком в висок, на стол полетели брызги крови.

— Хватит, — задыхаясь, прохрипел террорист. — Больно же, начальник. На мне же, сука, живого места нет. Сними наручники — я подпишу.

Капитан достал ключ и освободил руки Кэно. Тот потер свежие красные рубцы на запястьях, оставленные наручниками. Брайан достал из папки несколько бумаг и кинул их на стол перед Кэно. Убрав пистолет в кобуру, он подошел к Соне Блейд, бросив на нее сердитый взгляд из-под насупленных бровей.

— Это не соревнование двух эго, а допрос. Нужно придерживаться стратегии.

Кэно опомнился от боли. Он начал понимать, что снова чувствует правую половину лица. Горячая жидкость ускорила отход от местной анестезии. Соня заметила, как глаза главаря «Черных драконов» со злобой буравят спину Брайана, но не успела никак среагировать. Лазерный луч прошел у капитана между лопаток и вырвался из груди, разбрызгивая во все стороны кровь. Двое агентов безопасности приготовились стрелять, но Кэно резко вскочил, схватил автоматы за стволы и крутым движением снизу вверх провернул их наружу, выламывая обоим солдатам руки. Не обращая внимания на хруст костей и крики боли, он пнул одного из агентов в грудь, а второго расстрелял из отобранного у него же оружия. Оставшийся агент безопасности попытался подняться, но тяжелый ботинок Кэно саданул его снизу по челюсти с такой силой, что переломил шею. Соня подбежала к упавшему без сознания Александеру Брайану и выхватила его пистолет.

— Бросай оружие! — закричала она и выстрелила в стену, у которой стоял Кэно. — Это был предупредительный выстрел.

Кэно бросил автомат и поднял руки, не отрывая глаз от пистолета в руках Сони Блейд. Она тут же осознала, что совершила ошибку. Выстрел лазером не только лишил ее оружия, но и изрядно поранил руку. Соня припала спиной к стене и застонала от боли. Кэно прогулочным шагом, хоть и очень сильно хромая, подошел к Брайану, левой рукой приподнял его за горло, а правой сквозь оставленную лазером дыру проник в его тело. Соня чувствовала, как к горлу подступает боль и тошнота, она открыла рот, но не могла произнести ни слова. Кэно все глубже погружал руку в чужую плоть: казалось, он что-то внимательно искал. С практически звериным рыком и безумным блеском в глазах он рванул руку из тела Александра. Пальцы главаря «Черных драконов» сжимали все еще бьющееся сердце.

— Жалкая идиотка! Не уж-то ты думала, что сможешь расправиться со мной? Тебя же предупреждали! Не стоило лезть не в свое дело, детка. Не захотела по-хорошему — будет по-плохому. С каждой, сука, мразью на службе власти будет по-плохому!

Кэно швырнул сердце Алесандера Брайана на пол, скаля зубы, и еще раз сплюнул кровь. Соня вскрикнула от неопишемого ужаса, когда облитые кровью шершавые ладони Кэно коснулись ее запястий. Кэно вцепился в ее руки и с неистовой силой прижал ее к стене, приблизившись к ней вплотную всем телом. Соня почувствовала на шее его горячее рычащее дыхание. Его губы приблизились к самому ее уху:

— Что, сука, нравится?! Тебе давали шанс, детка, что ж, ты его не оценила. Так что я убью тебя. Да, убью...

Он положил правую руку на шею женщине с начал медленно, с упоением сдавливать ее горло, но в этот миг дверь с грохотом распахнулась. В допросную влетел майор Бриггс в сопровождении нескольких агентов безопасности. Афроамериканец схватил железный стул и огрел Кэно по голове. Террорист растянулся на полу, раскинув руки. Соня закрыла лицо руками, тяжело дыша.

— Унесите его в камеру, — приказал майор агентам.

Двое мужчин схватили Кэно за руки, еще двое — за ноги и понесли по мрачному, совершенно темному коридору. Соня Блейд, до сих пор вздрагивая всем телом, наблюдала, как на гладком сером полу остается кровавый след. Но стоило ей хоть на миг закрыть глаза, как перед взором возникала картина невообразимого ужаса — вырванное кровоточащее сердце Алесандера Брайана в руке Кэно.

* * *

— Приехали! — сообщил Джарек и остановил машину.

Кира осмотрелась. Большой разницы между штабом Разведывательного агентства и базой «Красного дракона» не было заметно, только забор здесь был более внушительный — толстый и высокий, кирпичный, увенчанный колючей проволокой.

— У нас нет планов здания, — отметила она.

— У нас вообще нет плана, — развел руками Джарек с горестной усмешкой. — Будем импровизировать! Благослови Господь!

Из джипа вышел Призрак, переодетый в темно-зеленую парадную форму с планками наград и серебряными крыльями на груди.

— Надо было покрасить волосы, что ли, — промолвил он, надевая зеленый берет. — А то возраст солидный, а до сих пор капитан, получается.

— Так это тебя война состарила! — ободрил его Джарек. — Не бери в голову мелочи. Соберись и помни о времени.

Байкер проверил циферблат наручного таймера, Безликий вручил ему кожаный дипломат. Призрак выпрямил спину, расправил плечи и твердым шагом направился к воротам. Как только он завел разговор с агентами безопасности, Безликий короткими перебежками метнулся к кирпичному ограждению. Кира видела, как ловко он устанавливает взрывные устройства.

— Я лейтенант Сил специального назначения Джозеф Гаррисон, меня вызвали сюда по делу Кэно! — убеждал агентов Призрак, с высокомерным видом чеканя слова.

— У нас приказ для всех по поводу документов, — озвучил агент свои служебные обязанности.

— Что?! Как ты, молокосос, разговариваешь со старшим по званию?! — Призрак явно вошел в роль, но тут же сам спохватился, чтобы не переиграть. — Доложите начальству. Прибыл лейтенант Гаррисон, — потребовал он и взглянул на таймер на запястье.

Он выждал несколько секунд и со всей силы швырнул дипломат к воротам. Тут же байкер упал на землю, закрыв голову руками. Взрывное устройство в дипломате не только повредило стальные ворота, но и запустило цепную реакцию, активируя взрывчатку, которую Безликий успел установить практически по всему периметру. От массивного ограждения осталась лишь груда кирпичей, агентов просто растерзало на части осколками. Призрак, пошатываясь, встал на ноги и побежал обратно к джипу.

— Всем приготовиться! — скомандовал Джарек. — Мы пойдем в наступление первыми!

— Жесткая импровизация! — отметила Кира. — Дайте мне хорошее оружие, а то у меня только ножи и пистолеты.

Джарек достал из багажника дробовик Mossberg 590.

— Хорошая вещь, — прицелившись, произнесла Кира. Джарек улыбнулся, закинув на плечо автомат Калашникова. Безликий взял еще две сумки со взрывчаткой, Кобра, Тасия, Картер, Призрак и Кабал также достали оружие.

— Тремор, оставайся у ворот со своей пушкой. Если только они вызовут подкрепление — пали не задумываясь!

Тремор кивнул и сел в машину, в салоне которой Кира заметила гранатомет SMAW.

— Да уж, подготовились вы основательно, — сказала она, чувствуя себя немного не в своей тарелке.

— За анархию, — прошептал Джарек, ударив себя кулаком в грудь, и бросился бегом к штабу Разведывательного агентства.

* * *

Кэно пришел в себя и медленно открыл глаза. В затылок ударила сильная боль. Он протер ладонями лицо от пота и запекшейся крови — правая половина головы вновь лишилась чувствительности, плюс ко всему дико разболелись зубы. Он сковырнул ногтями волдырь на обожженном кипятком правом ухе. Не последовало никаких ощущений. В остальном теле анархист чувствовал озноб, у него сильно ломило суставы, а напряжение в лишенных сил мышцах вызывало до тошноты несносные мучения. Кэно присел на койке. От сильной боли во всем теле перед глазами заплясали пятна, голова просто раскалывалась. Дышать почему-то было сложно, словно каждый вдох давался с усилием, преодолевающим страдание.

Сквозь амбразуру в двери камеры предварительного заключения Кэно увидел пустые темные коридоры, где не было ни одной живой души.

— Лучше умереть стоя, чем жить на коленях, — невольно подумал он. — Но что, сука, может быть хуже, чем умирать, не вставая с колен?! Оказать сопротивление я уже не в состоянии. А что дальше? Суд, с резонансом на весь гребанный мир? Ох, эта сука и насладится! И в конце смертный приговор. Дьявол, лучше бы этот ниггер разможил мне череп!

Он стянул с койки простыню и разорвал ее, чтобы перевязать раны. Тюремные простыни делались из специальной ткани повышенной прочности, но Кэно оказалось под силу разорвать ее руками.

По коридору звучным эхом разнеслись отзвуки взрывов. По всей длине коридора вспыхнули алые мигающие лампы, жалобно завывала сирена.

— Боевая тревога! — донесся откуда-то рядом крик одного из офицеров.

— Ублюдки траханные! — закричал кто-то и начал стрелять. Судя по звуку, стреляли четыре Mossberg'a и три Калашникова.

— «Черные драконы»! Задайте им жару, ребята! — лицо Кэно озарило какое-то подобие перекошенной улыбки. Припав спиной к стене, скрестив на груди руки, он закрыл глаза и горестно затаил:

*Build a fire a thousand miles away
To light my long way home.
I ride a comet, my trail is long to stay.
Silence is a heavy stone.
I fight the world and take all they can give,
There are times my heart hangs low.
Born to walk against the wind, born to hear my name,
No matter where I stand I'm alone.*

— Ха! Он понял, что мы пришли! — радостно воскликнул Джарек, подхватывая мотив воинственным криком во все горло:

*Stand and fight!
Live by your heart!
Always one more try:
I'm not afraid to die!
Stand and fight!
Say what you feel,
Born with a heart of steel!*

За ним к распеvu присоединилась Кира, ее голос был столь же твердым и воодушевленным:

*Burn the bridge behind you, leave no retreat.
There's only one way home.
Those who laugh and crowd the path and cut each other's throats
Will fall like melting snow.
Не помня себя от радости, Кэно перешел на крик:
They'll watch us rise with fire in our eyes,
They'll bow their heads, their hearts will hang low.
Then we'll laugh and they will kneel and know: this heart of steel
Was
Too hard to break, too hard to hold.*

По коридору загremели шаги. Анархисты подбежали к камере, в которую кинули их главаря. Кэно вскочил и бросился к двери. Его глаза встретились с глазами Кирь. Он открыл рот, но ничего не смог сказать.

— Сейчас, — произнесла она.

Джарек присел на корточки у двери и достал тонкое стальное «перо». Он мастерски взломал замок, пнул ногой железную дверь и обнял стоящего за ней лидера «Черных драконов». За ним вожака поприветствовали Картер, Призрак, Кобра, Кабал, Безликий, Тасия и, наконец, Кира.

— Я знал... — прошептал Кэно со спокойным лицом. — В это я верил. Свобода!

— Ты серьезно ранен. Сможешь идти? — взволнованно спрашивала Кира, осматривая увечья на его теле.

— Детка, все нормально, — ответил он откровенной ложью. Тут его внимание привлекло то, что от локтя по руке Джарека течет кровь, и он сразу осведомился: — Вы-то как?

— Соня — сука! — закрывая рану, говорил Джарек. — Хотя, девка, конечно, весьма ничего — я бы ее трахнул! Жестко! — анархист похотливо облизнулся.

— Если возьмем ее в плен, предоставляю тебе такую возможность, — с коварством ответил Кэно. — А потом я вытатуирую наш герб у нее на заднице!

— Безликий заложил здесь нереальное количество взрывчатки, — сообщил Джарек. — Пора уносить ноги.

Он бросился по лестнице вверх, призывая всех следовать за ним.

— Куда тебя несет?! — окликнул его Кэно.

— На крышу! Нас ждут два вертолета!

— А как же Тремор? — испуганно воскликнула Тасия.

— Его уже забрали наши, — успокоил ее Джарек.

Безликий помог Кэно выбраться на крышу. Главарь чувствовал, что озноб и ломота в теле все еще не покидают его, и очень сильно хромал на левую ногу. Небо пересекал гул двух черных вертолетов. Один из них плавно снижал высоту.

— Сталкер! Спускайся! — закричал Джарек, махая руками.

Из-за шума вертолета у Кэно снова начала болеть голова. Сталкер осторожно посадил машину на крышу. Джарек и Безликий провели Кэно к вертолету, за ними на борт взошли Тасия и Кира. Сталкер начал набирать высоту. Оставшиеся заняли второй борт.

— Ну что, суки, взяли «Черных драконов»? Поцелуйте меня в зад! — ликуяще закричал Джарек, глядя на толпившихся вокруг здания агентов, которым удалось выжить.

Он разорвал свою черную футболку, открыв на груди татуировку с изображением оскалившегося волка и надписью: «Homo hominī lupus est».

— Десять, девять, восемь, семь, — хриплым шепотом отсчитывал Безликий, глядя на таймер, — шесть, пять, четыре, три, два, один...

Языки желто-горячего пламени рванулись из окон штаба Разведывательного агентства, стены разлетелись на бетонные осколки, вверх медленно поднимались клубы черного дыма.

— Красиво рвануло! — с замиранием сердца прошептал Безликий, снял очки и протер глаза. — Каждый раз, когда смотрю на это — за душу берет. Так пострадал из-за экспериментов со взрывной техникой, а бросить не могу. Забавляюсь, как ребенок. Ничего не могу с собой поделать.

— Да ты и есть большой ребенок. Только игрушки у тебя посерьезнее, — Тасия ухмыльнулась.

Джарек перекрестился, мысленно благодаря своего бога, и отбросил в сторону детонатор.

— Джарек. Мне нужно серьезно поговорить с тобой, — окликнула его Кира.

— О чем? — несколько удивился анархист.

Кира покачала головой:

— Ты стал каким-то странным...

Джарек тягостно вздохнул:

— Я знал, что ты спросишь. Я не стал странным — одна особенность была во мне изначально.

— Какая?

Глаза Джарека жестко сверкнули.

— Об этом знают только два человека: я и Кэно, — разозлено проговорил он.

Кира схватила его за руку:

— Поверь, ты можешь мне доверять...

Джарек недоверчиво взглянул ей в глаза:

— Побожись.

— Голову даю на отсечение — я могила! — Кира провела большим пальцем по щеке, как это делал сам Джарек. Анархист одной рукой обнял ее, и его губы вплотную приблизились к ее уху.

— Послушай, — шепотом заговорил он, хотя его голос и так заглушался гулом вертолета. — До прихода в клан я был никем — уличным карманником, жалким вором, больше ничего. Я жил на улице, в голоде и нищете, у меня были большие проблемы с законом, и никто не знает, до чего бы я докатился, если бы не «Черный дракон»...

— При чем здесь то, что ты не записал моего номера, оставил на столе рисунки?.. — перебила его Кира.

— Не торопи события, — воскликнул Джарек, раздраженный ее нетерпением. — Меня ценят в этом клане, потому что у меня много навыков. Я способен за пять минут разобраться в устройстве любого механизма, с легкостью взламываю замки, очень метко стреляю и метая лезвия и ножи, так как у меня идеальный глазомер, выполняю самые сложные чертежи в великолепной графике. У меня очень остро развито чувство опасности, я полезный стратег и тактик, потому что могу предугадывать будущее, мои инстинкты меня никогда не подводят...

— Ладно тебе, я знаю о твоих достоинствах. Давай по делу.

Джарек опустил голову и закрыл глаза, прикусив губы. Помолчав некоторое время, он пригладил рукой свои редкие черные с проседью волосы и снова прошептал Кире на самое ухо:

— При всем этом я не умею ни читать, ни писать. Я ударенный головой, у меня аграфия.

Кира замолчала. Она пребывала в растерянности и уже жалела, что начала этот разговор, когда поняла, как тяжело Джареку давалось это признание.

— То есть? — непроизвольно вырвалось у нее.

— Я всегда был безграмотным, даже очень. Благо, техническая одаренность позволила мне в свое время получить мой берет. Я и сейчас выполняю в уме очень сложные вычисления с небывалой легкостью. Но после ранения писать и читать — как отрезало. На самом деле... мне это и не нужно, понимаешь? Мне всегда проще было изобразить на бумаге свои мысли, чем накарябать пару строк. К тому же, хотя, может, это и совпадение, но раньше я разве что угадывал счета матчей, а теперь, как знаешь, я пророк.

— Но рисуешь ты прямо как профессионал, — Кира улыбнулась и погладила Джарека по плечу. Он опустил руку и начал что-то искать во внутреннем кармане жилетки. Джарек протянул Кире затертый листок бумаги, сложенный вчетверо. Кира не решалась взять листок из его рук.

— Держи, — резко настоял Джарек. Кира взяла лист и развернула — это был еще один рисунок, выполненный серым карандашом. На нем она увидела себя, сидящую

на «Харлее» за спиной Кэно, крепко обнимая главаря, и на них обоих были байкерские кожаные жилетки, украшенные значками многочисленных мотофестивалей.

— Да ведь это мы в Стерджисе! — растерянно бросила Кира, широко улыбнувшись в восхищении. — Так вот, что ты там рисовал! Вышло круто, чего не показывал?

— Не только это, у меня оттуда много эскизов на память, — махнул рукой Джарек. — Я не знал, как ты отнесешься, с твоей религией...

Кира дружелюбно улыбнулась ему:

— Посмотри на меня — какая религия? Просто... в тяжелые моменты хочется во что-то, но верить...

— Тут я тебя прекрасно понимаю. Ты только пообещай, что не будешь трепаться о моей дырке в голове. Пророк, ударенный головой — это ж идиотских шуток не оберешься.

— Я уже обещала. За мной не заржавеет.

— Ты славная, — прошептал ей на ухо Джарек и по-дружески поцеловал ее в щеку.

Вдруг она почувствовала резкую вспышку острой боли внизу живота. Лицо ее побледнело, по телу разошелся озноб. Она согнулась, схватившись руками за живот и закусив губы.

— Кира! — закричал Кэно, вскочил на ноги, не смотря на боль, и, подойдя к ней, бережно взял ее за плечи. — Что?!

— Она была ранена, — откликнулся Джарек.

— Это не рана, — сквозь стиснутые зубы простонала женщина.

Кэно крепко обнял ее.

— Сейчас, — прошептал он, — вернемся на базу, Сорокин тебя посмотрит. Он нормальный врач, русские врачи — хорошие специалисты, которые знают свое дело.

— Сколько раз Вася напивался и прогуливал универ? — припомнила Кира. — У него же в итоге диплома нет!

— Да ладно. Обычный соблазн — поехал в другой город, допоздна развлекаться на концерте группы «Мастер». Помнишь:

Я пепел на ветру.

Пыль и пепел на ветру.

Золотистый свет далеких звезд

Спрятан в тайне рок-н-рольных слез.

Пальцы в кровь изранены струной...

Дальше слов он просто не помнил. Русским он владел поверхностно, хотя от Васи и Безликого этот язык знали почти все участники клана, даже молодой Кобра начинал осваивать его. Зато Кэно помнил, что это красивая песня.

— Под эту песню мы с тобой танцевали в баре «Valhalla», — вспомнила Кира и улыбнулась, опустив густые черные ресницы.

Кэно поцеловал ее. Ему также было приятно вспоминать такие безмятежные дни.

Вертолет летел быстро. Кира закрыла глаза. Она пригласилась в объятьях Кэно, и боль немного отступила. Когда Сталкер и второй пилот «Черных драконов» посадили вертолеты, Призрак по просьбе Кэно взял женщину на руки и понес в лазарет, раненый главарь пошел за ним, тяжело дыша и испуганно глядя вперед, но ничего не видя перед собой, кроме фигуры товарища в темно-зеленой форме с рыжеволосой женщиной на руках.

— Вася, твою мать! — крикнул Призрак, остановившись перед дверью лазарета.

Сорокин поспешно открыл дверь.

— Кире плохо, — доложил байкер. — Похоже, не из-за ранения.

Вася взглянул на лицо Кэно. Главарь смотрел перед собой в одну точку, насупив брови, мышцы его лица напряглись до того, что побелели, на левом глазу выступили кровеносные сосуды. Он смотрел с такой душевной болью, страхом и мольбой, как никогда. Он ни на секунду не отрывал глаз от Киры. Боль окончательно изводила ее, нахлынула болезненная тошнота. Женщину уложили на стол, Сорокин отошел мыть руки. Кэно погладил ее по волосам и, понутив голову, вышел из лазарета вслед за Призраком.

— Ты куда собрался? — окликнул его врач. — Ты ранен!

— Забудь обо мне! — отчаянно вскричал Кэно. — Спасай Киру! Живо! Иначе, твою мать...

Он не закончил фразу. Он сел на пол у стены, обхватив голову руками. Он забыл о боли, забыл о неудачной миссии, забыл о том, какие ужасы видел на базе «Красных драконов» — он думал только о Кире. Кэно вспомнил, как впервые поцеловал ее в Афганистане и сразу захотел увезти ее в Америку; как обучал ее ножевому бою и орал: «Да не ссы ты меня ударить! Сейчас я твой противник! Ты должна понять — я твой противник! Давай, детка!»; как танцевал с ней в баре при свете поднятых зажигалок; как сражался против «Красного дракона» вместе с ней и, выйдя живым из смертельной западни, в шутку надел ей на безымянный палец кольцо от гранаты... Поток воспоминаний не прерывался: какой страстный и воинственный взгляд, какая решительность, какая сила духа и воли! Это было в ней всегда, и потому она была так прекрасна. Может, сейчас Кэно снова глядел в свою душу — и в его душе притаился страх перед потерей этой женщины. Он пожалел о том, что наговорил ей утром после секса. Она была с ним, с жестоким головорезом, с моральным мазохистом, с грубым разбойником, с воином, не сумевшим выиграть бой со своим заклятым врагом... Она готова была быть с ним всегда. И чем он отплатил ей? Теперь он всем сердцем хотел забрать все свои ненужные слова назад.

Кэно поймал себя на том, что первый раз в жизни кусал свои грязные пальцы.

— До чего же я докатился?! — подумал он, отплевываясь. — Нервы уже совсем ни к черту!

Главарь осмотрелся вокруг и заметил, что Сорокин вышел из лазарета и направился к нему.

— Вася! Живо сюда! — закричал он.

— Ты грызешь ногти? — с удивлением спросил тот.

— Ага, теперь расскажи это всему клану! — гневно огрызнулся Кэно. — Что с ней?

Вася вздохнул, достал сигареты и зажигалку и, закуривая, начал говорить:

— Значится, так: беременна твоя подруга. Вот только, видать, врезали ей в драке по-крупному — угроза выкидыша.

— Ты сможешь спасти Киру? — скорее приказал, чем спросил Кэно. — Ты обязан сделать это, мать твою! Обязан!

Вася Сорокин развел руками:

— Слушай, я хирург. Я эти дела женские только в общих чертах знаю. Я могу спасти твою женщину, но не сохранить ее ребенка. Я, конечно, сделаю все возможное...

Кэно впился в него глазами, полными отчаянной ярости.

— Делай все возможное! — закричал он. — Кира должна жить, усвоил?! Если она умрет, я тебе башку отрежу! В лучшем случае.

Врач бросил сигарету и глубоко вздохнул.

— Я понял. Не нужно повторять, — ответил он и направился обратно в лазарет.

Кира едва удерживалась в сознании, утрачивая рассудок от боли, ее кидало то в жар, то в холод, сердце бешено колотилось в груди, все тело била дрожь. Вася торопливо расшнуровал и снял с нее ботинки, затем жилетку и топ, стал расстегивать ремень брюк.

— И не смей даже заикнуться о том, что я себе сильно много позволяю! — заявил он, снимая с нее брюки.

Врач ощупал ее живот, Кира простонала от острой боли. Вася вколол ей обезболивающее.

— У тебя сильное внутреннее кровотечение, — заключил Сорокин. — Ничего, красавица, держись. Ты Афган прошла и войну с «Красным драконом» — ты сильная, выкарабкаешься!

Кэно ушел в свой кабинет, достал из ящика стола «Беретту» и стал стрелять в стену. Когда патроны кончились, главарь просто швырнул пистолет в дверь. Он сидел и нервно стучал пальцами по столу, выстукивая мотив «Iron Maiden», подпевая сорванным голосом:

*Show them no fear, show them no pain,
Show them no fear, show them no pain.
Show them no fear, show them no pain,
Show them no fear, show them no pain...*

Последние две строчки он пропел, почти как молитву, с невыносимой болью:

*Iron will, Iron fist,
How could it have come to this?*

Его не занимал вопрос, как и когда он забыл про защиту — мало ли было нетрезвых дней и ночей. Он был обозлен на беспощадный рок за то, что такая обыденная ошибка могла привести к такой угрозе. Именно сейчас! «Красные драконы» играючи вырвались из осады, Разведывательное агентство получило его фото и отпечатки пальцев, верные и достойные соратники погибли, а соклановцы, считавшиеся погибшими, оказались жертвами невообразимых в своей чудовищности экспериментов! А теперь он, лидер клана, боевой отец анархистов, эгоистично думал только о своей женщине! Как можно было назвать это?!

— Кэно! Черт побери, я тебя повсюду ищу! — окликнул его голос Васи Сорокина.

Кэно резко поднял голову:

— Ну что?!

Вася остановился и с облегчением отер со лба пот:

— Кира будет жить. Хотя у нее случился выкидыш, открылось сильное внутреннее кровотечение, но я успел ей помочь. Она сейчас в своей комнате, думаю, скоро придет в себя.

Кэно вздохнул полной грудью и ударил ладонью по столу:

— Я знал, что ты справишься. Сукин ты сын!

— Идем за мной, — махнул ему рукой Сорокин.

Кэно встал из-за стола и, хромая еще сильнее, чем прежде, пошел за врачом. Тот привел его в лазарет.

— И что мы здесь забыли? — недовольно спросил Кэно.

— Да так, пустяки: извлечь из твоего тела две пули, наложить швы, перевязать раны — всего ничего, — с иронией ответил Вася.

— Ну да, ну да, — проговорил Кэно и лег на операционный стол. — Только сделай все побыстрее. Я ее хочу видеть.

— Конечно, Мавадо — уникальный человек, — говорил Вася, оказывая главарю помощь. — Он тебя шпагой проткнул, да? Так вот, проткнул он тебя очень удачно — не задел ни одного жизненно важного органа, ни одного крупного сосуда. Нарочно захочешь так сделать — не получится. И расскажешь — хер кто поверит. Человека шпагой пронзили — а он отделался всего пятью швами! Вот это круто!

— Заткнись, — устало промолвил Кэно. — Мне просто повезло, всего-навсего...

Когда врач закончил свою работу, главарь спешно надел жилетку и решительно зашагал к комнате Киры. Кэно постучался, но ответа не последовало. Тогда он плавно отворил дверь. Кира сразу взглянула на него и устало улыбнулась. Слезы, которых он не видел, уже высохли на ее лице, но в ясных глазах оставалась горькая боль. Женщина лежала в постели, на ней была старая красно-черная клетчатая рубашка главаря с незастегнутыми пуговицами, так что он мог видеть ее стройное, тренированное бронзовое тело.

— Привет, детка... — шепотом проговорил Кэно.

— Кэно! — воскликнула она, встревожившись. — Ты в порядке?

— Вполне, — отвечал главарь, присаживаясь на ее постель. — Скучала по мне?

Кира взглянула на него рассерженно и в то же время небывало грустно.

— Зачем ты врешь? — упрекнула она анархиста. — Я же вижу твои раны. Что эти ублюдки с тобой сделали?! Может, тебе лучше пойти к себе и лечь отдохнуть?

Кэно отказался от предложения.

— Я буду здесь ровно столько, сколько захочешь ты, — пообещал он.

Кира улыбнулась, прикрыв усталые глаза:

— Если честно, то я хочу, чтобы ты был здесь вечно.

Ее красно-рыжие волосы были распущены, Кэно отбросил их назад с ее плеч и прильнул головой к ее груди.

— Ты-то как? — осведомился Кэно.

Женщина ответила тихо и печально:

— Мне до сих пор больно. Ты же все знаешь... — она закрыла рукой глаза, пряча подступающие слезы. — Ты ведь мог стать отцом! К сожалению, уже не станешь...

Кэно закрыл глаза и стиснул зубы. Мысли спутались хаотичным клубком, он не мог разобраться в себе, но знал, что отчетливо чувствует боль. Боль всей своей жизни.

— Эх, детка, мир — такое дерьмо... Даже если... — он запнулся, будто не был уверен в своих словах, — когда мы изменим что-то, все равно! Мир полное дерьмо. В него ни за что нельзя приводить детей. Не в жизни.

Он умолк. А Кира не могла найти ни одного слова, чтобы ему ответить. Она любила этого мужчину, она хотела подарить ему все, что могла, высший знак своей любви, но у нее не находилось ни одного аргумента, чтобы возразить ему! Столько боли, столько гнева, столько признательности за высочайшую честность. Все сказано — и это к лучшему. С этим можно идти дальше.

Слова теперь стали излишними. Зачем они нужны, когда без слов эти люди чувствовали друг друга? Лучше было просто молчать и слушать биение чужого сердца. Джарек сегодня доказал Кире, что можно было полноценно жить без слов. И так было даже намного проще. Искреннее. Ведь все равно порой приходится говорить о чувствах, которых никак не описать. Как много можно потерять настоящих ощущений и переживаний, пытаясь описать их наскучившими, избитыми словами. Нет, так было лучше — глядеть прямоком в души друг друга. Без слов.

* * *

— Они горой друг за друга! — сетовала Соня Блейд, стоя на руинах разрушенного штаба Разведывательного агентства. — Но как я могла так просчитаться?! Я упустила Кэно! Они уничтожили нашу базу! Что теперь будет?!

— Ты хочешь отомстить им за все? Дерзай! — произнес низкий голос за ее спиной. — Ты ведь не думала, что это будет просто, девочка.

Соня резко развернулась и встретила взглядом с суровым мускулистым афроамериканцем, стриженным под площадку, в тактическом жилете цвета «городского» камуфляжа.

— А-а, это Вы, господин майор, — вздохнула она с облегчением, узнав своего спасителя. — Я у Вас в долгу. И, разумеется, готова понести взыскания за то, что так вышло.

— Меня зовут Джексон Бриггс, — представился майор и протянул ей руку. — Но можешь называть меня просто Джакс. Забудь о том, что было, это жизнь: если упал — встань, отряхнись и иди дальше. Теперь у нас одна цель. Я помогу тебе разделаться с ними.

Соня Блейд крепко пожала крупную ладонь Джакса. Похоже, она снова поверила в свои силы.

12. Прощай, Голливуд!

Терроризм не есть нечто беспричинное или нечто коренящееся в каких-то дефектах человеческой биологической природы. Это — явление социальное, имеющее корни в условиях социального бытия людей. Сейчас же говорят о терроризме вообще, полностью игнорируя социальную сущность тех или иных террористических актов. Тем самым стремятся скрыть социальную природу происходящей мировой войны, изобразить её так, будто с одной стороны стоят благородные борцы за благо всего человечества, а с другой — недочеловеки — террористы.

А. Зиновьев «Как иголкой убить слона»

Все началось с ареста Тасии, Тремора и Безликого. Это была первая настоящая удача для Разведывательного агентства после восстановления их штаба. Впрочем, Герман Блейд был недоволен — террористов допрашивали уже вторые сутки, но ни один из них ни слова не проронил о клане «Черный дракон». Нет, эти трое не боялись ни боли, ни смерти. Чего еще можно было ждать от ниндзя с железной выдержкой, женщины, с малых лет практиковавшейся в фехтовании и восточных единоборствах, и специалиста по взрывной технике, который прошел через такую боль, в сравнении с которой любые пытки и истязания просто меркли? Они были преданы только Кэно,

его клану и его идеям, они ждали, что скоро умрут от боли, но молчали. Ибо каждый «Черный дракон» называл смертным лишь один грех — предательство. Иначе бы Тремор не написал собственной кровью на стене камеры одну фразу: «Знайте, мы отдали жизнь за своих».

Соня участвовала в операции по задержанию этих преступников. Герман Блейд должен был признать, что истинно восхитился тем, как той ночью сражалась его дочь. И он оказался не единственным, кто оценил подвиг Сони Блейд.

— С тобой хочет побеседовать один человек, — сообщил ей, допивая утренний кофе, худощавый лейтенант Джейк Беран.

— Кто же? — спросила она.

Беран загадочно ухмыльнулся, поправив на переносице очки:

— Думаю, ты лучше знаешь своих поклонников.

Соня взглянула на него с раздражением и злостью:

— Каких еще поклонников? Кого ты впустил в здание?

— Увидишь! — подмигнув ей, ответил лейтенант и провел ее в кабинет для переговоров, где пришедший ждал встречи. Это был молодой мужчина в очках-авиаторах в стиле Сталлоне с зеркальными стеклами, в блестящей темно-синей кожаной мотокуртке и зеленой рубашке с расстегнутым воротником. Его гладко выбритое лицо с ямочками на щеках озарила белозубая улыбка, незнакомец самодовольно пригладил светлые аккуратно причесанные волосы. Он сидел, закинув ноги на стол, и оценивающе смотрел на Соню Блейд.

— Привет, красотка! С тобой можно поговорить? — спросил он.

— Кто Вы? — гневно потребовала объяснений Соня, положив руку на поясную кобуру с пистолетом. — Что Вы здесь делаете? Кто Вас пустил в здание Разведывательного агентства?

Удивленно приподняв брови, мужчина медленно, даже картинно снял очки. У него были добрые или даже наивные голубые глаза.

— Я договаривался о встрече заранее, — спокойно уведомил он лейтенанта и протянул ей свою визитку. — Я актер и режиссер Джонни Кейдж. Не может быть, чтобы ты ни разу не слышала обо мне, красавица. Скорее, сложно поверить, что это именно я, собственной персоной?

Соня недовольно уставилась на Берана. Лейтенант еще раз простодушно подмигнул ей и вышел за дверь.

— Слышала. Ты снял отвратительный фильм «Гнев в клетке»! — недовольно бросила женщина Джонни Кейджу.

— И получил «Оскар» в номинации «Лучшая драка» за фильм «НWAАААА!!» — отметил актер, многозначительно подняв вверх указательный палец.

— Здесь нужно дать тебе «Золотую малину» за одно лишь название, блондинчик, — с издевкой проговорила лейтенант Блейд, горделиво поставив руки на пояс. — Выкладывай, зачем пришел.

Кейдж улыбнулся, снова пригладив свои слегка кудрявые волосы:

— Остынь, красотка. Я лишь хотел попросить о помощи.

— Какой к черту помощи? — надменно бросила лейтенант.

— В реализации моих творческих планов, — ответил Джонни, и тут его глаза зажглись невообразимым азартом. Он встал из-за стола и, расхаживая по кабинету и резко жестикулируя, начал рассказывать о своей недавней задумке: — Смотри: новый фильм! Боевик, драма, в основе реальные события! Рабочее название — «Внезапное

насилие»! По одну сторону стоят нелюди-террористы, по другую — наш бравый американский спецназ! Это будет безумно круто!

— А мне какое дело до твоего фильма? — спросила Соня Блейд, как ни в чем не бывало, садясь за стол. Джонни с намеком дернул правой бровью и улыбнулся:

— О-о, все наслышаны о твоём противостоянии с Кэно! Если бы это легло в основу фильма...

Соня положила руки на стол и сердито взглянула на актера в упор:

— Блондинчик, если тебе нужен военный консультант, говори с майором Бриггсом! Я не намерена трепаться с гражданскими о своих делах...

— ...О наболевшем, — перебил ее Кейдж, приподняв брови и понимающе кивая головой. — Здесь все только и треплются о том, что Кэно убил твоего напарника Векслера — мир праху его. А у тебя, красотка, с этим Векслером что-то было, да?

— А это уже не твое дело! — рассерженно выкрикнула Соня. — Что тебе интересно узнать? Как людям заживо сердце вырывают?! Боже! Ты самый эгоистичный, самовлюбленный человек из всех, кого я знаю. Выметайся, пока я не позвала службу безопасности!

— Ты забыла добавить «красивый», — усмехнулся актер. — Вот скажи мне, ты читала статью Пола У. С. Уинсера? Он такой, скандальный политолог. И вот, — актер достал из внутреннего кармана куртки газету и развернул ее, демонстрируя Соне передовицу, — статья «Объективный взгляд на идеологию «Черных драконов». Вот: «Теория анархизма Кэно достаточно продумана, но несколько отлична от предшествовавших ей теорий. Он склонен к политике экстремизма. Я не поддерживаю и не оправдываю его методы, но в современных условиях другого способа достичь своей цели у анархистов нет. А если смотреть правде в глаза, то их шанс на успех ничтожен. Даже если им позволят создать анархическое государство, то успешный выход его на мировую арену невозможен по ряду причин. И дело не только в том, с кем именно «отец террора» собрался строить собственное государство. На данный момент мы нашли свой оптимум, назвав им демократию, но должны признать, что и этот строй имеет множество недочетов. Идея анархизма — идеального строя без любого принуждения, апогея равенства, сотрудничества и свобод — красиво и привлекательно звучит, но в современном мире она совершенно неприменима. Я могу дать три к одному, что Кэно это осознает так же, как и я, но упорно идет к недостижимой цели. И внушительное количество людей, исчисляемое тысячами, идет за ним, слепо гонится за мечтой, или же увлечено самим процессом разрушения старого мира. Нельзя отрицать того, что Кэно притягателен в своем противостоянии официальной власти. Он действует целеустремленно и жестко, без принципов и компромиссов. Поддержать Кэно — единственный доступный способ реально плюнуть в лицо действующей власти. Я уверен, что мои коллеги не знают или предпочитают не замечать того, сколько людей на самом деле желает выразить свое недовольство таким радикальным способом. Хотя, после всего, что натворила обезьяна в президентском кресле, этих ребят можно понять». Ну как? Его статья наделала невиданную шумиху, насколько понимаешь — уверен, вы здесь и так в курсе. Тебе не кажется, красавица, что народ поддерживает «Черных драконов», скрыто симпатизирует им? Если бы вышел фильм, где они были бы изображены врагами народа...

— А ты умеешь добиться своего, — нехотя согласилась Соня Блейд. — Что ж, снимай фильм о терроризме. Только я должна видеть твой сценарий, иначе ты пойдешь под суд за клевету. Ясно, блондинчик?

Джонни Кейдж подмигнул ей и кляцнул пальцами:

— Заметано, красотка!

* * *

— Кэно, у нас новые сведения о Мавадо, — начал докладывать Кобра, войдя в кабинет главара. — «Красные драконы» собираются выбросить на улицы очередную партию наркотиков... если это можно так назвать. Никто не знает, что это за дрянь... — он запнулся. — Э-эй, Кэно! Ты слушаешь меня?

Кэно сидел в кресле, накрытом старой шкурой койота, сгорбив спину и не поднимая головы. Неподвижное, словно каменное, лицо, освещенное красными отблесками, было хмурым и угрюмым. Он глядел в одну точку, левый светло-карий глаз блестел — похоже, вожак был пьян.

— Меня не волнует их гребаная наркота, когда мои люди за решеткой! — пробурчал он. — Они освобождали меня, рискуя всем, а я ни хера не могу для них сделать!

— Но у нас же был план... — Кобра развел руками, удивленно приподняв брови.

— Да что, они в агентстве, по-твоему, полные идиоты?! В тот раз эти ублюдки вас не ждали, да еще и так сразу. Такое канает лишь один раз. Естественно, теперь они будут подготовлены к подобным визитам. Призрак развеывал, там даже подступиться нельзя. Джарек предлагал импровизировать. Но он в прошлый раз доимпровизировался так, что чуть не потерял руку! Про то, что с Кирой случилось, вообще молчу. Чтоб так еще раз, сука — нет, не в жизни! Нужен другой план.

Он достал банку пива и начал неаккуратно пить, проливая добрую часть себе на грудь.

— Слушай, Кэно, — вспомнил Кобра еще одну новость, — тут слух прошел, что в Голливуде будут снимать фильм о терроризме...

— И че? — безразлично фыркнул главарь.

Кобра подавленно ответил, потупив взор:

— Поговаривают, главные злодеи в фильме — «Черные драконы».

— Мать твою за ногу! — выругался Кэно, смяв в руках пустую жестяную банку. — Какого ушлепка это идея?

Подручный почесал затылок и доложил:

— Да этого... недоноска Джонни Кейджа.

Кэно сел ровно и деловито сложил руки куполом, пытаясь сосредоточиться, но хмель не давал ему в полной мере сделать это.

— С этого места поподробней, — попросил он.

— Знаешь, кто его военный консультант? — задал Кобра риторический вопрос. — Соня Блейд!

Глаза Кэно вспыхнули, он вскочил из-за стола, коварно скаля зубы.

— Вот и план! — воскликнул он. — Простая истина: хочешь сделать больно объекту — бей рядом. Это твое боевое задание, Кобра: приведи мне сюда этого траханого актеришку!

Кобра улыбнулся и притопнул ногой.

— Я сделаю все, что от меня зависит, босс! — дал обещание он.

Кэно подмигнул ему левым глазом:

— Ох, пощекочем нервишки Соне — героине Америки, чтоб ее!

* * *

Джонни Кейдж был поначалу рад, что лейтенант Блейд приняла его приглашение на студию и согласилась посылить помочь в работе над сценарием. Но он провел с ней на студии целый день, и за двенадцать часов непрерывной беседы она наговорила ему с лихвой того, что трудно было переварить. Он незаметно принял двойную дозу успокоительного, несмотря на то, насколько неспортивно это было. Он держал отработанную годами улыбку и с беспечным видом пытался флиртовать с женщиной, которая была так холодна и сурова, но прекрасна — просто Сара Коннор в реальной жизни! Увы, ее реакция на его заигрывания была подобна ударам серпом по яйцам.

Однако Джонни нужно было сосредоточиться не на провальных попытках очаровать Соню, а на том, что он сумел получить то, что было нужно, и должен был двигаться вперед. Он детально записал все, что рассказала лейтенант Блейд, и поместил записи на стену рядом с основными тезисами политологических статей о современном терроризме. Ему нужно было доработать сценарий, собрать из этих паззлов глубокую, пугающую, напряженную, но максимально политкорректную драму. Только так Кейдж мог спасти свою карьеру. Хиты видеосалонов остались в прошлом, а он так и не стал культовым актером, в отличие от своих известных на весь мир конкурентов, и дело было не только в недостаточно брутальной внешности. Джонни никогда не уступал им — он держал себя в отменной форме, он был упорным трудягой в боевых искусствах, он всегда сам выполнял свои трюки. Но актеру катастрофически не везло: с режиссерами, сценаристами и больше всего с партнерами по площадке. Именно из-за них уходили в брак многочисленные дубли, из-за них не удавалось работать в полную силу своих возможностей, из-за них и поползли все эти слухи, будто на самом деле Джонни Кейдж ничего не умеет.

Теперь он не мог доверять никому и взял все в свои руки. Все или ничего! Кейдж постоянно суеился на площадке — несмотря на все усилия, снова не все складывалось должным образом. То неисправность аппаратуры, то плохие погодные условия, то массовка напрочь отказывалась делать то, что просил режиссер. К тому же Ричард — актер, приглашенный на роль главного злодея — был совершенно не похож на лидера анархистов, а Шахмали — актер и каскадер с приличным опытом и хоть каким-то портретным сходством — не был доволен гонораром. Но Джонни все еще хотел побороться за эту звезду — ведь очень часто культовым фильм делают именно антагонисты. Для этого он должен был качественно отснять отрывок, который сможет убедить, заинтересовать, впечатлить... и доказать, что Джонни Кейдж — не липа.

Он упражнялся в зале регулярно и с полной отдачей, несмотря на травму нескольких пальцев на ноге, которую уже успел получить на площадке по нелепой случайности — из-за падения аппаратуры. Он усердствовал, пусть для этого приходилось прибегать к анальгетикам и успокоительным. Джонни пребывал на грани нервного срыва, но никто не должен был узнать об этом. И он сохранял лицо.

Съемки «рекламного» отрывка фильма должны были начаться в пригороде Нью-Йорка. Естественно, большая часть эпизодов должна была быть отснята в темное время суток. Кейдж вышел на площадку в зеркальных «авиаторах» и сером

тактическом жилете, с жетоном Разведывательного агентства на шее. Он шел развязной походкой, с надменным лицом человека, готового задать жару всему миру. Но для начала нужно было построить массовку.

— Задача всем ясна, теперь прогоним сцену! — прокричал он, стоя перед десятком молодых мужчин, одетых в камуфляж или черную кожу. — Ну что, потанцуем?

Кейдж размял шею и плечи и принял боевую стойку. Он был готов играть агента, героически прорывающегося к цели — к одному из высокопоставленных членов террористической группировки — через толпу натравленных на него бандитов-анархистов. Первым с ним столкнулся крепкий парень с длинными русыми волосами. Он пошел в атаку, и удары его оказались неожиданно уверенными и сильными. Джонни отошел от парня и внимательно посмотрел в его серые глаза — эти глаза скрывали какое-то намерение.

— Это только прогон, здесь не нужно так усердствовать! — прикрикнул на русого бойца Джонни Кейдж. — Боевые сцены — это не импровизация! Все должно быть отточено! И где только вас таких набрали?

Он отвернулся и недовольно глянул на своего агента.

— Господин режиссер, чего ты такой нервный? — лукаво бросил ему за спиной русский парень. — Может, тебе надо отдохнуть?

Неожиданно боец в косухе бросился на актера с кулаками. Джонни опешил, но пригнулся и заблокировал удар. В следующий миг Кейдж легко сел на продольный шпагат и ударил кулаком вверх, в пах русому парню. Дерзкий боец согнулся, корчась от боли и скуля. Джонни Кейдж вскочил с земли с ликованием на лице, но тут все остальные актеры массовки разом бросились на него. Парни сумели одолеть охрану и обратить в бегство практически всю съемочную группу, кроме Джонни, которому они не были намерены позволить уйти. Русский парень в косухе надел на Кейджа наручники, завязал ему черной банданой рот и погрузил актера в его же трейлер, на котором банда быстро укатила во тьму ночи.

* * *

— Я взял молодых соклановцев, рожи которых еще нигде не засвечены, но у которых есть нормальные навыки единоборств, — отчитывался Кобра перед главарем о проделанной работе. — Нам удалось попасть в его массовку. Взяли его считай без лишнего шума. Правда, этот дегенерат врезал мне по яйцам, — пожаловался парень. — Жесткий тип этот Джонни... как там его гребаная фамилия? А я еще в детстве даже фильмы его смотрел! — Кобра с демонстративным отвращением плюнул в сторону.

— Что ж, молодец — твоя удача! — сдержано похвалил его Кэно. — Сейчас Призрак разукрасит эту смазливую рожу. Голливудская улыбка — половины зубов нет! Повезло этому сученку, что будет иметь дело не с Тремором. А ты пока набери один незамысловатый текст. Потом объясню, что тебе с ним делать дальше.

— Хорошо, — согласился парень, тряхнув русой шевелюрой.

Он сел за компьютер, Кэно продиктовал ему несколько предложений и попросил распечатать. Сам же главарь отдал какое-то поручение компьютерному гению Дракуле и побрел посмотреть на заложника. Джонни Кейджа держали на нижнем ярусе базы привязанным к стулу. Призрак грязным потрепанным полотенцем вытирал кулаки.

Лицо актера опухло от побоев, из сломанного носа струилась кровь, несколько ее капель скатилось с его гладко выбритого подбородка.

— Больно, да? — насмехался над ним байкер. — Зачем же лез, куда не надо?

— Ты разбил мои очки за пятьсот баксов, придурок! — огрызнулся Кейдж.

— Ты хочешь, чтобы мы купили тебе новые? Только на твои похороны, Джонни!

Кейдж обомлел от ужаса, услышав хриплый голос Кэно. Террорист уставился на него так зло, что актер потерял дар речи от страха. Конечно, в исполнении Ричарда этот преступник не выглядел так устрашающе — взгляд был не тот. Взгляд Кэно был просто дьявольски тяжелым — он давил на подсознание, холодил кровь в жилах. Кейдж еще никогда не встречал людей с таким взглядом.

— Ну что, актеришка, — прохрипел Кэно, — мы тебе устроим фильм про терроризм! По всем каналам крутить будут. Называется: «Смерть Джонни Кейджа!» Если только твоя телка тебя не спасет.

* * *

Переполох в Разведывательном агентстве по поводу происшествия на съемке фильма набирал обороты. Соня Блейд не находила себе места — никаких зацепок по поводу того, что случилось с Джонни, Джакс на время отошел от дел, ничего не объясняя, да еще и какой-то хакер влез в базу данных агентства. Хотя, на взлом базы данных, если уж говорить честно, ей было наплевать. Она знала, на какую жестокость были способны эти беспринципные преступники — «Черные драконы».

Участники съемочной группы мало что смогли рассказать, описания актеров массовой были скудны и отрывочны. Директор по кастингу находился в реанимации с тяжелой черепно-мозговой травмой, а найти его документацию не удалось. Четких доказательств того, что к исчезновению актера были причастны анархисты, не обнаружилось, но Соня подозревала именно «Черных драконов». Зачем только Кейдж влез в их дела? Зачем задумал снять про них фильм? Зачем полез на рожон? На его студии лейтенант Блейд была строга к нему, но в ходе многочасового разговора чувствовала растущую убежденность в том, что актеру стоит помочь. Он взялся за правильное дело, с достойной целью. Он не был воином, побитым жизнью — она видела в его глазах, насколько он был не готов столкнуться с лицом реального зла. Однако Кейдж настойчиво шел на эту встречу, не попросив ни разу смягчить удары правды, а для этого требовалось огромное мужество.

Эксперт принес лейтенанту вещественное доказательство, обнаруженное на рабочем месте директора по кастингу. Непосредственно в день похищения Джонни Кейджа оно найдено не было, а появилось сутками позже. Это был конверт. Соня Блейд осторожно вскрыла его. Внутри оказалось письмо, которое предназначалось ей:

«Лейтенант Блейд! Если твой голливудский гаденыш тебе дорог, отпусти троих «Черных драконов» взамен на него. Даю тебе трое суток на раздумье, детка. С любовью, Кэно».

Соня почувствовала горьким ком, вставший поперек горла. Он вскочила и нервно зашагала по кабинету в испуге и растерянности.

— Кэно! Ну конечно, но Джонни-то за что?! — удрученно бросила она.

Соня Блейд сорвалась с места и побежала искать майора Бриггса. Джейк Беран сообщил ей, что Джакс находится в госпитали. Такая новость окончательно выбила женщину из колеи — не хватало еще, чтобы и с ее напарником что-то произошло! И

если бы вдруг Кэно оказался замешан еще и в этом, это стало бы последней каплей. Лейтенант Блейд даже не могла представить, что в этом случае она готова сделать. Но, к счастью, все оказалось не так страшно.

Джексон Бриггс пребывал в медицинской лаборатории. Он лежал на столе, его обступила команда ученых, делавших что-то с его руками. Соня присмотрелась внимательнее — в руки майора вживлялись какие-то механизмы.

— Майор Бриггс? — воскликнула лейтенант. — Боже, что ты делаешь с собой?

— Джакс, — поправил майор напарницу — он упорно не хотел, чтобы та называла его по фамилии. — Это кибернетические усилители, — пояснил он, увидев, как Соня Блейд уставилась на его руки. — Подробнее расскажу, когда все закончится — это подготовительный этап, будет еще одна операция. С чем ты пришла?

— Вот, — агент поднесла письмо к глазам Джакса так, чтобы тот мог прочитать.

— Что мне делать, Джакс? — осведомилась она в полном отчаянии.

— Ни в коем случае не соглашайся на их условия! — резко приказал майор. — Продолжай допрос террористов.

Приказ ударил Соню в сердце.

— Но ведь Джонни у них в заложниках! — воскликнула она.

— Какой к черту Джонни? — не понял Джакс.

Соня понурила голову и прошептала:

— Кейдж...

Майор ухмыльнулся, как ни в чем не бывало.

— И что? — бросил он. — Подумаешь — актер! Что, без него Земля вертеться перестанет? Да жизнь одного ничего не стоит, когда погибнут миллионы! А именно так и будет, когда эти трое «Черных драконов» выйдут на свободу! Ты ведь этих гадов прекрасно знаешь! Вот и не делай глупостей.

Соня покорно удалилась, скрывая негодование и категорическое нежелание мириться с таким положением дел. Она вернулась в свой кабинет и заперла двери, чтобы никто не мог ее побеспокоить. Она погрузилась в тревожные раздумья. Что-то в глубине ее собственной души искушало ее не выполнить приказ.

— Чего стоит жизнь одного, когда погибнут миллионы? Но ведь каждый человек нужен для чего-то. Всегда есть тот, кому он дорог! Ведь жизнь каждого человека — это не пустое место.

Женщина понурила голову и закрыла глаза, пытаясь определить, что же на самом деле она чувствует. Чувства не должны были диктовать решения, но только распознавая чувства и воспоминания, возможно было обрести над ними власть... Сейчас же они властвовали над ней, что было непростительно. Конечно, лейтенант Блейд не верила, что способна за два дня полюбить этого человека, но ведь это не значило, что она сможет легко отдать его на смерть в лапы террористов.

Когда-то давно — около двадцати лет минуло с тех пор — Герман Блейд сидел у камина в своем уютном особняке. Соня сидела на коленях отца, с интересом рассматривая его военную форму и планки наград на груди. За окном шел снег. Он падал огромными тяжелыми хлопьями, залепляя оконное стекло, ветви деревьев гнулись под его тяжестью, сосед Блейда лопатой расчищал дорогу перед автомобилем. Герман Блейд покуривал трубку, подаренную в свое время сослуживцами. Соня спросила его, для чего он воевал. Ей тогда было совершенно непонятно, почему люди воюют, после всех бед, что приносили войны, почему они продолжают становиться

солдатами. И тогда Герман Блейд рассказал дочери древневосточную притчу неизвестного философа:

«Ученик спросил учителя: «А может ли в мире что-то решить один человек?». Старый философ ответил: «Видишь, идет снег. Видишь вон ту ветку? Я сидел и считал падавшие на нее снежинки. Их было миллион триста восемьдесят пять тысяч двести семьдесят две. И когда на ветку упала миллион триста восемьдесят пять тысяч двести семьдесят третья снежинка, ветка обломилась. А теперь сам решай, чего стоит жизнь одного человека».

— Мы за это воюем, — добавил он, затягиваясь трубкой. — Мы идем на все ради каждого гражданина страны, которого нужно вернуть живым домой, к его родным. И в этом наша сила.

Тогда, в детстве отцовская притча казалась ей смешной и глупой, а сейчас, когда жизнь не безразличного ей человека висела на волоске, рок сам заставил вразумить ее смысл. Кейдж был не безразличен еще множеству людей, его нужно было вернуть домой. Он гражданин страны, и даже больше.

— А что изменит арест этих троих террористов? «Черный дракон» — международная террористическая организация, в нее входят тысячи людей! Так что, гибель троих из них что-то изменит, спасет миллионы? Нет, мы только потеряем такого человека, как Джонни. Замечательного человека...

Лейтенант Блейд пребывала в уверенности, что у Кейджа была очень чистая душа. У нее не шло из головы его наивное лицо с ямочками на щеках, его добрые светло-голубые глаза и его приятный мягкий голос. В чем-то он оставался ребенком, мальчишкой, который любил хвастовство и крутые драки, но как он рассказывал о своей новой идее! Безумные жесты, огонь в глазах, азартная улыбка и вдохновенные слова. В этой невоплощенной идее он вырос. Он становился мужчиной, защищающим идеалы.

— Сколько он задумал! И сколько из задуманного им не сбудется! Может, его фильмы и не шедевры, но... он жил ими. И из-за них теперь должен погибнуть? Нет. Он творческий человек, но искусство не получит эту жертву! Он хочет сделать что-то действительно стоящее, добиться в жизни чего-то настоящего. Он должен, он заслуживает жить.

* * *

Через три дня лейтенанту Блейд позвонили со скрытого номера. Знакомый грубый сорванный голос проговорил:

— Привет, детка. Скучала по мне?

Соня почувствовала, как у нее по спине пробежал холод. Она собрала все самообладание, чтобы голос остался ровным:

— Откуда у тебя этот номер, грязный мерзавец?!

— Вашу базу данных ведь взломали, не так ли, детка? Не пытайтесь запеленговать звонок — мы не стоим на месте. Так что же ты решила насчет моего предложения?

Соня, закрыв глаза, сделала глубокий вдох. Сердце в груди заметалось, как зверь в клетке, все тело пробирала зябкая дрожь. Ее губы беззвучно двигались, но слова так и стыли в горле, пока она не выбросила всю силу на одну-единственную фразу:

— По рукам, Кэно!

Кэно хрипло рассмеялся.

— Вечером приезжай на пустырь что возле бара «Golden Dragon» в чайна-тауне Квинса. Я с нетерпением жду возвращения моих людей. До встречи, детка.

Кэно сбросил вызов. Соня прикусила губы и сжала кулаки. Она приняла решение, от которого больше невозможно было отступить.

Три пары наручников, три ключа от трех тюремных камер.

— На выход!

На слове выход голос лейтенанта дрогнул. Служитель закона, агент специального подразделения по борьбе с терроризмом? Нет. Она чувствовала себя преступницей. Власть безжалостного и безразличного рока обратила ее в союзницу своего злейшего врага.

— Сделка с Кэно! До чего я дожила?! Быть в сговоре с врагом народа! Нет... Нет... Эта сделка спасет жизнь. Жизнь очень хорошего человека.

Темнота пеплом покрывала головы и плечи террористов. Улыбка сверкала на покрытом слоем запекшейся крови лице Тремора. Соня сглотнула ком, вставший поперек горла, и указала арестантам дорогу к выходу из здания.

— В машину! — приказала она, открыв дверцу серого автозака.

Тремор продолжал улыбаться, кровь запеклась даже на зубах под разбитыми губами. Он последним зашел в машину, и Соня закрыла за террористами дверцу автозака, села в кабину и завела мотор. Она пыталась делать все как можно быстрее, чтобы избежать мучительных, самообвинительных мыслей. Она выезжала с территории штаба Разведывательного агентства очень осторожно, стараясь не наделать лишнего шума, но как только массивный забор, увенчанный колючей проволокой под напряжением, остался позади, она максимально прибавила скорость.

— «Golden Dragon»... «Golden Dragon»... Там все закончится... Все закончится...

Автозак въехал на разбитую дорогу позади пустующего бара. Единственный во всей близлежащей округе фонарь слабо мигал, озаряя пустырь и свалку вблизи него секундными вспышками тусклого света. У Сони внутри все похолодело от страха, на лице женщины выступил холодный пот. Она сняла кепку и стала напряженно обмахиваться ее козырьком. Ей было не по себе.

На дороге за свалкой сверкнули фары. На пустырь въехали три черных автомобиля — два джипа и тюнингованный Ford Granada GL. Из джипов вышли люди — восемь мужчин в черной одежде. Четверо обошли машину Сони Блейд и перекрыли дорогу, по которой она заехала на пустырь. Еще четверо перекрыли ход через свалку, откуда приехали они сами. В петле черного плаща одного из них лейтенант заметила дробовик, у другого на поясе сверкнули гранаты.

— Она здесь, — довольно протянул сорванный голос мужчины, выходящего из «Форда». — Как раз вовремя. Люблю пунктуальных женщин!

— Кэно? — крикнула Соня, осторожно выходя из кабины автозака. — Это твои люди?

— Нет, — развязно ответил террорист. — Мужики просто погулять вышли.

Соня осознавала — дороги отсюда у нее уже не будет, если сделка не состоится. Она открыла дверцу кузова.

— Всем из машины! — приказала она.

Тасия и Безликий вышли и отошли в сторону, Тремор стоял перед Соней Блейд и смотрел в ее ярко-голубые глаза. Фонарь над свалкой включился на несколько секунд, озарив лицо ниндзя — по этому лицу все еще стекала кровь.

— Ну же, детка, — подгонял Кэно женщину в форме. — Снимай с ребят браслеты.

Соня метнула на его гневный взгляд, полный самоотдачи и уверенности:

— Сначала выполни то, что пообещал, бандит, — отпусти его!

Кэно опустил голову и чуть слышно захохотал:

— Ты права, детка, — я бандит. Но слово я свое держу.

Он открыл заднюю дверцу «Форда» и за воротник жилета вытащил из салона Джонни Кейджа. Кэно разжал пальцы — актер без чувств упал на землю. Соня вздрогнула, во всем ее теле почувствовалась слабость, от испуга она с усилием стояла на ногах. В такой ужас поверг ее вид Джонни — его зеленая футболка была изодрана и перепачкана засохшей ржавой кровью, его спортивное тело покрывали огромные кровоподтеки, а лицо опухло от побоев.

— Не волнуйся, детка, он жив, — Кэно подошел к Кейджу и снял с него разбитые зеркальные очки — голубые глаза актера были широко распахнуты, он с надеждой смотрел на Соню Блейд.

— Что ты с ним сделал, урод! — в отчаянии закричала лейтенант.

— А что вы — суки — сделали с моими людьми?! — яростно прокричал Кэно.

Соня тут же попыталась подойти к Джонни, но грубая ладонь Кэно вцепилась ей в плечо:

— Сначаланими наручники с ребят! — прорычал он.

Женщина дрожащими руками достала ключи. Тасия первой направилась к Кэно и погладила его по плечу.

— Мы верили в то, что ты найдешь выход! — восторженно поблагодарил главара Безликий.

Тремор еще раз улыбнулся Соне Блейд и также пошел к своим соклановцам.

— Ты не забудешь мою улыбку, — со злостью проговорил он.

Кэно заулыбался:

— Умница, детка. Послушалась папочку.

Соня Блейд бросилась к Джонни. Актер из последних сил поднял голову. Женщина обняла его.

— Скажи что-нибудь, Джонни! — умоляла она, но Кейдж только с грустью смотрел в ее слезящиеся глаза.

— Не скажет, — бросил Кэно, — челюсти сломаны. Пришлось проучить — чтобы ерундой не занимался!

Террористы сели в черные автомобили и уехали прочь, на время разорвав светом фар темноту ночи, которая, как портал в иной мир, вновь срослась, поглотив их. Соня осталась на пустыре, склонившись над Джонни.

— Я... — заговорила она, но запнулась — слова не хотели срываться с губ. — Я... Я надеюсь... Нет! Я верю, что мое решение было верным... потому что... — она уверенно собрала силы и высказала: — потому что хватит мне смертей.

* * *

Майор Бриггс был в ярости. На его лице была настолько злующая гримаса, что, казалось, он вот-вот превратится в зверя и загрызет свою напарницу, послушавшуюся его, но лейтенант Соня Блейд смотрела на него без страха и даже с насмешкой, так игриво-издевательски поблескивали ее синие глаза.

— Соня, что ты наделала? — кричал Джакс во все горло, впадая в настоящее бешенство.

— Спасла жизнь человека, — уверенно отвечала женщина.

— Ты проигнорировала мой приказ! — он рычал на нее, будто разъяренный лев. Видимо, ей повезло, что после медицинского вмешательства движения его покрытых бинтами рук пока были ограничены.

— Я за советом приходила — не за приказом, — говорила Соня твердо, как ни в чем не бывало.

— Вот как? Что, это любовь? — в голосе майора появился сарказм. — А Векслер забыт. Пусть кормит червей дальше, правда, девочка?

Голубые глаза женщины сверкнули, как две молнии в грозовой ночи.

— Что?! — в негодовании прокричала она.

Джакс встал к ней вплотную, сердито глядя на нее свысока.

— Сколько лет Векслер проработал с тобой, рисковал жизнью, — отчаянно припомнил он. — Как ты могла втрескаться в Кейджа по уши за два дня?

Сердце Сони Блейд сжалось в груди. В памяти всплыла мрачная серая картинка — старая церковь, кладбище и свежая могила. «Это был мужественный человек», — произносил эпитафию святой отец. Высокий седой мужчина обнимал Соню, пытаясь успокоить. «Я знаю, мой сын любил тебя, его душа будет рядом с тобой всегда». И слезы снова выступили на глазах. Еще одна картина воспоминаний: темный переулок, мрачный силуэт, нож, кровь из вскрытого горла, тяжелый ботинок террориста на груди умирающего полицейского... «*Love is a razor and I walked the line on that silver blade*». Лучше было умереть, чем пережить все это еще раз!

— Векслера не вернуть! — категорично сказала Соня. — Как и моего брата. И смерть еще одного человека мне не нужна!

* * *

— Кэно! — взъерошенный Кобра в мокром от пота кимоно ворвался в кабинет. — Кэно! У меня возникла проблема. С прихвостнями Мавадо...

— Засунь себе в зад свою гребаную проблему с Мавадой! — гаркнул на него Кэно, ударив о стол пустым бокалом. На столе стояла опустевшая бутылка виски.

— Дела, видимо, плохи, раз ты снова так пьян... — понял Кобра по его гнусавому невнятному голосу. — Что произошло?

Кэно взял газету, валявшуюся посреди стола, и швырнул ее в парня. Кобра поймал газету в воздухе и развернул ее.

— Смотри в газету! — буркнул главарь. — Забери ее себе! Можешь ею подтереться!

— «Джонни Кейдж вернулся на съемочную площадку»... — прочитал Кобра. — Ага... А тебе какое теперь дело до этого актеришки? Мы же освободили наших.

Полный недоумения взгляд серых глаз парня встретился с мутным и злым взглядом Кэно. Кобра вздрогнул и мысленно дал себе зарок выбирать выражения, чтобы не раздраконить главаря окончательно.

— Фильм про терроризм! — с презрением бросил Кэно. — Фильм, мать его, про терроризм!!! Моих людей неделю допрашивали, все трое до сих пор в лазарете, а этот недоносок уже вышел из больницы и снова за свой фильм! Он еще в палате дописывал сценарий и доукомплектовывал свою гребаную команду, пока лучшие хирурги страны

чинили его бесценную смазливую рожу! И чем этот траханный сученок заслужил красиво жить и не знать, что такое подыхать от потери крови и от грязи гнить заживо?! Но в глазах общественности он очередной герой! Вот что за дело!

— Справедливости в этом нет, но так же всегда было, — простодушно ответил подручный. — Ведь потому и воюем. А этот актеришка... Ну, пусть снимает себе свой дебильный фильм — это ж не наше дело?

— Ага! А на сюжет тебе насрать? «По одну сторону — бравый американский спецназ, по другую — недочеловеки-террористы»! — процитировал Кэно статью о сюжете фильма. — «Недочеловеки-террористы» — это мы! — пояснил он Кобре, который никак не мог понять, в чем дело. — Круто, правда?!

Парень усмехнулся. Он не видел в этом проблемы и повода портить себе нервы лишний раз.

— Да неужели тебе не один хрен, что покажут в этом боевике? — удивился он. — Его за пару месяцев забудут, как и все прочие фильмы Кейджа! Проще надо быть!

— Проще?! — опешил Кэно от такого простодушного подхода. — А ничего, что многие нас и так считают быдлом, которое убивает всех без разбору?! И им абсолютно наплевать на то, что мы боремся за величайшую цель! СВД мне в зад! Вот, у Кейджа цель — фильм снять! Конечно, эта цель куда выше, чем намерение построить свободное государство для свободных людей! Эй, куда ты? — прервался и спросил он, увидев, что парень от него отвернулся.

Кобра не собирался никуда уходить. Он просто сел на пол у стены и закурил сигарету.

— Ты прав, Кэно, — угрюмо промолвил он. — Им плевать на нашу цель. Они попросту... игнорируют ее. Это не значит, что им на самом деле на нее наплевать. Просто... так проще.

— Что проще? — не понял Кэно.

Кобра тяжело вздохнул, выдыхая облако дыма:

— Вбить в голову общественности, что мы — враги народа. Так ты что-то намерен делать с ним? — поинтересовался он о Джонни Кейдже.

Кэно с коварным видом потер свой крепкий тяжелый кулак и холодно ответил:

— Убью его. И я уже написал статью в «Веселый Роджер», почему я это сделал!

* * *

Джонни Кейдж вышел из спортзала, обливаясь потом. С белыми боксерскими бинтами на руках, в черно-синих спортивных штанах и кроссовках утомленный тренировкой актер выглядел мужественно. Он надел темные очки, чтобы никто ненароком не увидел безмерной горечи в его глазах. Не принимая душ и не спеша переодеться, Джонни взял телефон. Ему нужно было срочно выплеснуть эмоции. После того, что он пережил, оказавшись заложником, и последующего лечения привычные анальгетики больше его не брали.

— Почему у нас ничего не готово? — сетовал Кейдж по телефону на своего агента. — Ты договорился о месте съемок? Почему? Премьера в 2007 — у нас от силы год без постпродакшна. Я хотел начать уже через неделю, а мы еще не нашли никого на роль главного антагониста! Что? Я же ясно сказал, что Ричард не будет играть Кэно! Что? Я не работаю попугаем, чтобы двадцать раз повторять. Да потому что в исполнении вашего Ричарда Кэно выглядит, по меньшей мере, глупо! Я тебе еще раз

говору — я этого бандюгу встречал в реальной жизни! Не знаю, найдите кого-то малоизвестного, хоть с улицы возьмите, но чтобы был похож! Я же говорил: главное — это взгляд. Я хочу, чтобы у него были безумные глаза, холодный дикий взгляд, прожигающий душу... Ищите, где хотите! — он бросил трубку. — Прекрасно! На нем весь фильм держится, а у нас нет актера! Мне край...

— Хочешь, я сыграю? — спросил сорванный голос, от которого у актера по спине пробежал холод. Этот голос он узнал сразу.

Кейдж медленно обернулся, будто заранее ощущая холодный клинок между своих лопаток. Красный свет ослепил его глаза. Это был блеск стальной пластины на лице бандита.

— Как ты проник в здание? — невольно проронил Джонни.

— Нечего было набирать в охрану таких задохликов-молокососов, — прорычал, усмехаясь, Кэно. Он достал из внутреннего кармана жилетки золотой портсигар с гербом «Черных драконов» и взял одну сигару. — А я предупреждал тебя, Джонни, — продолжал он, спрятав портсигар и достав зажигалку, — не надо лезть не в свое дело.

Он взял сигару в зубы и зажег ее.

— Вижу, ты купил новые очки, — продолжал язвить преступник. — Как раз на похороны, Джонни.

Актер совладал со своим страхом и решил провести свой коронный прием — он сел на шпагат и ударил кулаком вверх. Кэно перехватил его руку и ударил о свое колено. Переломанные кости клацнули, Кейдж застонал, корчась от боли на полу.

— И этого не нужно было делать, — спокойно молвил Кэно.

Джонни встал на ноги и попятился назад, убрав сломанную руку за спину. Кэно закрыл и спрятал зажигалку, обильно выдыхая сигарный дым. Кейдж бросился вперед, пытаясь в прыжке нанести удар ногой, но неожиданно Кэно развернулся и засветил ему в пах кулаком. Джонни упал, в глазах у него потемнело.

— Понял, каково это? — ехидно спросил Кэно.

Джонни не слышал его слов, он ничего не соображал от боли, только жалобно скулил, как щенок, в которого кинули камень. Кэно подошел к актеру и взял его за горло медвежьей хваткой.

— Я бы вырвал тебе сердце, ушлепок, — прорычал он, — но слышал, твое сердце принадлежит Соне Блейд. Про меня говорят, что я наемник, вымогатель, грабитель, только все это клевета. Я всего лишь террорист и бунтарь. И клевету не потерплю. Твоя идея была ошибкой, Джонни. Я, как и жизнь, не прощаю ошибок.

Кэно замолчал. Тишину на миг нарушил резкий хруст и глухое падение мертвого тела со свернутой шеей. И звон... Звон падающих на пол черных очков за полтысячи долларов.

* * *

Соня Блейд была единственной «простой смертной» среди звездной голливудской толпы, собравшейся на похоронах актера. Здесь были даже такие высокие гости, как известный на весь мир культовый режиссер Мастер Бойд. Плечом к плечу с ним стоял Ричард — бандитской внешности бритоголовый тип с трехдневной щетиной и отвратительной улыбкой, которую особенно уродовала щель между передних зубов.

— Жаль, что я стал известен, когда меня взяли на роль такого ублюдка, — проронил актер. — К счастью, фильм так и не сняли.

Мастер Бойд только покачал головой.

— Джонни искренне жаль, — проговорил режиссер. — Он был настоящим бойцом. Уж я-то знаю — его достижения были настоящими, он посвящал много времени тренировкам и сам выполнял все трюки. Фильмы его, конечно, стандартные боевики, какие нравятся пацанам лет десяти — двенадцати. Но ему нравилось снимать эти фильмы. Он вкладывал в них душу. Я уверен, фильм «Внезапное насилие» стал бы другим, глубоким, с идеей, но...

— Давайте не будем говорить о том, чего не было и не будет! — резко выкрикнула Соня.

Толпа надменных знаменитостей устремила взгляды на женщину в форме. Она невольно потупила взор ярко-голубых глаз, по ее щекам катились теплые слезы. «Мне надоело, что они забирают у меня тех, кто мне дорог...». «Мне не нужна смерть еще одного человека!». Звезды Голливуда продолжали коситься на нее, но ей было на них глубоко плевать. Соня Блейд вспоминала, как регулярно навещала Джонни в госпитале, как их общение становилось все теплее, и как она все с большей отдачей помогала Кейджу работать над сценарием. Лейтенант Блейд поверила в него — и отчасти можно было сказать, что она сама подвела его к такой участи. Но так все не сложилось бы, не будь в живых проклятого жестокого «отца террора»! Жизнь Кэно была проклятием Сони. И оно словно распространялось на всех, кто приближался к ней.

— Джонни Кейдж, — прошептала Соня с щемящей болью.

— Его зовут не Джонни Кейдж! — произнес, шагнув к ней, немолодой мужчина с поседевшими светлыми волосами и серо-голубыми глазами, окруженными лучиками тонких морщин. — Вы не знали его! Его настоящее имя Джон Карлтон! Вы не знали его!

— Секундочку! — подняла глаза на неизвестного Соня Блейд. — А Вам откуда известно, мистер...

— ...Карлтон, — назвал мужчина свою фамилию. — Мистер Карлтон. Джонни мой сын.

Соня в стыде отвела глаза. Так не должно было быть, чтобы отец хоронил сына! Это было неприродно, противоестественно, наперекор законам жизни! Чтобы отец пережил своего сына! Так не должно было быть.

— Прощай, звездная жизнь, — заговорил мистер Карлтон, подойдя к гробу в сопровождении жены и младшей дочери. — Прощай, актерская карьера. Прощай, Голливуд, которого так толком и не узнал ты, и который не знал тебя, Джонни. Эх, а на надгробье-то написали: «Кейдж»...

Соню пробрала дрожь. «Скольким людям этот бандит принес страдания! — подумала она. — Скольких граждан мы, несмотря на все усилия, не вернули домой, к родным живыми!». Да, она не должна была заикливаться на собственной боли так, словно одна она пострадала от злодеяний террориста. Она была одной из тысяч и должна была стать сильнее этих тысяч. Она должна была праведно отомстить за них всех.

13. Новые и старые враги

К концу 2006 — началу 2007 года «Черный дракон» переживал свой расцвет. У анархистов было все: денежные средства, секретные разработки, мощное вооружение. Кэно детально разрабатывал план финальной террористической акции, чтобы поставить власти роковой ультиматум с требованием отдать анархистам кусок американской земли. Но чем дольше главарь стремился отточить план этого решающего маневра, тем отчетливее он становился чем-то обеспокоен. Главной причиной, по которой «Черные драконы» не переходили к решительному осуществлению заветной цели, был Джарек. Кэно учел свою ошибку, допущенную перед штурмом базы «Красных драконов», и теперь, когда анархист, всю свою бытность правой рукой лидера клана остававшийся странным неслышанным пророком, слег от необъяснимого недуга, вожак решил серьезно поговорить с товарищем. Сказать, что разговор в лазарете выдался тяжелым, было все равно, что не сказать ничего. Кэно впал в такое исступление от услышанного, что, казалось, был готов даже убить Джарека — ни в чем не повинного, обессиленного, бледного, будто при смерти, непрерывно шепчущего, стуча зубами в ознобе, отрывки молитв. Никто не знал, с какой гримасой обозленного, загнанного в угол зверя лидер «Черных драконов» вышел из лазарета, сколько ножей и пуль он всадил в тот день в стену своего кабинета и до какого скотского беспамятства пытался напиться. Не знал никто и того, что именно предрекал Джарек. Но с тех пор время на базе анархистов будто остановилось. От Кэно ждали приказов, призыва к действию, но он упорно молчал, изредка невнятно прикрываясь войной с «Красными драконами», когда его донимали расспросами окончательно. Его кровному брату постепенно становилось лучше, но, навещая его практически каждый день, главарь никогда не оставался спокойным. Кэно пытался пересмотреть свой план, пытался добиться от Джарека внятной инструкции о том, что можно сделать, чтобы избежать осуществления его мрачного предзнаменования, но тот не мог дать ему ничего, кроме того, что уже озвучил. Друг обещал главарю, что продолжит проектирование нового мощного оружия на основе похищенных секретных разработок, как только встанет на ноги, но до того оставалось только покоряться судьбе и ждать. Боевое рвение рядовых анархистов ринуться в смертельный бой становилось все труднее удерживать в узде. Приходилось постоянно напоминать о том, какая тонкая предстоит им операция: одно неверное движение — и все надежды, все цели, все годы войны, все пойдет псу под хвост! Кэно пытался просчитать риски, но у него не было ни одной реальной зацепки.

— Мы должны здраво осознавать, что того, к чему мы стремимся, никогда не будет, — в очередной раз говорил он, стоя в главном зале перед толпой анархистов. — Но если принять как данность недостижимость наших целей, то можно смело наложить на себя руки. Это нам слишком рано! Нет, мы покажем всему миру, что можем максимально приблизиться к нашим идеалам! Это будет стоить нам море крови и тысячи жизней, и никто не будет укреплять дух слабых и уговаривать непокорных. Важно выждать, выбрать момент и ударить молниеносно, наверняка. Тогда нас поддержат и за нами пойдут! И выживет сильнейший! Что требуется от вас сейчас — это постоянная боевая готовность, дисциплина и самоотдача! Будущее за анархией!

Среди одетых в черную кожу террористов, с бешенством на лице вскричавших: «За анархию!», когда Кэно поднял вверх кулак, был только один человек, явно недовольный происходящим. Он стоял в первых рядах, запрокинув назад голову, и ждал тишины. По его плечам спадали длинные ровные черные волосы, лицо его

закрывал стальной респиратор с подключенным к нему дыхательным аппаратом. Это был Кабал.

Многие молодые члены клана не знали, что случилось с Кабалом примерно пять лет назад, почему у него изувечено все тело и насколько обезображено его скрытое под респиратором лицо. Казалось, большую часть времени он пребывает в каком-то ином, одному ему известном измерении. Он никогда не был многословен, все его раздражало, и из-за этого он часто проваливал задания, несмотря на свои боевые навыки и поразительную быстроту реакций. Ходили слухи, что Кабал находился в зависимости от по-настоящему тяжелых наркотиков, но препараты, которые он регулярно употреблял, были единственными обезболивающими средствами, которые все еще могли на него подействовать.

Слова Кэно ввергли Кабала ни то в тоску и уныние, ни то в недовольство и противоречие. Чтобы хоть как-то облегчить упавший на душу груз, анархист отправился в бар «Valhalla». Кабал въехал в темную подворотню на мотоцикле, припарковал его и вошел в подвал старого дома. Горец разносил пиво уже изрядно подвыпившим «Черным драконам», только один столик был свободен, но, пройдя сквозь пьяную толпу вглубь наполненного табачным дымом помещения, Кабал увидел, что и за этим столиком сидел одетый в бежевые кожаные штаны и коричневый свитер под горло широкоплечий мужчина с закрытым лицом.

— Безликий, — вздохнул, узнав его, Кабал и собрался идти прочь.

— О! Кабал! — оживившись, вдруг окликнул его подрывник. — Иди-ка сюда! Присядь, выпей со мной, а?

— На кой черт тебе это надо, Безликий? — в недоумении нехотя спросил анархист в железной маске.

— Выпьем, поговорим о жизни нашей проклятой... А то одному пить — значит бухать, а бухать — это некрасиво.

— А где Трemor, твой закадычный друг?

Безликий развел руками:

— А я почему знаю, где он шастает?! Тасию трахает, наверно.

Кабал неуверенно подошел к столику:

— То есть, ты хочешь выпить с человеком, которого называл предателем и пытался убить?

— Но ты ведь и был предателем, — заключил Безликий. — Тебе повезло, что я не злопамятный. Ты же на верность клану присягнул? Да. И с Кэно плечом к плечу стоял. Было? Было. Вот за это и выпьем.

Кабал наконец-то сел за стол. Безликий позвал бармена:

— Эй, Горец! Два пива и бутылку водки!

— Закусывать будете? — спросил шотландец в кожаном пиджаке поверх старого свитера.

Безликий махнул рукой:

— Могу и рукавом занюхать, порохом пропахшим... А ты, Кабал?

— Да хрен его, — бросил анархист. — Принеси чего-нибудь на свое усмотрение.

Горец ушел выполнять заказ.

— Сейчас принесет он тебе «на свое усмотрение»! — с иронией в голосе проронил Безликий.

Анархист не обратил внимания на слова товарища, пока Горец не вернулся. Рыжий шотландец принес две большие кружки пива, бутылку водки только что из

холодильника и от этого мгновенно запотевшую и тарелку с тремя бутербродами — кусочками хлеба, на каждом из которых лежало по две кильки в масле.

— Что это за дерьмо?! — возмутился Кабал. — Ты всем так эксклюзивно готовишь, или попускаешь меня за предательство?!

— Конечно! Почти всем, — со смехом ответил Горец. — Кэно, как лидеру клана, положено по три кильки на бутерброд, всем остальным — две.

— Почему-то я так и подумал, — угрюмо произнес анархист, всерьез восприняв слова бармена.

— А как вы собираетесь... — начал спрашивать Горец, поглядывая то на респиратор Кабала, то на платок на лице Безликого. Он не закончил фразу, а отставил большой палец и мизинец, намекая на выпивку.

— Разберемся, — недовольно швырнул Безликий. Шотландец безропотно удалился.

— Ну, расскажи мне, интересно все-таки, — начал говорить Кабалу подрывник, — как же тебе стукнуло в голову попытаться стать новым лидером клана?

У Кабала перехватило дыхание. Он мысленно чертыхнулся, сожалея, что согласился на разговор, прекрасно зная, в какое именно русло он завернет. Вопрос Безликого взбесил Кабала, но анархист в маске старался держать себя в руках:

— Суди сам. У нас цель — анархизм — свобода и авторитет. Значит, лидер будет в любом случае. Другой вопрос, что если этот лидер нас не устраивает, перестает быть авторитетом, то мы можем скинуть его в любой момент...

Безликий хрипло хихикнул:

— Ха! И ты решил Кэно скинуть! Чем же он тебя не устраивал? Тем, что у него на бутерброде три кильки, а у тебя — только две?

Кабал удрученно вздохнул:

— Смейся дальше, если тебе делать нечего. Но мне не до шуток. Слишком много Кэно о себе возомнил. Он что, тут, думаешь, самый крутой, да?! Да я прошел через то, чего он себе и не мыслил! — с этими словами он снял маску, показывая обожженное обезображенное лицо, — отчасти благодаря тебе, Безликий! Но я должен сказать тебе спасибо — ты сжег всю ту похабень, что твои друзья вырезали на моем теле. Они приходили один за другим и вырезали по коже и мясу, как по дереву! И ржали, как конченые психопаты!

Подрывник не спешил отвечать. Он медленно развязал свою бандану, спустил на шею платок, скрывавший лицо, снял черные очки. Кабал чуть не упал со стула — у этого человека действительно не было лица! Его левый глаз был пересечен глубоким шрамом, зрачок почти затянулся голубоватым бельмом. Носа не было — только две дыры на его месте и остатки костей переносицы. Обе губы были рассечены, нижняя дважды, оголяя неровные передние зубы, от которых были отбиты осколки. Правая ушная раковина была трижды разрублена и лишена мочки, левая отсутствовала вообще. На покрытом шрамами от ожогов черепе только в трех-четырех местах можно было заметить остатки коротеньких светлых волос. Борода также не росла уже давно — ожоги покрывали все лицо и шею, и один огромный шрам от них рассекался только глубокими рубцами от порезов, нанесенных осколками. Они расчерчивали прожженную до мяса кожу крест-накрест. Безликий поплотнее обмотал платок вокруг шеи и еще более хрипло и гнусаво, чем обычно, заговорил:

— Да что ты знаешь о боли, щенок! Знаешь, через что я прошел, как я стал Безликим? Я ведь не всю жизнь так звался. Нет, раньше у меня было погоняло

Взрыватель. Я владел потрясающими знаниями о взрывной технике, взрывчатых и огнеопасных веществах. Но однажды созданный мною же огнемет взорвался прямо у меня в руках. Косуха, спасшая меня от осколков, на груди прогорела до того, что от нее осталась одна молния. Открытые участки тела залило горючей смесью. По лицу и торсу ожоги четвертой степени, руки изрезаны и прожжены до костей. Лица у меня уже не было. Тех, кто стоял рядом со мной, тоже задело, правда, только осколками. А рядом были Кэно и Призрак. Байкера кожанка спасла — он не сильно пострадал, а у Кэно обе руки были изрезаны осколками — правая до самого плеча. Благо, он в броннике был. Кэно и Призрак меня-то и спасли. Я как сейчас вижу: они оба ранены, но на руках выносят меня из горящего здания. «Вряд ли выживет», — произносит Призрак, а на глазах у него слезы. Это все, что я заметил — потом мир в глазах поплыл, туман начал собираться. И я с трудом выговорил, так как у меня были повреждены гортань и кадык: «Не бросайте меня. Жить хочу». Кэно тогда сказал всего одну фразу, но она в моей башке до сих пор звучит: «Раз хочет — выживет». Выжил. Хотя до лазарета они донесли обгорелый кусок мяса с глазами! Да что глаза? Зрение-то я после этого потерял. Мне сделали несколько операций на глазах — восстановили зрение, только левый глаз сейчас опять перестает видеть. С тех пор голос у меня изменился до неузнаваемости — я разговариваю, как демон из преисподней. А ты думал, отчего я все время в шарфе или свитере под горло хожу? Горло адски болит — у меня трубка вместо гортани, — взрыватель хрипло простонал, взявшись за шею, и скорчился от боли: — А-а... Вот, опять. Мне надо что-нибудь выпить.

Безликий схватил кружку пива и осушил ее за пару-тройку глотков. Он вздохнул с облегчением — боль ослабла, хотя и не исчезла полностью. Впрочем, этот человек уже давно привык к постоянной боли. «Болит — значит, я жив», — любил говаривать он.

— Теперь понял, через что прошел я? — сказал он Кабалу. — И пройду через это еще тысячу раз ради своего клана! Так что ты не вправе судить, Дарт Вейдер недоделанный, кто через что прошел. И особенно через что прошел Кэно!

Кабал взглянул на него с разочарованием и укором, поставив на стол пустую кружку пива и наливая водки.

— Уж от тебя не ожидал это услышать! — покачал он головой. — Да, Кэно потерял глаз, но его не вешали наручниками на трубу и не стреляли в него из огнемета! Я дышать самостоятельно не могу!

— Ага! — выкрикнул Безликий. — Посмотрел бы я на тебя-красавца, когда тебе в тюрьме отбили бы почки! Сколько у него ранений было! Он же через три войны прошел!

Кабал удивился:

— Он служил?

— Он предпочитает об этом не трепаться, — сухо ответил подрывник. — Конечно, я признаю, что ты тоже прошел через неопишуемую боль, но... Его не свои избивали за предательство — он в атаку на врагов на смерть бросался! Вывод один: Кэно — мужик, а ты — крыса мусорная.

Кабал ударил рюмкой об стол.

— Не гони беса, пиротехник! — угрожающе сказал он.

— Крыса, — настаивал на своем Безликий, выпивая уже третью рюмку водки. — Не мужик... Жизни не видел, а кланом хотел управлять!

— Я хотел быть его реформатором! — попытался оправдаться Кабал.

— Да?! В какую же сторону ты решил его реформировать?

Кабал гневно сдвинул брови — а точнее то, что осталось от бровей, — к переносице:

— Освободить от диктатуры Кэно! — с ненавистью прокричал он. — У нас ведь анархия, как ни как.

— Ага! — Безликий снова презрительно хихикнул. — Только вот Кэно армию создает! Как же ты, гений гребаный, представляешь себе анархию в армии? А?

— Зачем вообще создавать армию? — возмутился Кабал. — Я не считаю, что своих целей нужно добиваться грубой силой!

Подрывник саркастично улыбнулся:

— Но ведь ты пытался добиться лидерства именно так.

Кабал сделал хороший глоток водки и, закусив бутербродом с килькой, начал разъяснять свою позицию:

— Я полагаю, что отвоевать кусок земли и построить на нем государство так, как Кэно хочется, — не выход.

— Морихей Уехиба — мир праху его — поднял в свое время бунт и создал свой клан. Создал так, как ему хотелось. Кэно продолжает его дело. Или, по-твоему, мы впустую столько лет льем кровь за идею анархизма?

Кабал призадумался:

— Знаешь, в чем для меня идея анархизма? Вот я себе представляю будущее: идеальный мир — ни границ, ни войн, ни дискриминаций, ни власти нет. Есть только одно-единственное государство под названием Земля...

Тут Безликий хрипло расхохотался:

— Этого никогда не будет, утопист хренов! — бросил он, утирая слезы смеха. Кабал с досадой схватил бутылку водки и допил все, что в ней оставалось.

— Когда-нибудь будет, — невнятно, но уверенно промямлил он — алкоголь сильношибанул в голову, примешиваясь к действию сильных наркотиков. — Если постараться, то будет!

— Ага, сейчас! — продолжал смеяться Безликий, глядя в заблестевшие глаза пьяного Кабала. — Чтобы сбылось то, о чем ты говоришь, тебе придется истребить эдак процентов девяносто населения Земли! То есть всех, до кого твоя идея не дойдет или кому она не понравится.

— Зачем убивать? — с трудом ворочая языком, молвил Кабал. — Можно же все разъяснить народу! — он похлопал собеседника по мощному плечу, нагнувшись над столом. — Э-эх, Безликий! Когда-нибудь наступит время, когда люди сами осознают, что так лучше, помани мои слова...

Безликий сбросил руку мутноглазого анархиста со своего плеча:

— Да не наступит это время никогда! Не осознают люди этого сами! Огнемет мне в задницу, ну ты даешь! Наивный! Всех никогда не убедишь, пойми ты это! Каждому мозги не вправишь, Кабал! Каба-а-ал! Очнись! Всегда будут те, кого что-то не устраивает! И ты это знаешь. Прекрасно знаешь.

— Но я просто верю в это! — сипло вскричал мужчина. — Я так представляю себе идеальный мир! Может, это моя мечта.

Безликий снова хрипло засмеялся:

— Утопист, мать твою за ногу! Гребаный утопист!

— С чего ты ржешь?! — Кабал угрожающе потряс кулаком перед лицом собеседника, сверкая ослепительными от ударившего в голову алкоголя глазами. — Да, мечта, утопия! И что?!

Безликий простодушно развел руками:

— Верь дальше во что хочешь, я тебе не мешаю. Только вот одно «но»: чтобы мечты сбывались, мечтать нужно о реальных вещах. Понял?

Кабал с подавленным и озлобленным видом встал из-за стола. Его шатало, как на корабле, попавшем в бурю. Он дрожащей рукой вытянул из кармана деньги и бросил их на стол.

— Вот, — гневно пробормотал он невнятные слова. — За бухло спасибо, но... о разговоре я жалею!

И он ушел, спотыкаясь и хватаясь за все, что оказывалось рядом, включая расслабленных и пьяных «Черных драконов».

— Ой-ой-ой! Как мы обиделись! — со злой насмешкой кричал ему вслед Безликий. — Утопист!

Кабал уже не обращал внимания на его реплики. Обиды и так было достаточно. Теперь он думал, куда бы побрести и переночевать, потому что справиться с управлением мотоцикла человеку, настолько опьяненному алкоголем в смеси с опиатами, явно не стоило пробовать. Последнее, что услышал Кабал, выходя из бара, — беззаботный крик Безликого:

— Горец! Плесни еще водки!

* * *

В полдень следующего дня длинноволосый человек в грязной одежде пришел на базу «Черного дракона». Он подошел к створкам тяжелой стальной двери и остановился у сканера отпечатков пальцев. Он, похоже, раздумывал, что делать дальше.

— А-а, как же ноет башка! — пожаловался он сам себе, пытаясь сосредоточиться и вспомнить порядок действий.

Человек снял перчатку и положил руку на сканер.

— Кодовое имя?

Механический скрипящий голос, каким компьютер запрашивал имя, будто ножом врезался в его больную голову.

— Кабал, — сквозь зубы процедил пришедший.

— Доступ разрешен.

Двери открывались с обычным металлическим скрежетом, но Кабалу показалось, что звук этот сотрясает все его внутренности, режет на куски воспаленный отяжелевший мозг. Анархист в маске вошел на базу и направился к кабинету главаря «Черных драконов». Двое анархистов, охранявших двери, пропустили его в кабинет, и он устало и нерешительно остановился на пороге, пытаясь хоть немного стряхнуть с сапог налипшую грязь.

— Кэно, — с огромным усилием выговорил он, сжимая зубы от головной боли и подступающей тошноты.

— Что, хорошо погулял вчера? — посмеиваясь, спросил Кэно. — Мать моя женщина, грязный, как черт из преисподней! Ты хоть что-нибудь помнишь?

— Я ночевал под мостом, — пояснил Кабал, осматривая свою забрызганную серо-коричневой грязью одежду.

— И чего ты хотел от меня? Пива на похмелку?

— И это тоже, — ответил анархист в маске. — Но вообще-то я кое-что принес.

Он сделал несколько нетвердых шагов вперед и поставил на стол картонную коробку, обернутую коричневой упаковочной бумагой. Кэно изменился в лице и вскочил из-за стола.

— Твою ж мать! Где ты взял эту хреновину?! — вскричал лидер клана, разозлено глядя на Кабала.

— В баре «Valhalla» один человек просил передать это тебе, — как-то неуверенно ответил подручный.

— Как он выглядел, черт возьми?!

— Как все: весь в черном, темные очки, борода... — наплел что-то невнятное Кабал.

В кабинет влетели еще три взволнованных анархиста — Кира, Кобра и лишь недавно вставший на ноги Джарек.

— Мы слышали... — начал говорить Кобра, но запнулся на полуслове, увидев выражение лица главаря. — Что это, черт бы меня побрал?! — спросил он, указывая на коробку.

— Хер его знает, — нетвердым голосом пробормотал Джарек, — но лучше не действовать поспешно. Кэно, что видно в инфракрасном спектре?

Кэно наяржено сдвинул брови:

— Два или три предмета, весьма холодные, форма неясная... Дьявол! Ни хера не видно толком, но это совсем не похоже на механизм или оружие... Кобра, распечатай «посылку»!

Кобра достал нож, разрезал веревки и начал неуклюже разворачивать коричневую упаковочную бумагу. Откинув в сторону разорванную упаковку, он ножом вскрыл коробку. Руки молодого анархиста безвольно опустились, он застыл в оцепенении.

— Ни хрена себе! — процедил он сквозь зубы с отвращением на лице, его трехдневная русая щетина, казалось, встала торчком. Кэно небрежно отпихнул его в сторону и нервно бросил взгляд на содержимое посылки. В коробке лежали два уха и хвост, которые, очевидно, были срезаны с убитого быка. Два уха и хвост. Такие трофеи вручают матадору после успешного боя. Под ними лежала грязная записка. Кэно вырвал из закоренелых пальцев Кобры нож, несколько брезгливо отодвинул одно бычье ухо и двумя пальцами вытянул из коробки записку. Кира вплотную прислонилась к его плечу. Джарек тоже подошел к товарищам и схватился за крепкое предплечье друга. Главарь зачитал послание:

— «Посвящаю быка доброй сеньорите. Две минуты до смерти, Кэно! Мы будем драться!», — Кэно, оскалив зубы, взбешенно скомкал в руке лист бумаги. — Мавадо! Гребаный матадор! Чтоб его кишки висели на деревьях в художественном беспорядке!

— Сука... — хрипло простонал Джарек и плюнул на стол, в сторону вскрытой посылки.

— Че за бред?! — обескураженно проронил Кобра.

Кэно развернул записку, перечитал еще раз и, не глядя, разорвал измятый лист на две части.

— *Пятнадцать человек на Сундук Мертвеца! Йо-хо-хо! И бутылка рома!* — начал напевать он хриплым шепотом, глядя в одну точку и разрывая бумагу на все

более мелкие клочья. — *Пей и дьявол тебя доведет до конца! Йо-хо-хо! И бутылка рома...*

Кира смотрела на него встревожено. По ее спине пробежал холод, сердце то стучало со скоростью пулеметной очереди, то будто цепенело и останавливалось.

— Кэно, это то, о чем я думаю? — проговорила она, тяжело дыша. Она все понимала, но отказывалась верить.

Кэно бросил растерзанную бумагу на пол, продолжая пораженно смотреть в одну точку.

— Да. Это черная метка, детка, — удрученно заключил он. — Это черная метка.

Вожак глубоко вздохнул и включил громкую связь:

— Внимание всем! Объявляю чрезвычайное положение! Перекрыть все выходы! Удвоить оборону! Выполнять немедленно!

Кира прильнула к его широкой спине, но Кэно резко отпрянул от нее.

— Не до этого, детка, — бросил он, глядя перед собой взбешенным одержимым взглядом.

— Заткнись, — приказала она и прижалась к нему так крепко, как могла, уткнувшись носом в его шею и прислушиваясь к его беспокойному дыханию. На какие-то мгновения они оба замерли, не чувствуя ничего, кроме тепла тел друг друга.

— Что это было? — спросил главарь растерянно, когда Кира смогла его отпустить.

— Сам знаешь, — твердо и горестно бросила женщина. Она прислонилась спиной к стене и скрестила на груди руки, ожидая дальнейших действий «Черных драконов».

— *Господи! Как умножились враги мои!* — проронил Джарек, кусая губы. — *Многие восстанут на меня, многие говорят душе моей: «Нет ему спасения в Боге». Но Ты, Господи, щит передо мною, слава моя, и Ты возносишь голову мою,* — он покосился на кровного брата и отчаянно развел руками: — Прости!

— Да ты тут причем?! — хрипло прошептал Кэно. — Дата и место не указаны. А значит, это не стрелка. Это означает, что Мавада явится прямо сюда. То есть, он знает, где находится наша база. А это, в свою очередь, значит, что нас кто-то сдал!

Лидер «Черных драконов» сжал кулаки, все его мышцы напряглись до предела. Он смахнул с лица пот и попытался выровнять дыхание. Злоба будто разъедала изнутри его измученную душу.

— Слишком много людей желает моей смерти, — проговорил он в пустоту, не глядя на подручных. — Мавадо и его проклятые «Драконы», Соня Блейд и все спецподразделение по борьбе с терроризмом...

— Но ведь ни Мавадо, ни тем более Соня Блейд — не соперники тебе, — попыталась успокоить его Кира. — Любой из них сосет!

— Э-э, нет, детка! — прошептал Кэно, облизывая сухие губы. — Ты не понимаешь. Это заговор.

* * *

— Что-то случилось, майор Джексон Бриггс? — настороженно спросила Соня Блейд, увидев в дверях своего напарника. Майор Бриггс вошел в кабинет.

— Кончай с этим, Соня, — недовольно произнес он, садясь за стол, — называй меня Джаксом. Все-таки мы партнеры.

Джакс гордо поправил военный жетон на шее. Его облик за последнее время, проводимое в упорном оттачивании боевых навыков, сильно изменился — лицо стало суровее, телосложение еще крепче, чем прежде, но это было не главное. Руки темнокожего майора от плеч и до кулаков были теперь покрыты сияющим медицинском металлом.

— Ты так и не объясняешь, — задумчиво сказала Соня, глядя на укрепленные имплантатами руки напарника, — зачем ты сделал это с собой?

— Кибернетические усилители увеличивают человеческую силу в четыре раза, — улыбаясь, ответил Джакс. — Эти руки настоящее произведение искусства!

— Это я уже много раз слышала. Но зачем? Тебе не хватает веры в себя?

— Зато у тебя ее хоть отбавляй! Хочешь в одиночку расправиться с лидером террористов!

Соня прикусила губы и отвела в сторону глаза.

— Я не скрываю, что это личное, но сути это не меняет! — злобно проговорила она. — Такие, как он, зря землю топчут.

— Я привел кое-кого, кто готов помочь тебе поквитаться с Кэно, — объявил Джакс и пригласил неизвестного войти.

Потенциальный союзник оказался низким корейцем в парадной военной форме, но без рубашки. Вместо сердца в его груди был пульсирующий кибернетический имплантат, озаряющий грудные мускулы и пресс алым светом.

— Он тоже в восторге от кибернетики? — сострила Соня Блейд.

— Меня зовут Хсу Хао, — представился незнакомец. — Я один из «Красных драконов». Наш лидер Мавадо прислал меня сюда, потому что у нас есть исчерпывающая информация о подземной базе «Черных драконов», и мы рассчитываем на вашу помощь в их уничтожении. Вы ведь тоже не любите Кэно, так?

— С чего вы взяли, что спецагенты будут помогать преступникам? — строго спросила Соня.

— Но ведь это взаимовыгодный союз. Если вы так не считаете, я уйду. И вы будете сами искать сведения о том, сколько людей в клане «Черный дракон», где находится их база, сколько у них единиц оружия...

— Стой! — крикнула Соня. — Мы готовы выслушать тебя, Хсу Хао. Но прежде всего у меня один вопрос: как мы можем убедиться в том, что вам можно доверять?

Джакс тоже испытывающе уставился на корейца, демонстративно складывая на груди стальные руки.

Хсу Хао взглянул на Соню с долей недовольства:

— А вам не кажется, что я рискую всем, что у меня есть, придя сюда?

* * *

Четверо анархистов, вооруженных штурмовыми винтовками Stoner 63, охраняли вход на базу «Черного дракона». Они нервно курили одну за одной, сплевывая на бетонный пол, и болтали о происходящем в клане в совершенно несерьезной манере, пытаясь хоть как-то уменьшить напряжение, в котором в последнее время пребывали все.

— Не пойму: зачем удваивать оборону? — говорил один. — Кэно явно погорячился.

— Вообще последним часом нервишки у него пошаливают. Не находите? — спросил второй.

Его товарищ, посмеиваясь, пошутил:

— Ага! Видимо, ему ночью опять кошмар приснился!

— А может, просто Кира ему не дала? — бросил четвертый.

— Не-е, Кира такая, что сама в него вцепится и не отпустит! Я за кошмар.

Бойцы дружно рассмеялись. Правда, веселье продлилось совсем недолго. Мощная красная вспышка выбила металлические двери, расплавив их. Раскаленный жидкий металл окутал тела бойцов — все четверо скончались в неописуемых горячих муках, так и не успев даже схватиться за оружие.

— Хороший выстрел, Хсу Хао, — произнес звучный мужской голос из темноты. На базу вошел улыбающийся кореец, имплантат в груди которого озарил открывшийся путь бледно-алым светом, за ним шел высокий смуглый мужчина со смолисто-черными непослушными волосами, за спиной которого захватывающе играл складками асимметричный черно-красный плащ. За ними следовала огромная толпа вооруженных до зубов людей.

На базе «Черного дракона» раздался сигнал тревоги. Вой сирены прозвучал, как раскат грома в преддверье Судного Дня. Он будто резал ножом по самому сердцу. Анархисты поспешно хватали любое вооружение и бежали к главному выходу, готовясь дать отпор захватчикам.

Пробегая сквозь огромный зал, где проходили собрания анархистов, Кэно остановился. В одной из стен помещения была покрытая старой, изрядно выцветшей красноватой краской железная дверь, которую никто никогда не открывал. Ее перенесли сюда с самой первой базы клана. На этой двери писали свои мысли анархисты, уходившие на задание. По традиции надписи тех, кто не вернулся, не стирали — ходили слухи, что «Черные драконы» могут отказаться от своей цели лишь тогда, когда эта дверь станет полностью черной. Здесь сохранилась даже подпись самого Морихея Уехибы — он ничего не написал, а только нарисовал дракона в восточном стиле. Сейчас от двери отошел Безликий, в который раз оставивший на ней любимое звучное русское слово из трех букв. Недолго думая, Кэно вырвал из его рук маркер и острым шрифтом вывел на поблекшей краске: «Я убью эту суку!». Главарь знал, что обманывает сам себя, что на самом деле хотел написать что-то об анархии и свободе, о ненависти к миру и к власти, или хотя бы слова из любимых песен, которые уже давно были его личными мантрами: «*Show them no fear, show them no pain!*» или «*Heaven can wait 'til another day*», но одна мысль не давала ему покоя:

— «Добрая сеньорита», мать ее! Она не оценила то, что я поступил с ней по-человечески!

14. Начало конца

Мавадо в горделивой позе стоял над выбитой дверью. На его хладнокровном загорелом лице сверкали капли пота, блестящие черные волосы торчали во все стороны в беспорядке. Его асимметричный кожаный плащ черного цвета с кроваво-алой подкладкой покрыла серая пыль. По правую руку от него стоял, ехидно улыбаясь, Хсу Хао, а по левую руку приняли боевые стойки Соня Блейд и Джакс.

— Заговор... — удрученно прорычал Кэно.

Мавадо расхохотался, как умалишенный.

— К вашему несчастью, мы пришли не одни, — все еще смеясь, заявил он. — Мы не настолько глупы, чтобы сражаться против тех, кто превосходит нас числом. Но нам оказали поддержку ваши злейшие враги — Разведывательное агентство мистера Блейда!

Кэно плюнул в сторону Мавадо и во все горло закричал, подняв вверх кулак:

— За анархию! Выживет сильнейший!

Началась перестрелка. Сквозь пелену дыма Кобра видел, как Кира упала, и к ней направлялся один из «Красных драконов». Мимо неся Кабал, угрожающе размахивая крючковатыми клинками. Кабал пробежал мимо, не помог Кире, казалось, он даже не заметил ее.

— Нет! — хриплым от злости и страха голосом прокричал Кобра и побежал вперед. Его правая рука со всей силы сжимала мечете. Одним ее взмахом Кобра разрубил тело наемника «Красных драконов» от правого плеча и до самого сердца. Он убрал мечете за спину и склонился над Кирой.

— Как ты? — с тревогой спросил он.

— В меня стреляли... — обессилено прошептала она.

Пуля попала ей в спину, в область левой лопатки. Кобра осторожно взял женщину на руки и побежал к запасному выходу.

— Куда ты? Ты бросишь остальных?! — гневно сверкнула глазами Кира.

— Кэно не простит, если мы не спасем твою жизнь! — чуть не плача, выкрикнул Кобра.

Он выбежал на поверхность и метнулся через густо разросшуюся посадку в сторону городских кварталов. Кобра мчался, не помня себя, через зеленые насаждения, продираясь сквозь голые ветки деревьев и кустарников, потом по разбитым дорогам, оставляя за собой вихрь взвившейся пыли. Он пересек мост и метнулся в знакомые тесные переулки, пытаясь вспомнить дорогу к подпольному бару «Valhalla». Он выбрал верный поворот, но ударил плечом в закрытую дверь. Молодой мужчина помог Кире сесть на пороге, пока сам тщетно силился открыть дверь с помощью примитивной отмычки, чему пытался научиться у Джарека, однако замок не поддавался. В прыжке Кобра вышиб дверь ногой и вбежал в пустующий зал с грязными столиками. Он включил свет и прошел мимо барной стойки к захлавленной подсобке, где у Горца имелась пара коек для клиентов, которые были особенно неумелыми в расчетах количества выпивки. Кобра накрыл пыльный матрац на койке верхней частью своего кимоно, вернулся за Кирой и помог ей пройти в подсобку. Он бережно уложил женщину на койку, и тут стены содрогнулись от прогремевшего вдали под землей взрыва. Оконные стекла жалобно зазвенели.

— Что это, дьявол! — закричал Кобра.

На отрешенных глазах Кире сверкнули слезы.

— Это взорвали нашу базу, — обреченно прошептала она.

Кобра прикусил губы, закрыл лицо руками и зарыдал. Все его соратники, включая Джарека и Кэно, теперь были мертвы. И он смог бросить их в такую роковую минуту! Он не стал сражаться — он бежал. Чувствуя себя подлецом и ничтожеством, Кобра готов был рвать на голове взмокшие от горячего пота волосы.

— Это моя вина! — сквозь зубы простонал он.

За полчаса до этого сражение в штабе «Черных драконов» было в самом разгаре.

Кэно и Соня Блейд сошлись лицом к лицу. Он намеревался исполнить начертанное на красной двери обещание. Воинственная женщина в форме была готова к битве не на жизнь, а на смерть.

— Привет, детка, — с насмешкой поприветствовал ее Кэно. — Скучала по мне?

Соня выхватила пистолет, но Кэно схватил ее за запястье, и от боли она разжала руку. Кэно отпустил ее и пнул ногой пистолет. Когда Соня была обезоружена, он достал свой любимый нож с изогнутым резным лезвием.

— Посмотри на это, — издевательски говорил он Соне, поигрывая ножом перед ее лицом. — Этот малыш возвращает воспоминания, да?

— Что, этим ножом ты свою маму убил? — съязвила в ответ белокурая воительница.

— Нет, — смеясь, отвечал террорист, — им я сделал широкую улыбку твоему напарнику — от уха до уха!

Соня сжала кулаки и выставила их перед грудью. В сознании мгновенно всплыли три посмертных образа: Даниэль Блейд, Векслер и Джон Карлтон, которого она знала как Джонни Кейджа. Их лица, их улыбки тонули в кровавом месиве. Лейтенант Блейд шумно выдохнула. Боль заставила все ее мышцы напрячься, злость перекрывала дыхание. Решающее сражение должно было вот-вот начаться.

Кэно резко взмахнул ножом, но женщина уклонилась. Он быстро перехватил и вывихнул ее левую руку, когда она пыталась нанести ему удар по лицу. Соня со всей силы саданула его ногой в живот, и анархист на мгновение согнулся от боли. Но следующий удар был безуспешным. Кэно увернулся и следом наотмашь ударил женщину по лицу, Соня упала на колени. Ботинок террориста целил ей по хребту, она отскочила, как кошка, которую собирался пнуть разозленный прохожий. Кэно шагнул к ней ближе. Он врезал Соне ногой в живот. Ее истерического крика почти не было слышно на фоне нескончаемой перестрелки. Лейтенант Блейд стонала, скорчившись на полу от боли, когда тяжелый ботинок главаря «Черных драконов» резко опустился на ее правую руку, переломав кости. Кэно схватил Соню за волосы, поставил на ноги и приставил к ее горлу нож.

— Нравится так, детка? — колко спросил террорист, водя ножом по ее шее Сони, будто лаская лезвием ее нежную кожу. — Я давал тебе шанс, что ж, ты его не оценила. Сдавайся, детка. Может, попросишь прощения перед смертью?

— Хер тебе! — резко ответил низкий грубый голос за спиной.

Кэно не успел обернуться, когда майор Бриггс со всей учетверенной силой нанес ему удар в голову. Лидер «Черных драконов» упал без чувств, в сжатом кулаке осталась вырванная прядь белых волос его заклятого врага.

— Бегите! — крикнул Мавадо «Красным драконам» и спецагентам. — Мы заминировали их базу! Сейчас рванет!

Люди, взявшие штурмом подземную базу «Черных драконов», кинулись бежать к выходу, продолжая стрелять в анархистов и оставляя их умирать под землей. Джареку, отстреливавшемуся до последнего патрона, а после раскидывавшему метательные лезвия во врагов, несмотря ни на что, удалось прорваться сквозь толпу и выбежать со всеми на поверхность. Здесь он, как и все, упал на землю, закрыв голову руками.

Взрывная волна сотрясла землю. Заброшенный завод рухнул в клубы дыма и пыли, проваливаясь вниз, в образовавшуюся горящую пропасть. Джарек стиснул зубы от острой режущей боли в ушах. Там, где когда-то находилась подземная база

террористов, теперь тлела братская могила «Черных драконов». На глаза Джарека навернулись слезы — он потерял лучшего друга.

— Кэно! — закричал он, вскинув голову вверх и вцепившись руками в свои редкие седые волосы. Его крик нелепо оборвался, он упал на колени, его напряженные дрожащие пальцы врезались в рыхлую землю. Джарек сквозь зубы прорычал:

— За что, Боже?!

— Вставай! Ты арестован! — скомандовал Джакс, ударив Джарека по спине.

Глаза анархиста налились кровью. Его сердце готово было разорваться от гнева. Он сделал подсечку и сбил майора с ног. Джарек мгновенно вскочил и врезал Джаксу ногой в зубы. Майор Бриггс сплюнул свежую кровь.

— Сдавайся! — закричал Хсу Хао, пытаясь ударить анархиста наотмашь в правое плечо. Джарек развернулся, вцепился рукой в имплантат в груди Хсу Хао и выдрал искусственное сердце корейца. Хсу Хао рухнул на землю, серую пыль обильно оросили брызги его крови. Тем временем Джакс поднялся на ноги и ударил Джарека апперкотом в челюсть. Анархист не успел даже выкрикнуть: «О Боже!» — когда сорвался вниз, с обрыва в дымящийся провал на месте разрушенного старого завода. Борьбе пришел конец. Все безумное рвение «Черных драконов» к свободе оказалось бессмысленным. Но Джарек не мог думать об этом, когда кувыркком через голову летел с обрыва вниз, не чувствуя ничего, кроме боли. Все тело ныло от многочисленных ссадин и ушибов. Он упал на битые кирпичи и арматуру, от удара все его внутренности содрогнулись.

— Оставьте его! Все равно сдохнет! — с отвращением произнес Джексон Бриггс где-то наверху.

— Силы Небесные! Это конец! — прошептал Джарек слабеющим голосом и закрыл глаза.

15. Адреналин

Кобра медленным шагом шел к братской могиле «Черных драконов». Он все еще искал свою вину в случившемся, хоть и знал, что он один вряд ли изменил бы исход этой битвы, что он спас Киру и что причина такого конца — предательство. Но это совершенно не оправдывало его в собственных глазах. И свою жизнь он считал теперь пустым существованием, бессмысленным и жалким, наказывая себя тем, что брал на себя непосильный для совести одного человека груз.

— Моя жизнь, — малодушно размышлял молодой мужчина, — как эта гребаная яма, этот пустой провал: темная и пустая. Внутри все к чертям сгорело, глубина есть, а сути нет. И она никому не нужна... Может быть, со временем эту мрачную пустоту ветра занесут пылью, и тогда пустота исчезнет. Но это будет лишь иллюзия полноты. Смысла в этом не будет! И моя жизнь, как и прежде, никому не будет нужна...

Он застыл над провалом, на дне которого чернели руины подчистую разрушенной базы на старом заводе. Внизу на горе битых кирпичей лежал человек. Его одежда была перепачкана в грязи, и густо осевшие на теле сажа и пыль скрывали многочисленные кровавые ссадины и гематомы.

— Может, еще жив? — подумал Кобра с призрачной надеждой и осторожно спустился вниз.

Черты лица человека оказались до боли знакомыми.

— Да ведь это Джарек! — узнал анархиста Кобра.

Светловолосый мужчина присел на корточки возле раненого соклановца, проверил его пульс, припал ухом к его черной от грязи груди.

— Живой! Дышит! — Кобра вздохнул с облегчением.

* * *

Кэно очнулся. Голова просто раскалывалась от адской боли, с которой накатила неудержимая тошнота. Первое время у террориста все плыло перед глазами, и он не мог разобрать, где находится, сплевывая на пол обильную вязкую и горькую слюну. Он закрыл глаза и попытался подождать, пока успокоится головокружение. Когда боль немного ослабла, Кэно стал судорожно осматривать помещение. Он находился в темной лаборатории, лежа на кушетке у стены, рядом стоял открытый бикс со шприцами и какие-то препараты, одинокая лампа на потолке излучала тусклый холодный свет. Кэно естественно захотел без промедления и раздумий рвануть прочь, но ощутил, что связан по рукам и ногам прочными ремнями. Последняя надежда оставалась на имплантат, который заменял ему правый глаз, но его, очевидно, вывели из строя. Анархист отчаянно пытался высвободиться, в слепящей ярости ругался матом, хотя и понимал, что все это совершенно бесполезно.

В помещение вошел Мавадо, картинно сложив руки за спиной, а с ним явились еще двое наемников клана.

— А-а, очнулся, — с довольным видом произнес главарь «Красных драконов». — Мой бык, мой решающий удар!

— Хер тебе в задницу, Мавада! — свирепо крикнул Кэно, намеренно искажая имя зложелателя.

Один из людей Мавадо достал нож и вспорол рукав светло-серой армейской куртки анархиста, а затем протер спиртом область локтевой вены. Второй взял шприц и ампулу с какой-то прозрачной жидкостью.

— Вы внесли опыт в базу данных? — деловито спросил Мавадо.

— Сразу после того, как его осмотрели. Профессор Зет сказал, что это не лучшая кандидатура для исследований, но для проверки наших разработок вполне подходит.

Кэно готов был растерзать Мавадо в клочья.

— Я тебе не подопытная крыса! Ты стремишься поймать саму свободу — не выйдет! А сражаться лицом к лицу — яиц не хватает! Да я твои кишки завяжу тебе галстуком на шею!

— Успокоить его? — спросил «Красный дракон», наполняя шприц.

— Это лишнее, — холодно ответил Мавадо, — с нашими новыми разработками мы скоро успокоим всех наших врагов.

Наемник вколол иглу в вену анархиста. Что-то подсказывало Кэно, что теперь ему станет намного хуже. Он был прав — инъекция дала жуткий эффект. Начался сильный жар в сосудах и острая боль в сердце. Кэно промучился так около пяти минут, невольно думая о смерти. После ему стало немного легче, но что последовало за этими горячими муками? Страшная слабость в мышцах всего тела, которая была невыносима, малейшее напряжение мускулов давалось адски тяжело и с тупой болью. Кэно почувствовал, что не может даже согнуть и разогнуть пальцы. Увидев, что он более не в силах сопротивляться, наемники развязали его и сняли с него армейскую куртку.

— Я уже давно разрабатываю технологию превращения людей в драконов, — заговорил Мавадо, ступая вокруг операционного стола в центре помещения, — с помощью одного чудного вещества, но на тебе, Кэно, мы попробуем кое-что новое.

Тореро резким и даже театральным движением включил бестеневые лампы. Рядом с операционным столом находились пульта управления, колбы с мутной алой жидкостью и биксы с медицинскими инструментами. «Красные драконы» уложили лишнего сил пленного на массивный металлический стол и сначала привязали ремнями, а потом приковали стальными скобами, зафиксировав руки и ноги окончательно, словно у заключенного, подготовленного к казни через смертельную инъекцию.

— Теперь при всем своем желании не рыпнешься! — злорадно прикрикнул Мавадо.

Свет ламп над столом слепил глаза анархиста. Однако Кэно и так уже почти не замечал ничего, что происходит в помещении — в его взгляде, выражении лица и в душе не осталось ничего, кроме панического страха. Он не мог и догадываться, что же теперь его ждет в этом растреклятом месте.

— Где Хьюго Зет? — нервно крикнул Мавадо.

— Я здесь, — ответил, войдя в лабораторию, седой мужчина азиатской внешности с длинными собранными в хвост волосами, облаченный в белый лабораторный халат.

— Профессор Зет, — обратился к нему лидер «Красных драконов», — все готово.

— Можем приступать, — уверенно заявил Хьюго Зет.

Мавадо подошел к столу, взял прибор для инъекций, более походивший на пистолет, заполнил его резервуар кроваво-красной жидкостью и вколол пленному в область солнечного сплетения.

— Отметьте: препарат введен в 16.08, — сказал он профессору Зету — разработчику и руководителю эксперимента. — Если я все верно помню, через пять минут можно резать.

— Мистер Мавадо, — произнес Хьюго Зет. — Я должен предупредить: если кровотечение будет слишком сильным, придется прервать операцию.

Лидер «Красных драконов» с каменным надменным лицом ничего не говорил до тех пор, пока не прошло пять минут.

— Делайте! — приказал Мавадо Зету и, скрестив на груди руки, принялся азартно наблюдать за действиями профессора.

Хьюго Зет небрежно обработал торс лидера анархистов холодным дезинфектором, взял инструменты и сделал разрез от грудины между ребрами и до второго сегмента прямой мышцы живота. Стальные скобы раздвинули ребра. Профессор взял колбу с алой жидкостью, в которой находилось нечто цвета свежего мяса и размером с кулак, нечто похожее на кусок печени. К нему подходили кровеносные сосуды.

— Приступаю к вживлению, — объявил Зет.

Кэно хотел выругаться, но ощутил, что утратил дар речи. Он тщетно ловил пересохшим ртом воздух, не чувствуя, что все еще может дышать — воздух уходил в легкие, как в сухую землю, а учащенное сердцебиение слилось в одно непрекращающееся чувство пустоты, черной дыры на месте сердца. Хьюго Зет спокойно делал свою работу. Кэно видел, как на стол стекает его собственная кровь, и от этого зрелища все внутри сжималось, будто его внутренности кто-то пытался

завязать тугим морским узлом. К профессору подошли ассистенты, они пытались помочь ему остановить кровотечение.

— Мистер Мавадо! Кровотечение слишком сильное! Нужно прерывать эксперимент! — Зет перебивал в небывалом напряжении.

— Ни в коем случае! — гневно вскричал Мавадо. — Мы так долго к этому шли!

Далее слов Кэно уже не слышал. В глазах потемнело, что-то еще мерещилось ему в накрывшей сознание тьме — клубок размытых серых изображений, которые сопротивляющийся разум тщетно пытался распознать в мучительных тошнотворных стараниях. Жар в сосудах вернулся с небывалой силой. Прочие чувства померкли, и анархиста будто каким-то потоком несло в темную пустоту.

— Он потерял сознание! — кричал Зет. — Скоро совсем загнется!

— Делайте переливание крови! — приказал Мавадо, не сводя недвижимого кровожадного взгляда с операционного поля ни на миг.

— Это опасно!

— Плевать!

Пленному вкололи в локтевую вену иглу и начали вливать чужую кровь. Профессор Зет продолжал операцию, сшивая кровеносные сосуды.

— Долго еще? — устало бросил Мавадо.

— Последний шов, — ответил Зет.

Он обрезал хирургическую нить и сбросил окровавленные перчатки.

— В следующий раз все же не стоит рубить с плеча, босс, — сказал он лидеру «Красных драконов». — Он выжил только каким-то чудом.

Мавадо ухмыльнулся и ушел в свой кабинет. Там, сидя за столом, его ожидала Соня Блейд, без кепки, со следами смывтой крови в белых волосах и с биндажом на плече, фиксирующим сломанную правую руку. Рядом с ней стоял высокий человек с лицом, скрытым капюшоном. Под капюшоном было видно только его длинные и ровные черные волосы.

— Ты прекрасно поработал, — сказал Мавадо неизвестному союзнику. — Что бы мы делали без тебя! Я щедро заплачу тебе, поверь, но сейчас... оставь нас с сеньоритой наедине.

— Без проблем, — сипло проговорил загадочный человек в капюшоне и вышел за дверь.

Соня бегло улыбнулась, посмотрев в черные глаза Мавадо, пристально глядящие из-под демонических бровей. Тореро картинно пригладил свои блестящие угольные волосы и сел за стол.

— Это большая победа для нас обоих, — заговорил он, — Соня... Можно ведь называть тебя так?

— Конечно, я сейчас не при погонах, — спокойно ответила она. — Спасибо за все.

— Благодарить нужно того, кто сейчас за дверью. Это он дал информацию.

— А вы щедро поделились ею с нами. Хсу Хао действительно пошел на большой риск. Надо отдать ему должное...

— Хсу Хао мертв, — произнес Мавадо, опустив глаза. — Так уж получилось. Это была война...

Лидер «Красных драконов» встал и достал с полки два бокала и бутылку красного шампанского.

— Давайте помянем Хсу Хао. Он был верный и мужественный боец.

Он налил сначала Соне, потом себе. С угрюмым видом союзники выпили за погибшего боевого товарища до дна.

— Но главное, что победа за нами, — вернулся к теме Мавадо, наливая второй бокал. — За победу!

— За победу! — ответила Соня Блейд.

Звон бокалов. Снова до дна. Мавадо улыбался. Однако холодный взгляд лейтенанта Блейд был мрачен.

— Я и думать не могла, что пойду на сотрудничество с гангстером, — произнесла она в тягостной задумчивости. — Хотя, чтобы отыскать и уничтожить этих головорезов, я была готова пойти на все, что угодно! Я даже не могу предположить, смогли бы мы вычислить их без вашей помощи, но есть одно «но» — мне хотелось самостоятельно пристрелить этого мерзавца Кэно. Это, знаете ли, личное. Хотя я прекрасно понимаю: главное, что его больше нет на этом свете!

Когда Соня сказала это, Мавадо стало не по себе — он утаил от союзников правду о том, что Кэно остался жив и сейчас находился здесь, на базе «Красных драконов».

— Такие не должны жить, — злостно отчеканила лейтенант Блейд. — Скольким людям он причинил боль?! В дрожь бросает, как подумаешь. Только лозунги у него были красивые: «Свобода или смерть!». Не вам довелось выбирать, ублюдки, не вам...

Мавадо начинал чувствовать растущую слабость. Его конечности немели, голова тяжелела. Смуглое лицо тореро внезапно побледнело, словно он находился на грани обморока. Он уже привык различать эти тревожные сигналы. Главарь «Красного дракона» чувствовал, как все медленнее и медленнее бьется в груди сердце. «Адреналин! Адреналин!» — навязчиво думал он, но где было искать спасения?

Он открыл ящик стола, но револьвера под рукой не оказалось. Мавадо сбросил плащ и вышел из-за стола, словно собирался повесить на один из пустующих стульев верхнюю одежду. Однако на самом деле он зашел за спину Соне Блейд, молниеносно схватил ее за плечи и грубо повалил женщину на стол. Она попыталась вырваться, ударить его ногой в пах или хоть раз зарядить локтем здоровой руки под ребра, но Мавадо увернулся и приложил ее головой об столешницу.

— Я не хочу тебя бить, сеньорита! — прикрикнул он на Соню, заломив ей левую руку за спину. — Я помог тебе, теперь ты помоги мне.

Соня вскричала и вновь попыталась вырваться, но снова тщетно. Тореро снова ударил ее головой об стол и чуть не сломал ей вторую руку. Мавадо намотал длинные светлые волосы женщины на кулак, а другой рукой сорвал с нее камуфляжные штаны. С самодовольным видом он начал расстегивать ремень своих высоких кожаных брюк с огромной пряжкой в виде быка. Его оголенный побледневший торс блестел от выступившего пота, он был похож в глазах лейтенанта Блейд на уродливую агонизирующую лошадь с копии картины Пикассо на стене кабинета. Мавадо уже не обращал внимания на еще один отчаянный крик Сони, он бесцеремонно начал насиловать ее прямо на столе в своем кабинете. «Сердце бьется! — подумал тореро, в облегчении натянуто усмехаясь. — Я жив!».

* * *

Расплата пришла к матадору через двадцать шесть дней, когда он уже и не думал ее ожидать. Раздался протяжный вой сирены. На базу «Красных драконов» пришли

бойцы Разведывательного агентства. Впереди вооруженных людей в форме шагала Соня Блейд, и ее правая рука снова крепко держала массивный Desert Eagle. Ее глаза, как два костра вдали, пылали от гнева. Эти глаза, как колья, вонзались в Мавадо.

— Как же наш союз? — без особой надежды попытался остудить ее лидер «Красных драконов». — Я поставил все на карту, чтобы помочь тебе!

— Вы преступники! — бескомпромиссно отрезала лейтенант Блейд. — Преступники должны сидеть в тюрьме! И еще: я не прощу вам того, что вы оставили Кэно в живых!

Мавадо потерял дар речи. «Как она могла узнать?! Не может быть, чтобы среди наших были крысы! Но нет, как-то же вояки пронюхали! Это конец...».

— Быка увели на скотобойню! — бросил он с отвращением. — Ты была бы только счастлива узнать, что я с ним сделал!

— Знаете, какой приговор светит вам за все, «сеньор» Мавадо? — присоединился к разговору Джакс, шедший вперед рука об руку с Соней.

— *Besa mi culo!* — прокричал Мавадо, сверкнув демоническими черными глазами. — И не надейся, что мы сдадимся без боя, «сеньор» предатель!

Началась драка. Мавадо выхватил шпагу, он готов был теперь заколоть предательницу Соню, но почему-то остановился. Кругом стреляли, а он стоял и смотрел в ее глаза. «Женщина — самое коварное существо на Земле, — неожиданно для себя самого произнес он. — И самое опасное оружие». Такие чистые, хладнокровные, благородные голубые глаза. Такое идеальное, выточенное строгим режимом тренировок тело. Такое не по-женски суровое лицо, без малейшей тени легкомыслия. Прирожденный агент. И никакой чести? Тореро стоял и смотрел на нее, но не мог поверить, что она все-таки его предала. Он ведь признался ей насчет смертельной болезни, пусть и *ex post facto*. Он объяснил, что боролся за свою жизнь, которую необходимо было спасти в считанные мгновения. Лишь несколько секунд — разница между жизнью и смертью. Он был уверен, что Соня должна его понять. «Месть ее второе имя, — обреченно признал Мавадо. — Я должен был думать раньше!». Тут он упал на колени, будто моля о пощаде. Шпага со звоном выпала из его расслабленной руки. Может, у него снова были проблемы с сердцем, а может, так силен был шок... Нет. Просто она стреляла в него. Да, лейтенант Блейд прострелила ему обе ноги. Только он не почувствовал боли. Никакой боли.

Вскоре перестрелка закончилась. Спецагенты держали автоматы у затылков «Красных драконов», стоявших лицом к стене и заложивших руки за голову. Раненый Мавадо стоял на коленях в центре зала, его фигуру озаряли колкие лучи электрического света. У виска лидера клана Соня Блейд держала пистолет Desert Eagle.

— Прощай, тореро, — проговорила она с издевкой. — Хотя... Какой ты тореро? Ты бандит. Самый обычный бандит.

— Я помог тебе справиться с врагом! — прокричал в отчаянии Мавадо.

— А что сделал потом? Я этого тебе не забуду, грязный кобель. И еще: со своим врагом я бы сама разобралась, — холодно ответила женщина, и ее тонкий палец лег на курок.

— То есть, ты сейчас хочешь уподобиться своему врагу? — внезапно спросил ее строгий мужской голос. — Уподобиться Кэно — стать убийцей?

— Отец? — узнала лейтенант голос полковника Германа Блейда. Твердая рука Сони вздрогнула.

— Если нет, — продолжал полковник, — тогда опусти пистолет. Мавадо, он же Андриан Мальвадо, предстанет перед справедливым судом.

16. На распутье

*Бремя прошлых побед
Душит, словно тугая нить.
Смысла жить дальше нет,
Если знать, как устроен мир!
Ослепленный мечтой,
Ты застыл на краю земли.*
Валерий Кипелов «Реки времен»

Со дня уничтожения базы «Черных драконов» троица выживших анархистов осела у Горца, имевшего скромно оборудованную, но просторную квартиру над баром «Valhalla». Кобра собственноручно установил новую дверь, хотя Коннор ни слова не сказал молодому террористу насчет нее — видимо, потому что проблема с замком в последнюю очередь беспокоила владельца опустевшего бара. Горец говорил, что в городе ходят слухи, будто лидер Анархического Черного Креста Джефф Картер, узнав о гибели родного клана, шагнул из окна офиса на тридцать девятом этаже. Правда это была или вымысел, навеянный отчаяньем, точно никто не мог сказать. А трое оставшихся в живых «Черных драконов» день за днем теряли веру в то, что что-либо еще можно было изменить, что все можно было начать сначала.

— Горец показывал мне, сколько у нас денег, — сбивая пальцем пепел с сигареты, говорил Джарек, сидящий на пороге пустующего бара. — Намекает, чтоб я начал вести дела клана — мол, «ты же правая рука главаря»... Ну правая рука, так это же не значит, что я второй Кэно! Я же псих, когда чем-то командую, для меня это как азартная игра... Мне самому нужна его железная рука, чтоб вовремя остановил!

Кира молча слушала его, натирая хромированные детали мотоцикла, чтобы хоть чем-то занять себя. После ранения левая рука все еще плохо действовала, что существенно сокращало доступные способы скоротать время. Кира приобрела черно-красный Harley-Davidson 1130 V-Rod-VRSCA на часть сбережений клана, оставшихся у Коннора. В ее душе еще жила искренняя вера в то, что Кэно вернется, и что они еще будут вместе гнать на полной скорости по ночным дорогам.

— У меня такое чувство, что он еще жив, — уверенно произнесла женщина. Казалось, она обращается не к товарищу по клану, а к немым Небесам.

— Ты права, — провещал мрачным голосом Джарек, глядя куда-то за горизонт. — Кэно не умер. Я бы точно почувствовал.

— Что с ним сейчас? — встревоженно спросила Кира.

— Не знаю... — изрек анархист, затягиваясь сигаретой. — Что-то хреновое... Подозреваю, долго был в беспамятстве.

— Он снится мне, — призналась Кира. — Практически каждую ночь. Будто он приходит сюда, совершенно непохожий на себя, постаревший и холодный, с потухшим взглядом. Будто это и не он вовсе. Уже не он. Разговор у нас с ним не клеится. Я не знаю, что ему говорить. Меня измучили эти сны! А ты, — она с надеждой обратила взор на Джарека, — можешь сказать, что он сейчас чувствует?

Джарек угрюмо и разочаровано потупил взор:

— Не знаю точно... Боль... Или страх... Или и то, и другое.

Кира села у колеса мотоцикла, прямо на пыльную дорогу. Она не нашлась, что на это ответить.

* * *

Кэно был в плену уже практически месяц, и это проклятое время было настоящим насилием над его гордостью, не считая неописуемых физических мучений, ведь все не кончилось одной операцией и ее осложнениями. Душа его разрывалась от двух яростных желаний: с одной стороны хотелось наложить на себя руки, чтобы не терпеть более страданий и унижений, но с другой стороны не остывал пыл бороться до конца за свою свободу.

— Вот так, сука, как паук в банке, — думалось ему, — и крышку не прогрызть, и не отравиться собственным ядом! *Iron will iron fist, how could it have come to this?* Ну нет, траханые ублюдки! Вы меня не сломите! *Show them no fear, show them no pain! Show them no fear, show them no pain...*

Главарь анархистов неистово жаждал либо растерзать на куски «Красных драконов» и вырваться на волю, либо взорвать к чертовой матери их штаб и лаборатории вместе с собой. Впрочем, оба варианта не были реальны. Но в один день все кардинально изменилось. Вой сирены оповестил «Красных драконов» о боевой тревоге. Это была облава Разведывательного агентства.

В это время наемники Мавадо вели Кэно в лабораторию для очередных обследований, но начавшийся хаос и паника заметно притупили их бдительность. И когда лидеру «Черных драконов» развязывали руки перед тем, как уложить его на операционный стол, Кэно оказал сопротивление со всей имеющейся силой и яростью. Он спокойно уложил на лопатки всех, кто пытался остановить его. Когда схватка была окончена, Кэно несколько раз сжал и разжал кулаки — в его руках, во всем его теле почувствовалась небывалая сила и мощь.

— Как же наш союз? — услышал он крик Мавадо. — Я поставил все на карту, чтобы помочь тебе!

— Вы преступники! — узнал он строгий голос Сони Блейд. — Преступники должны сидеть в тюрьме! И еще: я не прощу вам того, что вы оставили Кэно в живых!

— Быка увели на скотобойню! Ты была бы только счастлива узнать, что я с ним сделал!

— Знаете, какой приговор светит вам за все, «сеньор» Мавадо? — присоединился к разговору Джакс Бриггс.

— *Besa mi culo!* — выругался Мавадо. — И не надейся, что мы сдадимся без боя, «сеньор» предатель!

Послышались выстрелы и очереди. Кэно метнулся в коридор, пробежал через несколько комнат и оказался в кабинете главаря. Там он нашел свои ножи, которые Мавадо забрал как трофеи, и принялся искать в кабинете хоть какое-то огнестрельное оружие. В последнее мгновение, прежде чем кто-то дошел до двери кабинета, террорист достал из ящика стола револьвер Colt King Cobra и патроны к нему и с разбегу, обхватив колени руками, пушечным ядром бросился в окно.

Осколки стекла оставили раны на его лбу, темени, затылке и на руках, однако он совершенно не замечал боли. Кэно вскочил на ноги и бросился бежать.

Он не оборачивался, не отирал с лица пот и запекшуюся кровь, он бежал. Его тело переполняла энергия. Может, это был результат эксперимента, а может, так питала его жажда свободы. Кэно не одни сутки петлял по городу, прячась в самых темных и зловещих его углах с одним лишь шестизарядным револьвером и парой ножей, но все равно готовый ко всему на поисках пути домой. Он не знал, каким было расстояние от лаборатории до базы анархистов, но был уверен, что найдет дорогу, преодолеет это расстояние на своих двоих, и уже ничто не остановит его — ни усталость, ни голод, ни боль и ранения...

...Но базы «Черных драконов» больше не было. Она была погребена вместе с соратниками Кэно под сторевавшими руинами того, что когда-то было заводом. Шокированный главарь опешил. Он чувствовал, словно в его сердце вонзили холодный зазубренный клинок.

Кэно присел на краю обрыва. Ему не хотелось жить. Неужели все было зря?!

Горстка несчастных людей в войне против всего мира! Зачастую бунтари заканчивают именно так — трагично. И стоило ли гнаться за мечтой, если все заведомо было безнадежно обречено? Заветная цель, сладостная небыль ослепила сотни бунтарей-головорезов — а теперь от них не осталось ничего, даже могил, не говоря уже о крестах на могилах! Нетерпение, предательство, недостаток мужества, самоуверенность и прочие вечные пороки простых смертных не могла искоренить ни одна идеальная, благороднейшая цель. Война против всего мира все равно была бы проиграна. И после осознания всего этого...

...Жизнь больше не имела смысла!

— Простите! Дьявол, простите, ребята! — в отчаянии взвыл анархист. — Простите, что папка в живых остался... Джарек! Сколько раз вместе сражались, и как сражался! А Кира?! А ее-то за что?!

Его сердце сжалось от боли. Он готов был принести в жертву собственную жизнь, только бы все изменить.

— Нет, мать вашу, еще не все кончено. Я могу связаться с АЧК. Через Горца. Картер тогда был в своем офисе, как мне помнится. Клан еще можно возродить... Но, черт возьми, стоит ли?!

* * *

Теплым весенним вечером Джарек вышел из бара «Valhalla» и побрел на берег Флушин-Крика. Он достал пачку сигарет и закурил. Медленно выдыхая дым, он взглянул на небеса, практически сливающиеся с гладью черной воды. Ночь была темной и безлунной, почти как его мрачная и пустая жизнь. Но и в этой темнейшей ночи он, обратив к небу взор, молился за своего кровного брата:

— *Да услышит тебя Господь в день печали... Да воспомянет все жертвоприношения твои... Да даст тебе по сердцу твоему и все намерения твои — да исполнит. Мы возрадуемся о спасении твоём и во имя Бога нашего поднимем знамя. Да исполнит Господь все прошения твои...*

Внезапно чья-то тяжелая рука коснулась его плеча.

— Ты веришь в призраков? — спросил низкий грубый голос.

Джарек отшатнулся, остушился и упал на заросившуюся траву. Перед ним стоял Кэно. Усталый и заросший, с блестящим от пота и грязи лицом, в той самой серой куртке, подпоясанной широким армейским ремнем, в которой он пошел отражать

атаку «Красных драконов», но засаленной, драной, с оторванными рукавами, насквозь пропахшей потом и забрызганной мелкими пятнами крови.

— Придется поверить, — сказал он Джареку. — Мы с тобой — призраки, тени на этой Земле, хоть мы и живы.

— Брат! — закричал Джарек, придя в себя. Впервые за долгие годы его лицо озарила искренняя, неудержимая радость. — Живой! Сукин ты сын!

— А как еще могло быть, брат?! Мы надирали задницу недобиткам «Черного сентября», мы добирались из-под Файзабада, мы, сука, импровизировали перед лицом американского спецназа! У нас свободу не отберешь! Зубами не выгрызешь!

Джарек, улыбаясь во все зубы, бросился обнимать лучшего друга, но Кэно удрученно молчал, его взгляд был переполнен грустью.

— Да я знал! И чувствовал! — похлопывая кровного брата по плечу, говорил Джарек. — Но друзья все же боялись за тебя.

— «Друзья боялись»? — немного оживился Кэно. — Кто еще выжил?

— Кира и Кобра. А остальные... похоронены глубоко под землей.

— Кира?! — сердце Кэно замерло. — Есть все-таки капля справедливости на этом гребаном свете!

— Пошли быстрее — я ее обрадую, — был безумно счастлив возвращению друга Джарек.

— Да не этой же вонючей курткой, — с отвращением дернул за грязный воротник главарь. — Как говорится, «мне нужна твоя одежда и мотоцикл».

Его лучший друг рассмеялся:

— Если нужны шмотки — у Горца есть килт, — попытался также пошутить он. — Ну, ты понял: «Свобода!!!».

— Этого мне действительно не хватало, — Кэно горестно усмехнулся и похлопал Джарека по плечу. — Но это грустная тема. «Все умирают, но не все живут настоящему».

В молчании они двинулись в город, к бару «Valhalla».

В пустующем зале питейного заведения горел свет, и Джарек смог отчетливо увидеть множество уже засохших порезов на лице и руках Кэно.

— Кто тебя так? — с сочувствием спросил он.

— Осколки стекла, ерунда, — отмахнулся тот, снимая грязную куртку. — Ну, хоть штаны и майку найдешь? Сука, как же я хочу смыть с себя все это!

Мужчины поднялись в квартиру Коннора и столкнулись лицом к лицу с хозяином, который по роду деятельности не привык засыпать раньше трех ночи. Шотландец застыл в прихожей, утратив дар речи, а когда, наконец, смог поверить собственным глазам, рассмеялся, не находя слов для выражения невообразимого облегчения и ликования.

— Кира! Иди сюда! — выкрикнул Горец, понимая, что теперь в этом доме все равно никто не будет спать.

Заспанная и угрюмая Кира вышла в прихожую — и сонливость моментально покинула ее. Она безмолвно бросилась на шею главарю «Черных драконов», совершенно игнорируя его изнуренный и неопрятный внешний вид. Женщина нежно положила голову ему на плечо и крепко, просто мертвой хваткой прижалась к нему.

— Детка, детка! — покачал головой Кэно. — Помню, как ты не хотела отпускать меня! Каждый день вспоминал, клянусь тебе. Ты тоже научилась предчувствиям, что ли?

— Я люблю тебя, — сиюминутно задавить подступающие слезы радости, прошептала Кира, и Кэно несколько раз поцеловал ее в висок.

— Кэно? Джарек был прав, черт возьми! — Кобра, вбежавший в прихожую, также был шокирован.

— А, салага... — бросил вожак, свысока глядя на молодого мужчину. — С тобой у нас еще будет серьезный разговор. По-мужски.

Кобра не мог понять, что именно имел в виду Кэно, но теперь готов был практически к чему угодно. Главное, что теперь у «Черных драконов» снова было будущее.

После встречи с выжившими товарищами Кэно наконец-то ушел, чтобы привести себя в порядок. Он долго стоял под холодным потоком воды и пытался убедить себя, что смывает с себя всю память о пережитом в лаборатории. Но если ему и удавалось отвлечься от этих отвратительных и тревожных воспоминаний, то на их месте тут же являлось мучительное осознание фактической гибели «Черного дракона». Казалось, в сердце чернеет пустота, отбирающая у всего на свете смысл и вкус. Лидеру анархистов хотелось рыдать. Однако вместо этого он впился ногтями в резанные раны на своем теле, чтобы физическая боль хоть на какой-то миг заглушила весь прочий ужас сложившегося положения. Он помылся, надел принесенные Джареком камуфляжные штаны песочного цвета и черную футболку с картинкой обложки нового альбома «Iron Maiden» «A Matter of Life and Death» и попросил Горца организовать еще одно спальное место. Впрочем, до утра Кэно так толком и не смог заснуть.

Он позавтракал парой холодных гамбургеров, когда еще все в доме Коннора спали, поглощая долгожданную нормальную еду жадно и весьма небрежно. После завтрака Кэно спустился в бар и сел у стойки, погрузившись в тягостные раздумья за бутылкой крепкого темного пива. Когда в зал со столиками спустились остальные анархисты, главарь предложил всем взять пива и выйти на улицу. Там, на пороге бара «Valhalla», глядящего на почти всегда безлюдные складские постройки, они молча выпили в память о погибших товарищах.

После непродолжительного траурного молчания Кэно забрал у Киры два ножа и дал один из них Кобре:

— Посмотрим, чем ты был занят в мое отсутствие, — строго сказал он анархисту в неизменном черном кимоно.

— То есть? — недоумевал Кобра.

— Дерись, — сухо сказал вожак. — Нападай. Прямо сейчас.

— Может, в рукопашную... ну, без ножей? — замялся молодой мужчина.

— Хорошо. Давай на кулаках.

Кобра встал, выставил правую ногу вперед и поставил кулаки перед грудью. Кэно шагнул ему навстречу, ожидая его действий. Руки вожака были расслаблены, он рассеяно смотрел по сторонам. Кобра рубящим движением ударил сверху вниз, его предплечье столкнулось с предплечьем главаря, русский анархист моментально почувствовал боль.

— И это все, на что ты способен, слабак?

— Я не слабак! — возразил боец в кимоно.

— Ну так докажи, салага! Дерись, как мужик!

Кобра рассержено, собрав все силы, врезал главарю ногой по ребрам. Кэно упал на колени.

— Значит, не такой уж и слабак... Эй! Что с тобой? — Кобра перепугался, увидев, как побледнело лицо противника.

Джарек подбежал к товарищу и взял его за плечи.

— Выпрямись. Так будет лучше. Боль сильная? Позволишь, я взгляну?

Он задрал черную футболку и ощупал место удара. Кэно что-то прорычал от боли. Он ничего не сказал об операциях, биопсиях и других исследованиях и надеялся, что товарищ не задаст вопросов насчет новых шрамов.

— У тебя, похоже, три ребра сломано, — сообщил Джарек.

— Э-э, я не мог сломать ему три ребра! — перебивал в негодовании Кобра. — Чисто физически...

— Ты не при чем, — проговорил Кэно, преодолев боль. — Они до этого были повреждены. Спасибо, гаденыш, что доломал.

Кира присела на корточки рядом с Кэно.

— Не нервничай, детка, — попросил он. — Если бы ты видела ту драку... Когда я сбежал, за Мавадо пришли спецагенты! Эти крысы в камуфляже предали его. Так что хотя бы «Красного дракона» больше нет! — и Кэно спокойно и искренне улыбнулся.

Джарек поднял вверх бутылку пива, предлагая выпить по поводу исчезновения с лица земли старых заклятых врагов. Кобра поддержал его инициативу. Кэно же молчал, положив голову на колени Кире. Товарищи не могли сказать наверняка, какие чувства выражало его суровое лицо.

— О чем ты думаешь? — спросила его рыжеволосая женщина, кладя ладонь на его похолодевший лоб.

— На всем гребаном свете нет ничего более унижительного, чем плен! — проговорил Кэно со злобой и презрением. — Я бы лучше десять раз сдох, чем сдался в плен, понимаешь? Для меня это такой невыносимый позор, детка, что я хочу просто пойти за ближайший угол и зарезаться! Но... я смотрю на тебя — и мне хочется жить.

Кира виновато опустила голову.

— Мы предали тебя...

— Джарек мне в двух словах все рассказал. Кобра поступил правильно. Это был мужественный поступок, на самом деле. А вдруг ему не дали бы уйти? А ты, детка. Ты должна жить дальше. У тебя, в отличие от меня, все еще впереди.

— Но разве ты не заслужил того, чтобы жить?

— Я — пропащая душа, конченный человек, детка! А ведь мне прочили большое будущее! И что теперь?

— Ты жалеешь?

Кэно попытался улыбнуться.

— Детка, если бы мне дали второй шанс, вторую жизнь, я бы прожил ее точно так же. И так же жалел бы. Судьба...

Воцарилась тишина, звенящая грустью. Киру пугали слова старого террориста. Ей хотелось, чтобы он не ставил на себе крест.

— Что было с тобой в клане «Красных драконов»? — обеспокоенно спросила она.

— Эксперименты... Точно не знаю... Скорее всего, эти сукины дети продолжали попытки создать армию чешуйчатых тварей.

— Я не о том. Как ты сейчас?

— Глаз мне, сукины дети, подпортили. То ли Мавада, то ли еще майор Бриггс, мать его... Потому я и задержался. Ну, хоть зрение осталось, а в остальном, —

задумался Кэно, — такое чувство, будто я помолодел лет на десять. Нравится, детка? Теперь нам не так мешает разница в возрасте.

Кира обиделась и произнесла:

— Мне она никогда не мешала! Я уважаю тебя и твой жизненный опыт. За полвека с лишним можно многое повидать...

Она погладила его по голове. Его темные волосы на макушке заметно поредели, он обзавелся залысинами и первой проседью. Только борода оставалась черной.

— А что толку?! — бросил Кэно по-прежнему обреченно. — В нашем клане все мечтали умереть молодыми, не дожив до сорока. И у многих, мать их, получилось. Мне тоже так хотелось... Когда-то.

Джарек покачал головой и ушел в зал бара.

— Я точно знаю одно. Мне не хочется умирать, пока ты жив, — попыталась переубедить главара Кира.

— Поцелуй меня, — устало улыбаясь, попросил он.

Они пылко целовались взасос несколько минут. Кире до сих пор не верилось, что ее мужчина все-таки вернулся, что ее заветное чаяние в этот раз сбылось.

— Эх, Кира! — воскликнул Кэно. — Вытворяешь со старым террористом все, что хочешь!

— Рано тебе думать об отставке, поверь, — стояла она на своем.

— Споешь со мной песню, вожак? — спросил Джарек, выйдя на улицу с черной гитарой наперевес. — Играть-то еще не разучился?

— Да я всем покажу настоящий хэви-метал! — оживился Кэно. Он допил пиво, поставил пустую бутылку на землю, взял гитару, настроил ее и с вызовом спросил товарища: — Ну что, «Manowar» слабо?

— Не слабо! — подмигнул Джарек.

Кэно начал играть прекрасную рок-балладу:

When the world turns you away,

A friend will not say no.

There is strength that we all have —

It's not the strength we show.

Следом за ним вступил Джарек:

And in your darkest hour,

In your darkest nights,

Whatever life will do

I am here for you.

Кира тоже подхватила мотив:

Think of me wherever you are,

When it seems like you're reaching the end.

Call on me, know: in your heart

On one you can always depend.

I am thy friend.

Когда припев спели все трое, Кэно снова затакнул в одиночку:

Though we're far away,

The stars above are the same.

And when you feel alone

There's one who shares your pain.

Продолжил Джарек:

*A true friend has no price,
There is none to pay —
I remember you stood by me,
I'm with you all the way.*

Припев снова пропели все трое в унисон:

*Think of me wherever you are,
When it seems like you're reaching the end.
Call on me, know: in your heart
One who will always defend.
I am thy friend.*

Кобра тоже начал подпевать товарищам:

*Think of me wherever you are,
When it seems like you're reaching the end.
Call on me, know: in your heart
On one you can always depend.
I am thy friend.*

Кэно перестал играть и посмотрел на Кобру с таким выражением, будто хотел сказать: «Ну, вперед. Чего зря выпендриваться?» Кобра допел песню один, без музыки:

*Think of me wherever you are,
When it seems like you're reaching the end.
Call on me, know: in your heart
One who will always defend.
I am thy friend.*

Кэно рассмеялся и еще раз перебрал струны.

— Неплохо спелись, — проговорил он. — Будем считать это клятвой в единстве до конца. Может, еще по пиву?

Кобра метнулся в бар и принес всем холодной выпивки.

— Надеюсь, тебе легче? — спросила Кира, заботливо кладя руку на плечо главаря.

— Жизнь вообще штука нелегкая, детка... — иронично бросил он в ответ.

— Да, ты всегда говорил мне, что жизнь не мед, — кивнула Кира, — и я понимаю, почему. Но я знаю, стопроцентно знаю, что в ней есть по-настоящему охренительные моменты, которые стоят всего!

— Есть. Иначе нечего было бы ее и терпеть...

— Так почему ты ее ненавидишь?

— Да разве же ее? Нет, не жизнь, а мир. И по простой причине — он устроен через задницу. Я всю жизнь это вижу.

Кира недоверчиво подняла брови:

— Так уж и всю?

— Чую, к чему ты ведешь, детка, — отмахнулся Кэно, потупил угрюмый взор и потер рукой шею. — О прошлом говорить я не буду.

Женщина крепко обняла его:

— Ты старый дурак. Я до смерти боялась, что навсегда потеряю тебя! И, каждый день думая о тебе, я чувствовала это как груз — то, что я не знаю тебя, не знаю твоей истории так, как ты знаешь мою. Шайтан, как тяжелый груз!

— Я тебя услышал, — понуро прошептал Кэно. — Но прежде чем просить о таком, будь уверена, что не пожалеешь.

— Нет, мы что, зря столько кровищи и грязи хлебнули? — вмешался в разговор Джарек. — И сейчас вместе под Богом ходим. Все свои! Или что еще тебе не так?!

Кэно понял — раз уж этот разговор начался, придется говорить. Он сделал несколько глотков пива и начал объяснять:

— Ну, что я могу сказать хорошего? Родился я в год Черного Дракона, и я ровесник своего родного клана. Не странно ли после этого, что кого-то еще удивляет моя вера в судьбу? Остальные части даты по хер — я никогда не праздновал. Чего праздновать? Что прошел еще один год жизни, что смерть все ближе? Это ересь даже для смертника! Почти пятьдесят лет жизни я отдал преступному миру. А что, сука, могло быть иначе для сына наркоманки и серийного убийцы?! — главарь анархистов не стал дожидаться реакции товарищей на свое страшное признание и продолжил. — В пригороде Перта, на родине австралийского быдла, за заборами частной собственности может происходить все, что угодно, и никто никогда не узнает. И мой отец там был, считай, как «Красный дракон» — мафия и власть в одном лице. Он, мать его, занимал очень высокий пост на тамошнем металлургическом заводе. И убивал людей по собственной прихоти, не обязательно конкурентов. Просто потому, что нравилось. Он пытал их не хуже Тремора — мир праху его — а, может, даже «лучше»... Короче, вы поняли. Гребаный маньяк, защищенный властью! Я рано прознал об этом, даже очень. Меня никто и не думал щадить, матери почти всегда было на меня начхать, она только срывала на мне свою злобу. Злобу на власть, которая довела ее до того, что ей, считай, сорвало крышу! Только когда она была под наркотиками, она была прекрасной. Просто прекрасной! Умиротворенной. Кто угодно, увидь ее тогда, поверил бы, что только так можно действительно обрести какой-то гребаный внутренний мир. Тогда она даже восхищалась мной, что бы я ни делал. Дрался на улице, воровал — она говорила, что с этим не пропаду. Я лет в пять, если не раньше, начал воровать деньги, сначала у нее, а потом у всех подряд на улице. А она спивалась, закидывалась, угасала... Сука, это же разве можно назвать жизнью, мать ее?! Если какие игры и помню, типа как из нормального детства, то только в пиратов. У меня были книжки про пиратов... Может, только ради них я и научился читать, потому что... всегда, когда мать пыталась меня чему-то учить, она меня избивала, да, до кровавых соплей. Но, сука, я не злюсь! А еще там на улицах летали такие попугаи, мелкие, красно-синие. Их можно было приманить едой, и они спокойно садились на руку или на плечо. И я воображал себя пиратом. Говардом Пушечное Ядро, мать моя женщина! — Кэно хрипло рассмеялся с выражением бесконечной боли во взгляде. — Свое настоящее имя я ненавидел уже тогда. Может, пиратское прозвище и эти попугаи... Вспомнил: розелла. Вот это все, что у меня было хорошего, и то недолго. Увы, они не дрессируются.

— Украл бы дрессированного, в чем проблема? — усмехнулся Джарек, пытаясь как-то разрядить гнетущую обстановку тяжелой беседы. — Твое уголовное дело прям заиграло бы новыми красками, если бы среди всех убийств и терактов там была кража попугая.

— Кобра, врежь этому кретину! — лениво бросил Кэно и, схватившись за голову, отчаянно потер левый глаз. — Сука, че ж это так больно вспоминать-то?! Хуже, чем ее смерть... Которая была лишь вопросом времени, и я это понимал. В том возрасте, в котором о таком даже думать не надо, чтоб его! Я не знаю, как ее вообще не убрали

подельники отца — ведь это она его сдала, когда случайно узнала о его гребаном «хобби»! Это случилось в период ее беременности, но избавляться от меня было уже поздно — иначе она бы однозначно это сделала! Но она всегда проклинала власть. После смерти матери я без сожалений оставил дом, где иногда хозяйничали подельники отца, пока он сидел — я не хотел, чтобы они сделали из меня его преемника, на хер это! Уж лучше было скитаться, воровать все, что плохо лежало. Начал ходить в тир, учился стрелять. Херово звучит, но я... готовился к преступной жизни. Этим и жил. Однажды пришлось вернуться в свой старый гребаный дом, в это проклятое место. Мне был нужен парацетамол. Ночью я зашел на кухню, и... Тот момент я помню, как сейчас: темнота, разбитое окно, нож, всаженный в кухонный стол, на столе три бутылки не самого приличного бренди, две из них уже пусты, а за столом сидит, сгорбив спину, небритый пьяный донельзя мужик с ужасно тяжелым взглядом. Меня, сука, дрожь пробрала от вида его безумных глаз и кровожадного оскала белых зубов, который должен был считаться улыбкой. «А-а, это ты, сукин сын, — произнес он. — Ну что, подойдешь и обнимешь отца?». И я, сука, просто прозрел. Я понял, за что меня ненавидела мать — я был на него похож, как гребаная ксерокопия! Гребаная копия убийцы, только что вернувшегося из тюрьмы! У него не было ни мотивов, ни оправданий. Он, мать его, просто периодически слышал зов — и тогда, отдавшись ему, убивал людей. Вот так, пользуясь властью, мог делать что угодно, и даже когда мать сдала его со всеми потрохами, следствие ни хера не нашло! На заводе ведь так удобно сжигать трупы! В итоге он сел на двенадцать лет только за коррупцию. Сколько людей он порешил — хер кто знает, и все сошло ему с рук вот так, на раз, играючи! Никаких, сука, следов! Вот она, власть со своим оскалом, а! Он кровожадно, так самодовольно улыбнулся и спросил: «Где мать?». «Там, откуда не возвращаются», — отвечаю. А он расхохотался. Натурально как гребаный психопат. Как думаешь, детка, что я сделал? — анархист обратился к Кире, но даже не взглянул на нее — его взгляд уперся в землю под ногами. — Деру дал? Ни хера подобного! А я тебе скажу: я нож достал. Он на меня взглянул блестящими, совсем пьяными глазами и говорит: «Значит так. На всю жизнь запомни. Драться и убивать надо по-честному. С чем на тебя идут, с тем и ты иди. А если против тебя безоружный, никогда не доставай ножа. Я всегда убивал честно, я давал шанс всем этим почившим неудачникам. Так что то, что с ними было потом, они сами честно заслужили. Выживает сильнейший. Усвоил? Еще и на родного отца замахнулся, выродок! На того, кто тебе, сучьему сыну, родиться помог!».

— И что? — проронил Кобра, слушая рассказ, затаив дыхание.

— Что? — повторил Кэно отрешенно. — Нож я бросил. Он сидит, смеется, попивает свой дешевый бренди. Я уже сказал, что пришел, потому что был болен. Хер знает точно, чем — может, воспалением легких. У меня пятна стояли пред глазами, жар просто валил с ног, я выкашливал чистую кровь, но в тот момент... я совсем не чувствовал боли в груди. До этого все внутри болело, я понимал, что без таблеток не выберусь! А тут ничего. Просто такой гнев, что перестаешь чувствовать любую боль. Я впервые узнал, что так бывает. И я... Я убил его. Разбитой бутылкой. Несколько раз всадил ему «розочку» в шею, вот так, и рука, сука, не дрогнула! Стекло перерезало все артерии. Кровь лилась фонтаном. А я стою и смотрю, и ничего не чувствую. Такая вот херня. Первым человеком, которого я убил, был мой собственный отец, — тут главарь посмотрел на Киру с опаской, в самую глубину ее льдисто-серых глаз, но женщина слушала его слова без отвращения или страха, а в мужественном спокойствии. Это

предало ему какую-то долю уверенности, и Кэно снова заговорил: — Может, именно тот гнев помог мне выкарабкаться. Это покруче, чем парацетамол. Мне свезло, что я был так зол, а он так мертвецки пьян. И именно в этот день! Судьба, мать ее! Быть преступником, детка, мне на роду написано. И разве у такого ублюдка может быть другой удел?

— Хватит! — перебила его Кира. Она не хотела слушать подобные самоуничижения. — Рассказывай дальше.

— Что дальше? — не понял Кэно.

— Все, — ответила Кира.

— Мы по-прежнему все свои, Кэно, — заверил его Джарек, и Кобра тоже кивнул: — Мы все поймем.

Кэно не мог до конца однозначно им поверить. Казалось, он боялся собственной правды. И, конечно, не хотел боли, которую всегда несли воспоминания о прошлом. Но в то же время ему думалось, что когда он выскажется — впервые за много лет поведает кому-то, что творится в его душе — ему станет хоть немного легче. И все же он не был уверен. Он рыгнул — пиво не унималось в желудке. Что-то в душе подстрекало рассказать. Так должно было стать легче.

— Если так хотите, — промолвил он сиплым шепотом, — я расскажу вам все. Только... — Кэно замялся, но все же решился на просьбу: — Джарек. Принеси водки.

Товарищ выполнил просьбу без единого слова. Кэно открыл бутылку, сделал несколько глотков прямо из горла, лег на бетонном пороге, положив голову Кире на колени, и продолжил свою исповедь. Глаза товарищей были устремлены на главаря клана, но он по-прежнему глядел в одну точку перед собой, ничего не замечая. Анархисты слушали его, боясь проронить хоть один звук. Они слушали подлинную историю «Черного дракона».

17. Отцы террора

Тебе дадут знак!

Тебе дадут ствол!

Тебе дадут флаг!

Тебе дадут иттык!

Тебе дадут знак!

Тебе дадут кол!

Тебе дадут танк!

Тебе дадут цепь!

Тебе дадут знак!

Тебе дадут лом!

Тебе дадут кнут!

Тебе дадут гроб.

Тебе дадут знак.

Группа «Ария» «Тебе дадут знак»

— Нам не нужен их кодекс чести! — кричал Морихей Уехиба в 1952 году, стоя перед сотней анархистов. — Кому нужны правила, по которым нужно вести честный бой, когда они все равно будут делать то, что скомандуют им денежные мешки у власти?! Пусть эти шавки и дальше лижут ноги своих хозяев! Но мы — не рабы! Не

важно, как ты умрешь, главное, за что ты сложишь голову! Не важно, как ты убиваешь людей! Главное, что выживает сильнейший! Их кодекс чести — их слабость, сомнение, закравшееся в душу каждого из «Красных драконов»! Их страсть к наживе и богатству — их слабость, отсутствие настоящей высокой цели! Их мысли о мировом господстве — пустые слова, ибо миром правят те, у кого есть авторитет! Иная власть — насилие над человеческой свободой! За свободу и авторитет! За анархию!

Высокий длинноволосый японец в черном кожаном плаще с драконами на плечах, вышитыми красными и серебряными нитями, поднял вверх руку с автоматом, и сотня «Черных драконов» слилась в единое целое, разрывая темноту морозной снежной ночи неистовым криком:

— За анархию!

«Красные драконы» никогда не скрывали своих прагматичных и меркантильных целей. Этот филиал китайской мафии прочно закрепился в Нью-Йорке и успешно вел безбедную жизнь на американской земле, оказывая услуги политикам за покровительство, соглашаясь практически на любую грязную работу. Их кодекс чести касался преимущественно подчинения хозяевам, соблюдения секретности, инструкций, как выполнять задания или как на них умирать для сохранения этой самой секретности, правил вступления в клан и невозможности выхода из него, наказаний за провалы, слабости и предательство, но никак не выбора целей, средств и «друзей». Морихея занесло к ним после сражений на Тихоокеанском театре, которым японец отдал всю молодость далеко не по собственной воле. Обретя солидный опыт и боевые навыки, он решил попробовать применить свои таланты, подавшись в наемники, и тогда война за деньги под чужими знаменами казалась ему более честной, чем выплата несуществующего долга по призыву страны. Но чем больше Уехиба узнавал о власти, которая платила «Красным драконам», тем больше он разочаровывался. Постепенно он собрал вокруг себя тайную армию таких же наемников с обманутыми ожиданиями и предложил им цель. Великую цель.

Морихей верил в знаки судьбы. Он, как и многие ремесленники войны, нуждался в том, чтобы во что-то верить. И потому, после восстания в конце 1951 года и январских боев с «Красными драконами», когда его новообразованная группировка успешно ушла и осела в штате Мичиган, 27 числа он кричал на берегу реки Детройт, выдыхая в морозный воздух белые клубы пара:

— Сегодня наступает год Черного Дракона! Сегодня начинается наша новая эра! Да здравствует «Черный дракон» — вольное братство восставших анархистов!

В тот день началась история «Черных драконов» и их более чем полувековой войны с гангстерами и наемниками «Красного дракона». В этой войне шли в ход разные средства. В 1966 году, поздней осенью Морихей Уехиба отправил троих бойцов клана в австралийский город Перт с задачей прикрыть канал контрабанды наркотиков, принадлежащий «Красным драконам». На месте им должен был содействовать человек по прозвищу Черный Ангел, уроженец Тасмании. Этот австралиец тоже прошел Тихоокеанский театр военных действий, но на другой стороне, а теперь он был единомышленником и одним из лучших друзей Морихея Уехибы.

С приходом прохладного вечера в Перте началось заметное оживление — в порт прибыло несколько судов. Вода была спокойна, блики лунного света и портовых огней на ее глади слепили глаза, а совершенно чистое небо было усыпано яркими звездами. На пирсе были разбросаны деревянные ящики с выбитыми досками, толстые

потрепанные канаты, рыболовецкие сети, между которых постоянно сновали люди: местные и приезжие, моряки, работники порта и обыватели, любующиеся океанским пейзажем. Внимание Черного Ангела привлекли звуки гитары и пение:

I see a red door and I want it painted black.

No colors anymore I want them to turn black.

I see the girls walk by dressed in their summer clothes,

I have to turn my head until my darkness goes.

На пустом дощатом ящике сидел подросток лет четырнадцати с короткими черными волосами и серьгой в левом ухе. Крепкий не по годам, сильно загорелый парень был одет в бордовую майку-борцовку, черные походные штаны с цепью на поясе и старые кроссовки. На шее он носил ожерелье с несколькими зубами акулы, найденными на пляже, на запястьях у него были кожаные браслеты. Подросток играл на старой гитаре с потемневшими струнами, потертый чехол от которой лежал у его ног, наполненный заработанной за день выручкой. Голос у парня был красивый и достаточно взрослый, но с еле слышимой хрипотой — признаком частого курения. Изрядно подвыпивший Черный Ангел прошел мимо по набережной, не утруждая себя тем, чтобы достать бумажник. Парень с удивлением взглянул на высокую фигуру в новом кожаном плаще поверх делового черного костюма и начищенных до слепящего блеска туфлях с длинными носками. За спиной Ангела все еще звучали аккорды песни и звучный голос парня:

I look inside myself and see my heart is black.

I see my red door and it has been painted black.

Maybe then I'll fade away and not have to face the facts —

It's not easy facin' up when your whole world is black.

Анархист уходил все дальше, к причалу, где была назначена его встреча с «Черными драконами», прибывающими из США. Он не знал, что парень с гитарой успел беглым взглядом изучить его и сделать для себя определенные выводы. Черные волосы, аккуратно уложенные гелем, начищенные туфли, золотые перстни на пальцах. Мужик далеко не из бедных, определенно не боган. И вряд ли он успел отойти далеко. Прилично пьян, проследить за ним будет не сложно. Сложно будет незаметно вытянуть из кармана кожаного плаща его бумажник, трещавший по швам от новеньких купюр.

I wanna see it painted, painted black, baby!

Black as night, black as coal!

I wanna see the sun blotted out from the sky!

I wanna see it painted, painted, painted, painted black, oh baby...

Подросток допел уже без музыки, спешно зачехляя гитару. Он кинул ее на плечо и бросился бежать. Он боялся потерять из виду фигуру в черном. Ангел шел по улице медленным, осторожным шагом, глядя на носки своих сверкающих туфель. Мужчина зашел за угол складского помещения и остановился. Парень подбежал к нему и преградил ему дорогу.

— Не найдется немного мелочи?

— Вали отсюда, недоносок вшивый! — пьяным голосом пробормотал Черный Ангел. — Мелочи нет!

Парень сделал шаг вперед, вцепившись рукой в лацкан плаща анархиста, и незаметно протянул руку к его карману.

— А-а, нет мелочи! У тебя, наверное, только сотками! — с желчной завистью и злостью процедил сквозь зубы парень и ударил Ангела кулаком в живот. В этот момент его вторая рука уверенно сжала бумажник, сердце на миг замерло. Его глаза на один-единственный миг встретились с глазами подвыпившего анархиста. Черный Ангел дернул головой — его будто прошел насквозь тяжелый жгучий взгляд светлых глаз из-под низких ровных черных бровей. Подросток, только подросток, но что за глаза! Сколько в этих глазах было воинственности, мужества и ненависти ко всему миру!

Уже пряча украденный бумажник в карман, парень еще раз набросился на Черного Ангела:

— Ты еще и представитель власти, наверное, да?! Знал бы ты, ублюдок, как я вас всех ненавижу!

Он крепкой хваткой вцепился в руку мужчины и практически повис на ней, пытаясь провести болевой прием из дзюдо, но Ангел оказался куда сильнее — он устоял на ногах и оказал ощутимое сопротивление. Он ударил парня кулаком в живот справа, тот отступил и попытался сделать вид, что не почувствовал боли.

— Будущее за анархией! — прокричал он и убежал в темноту за выгруженные на берег контейнеры. Черный Ангел выругался пьяной бранью, поправил галстук и принялся ждать «Черных драконов» дальше. Он слышал шаги за углом.

— Скарлетт, Кифер, Виконт? Vivat anarchia, — нетерпеливо бросил он.

— Vivat anarchia, Черный Ангел, — ответили ему.

Парень, давший было деру с места преступления, заинтересовался этой беседой. Он прокрался обратно, ближе к анархисту и остановился за ближайшим контейнером. Парень наблюдал за происходящим из-за угла с опаской и интересом. Навстречу Черному Ангелу вышли двое мужчин и женщина. У первого, худощавого мужчины были темно-каштановые длинные волнистые волосы, собранные в хвост, и узкие очки в золотой оправе. Он был одет в серый костюм-тройку и имел при себе черный кожаный портфель. Второй мужчина оказался высоким и крепким, с армейской стрижкой и изрядно отросшей черной щетиной. Он был в джинсах, черной футболке и клетчатой рубашке, на его ремне с крупной пряжкой в виде дракона крепился футляр тактического ножа. С ними пришла женщина в длинном черном плаще, узких красных брюках и черно-красном корсете. Ее смолисто-черные волосы были распущены, над глазами красовались черные стрелки, губная помада была кроваво-красной. На поясе у женщины были две кобуры с пистолетами.

— Ну что, уже набрался? — спросила она и с отвращением посмотрела на Ангела.

— Ну, пропустил стакан-другой, и что? Моей эффективности это не мешает, — кивнул Черный Ангел и сунул руки в карманы плаща. Тут он заметно занервничал.

— Чего завелся? — спросила Скарлетт.

— У меня какой-то ушлепок бумажник спер! — гневно прорычал Ангел.

Анархист догадался, кто обокрал его. Он побежал к контейнерам быстро и проворно, несмотря на хмель. Вор тоже бросился бежать, но перецепился через брошенный на земле трос и упал, едва не вписавшись лицом в угол контейнера. Парень поднял глаза. Перед ним сидел на корточках человек в кожаном плаще, строгом костюме-тройке и начищенных до блеска туфлях.

— Круто ты меня обвел, пацан, — смеясь, проговорил мужчина. — Почти получилось. А теперь, — он резким движением схватил парня за руку, впившись сильными пальцами в чужую плоть, — отдай то, что украл!

Искаженное от боли лицо парня выражало злость, но никак не страх. Он схватил Ангела за обе руки и оторвал ноги от земли, надеясь ударить двумя подошвами в живот. Черный Ангел повалил его на землю и приложил головой об угол контейнера.

— Бумажник мой ты украл? — сурово глядя ему в глаза и скаля зубы, спрашивал мужчина.

Удар был чудовищной силы, резкая боль в ушах была подобна удару током, от чего мир в глазах парня на какой-то миг утратил ясность. Он припал спиной к контейнеру и ощутил, что с темени на лоб ему стекает какая-то холодная и вязкая жидкость. Он провел дрожащими пальцами по своим волосам и увидел на руке свежую кровь.

— Сучий ты сын! — свирепо закричал вор, впившись яростным взглядом в Черного Ангела. — Это твоя анархия?! Думаешь, мне мало от жизни досталось?! А я тебе ничего не сделал! Денег тебе жалко? Так забирай! — парень кинул бумажник, целясь Ангелу в лицо, но не попал. — Подавись! Ублюдок! Чтоб тебя...

Он не успел договорить — Черный Ангел ударил его ногой в правый бок, а потом схватил за горло и толкнул назад. Парень ударился затылком об угол контейнера и от боли потерял сознание.

— Так, так, так. Что у тебя тут? — осведомился, подойдя к Черному Ангелу, Кифер.

— Первая кровища, — проговорила Скарлетт с легкой ироничной улыбкой. — Правда, всего лишь ночующего на улице пацана.

— «От жизни досталось» — это че, дает право воровать?! — недовольно вскричал Ангел.

— Было б чего заводиться, а? — поставил его на место Кифер. — Ты просто пьян в задницу.

— И это дает Ангелу право устраивать людям сотрясение мозга, — заключил Виконт, поправив очки и снисходительно приподняв брови. — Я окажу этому пацану помощь. Может, станет нашим бойцом.

Ангел поднял на него блестящие пьяные глаза:

— Бойцом?! Он же сдохнет через два часа!

— Тот, у кого в пятнадцать — или сколько ему? — яйца крепче твоих? Ага! — саркастично закричала Скарлетт. — Он же тебе болевой пытался сделать — такими кадрами не разбрасываются!

— И он, походу, наш единомышленник, — уверенно и твердо добавил Кифер.

* * *

— Почему ты решила, что ему место среди «Черных драконов»? — спрашивал Морихей Уехиба у Скарлетт.

— Он не боится ни черта, ни Бога, ни боли, ни кровищи, — отвечала анархистка лидеру клана. — Я была просто в восторге, когда он попытался противостоять Черному Ангелу.

— Тебе понравилось, как этот малый его обворовал?

— Нет, Морихей! Если бы ты видел глаза этого пацана...

— А что глаза?

— Глаза, горящие ненавистью ко всему миру!

— Вполне объяснимо. Ты же наводила справки? Портовый хулиган, ночующий на улице.

— Ага. Настоящего имени никто не знает, но местные прозвали его Кастет, потому что пару раз в драке он ломал челюсти боганам. Кроме того, знаешь, где его видели чаще всего? Не на пирсе с гитарой, нет. В тире. Он не соревновался за какие-то там награды, нет. Он просто хотел научиться стрелять. А еще на улице он кричал Черному Ангелу: «Будущее за анархией».

Морихей вздрогнул всем телом, недоверчиво взглянув на Скарлетт.

— Повтори! — приказал он.

— «Будущее за анархией». Думаю, он такой же, как и мы — пропащая душа со сломанной судьбой. Он еще как приобщится к нашим идеалам.

— Посмотрим... — задумчиво проговорил Уехиба. — Посмотрим. Я поговорю с ним.

Женщина взяла Морихея под руку и повела по коридору.

Парень, пытавшийся в Перте ограбить Черного Ангела, сидел за столом в комнате Виконта. Сам Виконт отошел помыть руки, чтобы проверить его рану и обработать швы. Парень тщетно пытался вспомнить, что с ним произошло до прибытия сюда, впадина между его насупленных бровей стала еще глубже, чем обычно. Рядом сидел Кифер и с полнейшим безразличием чистил ногти огромным тактическим ножом. В комнату вошла Скарлетт, а с ней высокий и худой японец с выразительными скулами и римским носом, с испытывающей пронизательностью и самодовольным спокойствием во взгляде прищуренных глаз. Мужчина был в черном кожаном плаще с высоким заостренным воротником и вышитыми на плечах восточными драконами. Японец сел за стол и посмотрел подростку прямо в глаза.

— Как твое имя, откуда ты родом? — строго спросил он, как на допросе. — Рассказывай все о себе.

Парень опустил голову и прошептал:

— Я не знаю...

Японец неудовлетворенно хмыкнул, опустив уголки губ:

— Что значит: «Я не знаю»?

— Кто-то сильно дал мне по голове, — проговорил парень, потрогав пальцами зашитую рану на темени, и что-то прошипел сквозь зубы от боли.

— Это сотрясение мозга, — добавил, вернувшись в комнату, Виконт. — Ангел сильно приложил его башкой.

— Ты вообще ничего не помнишь о себе? — переспросил японец.

— Совершенно ничего, — развел руками парень.

— Что было у него при себе?

Кифер убрал нож в футляр на поясе и встал из-за стола:

— Мелкие деньги, «перо» в кармане и гитара.

Он положил на стол перед Морихеем чехол с инструментом, куда была брошена и мелочь, и складной нож уличного вора. Уехиба провел рукой по растрескавшемуся лаку на гитаре и пригляделся к четырем неровным буквам, выведенным на корпусе почти стершимся маркером.

— «KANO», — прочитал он. — И что же это значит?

— Понятия не имею, — бросил парень, потирая ладонью ноющий затылок.

Японец задумался, потирая двумя пальцами переносицу.

— Что ж, значит, ты сам дал себе новое имя, — утвердил он и вышел из комнаты.

* * *

Новобранец клана «Черный дракон» так и не вспомнил, что означали четыре затертые буквы на его старой гитаре — то ли его истинную фамилию, то ли псевдоним в честь основателя школы дзюдо, то ли отрывок его детского прозвища. Он даже не мог быть уверен, что гитара была подписана им самим, а не предыдущем владельцем, например, по фамилии Волкановски, или приехавшим из Западной Африки. Так или иначе, для самого парня это не составляло проблемы, он с легкостью принял свое новое имя и новую жизнь. Когда его рана зажила, Морихей Уехиба рассказал ему все о своем анархистском братстве и выдвинул условие:

— Обычно те, кто о нас много знает, но не разделяет наших взглядов, не выходят отсюда живыми. Но поскольку ты оказался здесь не по собственной воле, то если тебе не нравится наша позиция и ты не хочешь быть одним из нас, я разрешу тебе уйти. С жильем и документами поможем...

— Я не уйду! — резко перебил его Кэно. — Ваши взгляды очень близки мне по духу. Обучите меня, и я буду сражаться.

Его светло-карие глаза горели от азарта, и в то же время в их глубине клубилась тяжесть какой-то злобы. Морихей почувствовал, что его впечатляли и одновременно пугали эти глаза.

— За что ты будешь сражаться? — подняв брови, спросил он.

— За свободу! За анархию! За «Черных драконов»!

— В таком случае я смогу обучить тебя, — ответил японец и бегло улыбнулся, чуть закусив нижнюю губу в выражении недоброго азарта.

Утром следующего дня Уехиба вручил Кэно снайперскую винтовку Драгунова и приказал следовать за ним. Он привел парня на стрельбище, где несколько анархистов отбатывали свои навыки. Морихей взял бинокль и взглянул на мишени.

— Демон, неплохо, но винтовка немного забирает вверх. Нейт, отвратительно! Эд, пойдет. Ну, одна мишень свободна. Кэно, продемонстрируй, что можешь.

— Сколько раз стрелять? — спросил Кэно, ложась на землю и проверяя затвор.

— Патрон один.

Кэно выстрелил, не мешкая ни секунды. Тут же он присел на корточки, согнувшись и закусив губы. Он уронил СВД и схватился рукой за плечо. Морихей взглянул в бинокль и удивленно хмыкнул — выстрел был точным, но на полдюйма выше центра мишени.

— Сильная отдача. Я просто не привык, — попытался оправдаться Кэно, но это, казалось, было лишним.

— Попал, — констатировал японец. — Эх, если бы вы все так палили! — он перевел взгляд на Кэно. — Ты стрелял раньше?

— Не могу знать, — холодно ответил тот.

— Эту винтовку можешь оставить у себя. А сейчас тебя ждет Черный Ангел. Сказал, у него к тебе дело.

Парень провел пальцами по прикладу, спуску, холодному сверкающему стволу. Что-то величественное и захватывающее было в этом оружии, как, пожалуй, и в любом оружии. Разум его наполнялся желанием прийти сюда снова, чтобы вновь

ощутить мощную отдачу, сопровождающую каждый выстрел, от которой тепло расходуется от кистей рук по всему телу. А о боли в плече можно и забыть.

Что касается Черного Ангела, то Кэно совершенно недоумевал, как общаться с ним теперь. Этот человек чуть было его не убил! А с другой стороны? Он ведь благодаря Ангелу попал в клан... Кэно решил, что только время окончательно их рассудит.

Черный Ангел стоял посреди просторного спортзала, спрятав руки в карманы черных джинсов. Непричесанный, в черных кроссовках и белой футболке, он выглядел совсем иначе, чем по прибытию в Перт. Кэно смерил его взглядом и ничего не сказал.

— Послушай! — крикнул Черный Ангел, сделав пару шагов навстречу парню и кладя руку ему на плечо. — Я понимаю, что виноват перед тобой.

Кэно сбросил его руку со своего плеча и развернулся, собираясь уйти из зала.

— Стой, земляк! — крикнул Ангел, догнав его. — У меня к тебе другое дело! Морихей должен был сказать тебе. Я собирался учить тебя рукопашному бою.

— Зачем? Морихей сказал, что я хорошо стреляю.

Черный Ангел схватил его за грудки и резко впился в него глазами.

— Стрелять в спину умеют все! — выкрикнул он. — А ты попробуй один на один! Кулак на кулак! Для этого нужны действительно стальные яйца!

— Руки! — прорычал Кэно, оттолкнув Ангела, и взглянул в его черные глаза. Тот отступил, вспомнив ощущение, которое он испытал, встретившись глазами с Кэно тогда, в Перте. Сейчас он чувствовал себя еще более отвратительно: ему казалось, что его сжигает изнутри этот дикий, полный злости взгляд.

— Это распоряжение Уехибы! — прикрикнул Черный Ангел. — А ведь я мог бы тебя убить, — скаля зубы, заговорил он. — И убил бы! Я тоже могу припоминать тебе украденный бумажник до конца твоих дней! Тебе этого хочется? Но я простил тебя, земляк, поступил с тобой по-человечески, дал тебе шанс...

— А взамен отобрал мое прошлое и мое имя?! — выкрикнул в ответ Кэно. — Да еще и башку разбил! Спасибо на хер!

— Хочешь — возвращайся к своему дерьмовому прошлому! Шатайся дальше по улицам, воруй бумажники и получи однажды «перо» под ребра от богана!

— Это и есть мое прошлое?! Ты блефуешь!

— Значит, вообще ничего не помнишь, — окликнул парня голос с акцентом сзади, когда Черный Ангел, наконец, отпустил его. Это заключение сделал Морихей Уехиба.

— Конкретного ничего, — проговорил Кэно хриплым голосом. — Но насчет прошлого... Вы отвечаете за эти слова?

— В Австралии, в Перте мы пытались навести о тебе справки, — сообщил японец. — Ты воровал и ночевал на улице — это все, что о тебе известно. Но мне наплевать на это. Здесь тебе дадут совершенно иную жизнь.

— Ты говоришь: «Наводил справки»? Тебе известно мое настоящее имя?

Уехиба опустил голову:

— Нет.

Морихей грозно глянул на Черного Ангела, раздраженно наблюдающего за беседой:

— Выйди!

Анархист покинул зал и зашагал вперед по коридору, торопясь и не оборачиваясь. Уехиба тем временем вышел на середину зала для тренировок и скинул плащ.

— Я передумал. Я буду сам лично обучать тебя. Черный Ангел владеет отличными навыками, но пристрастие к алкоголю... Когда он пьян, он не рассчитывает удар. Скарлетт и Кифер говорили, что ты пытался завалить его приемом из дзюдо, — японец задумчиво почесал затылок. — Захваты, болевые в партере — это не совсем то, что нужно в подобной драке. Думаю, ты и сам это почувствовал. Стиль боя, которому я собираюсь обучить тебя, — с пафосом продолжил Морихей, — синъицюань — один из видов боевых искусств Китая, основанный на проработке внешней формы и волевого наполнения ударов. Это крайне жесткий стиль.

Кэно заметил три белых иероглифа и надпись «Xing Yi Quan league» на черной футболке главаря «Черных драконов».

— Ты член Лиги Синъицюань?

— С этого дня называй меня Мастером! Да, я был почетным членом этой Лиги. До того, как стал террористом во имя анархии. Здесь мы все приносим в жертву свою прошлую жизнь. Так вот, согласно китайской космогонии, мир основывается на взаимопереходе и взаимной борьбе пяти первостихий: земли, металла, воды, огня и дерева. В синъицюань используют два возможных типа их взаимодействий. Это «цикл взаимопорождения»: земля порождает металл, металл порождает воду, вода порождает дерево, дерево порождает огонь, огонь порождает землю. И «цикл взаимоподавления»: земля подавляет воду, вода подавляет огонь, огонь подавляет металл, металл подавляет дерево, дерево подавляет землю. Постепенно ты все это запомнишь.

— На этом и базируется нанесение и отражение ударов? Что-то не улавливаю связи...

— Именно на этом. Металлу соответствует рубящее движение сверху вниз, дереву — пробивающее движение, воде — буравящее движение снизу вверх, огню — взрывной удар с одновременным приподнимающим блокированием другой рукой, земле — поперечное блокирующее или сваливающее движение. Это основа классического стиля синъицюань — стиля точных и эффективных ударов. У каждого стиля боя своя философия. Боевые искусства на то так и названы, потому что каждое из них — это искусство.

— Красивые слова, но только слова, — разнесся по залу чей-то хриплый голос. — Прежде всего, это бой. Жестокий и беспощадный, и жестокость эта прикрыта красивой философией про взаимодействие первостихий и тому подобное. Назови бой тысячу раз искусством — смерть все равно всегда будет уродливой.

— Это твое субъективное мнение, Клык, — обернувшись на голос, строго сказал Морихей. — Хотел бы я переубедить тебя, но уже смирился, что проще плечом толкать грузовик. Но в чем-то ты все же прав.

Клык вошел в зал и осмотрел Кэно с головы до ног.

— Что за пацан? — совершенно холодно спросил он.

— Лучший «черный дракон», — ответил лидер клана с беглой ухмылкой и тут же внес поправку, — ну, в будущем...

— То есть?

— Возьмешься обучать парня ножевому бою?

Тусклый свет едва освещал загорелое лицо Клыка. Это был высокий, широкоплечий человек средних лет с темно-русыми волосами и опущенными вниз

усаами. На нем была джинсовая рубашка с галстуком боло в виде черной головы дракона и брюки из светлой кожи с бахромой по бокам, а также туфли с длинными носками и железными набойками и ковбойская шляпа, украшенная зубами какого-то хищного зверя. Несмотря на то, что мужчина давно носил прозвище Клык, за такую манеру в одежде друзья нередко называли его просто ковбоем. Клык был заядлым охотником, много времени проводил у себя на ранчо, а не на базе, пополняя свою коллекцию трофеев, и никто не мог ему на этот счет что-либо возразить, даже Уехиба. Кроме того, ковбой занимался изготовлением холодного оружия, преимущественно ножей и кинжалов. В ножевом бою ему не было равных — не удивительно, что учителем для Кэно Морихей избрал именно его. Мужчина скрестил за спиной руки, твердо обхватив пальцами рукояти двух ножей.

— Ты не ответил на предыдущий вопрос, — требовательно заметил он Уехибе.

Японец подошел к ковбою вплотную и шепнул ему на ухо:

— Когда придет наша смена, новое поколение анархистов, то все они будут лишь кирпичами в стене. А он... Он — это краеугольный камень!

— Кто «зодчие»? — поддержал аллегорию Клык.

— Я, ты, Скарлетт, Кифер...

— Ты допускаешь ошибку, Морихей, — недовольно качая головой, уведомил японца ковбой. — Кирпич ни слова тебе не скажет на твой проект, он — строительный материал в твоих руках. Но человек... Человек, да будет тебе известно, имеет собственное мнение. Ты не заставишь его идти против воли. Боюсь, ты не добьешься своих целей, если и дальше будешь смотреть на людей, как на ресурс.

— Чему еще вы собираетесь обучить меня? — прервал Кэно их беседу. Уехиба облегченно расслабился — спор с Клыком явно доставил ему недовольство. — Я видел нож Кифера. Весьма красивый нож. И эффективный. Такой если войдет в плоть, так войдет капитально! Я хотел бы в совершенстве владеть боем на ножах.

— Ах, да, — собрался с мыслями глава клана, — чуть не забыл. Я собирался научить тебя управлять боевой техникой, разбираться во взрывных устройствах и огнестрельном оружии. Я хочу сделать тебя одним из лучших «Черных драконов». Но обучение бою на ножах гораздо результативнее после освоения рукопашного боя...

— Неужели? — иронично бросил Клык и выхватил из-за спины один нож. — Кэно, так тебя кличут? Покажи, на что ты способен. Бей в полную силу, не бойся — я профессионал. Я должен знать, с кем мне предстоит работать.

Кэно взял нож и выставил кулаки перед грудью. Он ловил внимательным взглядом каждое движение Клыка, пытаясь перенять какую-нибудь долю его опыта, чтобы не ударить в грязь лицом. К его удивлению мужчина не стал в боевую стойку — он стоял спокойно и расслабленно, раскинув руки в стороны, и перебрасывал в правой руке нож, будто игрался им, как ни в чем не бывало. Кэно выбросил руку вперед легко и неуверенно, боясь нанести вред противнику, но его рука была мгновенно перехвачена. Клык стиснул пальцы с небывалой силой, в парень почувствовал в мышцах нарастающую боль, в то время как холодное лезвие всей длиной легло на его шею. Каменное лицо ковбоя не дрогнуло — он отпустил парня и снова отошел, начиная новый бой. «Да уж, была бы это реальная драка — он бы меня зарезал», — тревожно сообразил Кэно и попытался сосредоточить все усилия. Морихей наблюдал за испытанием с содроганием сердца и азартом, его тонкие губы дергались, то и дело растягиваясь в нервную улыбку, когда прищуренные глаза японца следили за пляской

сияющих клинков, острых, как лезвие бритвы. Здесь неверное движение могло стать роковым, но японец мог положиться на опыт, расчет и холодный разум Клыка.

Кэно попытался ударить Клыка по правой руке, но тот мастерски заблокировал удар. Парень бросился на него еще раз, но и эта атака была отражена, и в тот же момент ковбой замахнулся ножом на него. Кэно инстинктивно попытался перехватить его руку, хотя и понимал, что силы на это ему не хватит. Клык позволил ему сделать это, но зато нанес ему мощнейший удар ногой по колену. Естественно, этот удар легко свалил парня с ног, он упал и выронил нож, когда ушиб локоть о пол, и боль прострелила руку от локтя и до кончиков пальцев. Клык молниеносно поставил ногу ему на шею так, что парень почувствовал под челюстью тупую боль и холод стальной набойки.

— Я снес бы тебе голову сейчас, — отметил мужчина. — Вставай. Еще раз.

В этот раз Клык занял боевую позицию, выставив руки перед собой, а клинок ножа прижимая к предплечью. Нож лег на его руку легко и плавно, точно вдоль локтевой и лучевой кости, как будто был продолжением руки ковбоя. Кэно попытался занять ту же стойку. «И у этой позиции должны быть недостатки», — сообразил он, и тут же Клык продемонстрировал ему, какие именно — полоснул ножом по правой ноге. Кэно ударил рукой по гарде ножа, и это спасло его — лезвие только вспороло штанину. Он бросился вперед и хотел вонзить клинок между ребер противника, но его опять остановил страх — ведь на самом деле этот человек не был ему врагом. Воспользовавшись этим замешательством, мужчина развернулся и схватил парня за горло.

— Стоп! Вот! Ты увернулся и попробовал ударить в незащищенную точку. Это уже ближе к истине.

Он отпустил Кэно. Тот с трудом удержался на ногах, переводя дух. Никогда в жизни его сердце не колотилось так сильно. Может, потому, что еще ни разу ему не приходилось по-настоящему сражаться за свою жизнь с действительно подготовленными противниками, а не с пьяными австралийскими работягами.

— Что ж, неплохо... — сделал вывод Клык. — Как для обывателя. Ты действуешь инстинктивно, и твои инстинкты тебя не подводят. Но слишком много лишних, ненужных движений, тем более что ты вкладываешь всю силу в удар, не рассчитываешь его. Я бы не сказал, что тебе не хватает меткости, наоборот. Но ты должен предугадывать действия противника. Ты бьешь необдуманно. Ты просто вцепился в рукоять ножа и пытаешься ударить как можно сильнее. А здесь не нужна грубая сила. Нужна ловкость, внимание и расчет. Нож должен стать одушевленным предметом в твоих руках.

Кэно напряженно переводил дыхание. Эти слова поистине вдохновляли его. Казалось, ему начинала нравиться жизнь, которой он на днях едва не лишился.

Гематома на плече после выстрела из СВД прошла только через неделю. Впрочем, теперь, когда Скарлетт регулярно практиковала с ним стрельбу и бой с огнестрельным оружием в руках, плечо болело постоянно, а потом добавились еще и мозоли на ладонях, из-за чего сложнее стало держать рукоять ножа. Синьцзян же Кэно осваивал быстро и с таким рвением, что вскоре начал пытаться добавить в боевой стиль собственные приемы, чем Уехиба был крайне недоволен при всех успехах своего ученика. Кифер много рассказывал об огнестрельном оружии, о боевой технике, парень постоянно копался с ним вместе в моторах, а также помогал изготавливать взрывные механизмы. Клык вообще оказался человеком-

энциклопедией. Казалось, он нашел бы общий язык с кем угодно — в любой теме он ориентировался прекрасно, ответ на любой вопрос знал, как свои пять пальцев. Это он помогал Морихею в разработке теории анархизма, и теперь с радостью выкладывал положения этой теории Кэно. Ковбой часто рассказывал об армии, о ведении боя, о способах выживания, и парень не мог представить, как в человеческом мозгу может укладываться такой объем информации.

Неплохими у «Черных драконов» были и развлечения — пиво, мотоциклы и рок-музыка. Правда, не после каждого боевого выхода анархисты закатывали шумное празднование. Клан нес потери, и Кэно неизбежно чувствовал со всеми горький вкус этих потерь, смешанный с крепким алкоголем. Когда парня совсем одолевала всеобщая тоска, к которой он не был привыкшим, он уходил с подземной базы за гаражный комплекс. Там он, пытаясь ни о чем не думать, наблюдал за пауками, кидал мух в паутину, созерцая, как молниеносный хищник расправляется со своей добычей. В один из таких моментов к нему пришла мысль, что вся Земля, весь мир — лишь огромная смертоносная паутина. Одни, как пауки, сидят в засаде и ждут тех, кто попадет в их расставленные сети. Кэно начинал понимать, что в мире на самом деле нет свободы. Он решил для себя одно: выживать должен сильнейший. Право, сказать так мог лишь совершенно несчастный и весьма одинокий человек.

В пятнадцать лет под руководством Клыка Кэно изготовил свой первый нож. Этот клинок стал первым прообразом его будущего несменного рабочего инструмента, который получил название «Raptor». Этот нож Кэно стал носить с собой все время, а позже сам изготовил ему пару. Он испытывал эстетическое удовольствие, глядя на оружие, оно действительно становилось его продолжением.

В том же году Морихей отправил парня в сопровождении двух опытных соклановцев, но только для страховки, на первую серьезную боевую операцию. Задача была не из простых — достать на заводе в соседнем штате термитную смесь. На самом деле это была лишь проверка его навыков. Кэно справился с задачей, хоть и грубо.

— Охрану перестрелял? — спрашивал Уехиба.

— И охрану, и рабочих, что преградили дорогу, — преспокойно отвечал Кэно, хотя сердце все еще дергалось после пережитого — он ввязался в тяжелую и жестокую кровавую бойню, впервые в своей и до того нелегкой жизни. — Что было потом, с полицией, Вы в курсе, Мастер.

— А ты куда более жестокий, чем я предполагал, — произнес вожак, потирая шею. — Или это здесь тебя так изменили?

Кэно не посчитал нужным ответить, хотя заявление весьма удивило его.

— Что у тебя за глаза? — прошептал Морихей, нарочно сталкиваясь с ним взглядом.

— О чем Вы, Мастер?

— Ужасные глаза... Дьявольские.

Парень недовольно оскалил зубы:

— Я Вас не понял...

— Ладно! — японец махнул рукой и поспешил уйти, оставив Кэно в злости и раздумьях.

Вечером нужно было продолжить тренировку. Но Клык, заметив подавленное настроение Кэно, предложил молча выпить по кружке пива. Никто из них не решался заговорить. Горящие глаза Кэно померкли, и ковбой чувствовал, что парень молчит не

просто так. Клык пытался следить за ним, но Кэно замечал это. Тишина становилась мучительной, но разговор стал бы еще более болезненным.

Тишину не пришлось слушать долго — ее раздробил на мельчайшие осколки грохот взрыва. Что-то неистово рвануло невдалеке от базы. Клык и Кэно одновременно, будто сговорившись, вскочили из-за стола и кинулись наверх. Огонь и дым виднелись над гаражным комплексом. Навстречу бежал взмыленный, скорчивший взбешенную гримасу Морихей.

— Кэно, чтоб ты сдох! Ты мой гараж взорвал?! — заорал японец так гневно, что даже его акцент бесследно пропал.

Кэно так и застыл на месте, уставившись на Уехибу и открыв рот, но не сказав ни слова.

— Да иди ты в задницу, япоша! — гаркнул на Морихея Клык. — Он со мной пиво пил!

— Тогда кому он отдал термит? Горел именно термит!

— А я помню! — послал его Кэно.

Разозленный до крайности японец пошел разбираться дальше. Кэно зачарованно смотрел на последствия взрыва: серое небо, серая земля, ядовитая серая пыль над землей, режущая глаза и легкие. Черные силуэты старых деревьев и черные обгорелые стены разрушенного гаража. У свободы, как подумалось ему, странный цвет — черно-белый, странный вкус хрустящего на зубах пепла, странный запах сгоревшего до тлена старого мира.

Кэно отер выступивший на лбу и над верхней губой пот, совершенно не ожидая, что Клык схватит его за горло, когда в следующую секунду произошло именно это.

— Говори, что удумал? — шепотом прошипел он. — Я видел у тебя под курткой детонатор!

— Я честь свою защищал, — прохрипел убитый ужасом Кэно.

Клык все понял. Он отпустил парня. Теперь вопреки любым канонам и уставам он зарекся молчать — Морихей хоть и отрекся от кодексов чести, но за проступки, еще и намеренные, спрашивал по всей строгости. В лучшем случае он мог выгнать новобранца из клана, в худшем подставить, упечь в тюрьму или даже убить. На самом деле последний вариант стоило называть самой легкой расплатой.

Никто не прогнал Кэно вон из клана — парень сам ушел через пару дней, никому ничего не сказав. А еще через несколько дней его нашел его главный наставник — Клык. Совершенно случайно. Ковбой просто поехал в город на мотоцикле, пропустить в баре одну-другую кружку пивка. Он припарковал железного коня около замороженной забегаловки. Его встречали стальная дверь, выкрашенная зеленой краской, заляпанная грязью и разукрашенная отпечатками обуви, и неоновая вывеска, на которой половина букв не горела, а половина отпала вовсе — когда-то здесь было написано «Valhalla», теперь осталось только «V...lha...l...». Но анархисты любили это место, не смотря ни на что, Морихей даже обещал выделить деньги, чтобы привести в порядок питейное заведение. Клык в лирической задумчивости прошел мимо серебристых мусорных баков, нагроможденных на углу здания, но вдруг остановился. Прислонившись к стене спиной, на асфальте сидел знакомый рослый парень в рваных джинсах и черной кожаной куртке, с диким, отчужденным, но полным внутреннего огня взглядом исподлобья светло-карих глаз и с серьгой в левом ухе.

— Скажи, ковбой, — бросил Кэно, краем глаза заприметив наставника, — что такое судьба? Можно ли ее выбрать? Может ли кто-то сражаться с ней?

Клык тревожно взгляделся в блестящее от пота молодое лицо с редкой щетиной на подбородке, с отрешенным бешеным взглядом, будто ищущим что-то вдали, на горизонте, и искусанными губами.

— Твою ж мать! Под чем ты? Экстази? Мескалин?

— Под свободой, — невнятно ответил парень, и его глаза покраснели от подступивших слез. — Клык, принеси чего-нибудь промочить горло...

Мужчина зашел в бар, понимая, что сейчас разговаривать с ним и что-либо выяснять было совершенно бесполезно. Ковбой попросил у бармена бутылку воды. Кэно же на самом деле мало волновал вопрос, чем утолить жажду. Он смотрел на блестящий отполированным хромом мотоцикл Клыка, освещенный горячими лучами оранжевого заката. Зверь! Очень красивый мотоцикл. Воплощенная в металле и скорости красота свободы. Кэно встал с асфальта, от волнения закусив нижнюю губу. Он запрыгнул на мотоцикл и завел двигатель.

— Какого дьявола?! — вскричал Клык и вскочил из-за стойки, услышав рев своей машины.

Он выбежал на улицу, но Кэно уже, разогнавшись на полную, уносился прочь, показывая ошеломленному ковбою средний палец. Парень не заметил, как выскочил на встречную полосу, оставив на белом пунктире след паленой резины.

— Мой байк! — заорал вслед анархист, схватившись за голову — его ковбойская шляпа покатила по асфальту.

— Пошло оно все! — уже на приличном расстоянии выкрикивал Кэно, запрокинув голову и вскидывая кулак с выставленным средним пальцем к горящему красным огнем небу. В это время навстречу угонщику понесся разозленный стальной монстр — тяжелый грузовик Peterbuilt. Кэно ударил по тормозам, но было поздно. Удар при столкновении согнул пополам колесо и погнул вилку мотоцикла. Самого угонщика отшвырнуло на дорогу с кувырком в воздухе. Он кое-как сгруппировался в момент падения и остался жив. Парень не понял, что и как именно произошло. В лучах заката над ним вырисовался силуэт мужчины в ковбойской шляпе. Кэно ощупал грязной ладонью вымоченные кровью волосы... На этом воспоминания оборвались.

Он пришел в себя. Значит, он выжил. Он сидел на теплом, выстланном деревом полу, и на нем не было ничего, кроме рваных джинсов, его напряженные мускулы блестели от обильного пота. Осмотревшись, парень понял, что очутился в помещении, которого раньше не видел — светлый паркет, дощатые стены, огромные окна, на полу шкуры животных, а возле коричневого кожаного дивана на металлических стойках чучела диких птиц. На стене висели скрещенные охотничьи ружья в окружении множества образцов холодного оружия.

— Клык! — закричал Кэно, осознав, что находится на ранчо у наставника. Он хотел встать, но во всем теле была такая разбитость и слабость, что он моментально рухнул на пол. Что-то рвануло его руку вверх — он оказался прикован наручникам к трубе батареи.

— Дьявол, зачем это? — лихорадочно подумал парень.

— Разговор у нас будет серьезным! — продиктовал грозный низкий голос ковбоя.

Клык медленно, чеканя шаг, заткнув большой палец за ремень, подошел к Кэно и выставил из-за спины руку, сжимающую нож.

— Лучше бы тебе отвечать с первого раза, — пригрозил мужчина. — Начнем с простого вопроса: зачем ты врешь?!

— О чем? — невольно переспросил Кэно и тут же пожалел об этом — Клык приставил лезвие к его горлу.

— Я все понял уже давно. Я следил за тобой, — заговорил шепотом Клык, с каждым словом сильнее прижимая лезвие к шее Кэно. — Я ложь на нюх чую! Все ты помнишь о своем прошлом! И теперь я повторяю: зачем ты врешь?

— Ты псих! — в отчаянии заорал парень. — На какой хер нож доставать?! Да я чуть штаны не намочил...

— Не намочил же — вот и хорошо, — черство проговорил Клык. — Отвечай на вопрос.

Кэно не мог произнести ни слова. Почувствовав его страх, ковбой убрал нож от его горла. Кэно опустил голову и закрыл глаза.

— Так мне проще, — прошептал он, будто умоляя Клыка закончить этот допрос. — Я хотел начать новую жизнь.

— Отречься от всего, что было? — с укоризной спросил мужчина.

— А как еще я мог?! — Кэно понуро уставился в пол и заговорил честно: — Я же ублюдок. Я сын серийного убийцы, а мать умерла от наркоты. С пяти лет по сути преступник, вор. Совсем обычный, если не считать того, что я убил своего отца. И ты хочешь, чтобы я всем это рассказал? — он перешел на крик, дикие глаза налились кровью: — Да я проклиная свое прошлое и своих родителей!

Клык со всей силы ударил его в плечо.

— Кем бы они ни были, они тебе жизнь дали! — продиктовал он.

— Не могу сказать, что я им благодарен! — метнув на мужчину безумный, будто не от мира сего, взгляд, заявил Кэно.

Ковбой ударил его еще раз, на это раз по ребрам слева. Парень хрипло застонал.

— На самом деле, я подозревал, что так ты и ответишь. Дальше я угадаю: по этой причине ты и закинулся. И это ведь не в первый раз?

Кэно осознавал, что выбора не было — Клык бескомпромиссно требовал честного рассказа о его бесславной жизни в Перте.

Жизнь в столице Западной Австралии, куда он перебрался навсегда после убийства отца, была вполне сносной даже для того, кто ночевал на улице. Рядом всегда был Индийский океан, на пляже можно было и спать, и зарабатывать — как местные, так и туристы охотно давали деньги за игру на гитаре, а могли даже купить приличную еду и выпивку. Для Кэно, который к тому же приобрел определенные навыки в воровстве и уличных драках, жизнь на улицах Перта вовсе позволяла ни в чем не нуждаться. Боганы — простые грубые работяги с приличными заработками — ежедневно стекались к обилию пабов и к шести вечера уже достигали кондиции. Чаще всего грабить их не составляло труда, но когда ловкости рук все же оказывалось недостаточно, Кэно вполне успешно пускал в ход кулаки. Некоторые рабочие мужики даже восхищались такой смелостью уличного карманника.

Он тратил деньги на тренировки в тирах, а также часто дежурил под окнами школы дзюдо, пытаясь запомнить выполнение приемов. Парень практически каждый день отжимался, чтобы укрепить кулаки, и отрабатывал удары на стволах деревьев. Часть скромных честных и преступных заработков Кэно пытался отложить на покупку огнестрельного оружия, но обычно спускал их на «траву», когда накатывало отчаяние. А оно неизбежно возвращалось, всегда возвращалось. Перед ним вставала истина о том, что у него нет никакого будущего, и он смирялся с этим, убежденный, что так и полагается ублюдку. И он искал способ расслабиться, чтобы иначе взглянуть на свое

положение вне жизни — по крайней мере, он был вне подчинения власти, всех представителей которой Кэно считал кончеными уродами. И, по крайней мере, от него эти твари никогда не дождутся ни цента налогов, до самого конца его неизбежно короткой, но вольной жизни.

Через полтора года Кэно стал завсегдатаем митингов против действующего правительства. И ему было совершенно не важно, какое отношение правительство могло иметь к регулярным лесным пожарам и другим экологическим бедствиям. Главное, что был повод и возможность послать их всех на хер. В его мечтах Австралия могла однажды стать подобием пиратской страны без власти, но с собственным уникальным кодексом чести. Кэно слышал, что в США есть такие «Черные драконы», которые тоже ненавидят любую власть, и нередко мечтал о том, чтобы они пришли в Австралию. Тут они, как ему тогда казалось, могли построить свой новый мир.

На одном из таких митингов он познакомился с боевой девицей по прозвищу Гиена. Она была старше его года на четыре, на что было начхать и ему, и ей. Она носила обтягивающие кожаные брюки с цепями на поясе и рваную майку в стеку, а ее черные волосы были растрепаны в актуальной тогда рокерской прическе. Той же ночью, после того, как пришлось в мыле уходить от полиции, разгонявшей забастовку, они вместе нагишом купались в океане, целовались и, конечно же, не остановились на этом. Впрочем, страсть не обернулась разочарованием, и после той незабываемой ночи они промышляли на улицах вместе, преступным дуэтом.

С Гиеной через какое-то время Кэно пошел дальше «травы», все с теми же целями — чтобы расслабиться и посмотреть на мир чуть с меньшей ненавистью. В портовом городе контрабанда была обычным делом, и достать практически что угодно не составляло проблемы. Вскоре парень перепробовал практически все известные психоделики, пару раз дошел до мета, но, к счастью, дальше кокаина заходить уже не стал. Кэно, желавшему стать сильным бойцом, было, что терять, в отличие от совершенно лишенной тормозов Гиены, давно пристрастившейся к героину. И хотя употреблять ему хотелось постоянно, у него было достаточно силы воли, чтобы долго держаться чистым.

Преступный дуэт жил в свое удовольствие, которым были, как по классике, секс, наркотики и рок-н-ролл, но с добавлением воровства, разбоя, драк и антиправительственных митингов. Гиена была прекрасна под кайфом и в такие моменты заражала любовью к жизни, и не важно, что любовь эта была искаженной. Вера в то, что все, что происходит, действительно прекрасно, была необузданно притягательной. Все переломалось сокрушительным ударом жизни в один день, когда парень проснулся на пляже с холодным мертвым телом на руках. Очевидно, Гиены не стало из-за передозировки. Боль и отчаяние накатили с такой силой, как никогда прежде. Теперь в душе образовалась пустота, отчего эту самую душу поглотил холод. Вернулось осознание никчемности жизни, в которой нет желаний, стремлений и целей.

Кэно не знал, что делать. Он просто ушел с пляжа, оставив Гиену там, навеки умиротворенную и прекрасную. Он весь день бежал, бежал как можно дальше от этого пляжа, бежал на окраины, бежал, сколько было сил. Он не возвращался в город несколько дней, а когда вернулся, еще не меньше месяца жил одной лишь игрой на гитаре. Парень чувствовал, что у него нет ни сил, ни внимательности, чтобы воровать. И все же в итоге он вернулся к этому бесславному ремеслу, и снова ради психоделиков. Ради встречи с судьбой лицом к лицу, как мог бы объяснить теперь

Кэно эту потребность в изменении состояния сознания. Он силился держаться и без допинга, но все равно раз за разом его одолевало желание почувствовать ослепительную ясность. Кэно сам не ожидал, что эта жажда снова нагонит его после вступления в ряды «Черных драконов». Что не так было с этим кланом? Ничего. Просто мир оказался сложнее, чем виделся в мечтах. Да и мечты стали не призрачной надеждой, а приземленной конкретной целью, за которую нужно было приносить реальные жертвы. Громадные жертвы. А Кэно так и не чувствовал, что такой ублюдок как он, сможет внести вклад в реальное мужицкое дело войны за свободу.

— Мне хотелось этого каждый гребаный день здесь! — признался он ковбою, кончив свою исповедь. — Только так я могу вернуть это чувство, словно я чистый, свободный, и могу все, что угодно делать со своей жизнью! Мне это было нужно не для того, чтобы смотреть, какими цветами может переливаться солнце или чтобы увидеть музыку потоком света. Мне нужно это чувство! Что я не конченный! Что мои корни и моя жизнь — это все херня. Все это кажется ничтожным! И тогда я знаю, зачем мне жить. Я начинаю верить, что стоит жить дальше, несмотря на все мои косяки. Это украсило мои страдания. Все, что когда-то было плохо, стало прекрасным, потому что в этих страданиях я стоял, как спартанец!

Клык ударил его еще раз, засветив кулаком в зубы. Кровь сорвалась с разбитых губ на крепкий загорелый торс, блестящий от пота. Кэно поднял на наставника светлоглазые глаза в ожидании очередной заслуженной кары, но вместо нового удара ковбой достал ключи от наручников. Он освободил парня, сел рядом с ним на паркетный пол и по-отечески обнял воспитанника.

— Не воспевай страдания, — продиктовал он задумчиво и мрачно. — Они еще покажутся тебе мелочью. В жизни им нет предела. И если мы знаем это, то все мы в ней спартанцы. А у тебя мозги есть, и неплохие — это осознание будет с тобой и без психоделиков. Тем более не стоило мешать с алкоголем. Все могло закончиться.

Кэно с болью в глазах оскалил окровавленные зубы:

— Может, я хотел помереть, видя мир таким, как в Перте! И себя тоже! Чтобы на скорости сердце остановилось, когда я въезжаю в закат! Мордой в грязь — и в Вальхаллу!

— Я могу понять это. Но ведь и эта идея пришла к тебе не просто так.

Парень задумчиво уставился в одну точку:

— Когда-то я воображал себя пиратом по прозвищу Пушечное Ядро...

— Так вот откуда тот «коронный» прием, который ты пытаешься лично от себя добавить в синъицюань, — усмехнулся ковбой, но Кэно его будто и не услышал.

— Теперь мне стоило бы сменить прозвище на Пушечное Мясо. Уйти о этого я не смог. Это судьба? Если не въехал в закат, то умру на передовой. Из тех, кто меня страховал, когда за нами увязались копы, Черный Ангел остался в живых, а Саттар — нет. Морихей считает, что я могу стать лучшим, потому что все вы можете дать мне лучшее. Но если мне суждено погибнуть, все это мне не поможет!

Клык глубоко вздохнул:

— Ты боишься умереть?

— Да нет... — махнул рукой Кэно.

— Все бояться, — твердо перебил его наставник. — Если кто-то говорит, что не боялся на войне — пусть не заливают. Я офицером прошел всю Корею. От Пусана до самого Пхеньяна и обратно. И каждый день было страшно, как в первый. Это значит,

что ты хочешь жить. А это главный залог выживания, остальное все херня. Хочешь жить — выживешь.

Кэно несколько минут молчал, размышляя над его словами. Он тягостно выдохнул, прежде чем продолжить:

— Смерть меня не пугает. Просто... Меня устраивает, что у меня две ноги, две руки, что голова целая и все остальное. Я слышал, как взрывом полтела отрывает...

Клык сильнее сжал руку на его плече и, склонившись к самому его уху, сквозь стиснутые зубы проговорил, как отчеканил:

— Это правда. Это еще страшнее, если покалечат. Но мы тут все без соплей. Если такое страшное ранение — проси кого угодно, и любой из нас поможет тебе оборвать мучения. Мордой в грязь — и в Вальхаллу.

Ковбой встал и взял со стола портсигар. Он снова сел у стены, кинул одну сигару себе в зубы, а вторую предложил Кэно.

— Это хорошая вещь, хотя я нечасто курю. Но ты заставил меня психануть. Тебе повезло, что я нашел тебя там, а не Морихей, хотя за то, что ты ушел, твой Мастер с тебя еще спросит. Кстати, ты какого года рождения?

— Пятьдесят второго, — признался парень. Ковбой усмехнулся:

— Это ему понравится. Ты можешь много ему не говорить, а лучше вообще ничего не объясняй. Просто извинись. Но если он меня спросит о подробностях, я скажу ему все, как есть. Разумная свобода начинается с личной ответственности. Хочешь свободы — значит, вкладывайся. Ломай себя. И слезь со всего окончательно.

Они докурили сигары в молчании. После Клык дал парню время привести себя в порядок и отвез его обратно на секретную базу «Черных драконов».

Морихей принял извинения с одним условием — он потребовал публичного наказания. Кэно должен был сразиться в рукопашную против своего Мастера на глазах у всех анархистов, и Уехиба даже не думал давать ученику хоть малейшую фору. Именно в этом бою Кэно смог сполна почувствовать, какую малую долю техники синъицюань ему удалось освоить, и что японец не просто так говорил, что на изучение боевого искусства уходит вся жизнь. Не помогли и попытки провести прием собственного изобретения. Кэно видел сквозь красную пелену злорадную ухмылку Черного Ангела и горящие глаза Скарлетт, которая всегда заводилась от вида крови. Остальные «Черные драконы» наблюдали его избиение с молчаливым смирением. Однако, когда неравный бой в воспитательных целях был закончен, все члены клана стали смотреть на него с долей уважения.

Оправившись после поединка с Мастером, Кэно продолжил обучение с усердием и ответственностью — он более не хотел подводить людей, так много сделавших для него. Более он никогда не подпитывал свою силу воли и уверенность в правильности действий наркотическими препаратами. Морихея радовало то, с какой скоростью парень усваивал уроки — у него была приличная сила и цепкий ум, он многое схватывал налету. Глава клана порой даже поговаривал, что именно за Кэно будущее анархистского клана. И в этом вопросе Клык всегда был согласен с ним.

Через год Кэно стал истинным бойцом клана — он все чаще участвовал в операциях наравне с другими «Черными драконами», вступил с ними в непримиримую войну с вражеским кланом. В одной из стычек с «Красным драконом» враг, как оказалось, имел преимущества и по вооружению, и по числу, однако анархисты не отступили и сражались до конца. Кэно получил два ножевых ранения в живот, но это он окончил бойню, пристрелив последнего вражеского наемника и

установив на месте бойни черный флаг анархистов. С поля битвы его унес один из его учителей — Кифер.

— Раны у него плохие. У тебя нет обезболивающего? — спросил он у Виконта, кладя раненого парня на операционный стол.

— Нет, — покачал головой Виконт, надевая медицинские перчатки.

Кэно чувствовал, что теряет сознание. Боль и жар выматывали его.

— Пауки... Пауки... — срывался невнятный шепот с его пересохших губ.

— Он бредит! — оскалился Кифер на медика. — У тебя должно хоть что-то быть, мать твою!

Виконт взглянул на него поверх очков с выражением сожаления и раскаяния:

— У меня есть. Но Морихей под страхом смерти запретил!

Кифер ударил ладонью по столу, грязно выругавшись со всей захлестывающей злостью, и покинул операционную.

Только к осени того же года Кэно смог почувствовать себя лучше. Уныние и боль, морившие его все это время, еще оставляли в сознании свое горькое послевкусие, и нужно было найти средство, чтобы избавиться от них окончательно. Он спросил ковбоя, не хочет ли тот «взять отпуск» и поохотиться. Ответ Клыка последовал без колебаний:

— Едем ко мне на ранчо койотов гонять.

Техасскую осень нельзя было назвать слишком живописной. Здесь не было возможности полюбоваться желтизной и багрянцем палой листвы, и взору человека с душой художника оставалось довольствоваться только выжженной травой бескрайних прерий.

— Эти серо-бурые хищники обнаглели до предела, — сетовал Клык, ложась в траву и заряжая ружье. — Хотя у нас тут в последнее время завелись такие уникамы, которые списывают их злодеяния на мифическую тварь — вампира чупакабру.

Кэно беззвучно засмеялся. Вдруг что-то зашуршало впереди в сухой траве. Луговой волк пробежал так близко, что до него было рукой подать. Клык, кажется, удивился этому и замешкался, но Кэно выстрелил. Послышался жалобный скулеж. Ковбой встал и пошел вперед. На траве лежал мертвый койот.

— Ты попал прямо в сердце, — похвалил Клык. — Научу тебя правильно снимать и выделывать шкуру. Будет первый трофей.

Парень подошел к наставнику и присел возле убитого койота. Кэно протянул руку к огнестрельной ране в боку хищника и макнул пальцы в свежую кровь. Вдруг Клык окликнул его:

— Кэно.

— Что не так, ковбой? — спросил тот, намазывая щеки кровью убитого зверя. Капли алой жидкости медленно скатывались на его шею по редкой темной щетине.

— Морихей сказал мне, что скоро устроит тебе настоящее крещение кровью.

— Людей убивать, наверное, придется, — равнодушно произнес Кэно. — Хотя, че в этом нового?

— Скажи, а когда ты попал в ту перестрелку с полицией, у тебя была какая-то... жалость что ли к человеку?

Кэно отрицательно покачал головой:

— Нет. Если представить, что мир — паутина, то мы — пауки. А паук — хищник! Он не знает жалости к добыче! К таким мухам, слетающихся на дерьмо, называемое властью!

— Делишь людей на пауков и мух. Странно. Обычно человеческая гордость не позволяет людям ассоциировать себя с насекомыми. Похоже, только австралиец мог придумать такую теорию. Скучаешь по родине?

Парень проигнорировал вопрос ковбоя — он заострил внимание на других словах наставника:

— Гордость? Паук — машина, созданная природой для убийства. А мы что, для другого живем?

— Знаешь, — с интонацией грусти в задумчивом голосе проговорил Клык, глядя в глаза Кэно, — ты мыслишь весьма нестандартно. У тебя могло быть большое будущее, а ты раньше срока стал в ряды террористов...

— Так должно было быть, — уверенно ответил Кэно. Клык смотрел на него с отеческой тоской и уважением.

— Но пауки... Дьявол, мало кто посчитает их хорошим знаком!

Кэно задумался и угрюмо произнес:

— Знаешь, ковбой, после боя с «Красными драконами», когда я был на грани потери сознания, у меня были галлюцинации. Будто я нахожусь в каком-то темном и сыром подвале, и со всех сторон — пауки. Их тысячи. Хочешь сказать, это что-то значит?

— Если паук атакует или пытается укусить — это символизирует предательство, — сообщил Клык.

— Меня кто-то предал? — насторожился Кэно.

— Или предаст.

Парень опустил ружье и сел на траву. Эта новость повергла его в замешательство и тоску. Его отвлек от мрачных раздумий голос Клыка. Наставник положил руку ему на плечо и прошептал ему на ухо:

— Кэно, будь я твоим отцом, я бы смело сказал, что Бог дал мне достойного сына, — с этими словами Клык отдал парню серебряный крест на черном шнурке, который никто никогда не видел под рубашкой ковбоя.

— Зачем? — недоуменно бросил Кэно. — Я атеист.

— Неверующий, — разочарованно опустил голову Клык. — Тебе будет тяжело.

Услышав это, Кэно засмеялся:

— Но я же краеугольный камень! Я должен выдерживать всю тяжесть.

Ковбой гордым жестом поправил шляпу и ответил:

— Знаешь, Кэно, это так. Ты выдержишь все, что угодно. Я вижу это в твоих глазах. И это значит, что у тебя никто не сможет отнять свободу.

— Я умру за нее, Клык! — с улыбкой на лице и каким-то внутренним огнем в глазах выкрикнул парень и ударил себя кулаком в грудь. Мужчина одобрительно кивнул, но в голосе его звучала грусть:

— Здесь ты прав. Умирать стоит только за нее. Тогда можно верить, что умираешь победителем. Несмотря ни на что... Знаю: звучит, как бред! Черт с ним! — он досадно махнул рукой и взглянул парню в глаза. — Не забывай меня.

— Все в порядке, Клык, — развязно ответил Кэно. — Тебя попробуй забыть!

С удрученным видом Клык погрузил убитого койота в фургон. Кэно сел в машину и положил ружье на колени. Он чувствовал, что мужчина чего-то недоговаривает. Нечто было ему известно о том, что будет, но он решил об этом умолчать. Странно. Да еще и Морихей ожидал его с какой-то новостью, а потому нужно было как можно скорее вернуться на базу.

Холодным дождливым осенним вечером следующего дня в гараж, где Кэно возился с мотоциклом, зашел Морихей Уехиба, чтобы сказать одно: «Твой наставник Клык мертв. Он ошибался в тебе. Я тоже. Тебе не место в моем клане».

— В чем я допустил ошибку, Мастер?

Морихей прикусил губы, будто недоговаривал чего-то:

— Это была надуманная война. Настоящей ты не видел. Я хочу, чтобы ты понял, за что мы боремся. Собирай вещи.

Тогда это объяснение показалось Кэно совершенно нелепым. Его прогнали из клана, не объяснив причин — и он ушел, еще не зная, куда именно гонят его.

С тех пор Кэно не верил в существование справедливости, он был озлоблен на весь мир и готовился кому угодно порвать глотку за свободу.

18. Крещение кровью

Для большинства людей война означает конец одиночества. Для меня она — окончательное одиночество.

Альбер Камю

Ноябрь 1973 года. Южный фронт на Синае, близ совершенно не оправдавшей себя линии Бар-Лева. Это была унылая холмистая местность, где темноту глубокой ночи разрывало только пламя одинокого костра. Рядом лежали походные рюкзаки цвета пустынного камуфляжа, пустые консервные банки и разбитая рация, наполовину разобранный в попытке хоть как-то ее починить. У костра сидели, закутавшись в потрепанные куртки песочного цвета трое усталых суровых мужчин. Они были американцами, отправленными на Ближний Восток для урегулирования военного конфликта Израиля и Палестины. Они прошли «Войну Судного Дня», как до того и войну в Иордании в 1970-1971 годах, и множество антитеррористических и разведывательных операций после нее. Они пережили множество послевоенных столкновений с боевиками «Черного сентября» и другими террористами. Теперь же только эти трое из отряда «зеленых беретов» выжили на последнем смертельно опасном задании. Нашли объект, подорвали, но на базу вернуться не смогли. Напали на засаду. Потеряли связь. Заплутали в сложной системе траншей и путаных дорог между давно разрушенными легкими пехотными фортами маоз. Сейчас их имена были внесены в списки пропавших без вести, а они боролись за жизнь где-то у подножия горы Рос-абу-Курун.

— Я осиротел в очень раннем детстве и большую часть жизни провел на улицах Детройта в нищете. Я воровал все, что попадалось под руку, чтобы выжить. Из простого карманника за эти годы я превратился в опытного вора и взломщика. Помню, в целях самообороны собрал какое-то пневматическое оружие, похожее на пистолет, из того, что валялось на свалке, в основном из сантехнических запчастей. Эта самопальная пушка могла стрелять патронами тридцать второго калибра. Позже удалось приобрести настоящий пистолет — в Детройте высокий уровень преступности, и подобные вопросы решаются там в два счета. Но после одной перестрелки с полицейскими я подумал: «С меня хватит. Нужно кончать с этой жизнью, которая вынудила меня идти наперекор закону. И никто не будет даже слушать меня, когда я скажу, что другого способа выжить у меня не было». Я приобрел поддельные документы на имя Майкла Хэндрикса и пошел на контрактную

службу. Мне обещали, что после пары-тройки миссий я буду свободен, буду жить на заработанные деньги. А сейчас... Лучше бы я гнил в тюрьме особо строгого режима, чем смотрел, как здесь делают пепельницы из человеческих черепов — из черепов моих товарищей! Я малодушно думал о дезертирстве, но понял, что я не смогу оставить тех, с кем сражался за жизнь плечом к плечу. Можно осудить меня за то, что я жил жизнью преступника, но неужели все то, что со мной было здесь, не докажет, что я все искупил? *Но я верую, что увижу благодать Господа на земле живых.*

Лейтенант Майкл Хэндрикс окончил свою исповедь и протер пальцами серебряный крест, прикрепленный к ремешку наплечника бронежилета. На грудной секции его бронника была выведена маркером кривая надпись «Sexiest man alive».

— А что ты скажешь о себе, капитан? — обратился он к лидеру группы Тревору Гаррету.

— Я? Я мало что помню о своем прошлом. Единственное, что прочно засело в памяти — война. Я стал солдатом в семнадцать лет. Спецслужбы обучили меня владеть любым оружием, управлять всем, что ездит и стреляет, ну, или хотя бы делает одну из этих двух вещей. Я был агентом элитного спецподразделения, занимавшегося борьбой с наркоторговлей и терроризмом. Мы действовали в штате Нью-Йорк, вся информация о нас была строго засекречена. За год мы дали внушительные показатели. Но однажды засветили свои рожи в каком-то супермаркете — зашли купить пива прямо со всей своей экипировкой! За такой проступок нам выдвинули условие: или катитесь на все четыре стороны света, или держите те же показатели, но колесите по всей стране. Естественно, долго мы не продержались. Спецподразделение было распущено, нас всех спихнули кого куда. Я оказался здесь. Только сейчас уже не важно, кто из нас как здесь оказался. Только бы выжить и вернуться. Мы уже четыре гребаных года здесь! Чего только не было за эти четыре года?!

— Кстати, Тревор, ты так и не рассказал о смерти Уолтера, — перебил Гаррета сержант Джек Марстерс.

— Ты уверен, что хочешь знать?

Сержант кивнул.

— Его накачали наркотиками и срезали всю кожу. Когда действие наркотиков закончилось, умер от болевого шока.

— А как ты узнал, что это Уолтер?

— Среди обрезков кожи был его жетон... Сука! Я не могу поверить, что из целого отряда нас осталось трое. И почему вообще мы здесь? Это не наша война! Сказать честно, я тоже помышлял о дезертирстве. И остался по той же причине. Я уже ни в чем не уверен. Связи нет. Подкрепления нет. Боеприпасы на исходе. А жить, сука, хочется все так же!

Капитан встал и с удрученным видом удалился. Ему хотелось побыть наедине с собственными мыслями.

Тревор Гаррет присел на обрыве, опутанном серебристыми нитями лунного света. Его одолевало чувство небывалой тоски. Он смотрел вокруг, прижав к своей мускулистой груди холодный ствол штурмовой винтовки, видел вдали заброшенные деревни, разоренные войнами... Луна была не такой, как всегда, светила трепетно и маняще. Тревору не нравилось здесь. Здесь все было ему чуждо. Да и в США его вряд ли кто-нибудь ждал... Но зачем все это? Почему все проблемы должна решать грубая сила? И зачем было ввязываться в чужую войну? Здесь не было ничего родного,

ничего ценного ни для кого из оставшихся в живых «беретов». Потому в сердце и стыла такая безнадежная слезная грусть.

Он, капитан Тревор Гаррет, исполнял здесь фальшивый долг перед фальшивой родиной, под фальшивым именем. А настоящее имя? Уже прошло больше десяти лет, как у Тревора его не было. Было только прозвище, под которым в США его знали свои. И это кодовое имя — Кэно.

В 1969 году Черный Ангел по приказу Уехибы сделал ему поддельный паспорт на имя уроженца Тасмании Тревора Гаррета, приписав ему при этом год, и отправил Кэно на службу в Форт-Кэмпбелл. Перед отбытием на военную базу Морихей сказал ему:

— Ты хотел обучиться военному делу — ты получишь лучшее обучение. Ты говоришь о безрассудстве власти, о войне, о боли, которую причиняла тебе жизнь. Вот и узнай, что такое на самом деле безрассудство власти! Узнай, что такое война! Узнай, что такое настоящая боль! Тогда ты смоешь с себя прошлое. Ты перестанешь быть ублюдком — зато будешь героем. И тогда расскажешь нам, как тебе это понравится.

Сейчас Кэно казалось, что за этими словами стояло непреодолимое желание Морихея избавиться от него. Да неужели японец боялся, что новым лидером будет Кэно? И этот человек пытался построить анархизм! На свободе и авторитете!

— Уж не это ли пророчил Клык, мир праху его? — раздумывал Кэно, потирая ладони, покрытые мозолями от оружия. — Предательство. Мастер, готовивший меня, стал вдруг опасаться за собственное теплое место — и сдал назад. Иначе какой резон гнать из клана лучшего бойца? С чего бы еще я оказался в такой гребаной глухомани? Хер с ним! В таком случае нужно выжить хотя бы ему назло! А потом прикончить его самого. Только сначала заставить его сознаться в том, что ему был за резон. Ну, уж об этом я позабочусь. Хотел сделать из меня идеального убийцу — ты свое получишь!

Кэно решил, что сходит с ума. Да что еще можно ожидать после всего пережитого? Трупы, лишённые кожи; пепельницы из человеческих черепов; куски исковерканной плоти и костей, остающиеся после взрывов; двое девятилетних арабских мальчиков, расстрелявших из автоматов американского военного; молодой снайпер, которому выкололи глаз, смотревший в прицел, и отрезали указательный палец, нажимавший на курок... Список увиденного здесь за четыре года можно было продолжать. Отсюда невозможно было выйти прежним человеком, никто уже не сможет вправить искалеченную войной душу! И теперь эти трое, оставшиеся в живых, жили одним — безумной жадой мести. Мести за погибших друзей, мести за собственные сломанные судьбы.

— Морихей хотел, чтобы я понял, за что он борется. Что ж, я понял! Я, сука, понял — в таком мире жить нельзя...

— Тревор! — услышал Кэно бешеный крик Джека Марстерса.

Схватив штурмовую винтовку, Кэно бросился бежать к боевым товарищам. Послышались два выстрела и крики на арабском языке. Четверо арабских боевиков в камуфляжных штанах и куртках, с лицами, закрытыми пестрыми платками шемахами, обступили Майкла и Джека. Кэно прицелился и приготовился стрелять, когда один из боевиков схватил Джека и приставил пистолет к его виску. Он что-то прокричал на арабском, из чего Кэно понял только три слова: «оружие» и «он умрет». Второй боевик поставил ногу в высоком военном ботинке на грудь раненому Майклу Хэндриксу и направил дуло автомата на его лицо. Кэно осторожно положил штурмовую винтовку на землю, глядя в глаза араба. Он видел, как эти глаза забегали

от волнения. В мгновение ока Кэно выхватил из ботинка нож и метнул его прямо в шею боевика, и тут же с разбегу в прыжке ударил ногой в голову второго, прежде чем тот попытался прикончить Майкла.

— Кто-нибудь, прикройте меня! — закричал Кэно, схватив свою винтовку.

Майкл вскочил на ноги и схватил пистолет убитого боевика. В этот момент раздалось еще несколько выстрелов.

— Нет, — слышался глухой предсмертный хрип Марстера, и сержант упал, закрывая рукой раны на груди выше бронежилета. За несколько секунд его не стало, но изо рта продолжала струиться темная густая кровь.

— Джек! Мудаки, мать их! — вскричал Майкл, пытаясь отыскать глазами убийцу.

Араб, который минуту назад ставил ногу Хэндриксу на грудь, теперь поднялся с земли, шатаясь и тяжело дыша, черно-белый шемах, скрывающий его лицо, пропитался кровью. Его руки твердо держали автомат. Майкл выстрелил — пуля попала точно в сердце. Очередью «капитан Гаррет» уложил двух оставшихся боевиков.

— Как ты? Ранен? — громко отрывисто дыша, спросил он Майкла.

Хэндрикс разорвал перепачканный кровью рукав куртки — на левом плече были две огнестрельные раны.

— Кость не задета, — проговорил он, сдерживая слезы. — Силы Небесные! За что нам все это?!

Кэно снял с шеи Марстера жетон и повесил на пояс, к десятку таких же бирок сослуживцев, которым не суждено было вернуться домой. Он накрыл мертвое тело курткой, чтобы не видеть окровавленного лица убитого друга.

— Похоронить не получится, — с горечью произнес он. — А нам надо уходить отсюда, найти своих, иначе мы погибли.

— Найти своих? Сколько уже ищем?! Связи нет, ничего нет!

— Мы выживем, Майк. Просто надо верить в это. «До победы — всегда»!

Майкл Хэндрикс пригладил испачканными кровью пальцами свои темные волосы с еле заметной проседью. Кэно вновь вспомнил слова Уехибы: «И тогда расскажешь нам, как тебе это понравится!». Что это за проклятье — быть здесь героем! Эта война уже успела отобрать у него веру в людей, в справедливость, но еще не отобрала веры в собственные силы. И эту веру укрепляло страстное желание жить, единственное желание, управляющее теперь всеми его действиями.

— Ответь мне на один вопрос, Тревор, — обернувшись, неожиданно сказал Майкл. — Но только честно. Ты как-то связан с кланом «Черный дракон»?

Кэно почувствовал, как поперек горла стал комок, на его обожженном солнцем и ветром лице выступил пот.

— Что?! — выговорил он сорванным голосом умирающего человека.

Глаза Кэно вспыхнули яростью, на напряженных мышцах рук под кожей проступили вены, зубы устрашающе лязгнули. Он выхватил из ботинка второй нож и приставил лезвие к шее Майкла там, где под челюстью напряженно билась артерия.

— Твою мать, ты что, под меня копаешь? — взревел он.

— Нет! — закричал в страхе Хэндрикс. — Убери нож! Нет! Я из наблюдений сделал этот вывод! Вор — он зоркий, все замечает. Вспомни, как в штабе почитывал книгу о теории анархизма. Потом сам попросил меня наколоть тебе на плече черного дракона. А когда ты был ранен? В лихорадке лежал, бредил. Кого ты в бреду

проклинал? Морихея Уехибу! В Детройте высокий уровень преступности, там все знают это имя.

— Это что же, год назад, когда я был при смерти? Ты год назад вычислил меня?!

— Да, — ответил Майкл, отчаянно хватая ртом воздух.

— Молись, сукин сын! — прорычал Кэно, лезвие его ножа уперлось в мягкую плоть под челюстью лейтенанта. — Смерть твоя пришла.

— Ты что, псих ненормальный?! — заорал лейтенант Хэндрикс. — Убери нож!

Кэно приложил еще немного силы, и по сверкающему лезвию заструилась кровь.

— Ты все знаешь! Ты сдашь меня, тварь! — дьявольски выкрикнул он.

— Остынь! Идиот! Хотел бы сдать — сдал бы год назад! — дрожащим голосом пробормотал Хэндрикс. — Связь тогда еще была!

Кэно убрал нож и, прищурившись, взглянул в глаза Майкла, всегда носившие выражение хитрости. Майкл отер дрожащей рукой кровь с шеи и попытался отдышаться.

— Отчего же не сдал? — сурово спросил Кэно.

— А мне какой резон? Я сам бандит. Я-то тебя могу понять, а вот остальные вряд ли поняли бы. Вот я и молчал... — тут его глаза стали еще хитрее, чем обычно, он почесал пальцами кудрявую черную бороду и произнес: — Послушай, вашему клану бойцы-то нужны? Если вернемся живыми, позволишь мне пойти с тобой?

— Ты же с криминальным прошлым хотел завязать, хренов святоша! Что сейчас за резон?

Хэндрикс насупил брови:

— Ты пойми, Трев, мне некуда идти! Ни кола, ни двора. А перед тобой-то я в долгу. Ты же мне жизнь спас. Ваше дело правое — война за свободу, Тревор.

— Мое имя не Тревор, — резко оборвал его Кэно. — Мой паспорт, как и твой — липа.

— А твоя история?

— Легенда. Правду я бы ни за что не сказал.

Лейтенант Майкл Хэндрикс улыбнулся, сверкнув двумя золотыми зубами.

— Джарек, — представился он настоящим именем, протягивая «капитану» руку.

— Кэно, — ответил террорист, пожимая руку Джарека. — Что ж, приятно наконец-то познакомиться. И если уж дальше идти вместе, — Кэно перебросил нож, закатил рукав своей куртки и полоснул себя лезвием по предплечью, затем схватил руку Джарека и сделал то же самое, — скрепим кровью. И даже если мы не выживем, то одно останется верно: теперь мы братья. Кровь у нас одна.

Кровники еще раз пожали друг другу руки и обнялись. Побратавшись, мужчины снова взялись за оружие.

— Нужно уходить, ты прав, — признал Джарек. — За этими придут другие.

Именно в этот момент неподалеку послышалась матерщина на арабском языке, а следом из-за скалы кто-то бросил гранату.

— Твою налево! — заорал Кэно во все горло. — Ложись!

Джарек успел отпрыгнуть за камни и упал ничком на землю, закрываясь руками, но мелкий осколок камня все же ударил его в голову, чуть выше левого уха. Кэно попытался спрыгнуть с уступа на более низкий выступ скалы, но не успел — осколки изрезали ему левую ногу. У него потемнело в глазах, террорист слышал выстрелы наверху и крики Джарека. Кэно схватил штурмовую винтовку, которую чуть было не выпустил из рук. Скрипя зубами от боли, он встал на здоровую ногу, держась рукой за

скалу. Теперь нужно было взобраться наверх и помочь товарищу. От боли Кэно практически не ощущал левую ногу, ему пришлось взбираться на скалу лишь за счет силы рук. Он собрал последние силы, подтянулся вверх и увидел троих боевиков в камуфляже и черных шемахах, скрывающих лица. Джарек мастерски отстреливался из-за камня, но уложил только одного, еще одного ранил. Слева по уху и шее товарища обильно стекала кровь.

— Сейчас всех вас порешу, суки! — прокричал Кэно и начал стрелять. Уложив боевиков, он упал на землю навзничь, его лицо обрело страшное выражение, полное страданий.

— Кэно! — вскричал в отчаянии Джарек. — Силы Небесные, второй раз за мою шкуру — спасибо тебе! Как ты?

— Боль... — прохрипел Кэно, кусая губы до крови. — Адская боль...

Джарек вытащил ремень из брюк и сделал из него жгут. Осколки раздробили Кэно кости, особенно сильно было повреждено колено.

— Держись! — убеждал его Джарек. — Ты сам говорил, надо только верить!..

— На хер Израиль... — хрипло шептал Кэно в приступе накатывающей лихорадки. — На хер Палестину... Египет... Ливан на хер... Иорданию... Все суки... всегда нас... Больше всех ненавидят нас... Слышишь? Нас, потому что не в свое дело влезли...

— Тебе совсем хреново. Дьявол! Что мне делать, проклятье!

Кэно закрыл глаза. Страшный жар и боль ввергали его в полуобморочное состояние, у него снова начались уже знакомые галлюцинации: пауки, огромные полчища черных пауков, окружавших его, и каждый, каждый стремится ужалить, впрыснуть яд в его разгоряченную плоть.

Джарек склонился над раненым капитаном. Ему казалось, что все кончено. Бой выигран, но проиграна чужая война.

Внезапно чья-то рука легла ему на плечо.

— Ты веришь в дьявола? — спросил скрипучий демонический голос. Джарек вскочил на ноги, его пробрал неприятный озноб.

— А он, поверь, есть! — ответил тот же скрипящий голос. Перед ним стояла группа солдат, вперед вышел сержант в пустынной боевой униформе. Он снял кепку и немного покрутил пальцами свои короткие волосы, соорудив на голове какое-то подобие рогов.

— Бес, разведчик, — представился сержант с демоническим голосом.

— Козырь, специалист по связи, — представился Джарек.

— А его как? — спросил Бес, указывая на Кэно.

— Скиталец, — ответил лейтенант. — Спецоперации, антитеррор.

— Нам нужно идти на северо-восток, — доложил Бес. — Там наша база. Носилки есть — донесем раненого.

— Слава Богу! Слава Господу Богу! — вскричал Джарек. — Я сам, видите, сам головой ударенный. Но идти смогу. Вот ему, ему реально херово. Но слава Всемогущему Богу!

Разведчик присел, осматривая раны Кэно, который приоткрыл затуманенные глаза, услышав крики товарища.

— Действительно, херово, — констатировал Бес. — Боюсь, ногу могут отнять.

Капитан запомнил эти слова. На базе Скитальца, как Кэно прозвали в армии, доставили в передвижной хирургический госпиталь. Там врач, осмотрев его изрезанную осколками ногу, сделал прискорбное заключение:

— Колено раздроблено, перерезаны крупные артерии. Здесь вряд ли можно что-то сделать. Придется ампутировать.

Сразу по прибытию в полевой госпиталь Кэно отказался от обезболивающих, и не только из-за давнего приказа Уехибы — препараты почти не давали эффекта, а только искажали сознание, что было недопустимо для него. Он находился в здравом рассудке все время, он слышал каждое слово, чувствуя, как его начинает трясти от гнева. Скиталец достал из кармана куртки гранату, припрятанную еще после неутешительных прогнозов Беса, и выдернул чеку.

— Слушай сюда, ты, доктор Ампутация, мать твою! — сорванным голосом заговорил он. — Рука у меня не железная — долго держать не сможет. Так что везите меня в нормальную больницу и делайте операцию, иначе я разожму пальцы — и всем, абсолютно всем, сука, будет херово! Усек?

Военным ничего не оставалось — они выполнили требования Кэно. Его вертолетом транспортировали в Исмаилию, привезли в военный госпиталь и сразу стали готовить к операции. Его пальцы заоченели — он не выпускал из рук гранату до тех пор, пока его не положили на операционный стол.

После возвращения в США Кэно перенес еще несколько операций. В один день в Армейский медицинский центр имени Уолтера Рида, где он лежал, пришли полковник Эрик Дес Баррес, который все пять лет службы отдавал ему приказы, и представитель американского Сената. Они награждали вернувшихся с войны бойцов. За все блестяще выполненные миссии, которых за время его службы была тьма, за неоднократное спасение своих товарищей, за исключительную отвагу в бою и серьезное ранение при исполнении последней миссии «капитану Тревору Гаррету» вручили Крест Выдающейся Службы и уже третий орден «Пурпурное сердце». Солдаты, лежавшие с ним в одной палате, смотрели на Скитальца с восхищением и уважением, сенатор пожал ему руку, но на суровом лице Кэно не было ничего, кроме злости и презрения.

— Это — не плата за мою пролитую кровь, — отвечал он, — этим вы не вернете мне моих погибших в том аду друзей! Вы гордитесь тем, что сделали, не думая, сколько ребят там погибло в мясорубке не за свою, а за чужую страну! Какого хера вы ввязались? Это не ваша война! И вот мой «дружеский» совет правительству США: после того, что вы сделали — идите в отставку!

Сенатор одернул руку и с возмущением взглянул на Эрика Дес Барреса.

— Что ж, капитан Гаррет оказался самым эмоциональным из нас, — объяснил полковник представителю власти. — Не обращайтесь внимания, это из-за сильной боли — он принципиально не принимает обезболивающих препаратов.

Инцидент загладили, сенатор ушел, но полковник Дес Баррес остался. Это был суровый крепкий мужчина лет пятидесяти, чье лицо расчерчивал узор старых шрамов, а левая рука всегда была в черной перчатке. В руках он держал трость с металлическим набалдашником в виде орла. Этой тростью часто попадало по спине и икрам всем новобранцам. Иногда Кэно, не считая нужным усмирять свой вольнолюбивый бунтарский нрав, смел перечить ему и огрызаться, за что Дес Баррес мог и засветить со всей силы в челюсть, и дать с кулака под дых, и врезать коленом в живот... Список можно было продолжать. Его ненавидели и проклинали, но теперь Кэно называл его единственным своим авторитетом. Когда Скиталец дослужился до

офицерского звания, командир резко сменил свое отношение, стал уважать бойца и разговаривать с ним на равных, как со старым другом. «Единственный, кто может мне приказывать — полковник Дес Баррес. Я выжил лишь благодаря тому, что он вбил мне в голову. Да, поначалу измывался, но это он научил воевать. И выживать в самом кошмарном аду».

— Я не выдержал, — попытался извиниться Кэно перед бывшим командиром. — Я закрываю глаза — и вижу кровавое месиво! Каждый, сука, раз, когда закрываю глаза! Я думаю, Вы понимаете все, но этот ушлепок из Сената — нет. Никогда.

— У тебя железная воля, — ответил Эрик Дес Баррес, и его исчерченное шрамами и морщинами лицо озарил какой-то намек на улыбку. — Ты — очень сильный человек. Но теперь с тебя хватит. Ты больше не будешь воевать — ты уходишь в отставку героем.

Кэно угрюмо опустил голову.

— И вот, — добавил Дес Баррес, — возьми это от меня на память, — полковник поставил у его кровати свою трость, украшенную головой орла. — Тебе теперь нужнее. Живи спокойно. Если, конечно, после всего пережитого тебе удастся это. Но я тебе этого желаю.

* * *

К весне 1975 года Кэно оправился после ранения, хотя и далеко не полностью — левое колено не сгибалось. Он был рад, что ушел в отставку, но совершенно не знал, куда ему идти теперь.

— Возвращаться в клан не хочу — нервы я себе прилично попортил. Как увижу надменную рожу Уехибы — так за свои действия не ручаюсь. А потом меня остальные за него порвут. И куда теперь идти? Еще и с такой ногой... Кому я нужен? Где меня ждут?

Так он разговаривал сам с собой, сидя у стойки в детройтском баре и допивая очередной бокал не самого лучшего виски.

— Бармен, плесни еще, — попросил Кэно, поставив пустой бокал.

На нем была военная форма цвета пустынного камуфляжа: тяжелые боевые ботинки, штаны, подпоясанные армейским ремнем, и куртка с закатанными до бицепсов рукавами, одетая на голое тело. Рядом со стойкой он поставил трость, подаренную командиром.

— Кэно. Почему-то я знал, где смогу найти тебя, — окликнул его кто-то за спиной.

Кэно обернулся. Перед ним стоял, радостно улыбаясь, Джарек. Он был также одет в пустынную боевую униформу с планками наград и серебрянными крыльями на груди.

— Брат! — обрадовался встречи Кэно. — Вот так новость!

Он осторожно встал из-за стойки и дружески обнял сослуживца. Товарищи присели рядом и заказали еще выпивки.

— Ну что, чем живешь? — спросил Кэно.

— А ты? В клан вернулся?

— Нет. Не знаю, стоит ли... — задумчиво ответил Кэно.

Джарек улыбнулся:

— Стоит! Уж ты мне поверь! Борьба за свободу — это дело чести. Вы — единственные в современном мире правые анархисты.

— Мне кажется, здесь есть еще кое-кто из наших, — заметил Кэно. За столиком неподалеку сидел Бес.

— Эй, разведчик! Своих не засек, что ли? — крикнул Джарек.

— Не-е, слежу за вами, — лукаво прошептал Бес. — Анархисты, значит? Что ж, вас разыскивают...

— И что, сдать нас хочешь? — вызывающе спросил Кэно. — Я же и прирезать могу.

— Да что вас сдавать? — горестно усмехнулся Бес. — Я сам к вам собирался. Там я нужнее. Более никому не нужен.

— Случилось чего? — спросил Джарек, видя боль в потухших глазах разведчика.

— Жена ушла, забрала моих двоих сыновей, а я чуть не наложил на себя руки... — нехотя исповедался Бес.

Все замолчали. За соседним столиком громко переговаривались какие-то иностранцы.

— Хотите анекдот про тупых американских военных? — спросил человек с русским акцентом своих товарищей.

Кэно подошел к их столу и ударил по нему кулаком.

— Значит так, смотри сюда, сопляк! — зарычал он сквозь зубы, гневно уставившись на парня, обронившего эту фразу. — Это Бес, заслуженный разведчик. Это Козырь, «зеленый берет», лейтенант. Я капитан спецназа, награжден тремя орденами «Пурпурное сердце», Серебряной Звездой и Крестом Выдающейся Службы. Мы втроем почти пять лет по горячим точкам парились. Ну что, все еще хочешь рассказать свой анекдот?

— Нет, — ответил парень, — не хочу повторять три раза.

Кэно со всего размаху врезал русскому кулаком по лицу. Парень упал со стула и, останавливая рукой кровотечение из сломанного носа, что-то закричал на родном языке. Кэно, разобрав отдельные слова, понял, что тот позвал земляков.

— За анархию! — взревел он. — «Черный дракон», наших бьют!

Началась драка. Многие, совершенно непричастные к разборкам люди, поспешили заступиться за приезжих, но они еще не подозревали, с кем столкнулись. Несколько людей, одетых в черные футболки и кожаные жилеты, выбежали на улицу и прокричали:

— За анархию! «Черный дракон»!

На зов пришла огромная толпа народа с ножами и кастетами, они обступили и повалили на пол непокорных туристов, кидаясь в драку с криками: «Черный дракон!», «Анархия!».

— Кэно? — окликнул анархиста небритый мужчина в клетчатой рубашке. — Я-то думал, что ты умер!

— Потом обрадуешься моему возвращению, Кифер! — крикнул Кэно, добывая какого-то крепкого мужика.

Анархистов становилось все больше. Они просто раздвигали толпу своих, чтобы нанести удар хотя бы кому-нибудь. Когда хозяин бара вызвал полицию, они ушли в темноту ближайших переулков и растворились в ночной мгле, оставив лишь избитых и напуганных до полусмерти, но проученных на всю жизнь иностранцев, разломанную мебель и битую посуду.

— Кэно, ты вернулся! — радовались соратники, узнавшие анархиста. — Ты выжил!

Кэно оглядел толпу, пытаясь найти знакомые лица, но почему-то безуспешно.

— Кифер! Кто еще из моих наставников с вами?

— Увы, из всех, кого ты знал, остались только я да Морихей, — угрюмо уведомил Кифер, сплюнул себе под ноги и продолжил: — Это от нас остальной клан узнал о тебе — много наших с тех пор, как ты ушел, погибло. Черного Ангела зарезали в переулки наемники «Красного дракона». Скарлетт получила пулю в затылок — в лоб эту бестию честно хер бы взяли. Демон взорвал сотню «Красных драконов», но вместе с собой. Про Виконта вообще и начинать не хочу — я его зарезал. Он так просил... Взрывом руки — две сразу! Я понимаю его, конечно, — гребаный медик, че ему делать без рук...

Кэно слушал эти траурные вести с каменным лицом — немыслимая жестокость окружающего мира давно перестала удивлять его.

— Сразу видно — с войны пришел, — отметил мужчина по имени Биннак, — лицо суровое, железный взгляд... Сколько тебе лет-то?

— А сколько дашь? — поинтересовался Кэно.

Биннак задумался:

— Скорее всего, за тридцать...

Анархист грустно ухмыльнулся, приглаживая густую черную бороду:

— Мне двадцать три года.

Биннак, простодушно подняв брови, взглянул в его глаза и прошептал:

— Ты устал. Жизнь измотала тебя... Слушай, парень, а поезжай со мной в Бразилию! Я с удовольствием тебя возьму в команду!

— Ах, да, старина. Ты же пират, — вспомнил Кэно. — Хочешь, чтоб я на твоём судне занимался морским разбоем, помогал тебе на дно пускать суда крупных компаний, брать заложников, возить контрабанду?

Биннак, капитан южноамериканских пиратов, положил грубую ладонь на крепкое плечо Кэно:

— Ты не знаешь, какой жизнью мы живем! Поверь, ты отдохнешь, развеешься! Соглашайся!

— А вы-то куда пойдете? — спросил Кэно Джарека и Беса.

— Я в клан вступлю, — ответил разведчик.

— А ты, Джарек?

Кровный брат чуть заметно подмигнул:

— «Карточный долг — это святое». Ты же знаешь, я хоть в Ад теперь за тобой. К тому же, я тоже не против отдохнуть.

— Вот и славно! — обрадовался Биннак. — Вы не пожалеете!

К пиратской жизни Кэно и Джареку было не привыкать. Они еще в армии несколько раз занимались приличным разбоем, если уж говорить начистоту: разоряли арабские деревни, насиловали женщин, грабили жителей, забирая еду и деньги. Таково было лицо любой войны — военные преступления с обеих сторон были обыденностью. Кроме того, авантюра, предложенная Биннаком, для Кэно имела сладостный привкус почти забытой детской мечты.

Биннак был сыном капитана южноамериканских пиратов, унаследовавшим от отца и «профессию», и корабль. Какими аферами папаша Биннака достал и присвоил себе его, теперь не знал, должно быть, и сам дьявол. Это было небольшое грузовое

судно с пьяными и без перебоя матерящимися матросами, за борт которого постоянно летели пустые бутылки из-под выпивки, а на борт в каждой пристани поднимались проститутки. Удивительно, как этой команде праздных беспечных пьяных мерзавцев удавалось отправлять ко дну корабли крупных судовладельческих компаний, брать заложников и получать немалые отступные, но, тем не менее, они год за годом оставались на плаву.

Первое, что почувствовали анархисты, ступив на палубу, — едкий запах влажного воздуха. На этом корабле все до нутра провонялось соленой рыбой, дымом и пивом. К их счастью, им не довелось побывать на камбузе — тамошние запахи уж точно не пощадили ни одну носовую полость. Вечером члены команды единогласно решили скоротать время под пиво и гитару. Пиво команде разносила длинноногая белокурая девица спортивного телосложения в высоких кожаных сапогах, кожаных брюках, элегантно облегающих стройные ноги, белом топе и бандане, на которой были изображены красные губы с высунутым языком.

— «The Rolling Stones»! Хорошая группа, — сказал Кэно, узнав логотип. — Не хочешь послушать их песни под гитару, детка?

Девица ничего не ответила, а только с улыбкой вылила пиво из кружки на свой топ. Мокрая ткань мгновенно стала почти прозрачной и прилипла к телу, обрисовывая контуры соблазнительной груди.

— Я так понимаю, — Кэно резво ударил по струнам, взяв какой-то тяжелый аккорд, и похотливо лягнул зубами, — хочешь! Да, детка?

— Джола, — представилась девица. — Пива хочешь?

Сладострастно усмехаясь и скаля зубы, Кэно одобрительно кивнул. Джола, не сводя с мужчины глаз, поднесла кружку пива к своим губам и отхлебнула приличный глоток. Она поставила ногу на стул, на котором сидел Кэно, склонилась над анархистом, взяв его за воротник, и их губы соприкоснулись. Он почувствовал у себя во рту ее язык и все еще прохладное пиво.

— А ты смела, детка, — заметил Кэно, облизывая смоченные пивом губы.

— То ли еще будет! — улыбаясь, заявила Джола и тут же ее голова оказалась под столом, на коленях анархиста.

Послышался звук расстегивающейся молнии, затем стонущее от наслаждения дыхание Джола и довольное рычание Кэно.

— Я так понимаю, до «The Rolling Stones» дело не дошло, — заключил сидящий рядом Джарек.

— Да ну и черт с ними! — бросил Кэно, погладив ладонью ровные светлые волосы Джола. — Держи, — он отдал товарищу гитару, — оружие массового поражения — действует быстро и безотказно.

— Да я всего три аккорда знаю, — пробормотал Джарек, взяв инструмент.

— Поверь, этого достаточно, — заверил его Кэно.

Джарек присмотрел достаточно хорошенькую пышногрудую бразильянку и кое-как сыграл для нее всего одну песню. На последнем припеве она уже стаскивала с него одежду, горячо целуя анархиста в засос.

Таковыми были они — прошедшие сквозь века пиратские нравы. Гуляния с песнями под гитару, с огромным количеством выпивки и секса длились больше недели. Потом подвернулась работенка, как сообщили Кэно двое матросов: шустрый пацан лет семнадцати с русыми зачесанными наверх волосами, одетый в кожу, и высокий кудрявый темнокожий бразилец в джинсах и старой ветровке.

— Заложников будем сегодня брать, — сообщил русский парень. — Биннак сказал, чтобы вы взяли меня с собой.

— А ты собственно кто? — недовольно спросил Кэно.

— Я Кибрал, сын Биннака, — представился пацан. — А это Хесус, погоняло Сельдяной Король.

Заложников они взяли успешно, и без лишних проблем получили отступные. Такое дело полагалось сразу отметить. После третьей бутылки крепкой терпкой кашасы анархисту приспичило орать хиты рока под гитару. Джола с улыбкой наблюдала за пьяными выходками команды, но глазами искала Кэно.

— Детка, еще кашасы! — попросил он, когда она подошла к его столу.

Джола собралась идти за выпивкой, и в этот момент он ударил ее по заднице. Девица глянула на него полными гнева глазами.

— Не сейчас, — попросил Кибрал, кладя руку на плечо Кэно, но мужчина ударил парня по руке и злобно спросил:

— Ей-то, шлюхе, не один хрен?

— Не один, — ответил Кибрал. — Ты ж пьян в мясо. А круто ты окрутил мою сестру...

Кэно был так поражен этим фактом, что не смог ничего ответить. Джола — дочь Биннака! Кто бы подумал! «Правду говорят: у мужчины две головы, но думает он ими по очереди», — пронеслось в его голове.

— Ей неприятно, что ты так пьян, — продолжал объяснять Кибрал.

— А мне по хер, что ей неприятно!

Утром Кэно не смог вспомнить, что было после третьей бутылки кашасы. Только проснулся уже в своей каюте, в одной постели с Джолой. Девица сказала, что он грубо сносил ее, но ей все равно понравилось. Он молча закурил. Он не знал, как теперь смотреть Биннаку в глаза.

Капитан корабля молчал, но, скорее всего, давно был в курсе всего.

Время стало с тех пор тянуться мучительно медленно — прошедший месяц сошел за три. Джола была смелой и отчаянной, весьма опытной в постели, анархист тонул в наслаждении и ласке, но совершенно ничего не пробудило в нем каких-то чувств, даже смутного намека на чувства. Может, если бы что-то дрогнуло в душе, общество этой девицы не казалось бы ему таким навязчивым и утомительным. Жаркий секс был хорош, но Джола хотела большего, да еще и пыталась навязывать свое мнение, за что Кэно не раз срывался на нее по полной. Доходило до того, что он распускал руки. К несчастью, Биннак продолжал закрывать на это глаза.

Еще мучительнее стал второй-третий месяц пребывания анархистов на судне южноамериканских пиратов. Кэно коротал вечера в одиночестве, сидя в каюте и покуривая сигары, пытаясь не думать ни о чем. Пиратская жизнь начинала надоедать ему — слишком уж все просто было у этих ребят, и все их стремления были максимально приземленными, ограниченными физиологическими и материальными потребностями. Кэно уже не первый раз заявлял Биннаку, что планирует вернуться в анархистский клан.

— Мне нужно только собрать деньги на операцию, чтобы снова нормально сражаться. И тогда я отчаю.

Капитан посмотрел на него с какой-то отеческой тоской.

— Уехать бы тебе на родину — в Австралию, — завел он уже заезженную пластинку, — и жить там спокойно. На что тебе еще одна война?

— Это война за свободу, старина, за свободу.

— И помрешь за свободу? — спрашивал Биннак, хотя давно знал неизменный ответ.

— Поживем — увидим... — устало отвечал Кэно.

— «Поживем»? Ты только и говоришь о том, чтобы сдохнуть за свободу.

— Ну, сдохну, тебе-то какое дело?

— Ты жизни не видел! — тревожно восклицал капитан. — Не видел!

Кэно с презрением посмотрел в его простодушные распахнутые глаза:

— А что ты видел, всю жизнь просидев на этом суденышке, а?

Биннак, удрученно замолчав, ушел. Кэно не знал, что думать. Уже не в первый раз его отговаривали от возвращения к анархистам. Но он-то чувствовал себя частью этого клана, чувствовал кровную связь с этими людьми, долг перед теми, кто дал ему новую жизнь — жизнь, в которой он был хоть кому-то нужен. Теперь сомнений не возникало — его место было там. Однако он в глубине души боялся быть не нужным никому. Потому все мысли были заняты тем, где достать деньги, чтобы подлечиться и снова стать в ряды воинов свободы.

Приятный аромат сигары помогал Кэно расслабиться и успокоить нервы. Неожиданно Джола вошла в его каюту и бесцеремонно села ему на колено.

— Детка, отвали, — недовольно пробурчал он. Рука Джола легла на его плечи — ей было откровенно наплевать на его слова.

— А ты знаешь, что капитан может поженить влюбленных на палубе корабля в любой момент? — не без намека шепнула она анархисту на ухо.

— *With no loving in our souls and no money in our coats, You can't say we're satisfied,* — протянул Кэно, — *But Angie, Angie, you can't say we never tried.*

Джола взяла сигару из его пальцев.

— Мы же можем продолжать пытаться. Может, бросишь курить для начала — и я буду довольна? — повелительным тоном заявила она.

Кэно не стал утруждать себя ответом — только показал ей средний палец. Джола изменилась в лице, глаза ее наполнились злостью, она ответила на жест грубой пощечиной. Кэно не остался в долгу и в ответ ударил девицу по лицу. Джола упала, подвернув ногу, из разбитого носа пошла кровь.

— Ну, пока ты валяешься — подумай вот о чем, — строго монотонно заговорил анархист, не вставая со стула, — приказывать мне мог лишь один человек — полковник Дес Баррес. Переделывать меня и что-то мне указывать никто не имеет права, а уж тем более такая шалава, как ты. Если тебе что-то не нравится — ищи себе кретина без вредных привычек. А пока поднимай свою задницу и вали отсюда.

После этого инцидента Кэно с небывалым облегчением оставил поприще пирата. Оставил с горьким осадком на душе в виде подозрения, что понапрасну, совершенно безрезультатно убил три месяца жизни.

— Куда теперь? — раздумывал он горестно, сидя с Джареком в баре за кружкой пива. — Грабануть бы кого, да тут план нужен. И риск сильно велик...

— Что, деньги и впрямь так сильно нужны? — с сожалением уточнял товарищ.

Кэно потер ладонью колено больной ноги:

— А как иначе? Я клану не нужен в таком состоянии, как сейчас... Эх, Уехиба! Японский ублюдок! Хотел лучшим «черным драконом» меня сделать — перестарался, сукин сын!

— Но навыки-то у тебя есть?

— И что ты предлагаешь?

Джарек жестом подозвал его ближе, мужчины склонились над столом, Джарек еле слышно шепнул:

— Податься в наемники.

— Чего? — замер от неожиданности Кэно.

— Столько мы нигде не заработаем. А навыки, как я говорил, у нас есть. У меня остались связи в Детройте. Там матерый бандюга Корсар меня давно пытался вербовать на это поприще: где чего украсть, из кого деньги выбить, кого пришить... Так идет?

Кэно принял идею без особого энтузиазма, но легко вжился в новую роль — наемный убийца, грабитель, вымогатель. Он быстро стал известной и уважаемой фигурой в криминальном мире, Джарек тоже преуспевал, иногда поигрывая в казино и подделывая произведения изобразительного искусства. Была, конечно, в этой новой работе масса недостатков — нелегкая жизнь вне закона, потребность постоянно скрываться, и, в конце концов, бессонница, порожденная чувством небезопасности мира даже на родной земле. Но в целом работа все же нравилась Кэно — он снова почувствовал себя в родной стихии, когда приклад снайперской винтовки уперся в затвердевшее за годы сильное плечо. К тому же, заказывали обычно убийства денежных мешков и власть имущих, что не могло не доставлять удовольствие. Запах рыбы наконец-то выветрился из одежды — его сменил запах бензина, копоты, сигар и виски. Анархист снова чувствовал себя нужным и эффективным. Даже больная нога стала беспокоить его настырной тупой болью гораздо меньше.

Мужчин знали под их старыми армейскими прозвищами — Скиталец и Козырь. Под началом бывшего киллера Корсара они воевали под знаменами тех, кто платит, до 1980 года. И осенью этого года один день вновь заставил Кэно задумываться о том, куда же ему стоит идти. Жизнь словно сама заставляла выбрать свою дорогу. Раз и навсегда.

Джарек заканчивал делать копию полотна какого-то известного импрессиониста, то ли Гогена, то ли Моне. Химический запах масляных красок уже не вызывал головной боли и тошноты. Маслом были перепачканы старые брюки, клетчатая рубашка и руки Джарека. Тюбики краски, грунтовка для холста, грязные тряпки и кисти различной формы и ширины валялись вдоль холста на мольберте, на полу, на запятнанном маслом старом деревянном стуле, несколько кистей Джарек держал в зубах. Облезлая входная дверь распахнулась, ударив о стену так, что ржавая ручка оставила вмятину на штукатурке. От неожиданности рука Джарека дернулась, и он положил жутко кривой мазок.

— Кэно, СВД тебе в зад! Предупреждать надо! — бранился живописец, убирая тряпкой неровно легшее масло.

— Заткнись, — недовольно буркнул Кэно себе под нос, снял кожаный плащ и кинул его на пыльный пол.

На полу стоял ящик пива, принесенный Корсаром в знак благодарности — Скиталец и Козырь помогли ему на днях «сбросить хвост».

— Сука, теплое! — прорычал Кэно, взяв одну бутылку.

Он открыл пиво зубами, и по черной бороде на шею и густую поросль на груди потекла с чуть слышным шипением обильная пена. Кэно начал пить крупными глотками, проливая часть пива — его капли оказались даже на кожаных брюках с бахромой вдоль боковых швов и на сверкающей пряжке ремня, украшенной

изображением дракона. Джарек швырнул кисти и палитру на стул и с тревогой посмотрел в глаза товарищу:

— Боже! Да что случилось, брат?

— Меня едва не взяли, — неуверенно изрек Кэно, вытирая рукой мокрую бороду. — Не стоило брать тот гребаный заказ на убийство генерала!

— Ты имел дело с военными? — Джарек удивленно поднял брови, у него дернулся глаз.

Кэно мотнул головой:

— Хуже. Я Дес Барреса видел, — и, не замечая, как, открыв рот, замер в шоке Джарек, добавил: — И говорил с ним. Да, он, мягко говоря, охренел. Уставился на меня, как на змею орел-змееяд: «Скиталец? Тревор Гаррет?»!

— А ты что?

— А я на все это клал — так и сказал: «Зовите меня Кэно. Другого имени мне не надо».

— Как же ты ушел?

— Дес Баррес позволил мне уйти.

Зачем это было нужно бывалому вояке, полковнику, у которого вся грудь была в наградах, как в бронежилете? Что заставило его дать фору бывшему подчиненному, а ныне убийце, наемнику и грабителю? Дес Баррес ведь понимал, что он пришел убрать кого-то из его коллег на собрании офицеров! Кэно запомнил его последнюю фразу, брошенную вслед: «Только не загуби себя, Скиталец!». К чему он это сказал? Из-за того, что Кэно — все-таки герой? Вряд ли.

Наемнику вспомнился вопрос капитана пиратов Биннака: «Зачем тебе эта война?». Дьявол, неужели все вокруг полагали, что Кэно не смог обрести себя? Ему хотелось эффективности, хотелось свободы, хотелось быть с «Черными драконами». Так уж судьба сложила его взгляд на мир: клан — братья, союзники, которым он обязан жизнью, а что остальной мир? Клал он на весь этот гребаный мир! Мир объявит его врагом народа, станет бескомпромиссно ненавидеть его, страстно желать его уничтожения! Кэно не верил в то, что в таком мире возможна свобода, а именно она нужна была ему, как воздух. «Это Морихей тебя подбил», — говорил все тот же старина Биннак. Неужели? Морихей лишь приоткрыл дверь — Кэно вошел сам. И сколько раз ему давали шанс вернуться, как сейчас, — но он остался. Так велело сердце. Сердце бунтаря.

— Пора кончать с этим криминалом! — решил анархист для себя. — Не могу больше за деньги становиться под чужие знамена! Такова она — судьба наемника — не лучше участи солдата. Быть оружием в чужих руках. Лишь оружием. А мне нужна свобода. И зовите меня Кэно. Другого имени мне не надо. Это имя мне дали братья — «Черные драконы». Отныне другого у меня нет.

Денег тогда у него набралось достаточно, и Корсар посоветовал хорошего врача из Германии — Генриха Вайнера. «А ты уверен, что этот доктор будет хранить молчание?» — опасался Кэно, на что Корсар заверил его: «Да этот фриц самого Мефистофеля спасет, если только выдать ему нужную сумму». Вайнер не ударил в грязь лицом — после операции ноге вернулась полноценная подвижность. С грузом на сердце, Кэно наконец-то вернулся к «Черным драконам».

— Я никогда не прощу тебе того, что ты сделал, гребаный Мастер! — заявил он вместо приветствия лидеру клана.

— Ты получил элитную подготовку и бесценный опыт. Тебя что-то не устраивает? — Уехиба скривил губы.

— Ты изувечил мою душу! Даже раны на теле не проходят бесследно — а это... Это хуже смерти!

— Но это справедливо, — покачал головой Морихей. — Не сам ли ты выносил себе такой вердикт, «ублюдок»?

— Усеки раз и навсегда, — продиктовал ему Кэно, — я больше не верю в такие надуманные понятия, как справедливость, прощение, любовь... Я не говорю о том, что это неприменимо ко мне. Я хочу сказать, что в гребаном мире вообще и близко не существует ничего такого!

Японец улыбнулся правым уголком рта:

— Мой преемник. Теперь ты готов.

Среди новобранцев клана была одна хорошенькая азиатская девчонка с утонченными чертами нежного лица с практически белой кожей. Она напоминала сдержанную юную ученицу гейши с несколько наивным взглядом, но это было обманчивое впечатление — эта воительница орудовала катанами, как заправский повар ножами. Неверное слово — и чья-то голова, брызжа кровью, катилась по полу. Мужчины предпочитали не шутить с красавицей, но Кэно был не из робкого десятка. «Детка, может, пропустим по стакану, послушаешь песни под гитару?» — предложил он ей после успешного боя с «Красными драконами», и девчонка выпала в осадок. «Тасия, — застенчиво представилась она. — С удовольствием, я сама играю на гитаре — меня отец научил...». После того вечера по округе с наступлением сумерек регулярно разносились аккорды и голос Тасии, призывавший:

Use your might! Kano, fight.

The world is at your feet.

Fight! Use your might.

I'm on your side.

You are wanted, and you're haunted.

You're the Bad Guy, but I feel for you.

You're the danger, a fallen angel.

But I like you; you're the strongest of the all!

Тасия была жестокой и воинственной только в драке. В жизни для всех она была роковой и загадочной, но Кэно знал ее истинное лицо. Она была весьма романтической натурой, отказывалась иметь собственное мнение, а если оно все же было, редко отстаивала его. Кэно понимал, что с ним она не сможет быть долго, потому что он совершенно другой человек, жесткий и принципиальный, с окаменевшим сердцем и взглядом. Он знал, что невольно повелевает ею, а хотел видеть с собой рядом бойца, равного себе. Тасия идеализировала его, а он называл себя конченым человеком, пропащей, навеки проклятой, чуждой всему миру душой.

Тем не менее, они довольно долго были вместе. Тасия была счастлива, но Кэно было не по себе. Когда он после того, как они вместе вышли из смертельно опасной передраги, подарил ей новый мотоцикл в благодарность за то, что героически прикрывала спину, она набралась решительности и сделала намек, вроде: «Подаришь ли ты мне кольцо однажды?». Это был даже не намек — распахнутые глаза белокожей воительницы были наполнены слезами. Кэно даже несколько растерялся и не смог прямо озвучить ей то, что думал все это время. Его ответ был осторожным:

Oh, Angie, don't you weep, all your kisses still taste sweet!

I hate that sadness in your eyes.

But Angie, Angie, ain't it time we said good-bye?

With no loving in our souls and no money in our coats...

— Но почему же так? — решилась все же спросить Тасия, которая понимала все, кроме причины.

— Детка, я тебя предупреждал изначально, — признался он. — Я не верю в любовь, пойми. Я убежден, что ее не существует. Для тебя я не тот человек. Но...

There ain't a woman that comes close to you.

Come on, baby, dry your eyes!

But Angie, Angie, ain't it good to be alive?

Angie, Angie, they can't say we never tried.

Так он расстался с еще одной женщиной. И уже приобрел уверенность в том, что его душа обречена на одиночество на всю оставшуюся жизнь, но все же порой вновь надеялся отыскать для себя в вечных скитаниях спутницу — достойную, гордую, равную по духу.

После Тасии у него была тьма коротких — на одну ночь — отношений без какой-либо цели, только ради секса. Ему нужна была гордая спутница, с чувством собственного достоинства. Джола была гордой, но это давно перешло в наглость и откровенное нахальство, чего не допустит человек, у которого есть чувство собственного достоинства. Тасия держала себя в узде, но была лишена собственного мнения. Снова не то. Кэно нужна была та, которая кинется с ним в бой, но не впереди него и не за его спиной. Та, которая идет на сотрудничество, имеет собственные взгляды, не стремится отстаивать их с пеной у рта, но и не умалчивает о них. Ему нужен был человек свободный, независимый, но понимающий. Равный.

И дерзкое сердце бунтаря так и осталось бы, наверное, одиноким, если бы не роковой рейд в Афганистан. Теперь Кэно считал, что Кира во многом служит ему поддержкой, и сейчас эта отчаянная, бесстрашная женщина придавала смысл его темной и мрачной жизни.

Зимой 1982 года он стал одним из тех, кто во главе с Морихеем Уехибой захватил крупное здание в центре Нью-Йорка. Террористы держали осаду несколько дней, требуя деньги, и уже начинали расстреливать заложников, когда штурмовой отряд полиции перешел в наступление. «Черные драконы» находились в окружении, но кто-то смог вызвать подмогу. Много людей из клана было ранено и убито, но тем, кто выжил, удалось скрыться. В той перестрелке оборвалась жизнь основателя и лидера клана. Кэно был свидетелем смерти наставника, и в его сознании еще долго звучали последние слова Морихея:

— Кэно, прости меня, если сможешь. Я ломал тебя... потому что... — японец начал задыхаться и кашлять кровью, — потому что... я готовил преемника, пойми... Готовил с командой лучших людей, но Клык... Он повел себя так, что не оставил мне выбора... и я его убил. Убил человека, который многим здесь помогал, и мне тоже. Мы с ним по пьяни повздорили, он с ножом на меня пошел... И я выстрелил. А что мне оставалось делать? Я напомнил ему какое-то азиатское лицо, которое он видел на войне и он... Он едва не зарезал меня... Он уже не сможет, но ты... Прости меня!

«Повздорили по пьяни»? «Азиатское лицо»? Кифер потом поведал Кэно, что Уехиба врал. Эти двое сидели в баре «Valhalla» за выпивкой, как старые друзья, когда Морихей начал этот разговор:

— Я отправляю его в Форт-Кэмпбелл. Пусть посмотрит на реальную войну...

— А если не вернется с войны? — резко перебил его Клык, сверкая глазами.

— Ты же ручался, что научил его выживать.

Ковбой понуро покачал головой:

— Не пойму: чего ты добиваешься, Морихей?

— Я готовлю преемника, — шепотом ответил японец, склонившись над столом.

— Это он должен стать лидером после меня, понимаешь. Он вернется с непререкаемым авторитетом.

— Ты считаешь, что и авторитет можно создать? — Клык иронично усмехнулся.

— Да нет, япоша, его зарабатывают.

Морихей ударил кулаком по столу, демонстрируя, как твердо он верил в свои слова:

— Он заработает! Я об этом позабочусь. Я и так передал ему свой опыт, а это что-то да значит. Как там говаривали философы? «Алмаз точит алмаз». Так что он заработает.

— Заработает... — ухмыляясь, кивнул Клык. — Это так. Только поверь — не с твоей легкой руки. В нем я не сомневаюсь, — тут ковбой снова изменился в лице — его глаза кроважно вспыхнули, взгляд пронзил собеседника, как стрела. — Я сомневаюсь в тебе.

— Не понял... — вздрогнув всем телом, проронил Уехиба.

— Опять сравниваешь людей с камнями, — укорил его Клык. — Люди для тебя — расходный материал. А это не так! У людей, в отличие от камня, душа есть. А ты плевал на эту душу, япоша! Ты знаешь, что наши войны сделали с нами! Как ты можешь после этого сам посылать кого-то на войну?! И не важно, каким мотивом ты при этом прикрываешься!

Морихей ехидно рассмеялся:

— Ты посмотри в глаза этого Кэно! Ужасные глаза, дьявольские, да? Ему доставляет наслаждение убивать. Неужели ты всерьез полагаешь, что у таких головорезов есть душа?

— Тогда ее нет ни у меня, ни у тебя, — заметил Клык. И тут он достал нож. Уехиба подпрыгнул на стуле от неожиданности.

— Анархизм — свобода и авторитет, — заговорил он, разглядывая наточенное лезвие, — а ты уже не в авторитете. Потому что люди для тебя — ресурс, расходный материал. Ты их ни во что не ставишь. Когда лидер перестает быть авторитетом, что делают анархисты? Они скидывают его, япоша. И такой лидер, как ты, нам не нужен.

Пальцы впились в рукоять ножа так, что побелели на суставах. У Морихея перехватило дыхание. Он сам не почувствовал, как выхватил пистолет и спустил курок. Разрывная пуля оставила маленькое отверстие между глаз Клыка, но когда ковбойская шляпа упала на пол, кровь в жилах японца застыла — затылка не было. Он, не моргнув глазом, жестоко убил своего друга! Уехиба метнулся в туалет, чувствуя, как накатывает приступ медвежьей болезни — его суррогат угрызений совести.

— Если веришь в какого-нибудь бога, молись ему: может быть, он тебя простит, а я не прощу! — крикнул Кэно. — Пусть это будет хоть одна капля справедливости в гребаном мире!

— Постой! — прохрипел умирающий Уехиба, захлебываясь собственной кровью. — Запомни раз и навсегда то, что я скажу! Где бы ты ни был, что бы ты ни делал, помни: падать с вершины будет очень больно...

И мгновение спустя Мастера не стало. Кэно протянул руку вперед, чтобы ладонью опустить ему веки. В этот момент раздался выстрел. Пуля, пущенная из Remington'a 870, пробила его бронежилет и застряла в правом легком. К счастью, «Черные драконы» успели доставить Кэно на базу. Ранение было серьезным, участок легкого пришлось удалить, и свое тридцатилетие ему пришлось отметить на операционном столе. Тем не менее, Кэно на удивление быстро оправился, и вскоре занял пост лидера «Черных драконов», как того и хотел покойный Морихей Уехиба.

Его мысли об анархии были единственным видимым отражением того, что творилось в его искалеченной душе. Этот человек не привык говорить с кем-либо о сокровенном, он не выдавал всех своих эмоций и переживаний даже самым близким друзьям. *«Show them no fear, show them no pain!»* — как пела группа «Iron Maiden». Кэно всецело отдал себя клану, принес в жертву свою жизнь и душу, зная, что не сможет жить иначе, потому что это был его отдельный от всего, свободный мир, его судьба, в этом был он сам.

Кэно никогда не пытался выставить себя героем или спасителем, он не тешил ни себя, ни других иллюзиями, будто убивая людей — даже таких мразей, какой был его отец — он делает мир чище и лучше. Террорист был убежден, что этот херовый мир уже ничто не спасет, и сам он хотя и подталкивал его к пропасти, но не считал, что его удар станет решающим. Нет, этот мир упадет сам, без помощи анархистов. И это будет та участь, которую он давно заслужил.

Солдат приходит с войны, но война никогда не уходит из солдата. В этом Кэно, по сути, был одним из тысяч, несчастным солдатом, навсегда потерявшим свободу — свободу выбирать, каким видеть мир, свободу закрывать глаза на цинизм, насилие, ложь и отсутствие справедливости, свободу мирно спать ночами. И поскольку это уже нельзя было никак вернуть, ему оставалось только всеми силами пытаться отвоевать другую свободу.

Таких людей, как он — прямолинейных, жестких и непокорных, — либо уважают, либо ненавидят. Но даже тем, кто уважал Кэно и сам смог заслужить его уважение, общение с ним никогда не давалось легко. Он был из тех людей, что имеют непомерную гордость, подпускают к себе только себе подобных, максимально близких по духу, и в глубине души всегда остаются одинокими. Даже ведя за собой толпы единомышленников, такие люди не могут почувствовать настоящего счастья.

И при всей своей озлобленности на весь мир и неукротимой жестокости Кэно смог остаться честным человеком. «Честный бой — один на один, мужик на мужика, кулак на кулак!» — таким было его единственное кредо. Кэно не стремился к какому-то благородству, но он никогда не бросал своих, никогда не отступал, никогда не стрелял в спину. Самым тяжелым пороком он называл предательство. В глубине души он хорошо осознавал, что эта честность и верность своим принципам однажды погубит его.

Какие сны снятся отцу террора? Кэно часто снится, что он сидит на спине огромного черного дракона, парящего над облаками в ночной тишине. Анархист жадно дышит ночной прохладой, проводит рукой по холодным кожистым крыльям дракона. Чешуя рептилии захватывающе сверкает в лунном свете. Дракон летит то медленно и неспешно, ровно парит над густыми хвойными лесами и вересковыми пустошами, то набирает высоту, демонстрируя всю свою энергию и мощь — и сердце террориста замирает в груди, то камнем падает вниз, заставляя Кэно затаить дыхание и ждать падения, но у самой земли расправляет размашистые острые крылья.

Свежий ветер пронизывает все тело анархиста, развеивает его расстегнутую черную рубашку и черный шнурок, на котором он носит серебряный крест покойного наставника.

— Свобода! — во весь голос выкрикивает он, и крик его, идущий из самой глубины измученной души, будто отражается от серебристой луны и эхом возвращается к нему.

Кэно осторожно отпускает руки и встает на спине дракона. Он разводит руки в сторону, пока не выбирает такую стойку, чтобы риск упасть был наименьшим. Тогда он запрокидывает голову назад, расправляет плечи, желая вздохнуть полной грудью, ощутить всю мощь свободы... Внезапно дракон делает резкий разворот. Кэно оступается на скользкой чешуе и срывается вниз. Лунный свет озаряет ожидающую его темную непроглядную пропасть...

...И он просыпается. Злой, нервный, весь в холодном поту. И боль от безнадёги вновь и вновь приходится топить в стакане жгучего виски.

19. Tears of the Dragon

— Жесть... — прошептал Кобра, выслушав захватывающий и пугающий рассказ лидера «Черных драконов». Его глаза сверкали. — *Please, tell me now what life is, Please, tell me now what love is, Well, tell me now what war is, Again tell me what life is...*

— Все это судьба. Или призвание, или хер его... — бросил Кэно пьяным голосом. — Кира знает меня. Да? Мое правое плечо твердое, как гранит. Столько лет оно чувствовало приклад и отдачу от выстрелов! Мое тело сроднилось с оружием. Мозоли на ладонях никогда не пройдут, да. Пистолеты, ножи — каждый выстрел, каждый удар отдается по руке и по всему телу. Клинки это уже продолжение меня.

Кобра, сияя глазами, заулыбался:

— Круто. Быстрее бы мне так научиться...

— Спешка нужна при ловле паразитов! — буркнул пьяный анархист. — Но не в обучении.

Кэно выпил последний глоток водки, встал и поплелся обратно в бар. Он молча поднялся в квартиру Коннора и упал на постель, не снимая ни одежды, ни обуви. Анархисты, оставшиеся на улице, погрузились в глубокую и безрадостную задумчивость, когда внезапно Кира вскочила и побежала в бар, за вожак. Он уже начал дремать, когда она разбудила его:

— Кэно.

— Чего? — ответил он спросонья, уже с трудом ворочая языком.

— Может, — Кира запнулась в нерешительности, — может, все-таки скажешь свое настоящее имя?

— Эх, детка, — погрозил ей указательным пальцем Кэно. — Вы слышали херову кучу моих имен, одно краше другого. И вам еще мало? Настоящее имя у меня только одно! А то, первое... это проклятое имя я унесу с собой в могилу.

Он отвернулся, закрыл левый глаз, синхронно с которым погас и правый, и, что называется, вырубился.

Утром следующего дня Кэно нехотя проснулся. Проснулся, не помня очередного ночного кошмара, хотя и в этот раз навязчивый сон не оставил его. Он чувствовал болезненную тяжесть во всем теле, тошноту и головную боль. Сфокусировав, наконец, размытое зрение, Кэно огляделся. У постели стояла банка пива. Кэно взглянул на нее,

как на пруд посреди пустыни. Он выпил, почувствовал себя немного лучше, смог встать на ноги. С усилием припомнив, где у Горца находится ванная, анархист побрел туда. Он открыл холодную воду, выкручивая вентиль до упора, и опустил голову под ледяную струю. Тело несколько раз ударила судорога, казалось, от этого у него даже встали дыбом волосы на руках и на груди. Однако сознание несколько прояснилось, Кэно поднял голову и вздохнул поглубже. И тут он увидел свое отражение в зеркале. Изменившееся отражение. Его левый глаз перестал быть человеческим — радужка приобрела желтый цвет, а зрачок вытянулся в тонкую щель, как у змеи.

В ярости и ужасе Кэно ударил в зеркало кулаком. Тут же он опомнился и принялся перематывать изрезанную осколками руку полотенцем. Но руки дрожали, а неистовствующее сердце не хотело успокаиваться. Смутная надежда на то, что эксперименты Мавадо не дадут последствий, рухнула без следа. И на ее место встала пугающая неизвестность — похоже, это первое изменение было только началом, и никто не мог предсказать, что последует дальше.

Весь день Кэно всячески избегал смотреть в глаза товарищам и даже сторонился их, но те не донимали вопросами, полагая, что дело было в его вчерашней тягостной исповеди. Он мог надеяться, что пока они ничего не заметят. Пусть не замечают, пусть остаются в неведении как можно дольше, сейчас ни к чему было обрушивать на них еще одну проблему.

— Может, я тороплю события, брат, — обратился к главарю Джарек, когда все выжившие анархисты собрались за обеденным столом, — однако же мы будем делать дальше? Мы ведь «до победы — всегда».

— Сначала нам надо приобрести «корпоративную квартиру» на Статен-Айленде, — объявил Кэно, стоя лицом к окну с сигарой в зубах. — Потом я буду думать.

Он глубоко затянулся, выпустил дым через нос и вышел из кухни.

— И все? — недоуменно проронил Кобра.

Кира метнула на него ожесточенный взгляд, подобный выстрелу в сердце:

— Мы уже месяц с этим. Мы кое-как смирились, и то нам стало легче, когда мы узнали, что он выжил. А он лишь пару дней назад узнал, что клан фактически погиб! Дайте ему это прожить!

Кобра подавленно умолк. Джарек одобрительно кивнул, почесав козлиную бородку. Горец встал из-за стола и пошел за лидером анархистов:

— Кэно, я так понимаю, оформляем на меня? Обязательно Статен-Айленд?

Внизу у стойки бара главарь «Черных драконов» дал Коннору необходимые распоряжения, после чего шотландец сразу уехал. К вечеру он перезвонил и отчитался:

— Есть дом на окраине, в плохом состоянии. Окна выходят на старую, заброшенную пристань. Рядом уродливый недострой. Идеальная будет ночлежка для вольных музыкантов и уличных художников.

— Оформляй, — дал ему добро главарь. — И тогда сразу же закупи инструменты, стройматериалы — что там может быть нужно, чтобы привести эту задницу мира в сколько-нибудь приемлемое состояние.

На следующий день у «Черных драконов» появилось временное убежище в обшарпанном, но сносно меблированном доме в Статен-Айленде. Протекающую крышу, скрипучие лестницы, некоторые двери и полы еще предстояло привести в порядок, но зато это пристанище они приобрели практически за бесценок. Однако сразу после переезда Кэно в первую очередь поставил решетки на окна.

— Неужели ты думаешь, что кто-то попытается нас ограбить? — опять доставал вопросами Кобра, помогая с установкой.

— Не, это, пацан, чтобы к тебе ночью не пришла злая тетя Соня, — хрипло посмеиваясь, подколот его Джарек.

— Ха, на этот случай у меня есть мачете!

— Ага, только на смерть не руби ее. У меня для нее другой сюрприз приготовлен. В штанах.

Кэно молчал. Он сам не до конца понимал свою паранойю, заставившую принять такую меру безопасности. Он не мог сказать, от кого именно ждет угрозы. Однако вожак чувствовал, что должен был хоть что-то сделать.

— Так просто надо, — отрезал он и продолжил вгонять в стену анкеры.

После он сменил дверные замки. Коннор предлагал отметить переезд, но, так и не дождавшись согласия со своим предложением, уехал обратно в свой бар. Наступающая ночь отдавала ощущением неопределенной, сгущающейся тревоги, и Кэно щедро залил ее ромом, чтобы только суметь заснуть. Вечер и ночь он провел в полном одиночестве.

Утро вновь наступало тягостно, пробуждение приходило с чувством болезненной разбитости во всем теле, и для такого состояния не было ни одного реального повода. Кэно нешуточно занервничал. Он крадучись прошел в ванную комнату, уповав на то, что товарищи еще спят. Он не сразу решился вновь взглянуть в зеркало, из которого смотрело будто чужое, нечеловеческое лицо с хищным желтым глазом.

— О дьявол! — обреченно проронил террорист и ощутил, что с зубами у него что-то не так. Он оскалился — пожелтевшие от никотина зубы стали острыми, клыки удлинились и выступили вперед.

Что еще изменилось в нем? Со страхом Кэно расстегнул и сбросил черно-красную рубашку. Его руки безнадежно опустились — плечи и предплечья местами лишились кожи, на ее месте появилась мягкая, еще уязвимая красная чешуя, только в середине затвердевшая и приобретающая черный цвет.

— Значит, этим все не кончится... — осознал он. — Сука! Будь ты проклят, Мавадо! Траханый ублюдок!

В руках снова появилась предательская дрожь. Но бежать от правды было некуда, и Кэно задрал серую майку-борцовку, чтобы осмотреть свою грудь и пресс. Он шумно выдохнул — его торс оставался человеческим. Вот только знать бы, как надолго.

Это был не единственный вопрос, с которым сталкивался лицом к лицу главарь «Черных драконов». Что теперь делать? Как смотреть в глаза соратникам? Что им сказать? Для такого дерьма не существовало инструкций.

До вечера он не выходил из своей комнаты — он не знал, что предпринять. Несколько раз Кэно пытался прилечь и поспать, но мысли упорно не давали ему уснуть. Он вспоминал Клинку, верного соратника и славного бойца, измененного, изуродованного и замученного экспериментами «Красных драконов». И главарю было так понятно последнее и единственное желание товарища — желание быстрой смерти, чтобы оборвать мучения, и чтобы такой результат насилия над человеческой гордостью и самой природой не ходил по земле. Смерть была последним проявлением свободы для него. Кэно держал в руках револьвер Colt King Cobra, найденный в кабинете Мавадо, и пытался смириться с мыслью, что и для него самого после экспериментов свобода, возможно, останется только в выборе смерти. Но он не мог даже помыслить, как попросить об этом Джарека и что сказать Кире.

Он отложил револьвер и залпом выпил очередной стакан рома. Он проклинал собственные эмоции и сомнения. «А может, не все плохо, — неожиданно для самого себя предположил Кэно. — Если с этим я стану еще сильнее. Сильнее!». Он распахнул окно, отпер замок на решетке и под покровом ночи вырвался на волю.

Кэно за считанные минуты преодолел разбитую дорогу, заросшую редким чахлым кустарником, бегущую вдоль черно-серой мертвой пристани, заваленной скелетами деревянных лодок, старыми шинами и кранцами, грудями прогнивших досок и ржавого металла. Напротив обвалившегося причала маячила заброшенная стройка двух корпусов отеля. Анархист удивился, с какой легкостью он перемахнул через забор — даже в молодости он не был на такое способен. Внутри все сгорало от азарта и единственного желания — испытать новые возможности собственного тела.

Кэно разбежался и мгновенно взобрался по стене ближней постройке до уровня седьмого этажа. Даже будто не взобрался, а буквально взлетел. Словно неистовый порыв ветра вскинул его на эту высоту, хотя в округе не было ни малейшего движения воздуха, даже подобия легкого ветерка. Кэно присел в оконном проеме, поставив ноги на подоконник и прислонившись спиной к откосу. Он глядел на луну. Ее свет устремился в него тонкими серебряными стрелами, но эти стрелы, вонзаясь в тело, не причиняли боли. Только по коже бежала приятная легкая прохлада.

Какая сила чувствовалась в его немолодом теле, какая энергия! Это был новый уровень свободы, снимающий ограничения собственного бренного тела. Ушла нахлынувшая с годами слабость, ушла столько лет регулярно глодавшая боль. Да, боль. Ее больше не было! Ничто не мешало теперь наслаждаться свежими запахами ночи, игрой серебристых бликов лунного света на водной глади внизу, как и на каждом изъеме серого кирпича недостроенного здания.

Кэно шагнул из оконного проема и дальше полез вверх по стене, цепляясь только пальцами рук за щели между кирпичами. Он добрался до угла здания и прыжком оказался на пожарной лестнице. Он не карабкался по лестнице, как человек. Он был подобен ягуару, взбирающемуся на дерево, — проворными резкими прыжками главарь анархистов перемахивал через три-четыре ступени за один раз. Яростным прыжком, каким хищник кидается на добычу, Кэно бросился на крышу. Он встал во весь рост и расправил крепкие плечи.

Его чувства обострились до предела, недостижимого человеку. Зрение различало даже самые мелкие звезды на небесном своде, полупрозрачную светящуюся дымку Млечного Пути, метеоры, входящие в атмосферу, чтобы за миг сгореть, но оставить за собой огненный след. Анархисту казалось, что он может всматриваться в высокое ночное небо вечно, постоянно замечая в нем что-то новое. Единственный зрячий глаз — левый — никогда не видел так хорошо и ясно.

— *Use your might, Kano!* — сказал сам себе террорист.

И бросился бежать. У края крыши он присел и резко выпрямил ноги, бросая тело вперед. Находясь в воздухе, он плавно раскинул руки, будто орел расправил мощные сильные крылья. Поочередно напрягавшиеся группы мышц играли в лунном свете. Кэно перепрыгнул с крыши на крышу, как тигр, выгнув спину и напрягая все мускулы. Приятная дрожь пробрала с ног до головы. Ни капли усталости, ни капли боли. И кровь лилась по жилам совершенно спокойно, кровь была холодна, а сердце стучало ровно. Это было похоже на реинкарнацию, его перерождение, переселение души воина-бунтаря в тело огромного, сильного, хищного зверя.

Кэно побежал по стене вниз, петляя, как паук, который легко, плавно, но молниеносно передвигается по своей ловчей сети. Вскоре эта беготня наскучила ему — Кэно прыгнул на землю и замер. Он решил отдохнуть и насладиться тихой глубокой ночью.

Ощущения были тонки и остры. Террорист решил, что видит самые далекие небесные светила, ощущает незаметную дрожь в пропахшем влагой воздухе, встревоженном крыльями пролетевшей птицы, слышит, как едва касается берега практически неподвижная в безветрии вода, как ударяется о мягкую землю палый лист... Будто мир стал другим — тонким, чутким и хрупким.

Невдалеке слышались шаги человека. Кровь Кэно моментально вскипела. Он чувствовал тепло, излучаемое чужим телом, чувствовал в воздухе гадкий запах врага.

— Увидит! Узнает! Сдаст!

Секунда — и нож был в руке «черного дракона», еще секунда — и он стоял перед врагом. Бедно одетый парень, который что-то искал на стройке, не успел даже крикнуть — клинок прошел сквозь сердце, как по маслу. Кэно вогнал нож в его тело еще раз, потом еще, еще... Только через несколько минут он наконец-то оставил в покое исполосованный до неузнаваемости труп. Это было далеко не первый раз, когда его нож пролил кровь, но...

— Никогда, чтобы вот так... Этот пацан... Он ничего не сделал! Шел мимо. Он бы даже не заметил... А если бы заметил? Сдал бы!.. Бред... Я действительно стал психопатом-головорезом, который убивает всех без разбору... Бред! Ничего бы этот тип не заметил! Сука! Что со мной?!

Ненужное, не оправданное необходимостью убийство. Напрасно пролитая кровь. Но в мире, где совесть и справедливость — надуманные эфемерные понятия, это не имело значения. Пугало другое — Кэно не принимал решения. Словно кто-то направил в цель его руку с ножом раньше, чем он вообще успел что-либо подумать. Но эту кровь он пролил сам. Кровь... Как завораживает ее запах...

— У крови... действительно есть запах. До костей пробирает... Проклятье! Что это со мной?! Твою ж мать!

Кэно мчался к дому «Черных драконов», как испуганный зверь от охотников, чувствуя за спиной заряженные ружья самой судьбы. Снова прыжок через забор, снова бездорожье и черные ребра мертвых лодок, снова убогий двор серого дома, отделанного прогнивающим деревом. На пороге Кира ждала его. Их глаза встретились. Кира уронила банку пива, взглянув на кровь на одежде главаря.

— Что с тобой? Где ты был? Ты ранен!

— Не моя кровь...

Кира схватила его руку, но Кэно как от огня поспешил ее одернуть, пока ее ладонь не ощутила на предплечье холодную гладкую чешую. Но женщина уже всмотрелась в его лицо, видела его горящий желтым отблеском левый глаз и заострившиеся зубы.

— О Аллах! Только не это! Это из-за тех опытов?

— А из-за чего же еще? — гневно швырнул Кэно.

Анархист не видел испуга, лишившего обычно хладнокровную женщину дара речи. Он не смотрел в ее глаза. Впервые он так отчетливо чувствовал ее запах — и этот запах заставлял его сердце биться чаще, взгляд жадно изучал ее точеное бронзовое тело, он из последних сил сдерживал свою жажду, чувствуя растущее напряжение в паху.

Из дома вышел, закуривая сигарету, Джарек. Он окинул взглядом лучшего друга и все понял. Его обычно лукавый взгляд стал отрешенным, Джарек перекрестился и обнял Киру, сочувственно склонив голову к ее плечу. Она дрожала всем телом и пыталась сдержать слезы. Джарек поглаживал ее плечо, пытаясь хоть немного помочь ей успокоиться, хотя и сам не мог прийти в себя.

— Красавица, все будет хорошо. Мы же будем бороться...

Кэно не сводил глаз с товарища, фиксируя каждое его движение.

— Не-ет... Моя... Моя... — одержимо шептал он, глядя на Киру.

Его сексуальное напряжение сменилось неконтролируемой агрессией — он так врезал товарищу кулаком в челюсть, что Джарек отлетел от Киры на метр и ударился затылком о стену дома.

— Отойди! — прошипел Кэно, тщетно пытаясь разжать оскаленные зубы.

— Ты чего?! Оборзел, психопат! — отплевываясь, опешил Джарек.

— Как будто я не знаю, что у тебя одно на уме... — прорычал Кэно, тяжело дыша.

— Да иди ты на хер! — выругался обиженный друг. — Это у тебя одно на уме!

Кира крепко взяла Джарека за руку, помогла ему подняться и зайти в дом. На пороге она обернулась и взглянула на Кэно с горестью, испугом и злостью, в глазах ее читался немой вопрос: «И кто же ты теперь? Кто?».

— И правда, во что я превращаюсь? — задумался он, стоя у стены. — Что за тварь внутри меня? Что ж теперь, мать его, будет дальше?!

Кэно в ярости разорвал на себе окровавленную одежду. Он выкинул рубашку и майку за забор и бросился в дом, к двери своей комнаты и запер замок. Взгляд метнулся на окно. Он запрыгнул на письменный стол, с него на подоконник и запер решетку, а потом плотно закрыл стеклянные створки, перед этим выкинув в окно ключ. Следом анархист задернул плотные пыльные шторы. Его дыхание, срываясь, рычало, перенапряженные мышцы рук дрожали.

— Я не выйду отсюда! Не выйду!

Кэно схватился за край стола и резко придвинул его к двери.

— Нет! Это херня! Это меня не удержит!

Он отодвинул стол, отпер дверь и нырнул на чердак. Там он, порывшись в инструментах, взял перфоратор, «болгарку» и анкерные болты. Вернувшись в кабинет, анархист полностью продумал план своих действий.

— Только быстрее! Пока соображаю...

Кэно провел ладонью по столу. Хотелось бы верить, что дерево окажется достаточно прочным. Он распилил столешницу на доски, этими досками и перекрыл дверной проем, вогнав в стену анкерные болты.

— Я не выйду отсюда! — с бесконечной тоской, но и с долей гордости проговорил Кэно. — Не выйду.

Свобода... Несколько дней назад он наконец вырвался из унижительного плена на свободу. И как теперь ему пришлось распорядиться ею? Стать пленником. Узником в тюрьме, которую построил сам.

— Так надо, — убеждал Кэно сам себя. — Так надо... Сдохну, но не причиню им боль! Мир несправедлив, да... Но они не заслужили!

Он лег на кровать и закрыл единственный глаз. Он не желал зла своим людям. Ни за что. Они никогда не подводили его — и он не подведет их. Плевать, какова будет цена! Пусть даже и свобода! Зато это волевое решение он принял свободно, сам.

За дверь по коридору разносился звук шагов. Кэно мог различить, кто идет, даже с закрытой дверью. Он легко узнавал отчеканенный шаркающий шаг Джарека, который при ходьбе имел привычку задирает носки вверх — стандартный строевой шаг, армейские ботинки отбивают марш. Или развязную поступь Кобры, шуршащее трение о паркет его фирменных кроссовок, неуверенный, сбивающийся ритм его шагов — только этот парень от волнения спотыкался на ровном месте. Кто проходил мимо двери? Кэно вслушивался. На человеке боевые ботинки, но они не сотрясают пол — облегченные. Ритм ходьбы быстрый, ровный — уверенные, мелкие, но частые шаги. Идущий переступает резко, будто намеренно ударяет ногой в пол со всей силы — он в нервном напряжении. Шаги стихли. Сердце человека за дверью колотилось встревожено, разгоряченное тело излучало тепло, которое Кэно чувал даже сквозь стену. И запах. Знакомый, завораживающий, возбуждающий. Как только этот запах тронул его носовую полость, пульс анархиста будто взбесился, горячая кровь наполнила сосуды мышц, все тело напряглось. Кира! Она пришла к нему! Для чего же?

— Кэно? Ты тут стены сверлил?

Он сел на пол, припав спиной к двери, но ничего не ответил.

— Открой дверь, — потребовала Кира.

Все тело Кэно нервно вздрогнуло, он резко мотнул головой, как встревоженный зверь.

— Нет!

— Что случилось? — голос Киры вздрагивал, в нем слышались нотки хрипоты, нотки задавленных слез и гнева. — Не молчи! Кэно! Говори, как есть!

— Я не выйду отсюда... — шепотом еще раз повторил Кэно.

— Что?!

Он понимал: она делает вид, что не расслышала слов, она не хочет разделять его решение.

— Я запер себя здесь. Так вам будет лучше.

— Послушай, — женщина медленно чеканила слова в неравной борьбе с нервным напряжением, — мы все погорячились, да. Это не твоя вина, Кэно, а гребаного Мавады. Его, а не твоя! Ух, как же я хотела бы сама вырезать его проклятое сердце!

Кэно разделял ее гнев. Главарь «Красных драконов» умудрился этой ночью отобрать у него все — даже самого себя, принципы и здравый разум. И даже будучи неизвестно где, а, может быть, и уже на том свете, этот испанский ушлепок фактически продолжал гадить.

— Он таки поимел свободу! — злобно и удрученно прорычал Кэно. — Он, сучий сын, ее раком во все дыры! — он закусил кулак и тяжело вздохнул. — Детка... Позови сюда Джарека.

— Нет! — сорвался отчаянный вскрик с пересохших губ Киры. — Я знаю, о чем ты его попросишь! Но у тебя ведь железная воля — может, ты сможешь с этим жить?!

— И пусть сотни других не смогли? — не верил он, вспоминая всех, кого видел во время неудачного штурма базы «Красных драконов», этих жертв беспринципных экспериментов, в лицах и действиях которых не осталось практически ничего человеческого.

— Ты всегда был сильнее их! Теоретически ведь возможно? А Джарек никуда не денется.

— Ох, детка...

Кира молчала. Тонкий слух Кэно улавливал ее тихое, но очень тяжелое дыхание. Он даже слышал, как трепещет сердце в ее груди. Сердце... Сердце этой женщины стучало в унисон с его собственным. И это категорически не нравилось ему — ведь он только и думал теперь, что о преждевременной смерти.

— Что я могу сделать для тебя? — произнесла, наконец, женщина.

— Под моим окном в траве валяется ключ от решетки. Возьми его. И в первую очередь заberi отсюда инструменты. А потом сможешь приносить мне еду и оставлять на подоконнике. Более ничем ты мне не поможешь. Я мяса хочу. Много мяса. Непрожаренного, с кровью.

Кира глубоко вздохнула, но так ничего и не ответила. Она ушла. Ее поступь уже не была уверенной и четкой — скорее, напоминала тревожную походку Кобры, спотыкавшегося на ровном месте, только шаг ее был более тяжелый, с силой ударяющий в пол нелегкой подошвой боевых ботинок. Она ушла, но Кэно казалось, что его не оставляет ее запах, тревожный и дурманящий.

Когда запах, наконец, развеялся в воздухе, сердце главаря «Черных драконов» успокоилось, дыхание выровнялось. Террорист чувствовал, что его начинало клонить в сон. Однако он так и остался в состоянии между сном и бодрствованием, потому что полноценный сон перебивали назойливые звуки окружающего мира. Сознание наполнялось беспорядочными образами, среди которых он мог различить то манящий силуэт Киры, то кровь на клинке ножа, крики и безумные глаза убитого им бездомного, запах крови, бьющий в голову, подобно алкоголю, и такой же дикий, затмевающий разум, сладостный запах тела Киры. Впечатлений было слишком много — Кэно решил, что спать сегодня ему не придется.

Жалобно скрипнула оконная рама. Анархист медленно встал с постели и лениво потянулся. Окно захлопнулось, за окном трава глухо зашуршала под ногами уходящего человека. Кэно медленно повернул голову — на подоконнике стояла тарелка с жареным мясом и бутылка темного пива. Он метнулся к окну. Воздух снова наполнился запахом Киры, но на сей раз Кэно не испытывал возбуждения — запах еды, пробуждающий и без того сильное чувство голода, перекрывал его. Аромат жареного мяса даже заставил желудок сжаться, анархист судорожно глотал неконтролируемо выделяющуюся слюну. Сплюнув несколько раз, Кэно схватил кусок мяса и жадно принялся терзать его зубами, как хищник, рыча от удовольствия. Он проглатывал сочное непрожаренное мясо, почти не пережевывая его, запивая крупными глотками холодного горького пива. Насытившись, «черный дракон» с довольным видом растянулся на кровати. Он полагал, что утоление голода и алкоголь помогут ему, наконец, заснуть, но ошибался.

Алкоголь окончательно окутал туманом терзаемый на части разум и позволил древним страстям вырваться на свободу. Кэно судорожно осмотрелся. Его начала бить крупная дрожь, в душу ворвалась безумная тревога.

— Пойман! Заперт! В тюрьме!

Кэно распахнул окно и набросился на оконную решетку, со всей силы схватившись за нее, будто пытался сорвать ее с окна. Через несколько минут он смог смириться с разумной мыслью, что усилия напрасны. Он прислонился лбом к холодной решетке, расслабившись и закрыв глаза. Внезапно слух уловил тревожный шорох. «Черный дракон» отпрыгнул от окна, как от пламени, которое обожгло руку.

— Ищут! Найдут! Миру смерть моя нужна...

Кэно плотно закрыл окно и припал спиной к стене. Он чувствовал паранойяльную необходимость того, чтобы спина под защитой. Впрочем, никакие меры безопасности теперь не могли его успокоить. Все его тело обливалось холодным потом, дрожь не унималась, каждая мышца вздрагивала от перенапряжения. Сердце трепетало, как крылья летящей колибри, а кровь бурлила, как лава в жерле вулкана. Ему казалось, что темнота ночи оборачивается вокруг него, вцепляется в него тысячами когтистых лап, разрывая горячую плоть. Весь мир ополчился против него, тьма выставляла вперед копыта ненависти тех, кто должен был скрываться в этой тьме, — врагов. Кругом враги, за стенами враги, весь мир наполняют враги. Из тьмы начали выделяться отдельные клубящиеся образы. Кэно вглядывался во тьму и видел пауков. Старая галлюцинация вернулась куда более реалистичной. Тьма наступала, атаковала, окружала полчищем гигантских пауков. Анархист стоял в углу комнаты, бежать ему было некуда — он сам заколотил дверь. И ключей от решетки у него не было. Ветка мертвого тополя за окном напомнила о древесном монстре с обложки альбома «Fear of the Dark» группы «Iron Maiden». Тем не менее, Кэно снова бросился к окну по одной простой причине — там, на улице, свет одинокого фонаря у разбитой дороги разгонял ядовитую тьму. Террорист в ярости разбил стекло, его кулак прошел между прутьев решетки. Он так и застыл с выставленной вперед рукой, тяжело дыша и глядя, как по разбитому стеклу медленно ползут потеки крови. Древесный монстр за окном рассмеялся — старый мертвый тополь тревожно скрипел на ветру. Тьма исчезла, чувства сконцентрировались на ином — на боли. Кэно взревел и резко рванул руку от стекла. Он упал на пол, стащив с себя здоровой рукой жилетку и отдирая красную подкладку. Он корчился от боли на полу, перематывая подкладкой раненую руку и выдирая дрожащими пальцами из ран осколки стекла. Так он мучился до тех пор, пока боль и галлюцинации не доконали его и заставили утратить сознание.

* * *

Кира не спала этой ночью. Она сидела на кухне, задумчиво глядя на силуэты деревьев и руин старой пристани за окном.

— Чай? Не похоже на тебя, — с иронией подметил вошедший на кухню Кобра.

Его длинные волосы и черно-белый спортивный костюм были насквозь мокрыми от пота — он очень устал, в одиночку закапывая труп на заброшенной стройке. Он поспешно умылся, тщательно вымыл руки и пошел к холодильнику — чувство голода после физической и эмоциональной нагрузки было сильно, несмотря на то, что Кобре пришлось выполнить грязную работу.

— Я сейчас в таком состоянии, что если притронусь к алкоголю — три к одному, что напьюсь, — с одолжением ответила ему Кира, не глядя в его сторону.

Русый мужчина подавленно вздохнул и начал делать себе бутерброд.

— Так и... что ты обо всем этом думаешь? — неловко попытался завязать разговор Кобра.

Женщина опустила голову, чтобы огненно-рыжие пряди упали завесой на лицо, и собеседник не увидел, что горящий взгляд прозрачно-серых глаз ее потускнел, переполнился слезной грустью.

— Я не знаю, что теперь будет, — проговорила она. — И никто, наверное, не может знать. Ни шайтан, ни Аллах...

— Переживаешь за Кэно?

Кира зыркнула на него, как на последнего кретина, что, впрочем, было справедливо после такого нелепого вопроса:

— Отвали, а?!

Кобра решил, что лучше замолчать. Закончив приготовление своей сухомятки, он робко сел за стол, но тут же понял, что ему кусок не лезет в горло. В душе таилось волнение, ему хотелось быть хоть чем-то полезным, попытаться утешить Киру, хотя он и понимал, что это было не в его силах.

— Джарек хотел поговорить с Вайнером... — как бы случайно проронил он. — Только велика вероятность, что Кэно не согласится...

— Не согласится на что? — все же отреагировала Кира на его слова.

— На обследования. Может, Генрих нашел бы способ остановить это превращение.

Женщина молча допила чай и ушла. Кобра прикусил губы, будто почувствовал свою вину. Впрочем, на самом деле его вины не было в ее тревоге, им всем было нелегко, и он хотел бы в столь нелегкое время стать хоть к кому-то ближе.

Еще раз ночь

Без любви, без тепла

В тумане призрачных грез.

Еще раз ночь,

Словно мост, ты сожгла,

И жизнь летит под откос...

— Да заткнись ты! — крикнула на него Кира, обернувшись, и скрылась в темном коридоре.

Кобра остался один. И уже в тоскливом одиночестве он допел песню, ужасно коверкая слова своим акцентом:

Я хотел тебе помочь —

От беды спасти.

Я хотел тебе помочь...

Опоздал...

Прощай.

Прости...

Он проклинал себя за то, что попытался взять на себя больше, чем мог вынести. И за слабость духа, толкнувшую его на нелепые, только портящие все попытки стать в доску своим! Кем он себя возомнил? Кобра важный и сильный член клана? Нет. Он только ученик Кэно. Салага... Практически пустое место...

Однако не все ведь было так однозначно. Кобра фактически собрал выживших здесь! Это он спас Киру, а потом и Джарека...

А, может, все решили обстоятельства? Просто повезло? Почему бы и нет...

Только вот Киру он на руках с базы выносил! И Джарека нашел он, Горец лишь оказывал помощь. Но что было бы с ними всеми, если бы Кэно сюда не вернулся? Если бы даже Джарек решился заняться делами клана... Он тоже никогда не воспринимал Кобру всерьез. Выходит, все же он — пустое место...

Если так, то сам он зря выжил! Он не заслужил второго шанса, в отличие от многих славных бойцов — Тремора, Безликого, Тасии, Призрака... Ну, пусть сейчас их всех уже нет, но Кэно всегда пекся только о Джареке и Кире. Да эти трое даже с Горцем общались ближе, чем с Коброй! И он, выходит, был среди них чужим, лишним, как пятая нога у собаки.

Этого не может быть! Не может! Ведь если бы он был пустым местом, если бы всем было на него наплевать, стал бы тот же Кэно так злиться на него за каждое поражение? Отчитывал бы за каждый промах? Да он бы давно плюнул на все это! Что же тогда?

Что же тогда? Кем он, Кобра, был для Кэно? Молодой анархист по-настоящему завидовал вожаку. Уже давно. Он убеждал себя, что это нормальная, белая зависть. Кобра так хотел стать лучше. И, надо признать, кое-что у него получалось. Он уже много чего освоил, получил немалый опыт...

Тогда почему главварь продолжал унижать его и звать «салагой»?

А чего еще хотел Кобра? Чего ждал? Разве его опыт и навыки сравнимы с таковыми у Кэно? Нет. И никогда не будут. И что, после этого он хотел, чтобы его как-то иначе звали?

Хотел. Безумно хотел именно этого. Можно было бы хотя бы признать, что он — всего-навсего преданный ученик. Вечный ученик.

Кобра перебивал в растерянности и отчаянии. Что он мог сделать? Побегать за Кирой, попытаться все объяснить? Пустая затея, она только окончательно озлобится на него. Пойти к Джареку, поторопить его связаться с Генрихом Вайнером? Да что, Джарек сам не сообразит, что делать?! Что, он, Кобра, ему советчик?! Нет, уж лучше сидеть здесь, тише воды ниже травы, не соваться туда, где он ничем не поможет. А если будет нужно, делать работу, даже самую грязную. Да, так пока было лучше. Просто плыть по течению.

Кобра взял из холодильника пиво и обреченно припал сухими губами к холодной банке.

* * *

Кэно пришел в себя на утро следующего дня. Он лежал на полу, покрытом размазанной засохшей кровью, окровавленными кусками стекла и обрывками красной ткани. Рука ужасно болела, а растревоженную душу не оставлял страх. Лидер «Черных драконов» не мог распознать этот страх, как бы ни силился прислушаться к себе. Страх смерти? Навряд ли. Столько лет ходить по краю, и после этого бояться смерти? Его бросило в гнев из-за собственного предположения: с яростным оскалом, рыча, как дикое животное, он бросился на заколоченную дверь, вцепившись пальцами в доски.

— Чтоб я боялся смерти?! Да никогда! Хер ей! Никогда, сука! Я не боюсь ее! Я презираю! Не боюсь! Не боюсь...

Вдруг анархист запнулся, ошеломленно глядя доски — на дереве остались глубокие свежие царапины, в луче утреннего света танцевала опилочная пыль.

Снова скрипнул ключ в замке оконной решетки. Изыщные женские руки с тонкими пальцами отпирали окно.

— Кира! Нет! Не иди сюда! — вскричал Кэно и обнаружил, как изменился его голос — он стал еще более низким, хриплым и грубым, как глухой сиплый рев раненого хищника. Запах тела Киры мгновенно заставил всплыть ее образ в его еще размытом и мутном сознании.

Распахнув окно, Кира зацепилась руками за подоконник и, подтянувшись, запрыгнула в комнату. За спиной у нее был маленький кожаный рюкзак.

— Зачем ты пришла? — будто с мольбой осведомился Кэно, сложив руки за спиной. — Детка, я прошу тебя. Уходи. Я за себя не ручаюсь.

Кира указала рукой на разбитое окно:

— Стекло выбито, на стекле кровь. Понятно мое беспокойство?

Кэно отвернул голову, стараясь переключить внимание с образа Кире на что-нибудь иное, пусть даже на растущее чувство голода, от которого начинал болеть желудок.

— Что ты прячешь за спиной? — строго спросила Кира.

— Ничего, — недовольно буркнул в ответ Кэно.

— Что ты прячешь за спиной?! — прикрикнула женщина с упреком.

Кэно нервно ухмыльнулся, на секунду обнажив заострившиеся зубы, и нехотя выставил руки вперед. Старая чешуя уже окончательно уплотнилась, стала твердой, как броня, и почернела, помимо нее появилась новая, еще мягкая, ярко-красного цвета. Его пальцы удлинились, последнюю фалангу каждого из них покрывал прочный кривой коготь. У основания под светлыми когтями, в которые превратились ногти человека, запеклась кровь. Кэно дернул головой, указывая Кире на царапины, оставшиеся на досках. Женщина взглянула на него без страха и отвращения, вопреки ожиданиям самого анархиста, а наоборот: с сочувствием и жалостью. Кира взяла правую руку Кэно и осмотрела порезы.

— Здесь есть мелкие осколки, их нужно вытащить, — заключила она, сбрасывая с плеч рюкзак. — Сядь на кровать.

— Детка, это плохая идея, — не глядя на нее, прошептал Кэно. — Я не ручаюсь за себя.

Но женщина не хотела ничего слушать. Она молча достала из рюкзака необходимые инструменты и медикаменты. Она извлекла осколки из ран, промыла порезы и перевязала руку главаря. Руки Кире ни разу не дрогнули — она четко и уверенно осуществляла каждое действие. Только лицо выражало небывалое напряжение — она несколько раз отбрасывала назад падавшие на глаза волосы, незаметно смахивая при этом пот.

— Все, — проговорила она, поглаживая его руку. — Все, что могу. Так, правда, легче?

Кэно схватил ее за плечи и, обхватив ее губы своими, проник языком в ее рот. Кира почувствовала, что ее зубы соприкасаются с его удлинившимися клыками, а язык его холодный, будто занемевший, и гладкий, как змея извивается у нее во рту. Он целовал ее в засос и не мог насытиться, но она решительно отодвинула его от себя, закрывая покрасневшие губы ладонью.

— Не сейчас, — попросила она.

Кэно облизнулся. Он обнял Кире за талию и прильнул к ней всем телом, чувствуя ее тепло, легкую дрожь и запах. Он упивался запахом женщины, хотел вечно обладать ею. Анархист провел рукой по ее спине, опуская ладонь ниже поясицы, и резко сжал сильные пальцы. Кира тут же крепко схватила и убрала его руку со своей пятой точки, недовольно пронзая его укоризненным холодным взглядом. Кэно похотливо лязгнул зубами и с довольной ухмылкой снова попытался схватить ее.

— Этого не будет, — твердо повторила женщина и встала с кровати. — Не сейчас!

Кэно не слышал ее слов. Ее запах, казалось, стал еще слаще, он дурманил его сильнее самого крепкого напитка, самого сильного наркотика. В таком опьянении он почти ничего не ощущал, кроме растущего приятного напряжения внизу живота и в паху. Взгляд, как будто в первый раз, изучал ее смуглое точеное тело амазонки. Кэно

заворожено смотрел, как по ее телу скатываются капли выступившего от волнения пота. Он вскочил, вцепился руками в ее кожаный топ и разорвал молнию, сволакивая одежду с ее тела. Женщина сопротивлялась, как могла, ее рука случайно задела его штаны, ощутив под своей ладонью горячую твердую плоть. Ее сердце взбесилось от осознания того, что никакие ее усилия теперь не смогут остановить его. Кэно сбросил с кровати медицинские инструменты, антисептики и бинт, затем повалил Киру на постель. Ее худые, но мускулистые, напряженные до предела руки уперлись в его грудь, она отталкивала его от себя, слыша его хриплое рычание:

— Моя... Моя...

«Черный дракон» схватил ее за плечи так, что она застонала от боли, почувствовав, как кожу раздирают когти. Кира ощущала горячее дыхание на своем лице и шее — Кэно ненасытно вдыхал ее запах. Он провел языком по ее шее там, где бился пульс. Что-то до боли родное было в его пропахшем сигарным дымом дыхании и колючих прикосновениях его щетины к шее, но и эти обычно приятные чувства не дали забыться и смириться с происходящим, когда нечеловеческие когти практически сдирали со спины кожу. Кэно жадно вздохнул полной грудью — воздух пах чарующе: сладостью и кровью. Он осатанел. Сорвал ремень с брюк женщины, стащил с нее оставшуюся одежду, затем сбросил собственную. Она несколько раз попыталась ударить его ногами в живот, ее пальцы погрузились в поросль на его груди, она до последнего пыталась отодвинуть его от себя, но Кэно совершенно не замечал ее усилий. Его руки до боли сжали ее небольшие груди, когда его губы снова соприкоснулись с губами Кире. Анархист полностью забылся, ему было плевать на все, для него в те мгновения весь мир в одночасье прекратил свое существование — наконец-то было просто хорошо, упоительно хорошо, сладостно. А Кира молча терпела боль, ощущая все новые царапины и ушибы на своем стонущем от напряжения теле. Вожак навалился на нее, буквально впечатав в жесткую кровать, он держал ее, не рассчитывая силы, за руки, за грудь, за горло. Несколько раз в немыслимом напряжении он вонзал острые зубы в ее плечи. Его грубые действия причиняли ей немыслимые страдания — она боялась одновременно того, что на пике этого животного наслаждения он просто убьет ее, и того, что сам Кэно, единственный человек неизменно дорогой ее сердцу, уже навсегда погиб. Когда мучительное совокупление, наконец, закончилось, Кире не хотелось ничего, кроме как быстро умереть или забыться, чтобы не осознавать того, с чем она столкнулась.

— Почему?! Ты же, твой дух... Почему?!

Ее крик заставил Кэно немного опомниться. Он встал с постели и оставил женщину в покое. Он отрешенно смотрел на нее, но не понимал ее слов.

— Что ты уставился?! Ты животное! Ты хоть понимаешь, что мне было больно?! Я думала, что сдохну! Ты хоть что-нибудь понимаешь!?

Кэно отскочил к стене. Разум, наконец, прояснился. Он будто резко протрезвел, его чувства померкли, только зрение не бывало обострилось. Он смотрел ошеломленными глазами на свою женщину, божественно прекрасную женщину, которую он посмел изувечить, на кровоподтеки и царапины на ее потном теле, на то, как она в изнеможении сдерживала слезы боли и гнева, лежа на изодранных окровавленных простынях. Так он отплатил ей за ее веру?! Так, как она, ведь никто никогда не верил... Кэно почувствовал такую дрожь во всем теле, будто по всем нервам раз за разом проходил разряд электрического тока. Его дыхание сорвалось, он сделал несколько глубоких резких судорожных выдохов, напрасно пытаясь

отдышаться и успокоить разбушевавшееся сердце. Оно не просто билось с небывалой частотой и силой, его сжала тупая боль, расплзавшаяся по всей грудной клетке, бившая даже в левую лопатку и левое плечо, а потом с каждым ударом отдавалась во всей левой руке, ударяя в ладонь и пронзая пальцы. Сначала анархиста бросило в жар, потом в холод. Страх сдавливал сердце — его жизнь, все, что в ней еще оставалось хорошего, была им самым разрушена, уничтожена в мгновение ока! В голове эхом отдавались выкрики Киры:

— Ты животное! Животное!

Кэно не осознавал, как трясутся его руки. Он понял это, когда присел у валявшейся на полу одежды и снял с пояса своих брюк клинок в ножнах. Он ловко схватил оружие, прижал холодное лезвие к предплечью, его указательный палец плавно лег на рукоять. Кэно выставил руку перед собой, протягивая нож Кире. Его лицо не меняло выражения все это время — он смотрел перед собой, его левый глаз был широко распахнут, бровь судорожно подрагивала, челюсти свело. Когда Кэно, наконец, справился с зачехленными мышцами своего лица, он произнес всего одно слово, заставляя Киру взять нож:

— Убей!

Кира резко вскинула растрепанную голову, ее глаза расширились, у нее пропал дар речи. В один миг она перестала чувствовать боль во всем теле — просьба ударила сильнее. Кэно дернул рукой, будто настаивал на своем: «Возьми же нож!».

— Убей меня! — повторил он.

— Во имя Аллаха! Почему я?! — сипло прошептала Кира, кусая губы и сжимая кулаки.

— Мы все здесь без соплей. Помнишь? Давай, детка!

— Нет! — крикнула Кира из последних сил. — То, что ты сделал сейчас — дерьмово! Но во имя всего хорошего, что было у нас все эти годы! Это не будет моя рука.

Кэно опустил нож.

— Тогда уходи! Живо! Потому что сейчас от вида и запаха крови я снова озверею! Прости меня, детка.

Кира начала одеваться, не глядя в его сторону. Боль и злоба в ее душе граничила с безмерным состраданием и страхом. Она поспешила покинуть комнату, заперев за собой оконную решетку. Правда, когда женщина закрывала замок, руки вздрогнули — ей было больно лишать свободы того, кто ценил волю больше жизни.

Кира устало села на траву у стены дома, обхватив руками колени и понутив голову. Ей хотелось скорее пойти в душ и хорошенько помыться, смыть с себя грязную звериную похоть, но она не могла пошевелиться. Словно непосильный груз злобного рока разом навалился на ее кровоточащие плечи. Ссадины, царапины и синяки с тела не смыть водой, а уж тем более не смыть боли и разочарования с души. Кира решила закурить, чтобы хоть немного успокоить нервы. Кровоподтеки и царапины на теле пройдут — обязательно сойдут, недели через две, это ерунда. А пройдет ли когда-то душевная боль? Можно ли жить без нее в мире, который не знает жалости?

Что делать дальше? Как теперь смотреть в его глаза? Чьи это теперь глаза?

Кобра упоминал, что Джарек собрался звонить Генриху Вайнеру. Цепляется за последний шанс! Он до конца будет бороться за своего друга. А как еще быть?

Поверить, что Кэно мертв навсегда? Что больше нет на свете того человека, которого они знали? Конечно, так было бы гораздо проще. Только кому нужно это «проще»?

Кира не могла даже после пережитого предать свою веру в него. Для нее Кэно оставался человеком, раненым товарищем, которому нужно было помочь. И мужественным мужчиной, которого она любила. Однако в глубине души Кира страшилась, что тешит себя иллюзиями.

Однозначно было одно — все это дерьмо происходило с ним не по его выбору, не по его воле. Во всем, что сделал Кэно, не могло быть его вины. Ублюдки Мавадо сделали это с ним. Его вины в случившемся нет.

* * *

Джарек стоял у стола, перебрасывая телефон из руки в руку. Он не был уверен в своем решении звонить Вайнеру. Казалось бы, все было логично — у Кэно большие проблемы, его решения неадекватны, так что нужно узнать, можно ли что-то сделать, чтобы остановить превращение, но... Сам Кэно не просил его об этом. Как он это воспримет? Нужна ли ему помощь? Имеет ли он, Джарек, право решать за друга?

Тот человек-дракон, который прошлым вечером пришел с заброшенной стройки весь в чужой крови... Это был уже не его лучший друг и кровный брат. Джарек потер рукой ушиб на затылке — голова по-прежнему ныла навязчивой глухой болью. Каким бы агрессивным, жестоким и кровожадным, если уж откровенно говорить, ни был Кэно, он никогда бы не посмотрел на свою любимую женщину, как на частную собственность! А на лучшего друга — как на конкурента, который на эту собственность посягнул! Да Кэно в жизни не был таким! Он хотел разумной свободы. Что бы за дрянь ни бродила сейчас по его крови, это она усыпила его разум.

Джарек сжал телефон двумя руками. Надо звонить Вайнеру! Кэно нужна помощь. Надо вернуть ему облик, разум и волю человека! Человека, которого они знали, человека, который им дорог, человека, который столько лет вел их за собой.

Анархист набрал номер. Он долго ждал соединения, нервно пристукивая правой ногой. Наконец Генрих ответил:

— С кем я говорю?

— Вальтер Зайлер, — прошептал Джарек, мышцы его скул и челюстей задрожали.

— А-ах, да. Понял, — узнал его кодовое имя немец. — В чем проблема?

Джарек тревожно осмотрелся и чуть слышным шепотом промолвил:

— Ты должен приехать в Нью-Йорк. Срочно.

— Черт! Ты можешь объяснить, что там у вас, Дж... — Вайнер вовремя замолчал, чуть было не назвав настоящее имя анархиста.

— Я бы объяснил, — отвечал Джарек, беспокойно теребя свободной рукой воротник жилетки, — да только ты мне не поверишь.

Вайнер некоторое время задумчиво молчал и переспросил:

— Неужели ситуация настолько сложная?

— Ты представить себе не можешь, насколько, фриц!

— Черт с вами, попытаюсь быть как можно скорее, — пообещал немец и положил трубку.

Джарек облегченно выдохнул и вытер капли пота со щетины над верхней губой.

С наступлением тьмы тревога, страх и боль вернулись к Кэно с новой силой. Его мучил вопрос, на который не могло быть ответа: «Что будет дальше?». Главарь понимал, что дальше будет только хуже. Вариант, как избежать этой участи, был лишь один. Конечно, было крайне жестоко просить об этом Киру! И вообще, если руки целы, можно не перекладывать исполнение на товарищей.

You've gotta be a hero, for one last time.

To prove through your destruction.

That killing is a great way of life...

Кэно сидел у окна и смотрел на сверкающий в холодном лунном свете револьвер. Решение пугало его. Как можно было после всего пережитого так нелепо завершить свой путь? Действительно ли только так будет лучше? Будет лучше. Он защитит своих людей. Пожертвовав собой. Он столько раз в бою был готов сделать это! Теперь это просто еще один бой.

Битый час Кэно метался по комнате, не зная, правильное ли решение принял. Однако вскоре нервное напряжение измотало его. Он взял Colt King Cobra, взвесил его в руке, так и не поднеся к виску. Нет, только не из револьвера этой испанской мрази! Террорист бросил оружие, принадлежавшее Мавадо, и вытащил из ножен верный резной клинок. На всю жизнь, неизменный эффективный инструмент, продолжение крепкой и точной руки. Он достоин сослужить эту последнюю, может быть, важнейшую службу. Кэно перебросил в руке нож, провел большим пальцем по острому лезвию и приставил холодный клинок к своей груди. Сердце забилося неистово, затрепетало, как осиновый лист — оно чувствовало, что сейчас вот-вот все закончится. Рука предательски дрожала. Кэно медленно двигал нож к себе, клинок входил в его похолодевшую плоть, по груди на массивный пресс потекла кровь. Душа застонала. Нет! Только не вот так! Нет!

Кэно уронил нож. Клинок с тонким звоном ударился о пол. Анархист расхохотался, как душевнобольной.

— А жить, сука, хочется! — проговорил он, продолжая посмеиваться с выражением боли и безумства во взгляде. — *Ride on, you son of a gun! Ride on, your bleeding heart! Ride on, you play no part. Ride on, you feel no pity. Ride on, you feel no pain...*

Вдруг его нелепый смех оборвался — на округу снова упала тьма. Плотная облачность скрыла диск луны, уличный фонарь, последний маяк надежды, тоже не горел этой ночью.

Сил на то, чтобы нервничать, у террориста уже не оставалось. Он устало упал у стены, забился в угол и закрыл глаза, пытаясь убедить себя в том, что ужасная тьма, окружавшая его со всех сторон, стремящаяся задушить его — всего лишь галлюцинация. И снова скрип железа заставил его встрепенуться. Кэно открыл глаза — за окном уже никого не было, только серая сухая ветка дерева, напоминавшая кисть древнего пыльного скелета, монотонно стучалась в окно. На подоконнике ждала тарелка с жареным мясом и бутылка пива. Аромат мяса пробрал до мозга костей, что-то забурлило в желудке. Взгляд бросился на бутылку пива — в сердце снова кольнул страх.

— Кира, забери бутылку, — крикнул, подойдя к окну, Кэно и понял, что голос продолжает меняться — он становится все ниже и грубее, но слова пока еще оставались различимы.

— Что, Кэно? — переспросил внизу женский голос. К счастью, Кира все еще была рядом.

— Забери пиво. С алкоголем все только дерьмовее, — сознался Кэно.

Кира забрала пиво и заперла решетку, оставив, уходя, свой приятный сладостный запах и дым сигарет в ночном воздухе.

Главарь поел, и чувство насыщения немного ослабило тревогу. Но мучения и не думали заканчиваться. Кэно чувствовал дьявольски сильную боль в позвоночнике, плечах, руках. Он сидел у стены и не мог пошевелиться от этой вездесущей боли — она усиливалась вспышками при любом, даже самом ничтожном движении. К счастью, после оказания помощи Кира оставила ему несколько таблеток сильнодействующего обезболивающего, которые он разжевал, чтобы действие началось быстрее. Муки на некоторое время прекратились, Кэно смог добрести до постели и заснуть.

Он проснулся, запутавшись в собственных простынях, разорванных и перемазанных уже подсохшей кровью. Кэно осмотрел свое тело — и его парализовало от ужаса. Чешуя почти полностью покрыла спину и руки, появилась на груди и на животе. На плечах, на локтях и вдоль всего хребта ее пробивали острые костные выросты, еще перепачканные кровью, выступившей, когда они прорезали плоть. Кэно присел на постели, обхватив голову, запустив когтистые пальцы в волосы. Боль постепенно проходила, но вслед за ней в душу коварно вползало отчаянье.

Кто-то начал настырно стучать в дверь. Лидер «Черных драконов» что-то невнятно прорычал от недовольства, скаля острые зубы.

— Кэно, пожалуйста, открой дверь, — требовательно попросил грубый голос с немецким акцентом.

Кэно вскочил от ошеломления:

— Генрих Вайнер?!

— Открой нам дверь! — повторил немец, настойчиво приказывая.

— Не могу, чтоб тебя! — огрызнулся Кэно. — Анкерные болты зубами выгрызать, да?!

Генрих умолк. Он осмотрел дверь, будто хотел взглянуть сквозь нее. Его серьезное лицо дернулось от удивления и тревоги.

— Он сам так решил? — спросил он Джарека, угрюмо стоявшего у стены. Тот кивнул.

— Почему? — осведомился Вайнер.

— Увидишь — поймешь! — грубо ответил анархист.

— Ну, че ждете? — швырнул Кэно. — Попросите Киру отпереть окно!

* * *

Вскоре Кэно сидел на диване в гостиной с Джареком и Вайнером, рядом с диваном был расположен журнальный стол, на котором стояла мощная настольная лампа. Ее свет был направлен на лицо лидера анархистов.

— Вы не соврали. Я не могу поверить в то, что я вижу! — в сотый раз повторял Генрих, осматривая его.

— Хватит светить в глаза лампой! — устало бросил Кэно, когда Вайнер, наконец, оставил в покое его зубы.

— Придется терпеть, — заявил немец. — Это же в твоих интересах.

Врач достал несколько пробирок с каким-то раствором, спирт, перевязочный материал и тонкое лезвие для скальпеля.

— Можешь повернуться спиной? — попросил он.

Кэно сел к нему вполоборота, электрический свет бросил желтые блики на черную красную чешую и костные шипы. Вайнер срезал скальпелем несколько образцов чешуи и спилил кончик одного шипа. Наложив повязки, он поместил образцы в пробирки с раствором. Кэно злостно зыркнул на него, определенно недовольный происходящим.

— Мне еще нужно взять кровь, — деловито сообщил Генрих, доставая шприц.

Анархист расслабленно сел на диване, взявшись правой рукой за массивную металлическую пряжку ремня брюк, а левую протянул Генриху. Тот с огромным усилием, наконец, вколол иглу в вену между чешуей и взял анализ крови.

— Лучше бы ты спрятал ее подальше, и быстро, — предупредил его Кэно, уже чувствуя едва уловимый запах крови. — И че ты так пялишься?! — недовольно пробурчал он, чувствуя на себе навязчивый взгляд Вайнера. — Я человек. На восемьдесят процентов еще человек.

— Человек... Конечно... — согласно закивал немец. — Человек... Только вот процент придется уточнить.

В ответ «черный дракон» только рыкнул на него, угрожающе показывая клыки, и поспешил уйти, едва не сотрясая весь дряхлый дом тяжелой поступью нервных шагов.

— Процент ему, сука, надо уточнить! — разозлено бормотал главарь. — А не пошел бы он на хер! Пялится на меня, как на змею в террариуме — разрывается между страхом и интересом, мать его! Он ни хера не понимает! Сбежать из гребаной лаборатории — чтоб теперь пришлось запираиться в вонючей комнате?! Дьявол! Какого хера я опять ничего не сказал Джареку?!

Он впервые в своей жизни надеялся заснуть и не проснуться, сам не понимая, как в одночасье докатился до такого отчаяния. Но боль во всем теле не дала Кэно расслабиться и заснуть. Спина начала ныть так, будто кто-то выдирает ему лопатки и завязывал на узел хребет. Таблеток больше не осталось — приходилось терпеть. Заснуть он смог не скоро, да и спал ужасно — слышал сквозь сон каждый шорох, улавливал биение собственного сердца, не мог не думать о боли в спине. Чтобы как-то отвлечься, террорист начал слушать скрип старого дерева. Что-то особенное было в этой жалостной музыке — она настораживала. Какую-то тоску и грусть навевал воющий плач монструозного голого тополя. Его глухой, болезненный скрип заставлял думать о том, что все не вечно. И не важно, что деревья умирают стоя — все равно и они однажды умирают. Ничто не бывает вечным. Об этом и стонал в своей горькой заунывной песне засохший тополь за окном.

Кэно показалось, что так он провел несколько часов — просто лежал с закрытыми глазами, но не погружался в сон. Потом он все же задремал, но боль не покидала его ни на секунду. Спина словно лежала на раскаленных углях. Всю проклятую, казавшуюся нескончаемой ночь.

Когда анархист открыл глаза, первым, что он ощутил, был адский голод. За окном шуршал мелкий густой дождь. Свинцово-тяжелое небо нависло над землей так низко, словно пыталось раздавить никчемную окраину города и мрачное кладбище старых

лодок. Мертвая ветка тополя, стучащая в окно, намокла и выглядела еще более отвратительно, чем обычно. На улице, несмотря на дождь, стояли и разговаривали два человека.

— Так, значит, он три дня не выходит из комнаты и не ест, — говорил Генрих Вайнер. — Это ведь ты носишь ему еду?

— Да, я, — отвечала на вопросы немца Кира.

Кэно оторопел. Он пробыл в отключке три дня! Что творилось с ним?! Насколько все ухудшалось?

— И не боишься? — намекнул Генрих.

Кира недовольно фыркнула:

— Фриц, у нас такая жизнь, в которой постоянно страшно. Мы всегда на войне — умри, но сделай!

Кэно слабо улыбнулся. Слова женщины до глубины души восхищали его. У нее всегда было мужество, какого не найти иным мужчинам. И, конечно, она была права — теперь у них просто еще одна война. И в этой войне у Кэно оставались союзники.

Он решил встать с постели и подойти к окну. Он сбросил на пол простыню, окончательно растерзанную в клочья и пропитавшуюся кровью. Террорист протер заспанный левый глаз и вдруг одернул руку, как от огня — чешуя появилась даже на скуле. Она была еще совсем мягкой и свежей, и прикосновение к ней вызывало боль. Спину продолжало печь. Кэно хотел сесть, но тут его взгляд остановился — на мятую постель плавно лег длинный, почти пятифутовый чешуйчатый черный хвост с костными шипами по всей длине. Его край ритмично вздрагивал. Тут же Кэно осознал, отчего так невыносимо болела спина — он присел на кровати и расправил плечи, косясь на отходящие от лопаток огромные кожистые крылья. Да, дьявол, реальные крылья! Сверкающая черная, будто налакированная чешуя, под которой проступали крупные кровеносные сосуды, покрывала их. Человек-дракон сидел спиной к окну, и в лучах полуденного солнца, пробившегося, наконец, сквозь обложные дождевые тучи, крылья порядка тринадцати футов в размахе просвечивались насквозь, словно стгорая изнутри алым огнем. Кэно почувствовал, что его колотит озноб. Он испытывал смешанные чувства. Он невольно восхитился таким преобразованием человеческого тела с уверенностью, что даже разработчик эксперимента не ожидал подобного; с другой стороны нахлынул неистовый страх того, что, возможно, теперь он уже окончательно не был человеком. Корчащееся в изнеможении сознание посреди моря безумия не могло даже попытаться ухватиться за мачту разума.

Человек-дракон встал и тщательно обследовал собственное тело в поисках еще каких-либо изменений. Убедившись, что больше ничего в нем не поменялось, он застегнул разодранные сзади хвостом брюки, подпоясав их ремнем, который весьма удачно лег между двух костных шипов. Кэно чувствовал прилив сил, но длительный голод все же сильно ослабил его. Ожидание становилось нестерпимым — он вышиб дверь ногой с поразительной легкостью и побежал в кухню. В холодильнике было только сырое мясо, но это его не остановило. Дракон рвал клыками мясо, зубы тут же начали болезненно ныть — пища была очень холодной.

— Кэно, ты вышиб дверь? — ошеломленно закричал Кобра, бредя по коридору. — Перед этим ты разбил окно. Мы вообще будем заканчивать ремонт в этом доме? — задал он риторический вопрос, войдя на кухню. — Нет, это не претензия, ты, конечно, лидер клана... — он замер в оцепенении. — Твою мать!

Кобра покосился на чешую, огромные крылья, хвост и захотел как можно скорее рвануть прочь отсюда, однако ноги не слушались его. Кэно развернулся, извившись всем телом, и гневно уставился на человека в кимоно, левый глаз его налился кровью. Ему не нравилось, что этот сопляк попытался что-то ему предъявить. Кэно схватил Кобру за горло и, подняв над землей, прижал его к стене.

— Ты мою мать не трогай, — прорычал он совсем невнятным ревом, — а то я тебе, сученок, твою прабабушку вспомню!

Дракон отшвырнул Кобру в сторону, как паршивого котенка. Тот упал на стол, сильно ударившись поясницей.

— Ты совсем сбрендил! — сползая со стола на пол и ощупывая ладонью ушибленную спину, простонал Кобра и тут же пожалел о сказанном — от таких слов Кэно совсем озверел и готов был на месте убить молодого анархиста. Главарь надел на него и принялся душить.

Его спас Джарек, услышавший его крики и звуки борьбы. Анархист явился как нельзя вовремя. Заметив случившееся, он заехал Кэно в челюсть так, что он растянулся на полу, и тогда Джарек навалился на него, пытаясь изо всех сил не позволить подняться.

Кобра встал на ноги. Спина продолжала ныть, а горло словно резали ножом, но он видел, что соратнику нужна помощь. Уже немолодой и лишенный преимущества, «подаренного» экспериментами «Красных драконов», Джарек на пределе сил боролся в неравной схватке с обезумевшим драконом. Он скалился, покраснев и вспотев, его напряженное лицо напоминало маску демона. Кобра схватил со стола пивную кружку из толстого стекла и разбил ее об голову Кэно. Вожак потерял сознание.

— Похоже, ты перестарался, — Джарек провел рукой по волосам товарища, и на его ладони остался след крови. — Ты ему голову разбил.

Он припал ухом к покрытой черной чешуей груди кровного брата. Убедившись, что Кэно дышит, Джарек стащил с края кухонной мойки полотенце и попытался остановить кровь. Кобра с ужасом осознал, что то, что он сделал, было весьма серьезно. От вида густой липкой крови на пальцах Джарека ему сделалось страшно и дурно.

— Боже Праведный! Вайнер! — закричал во все горло Джарек. — Помоги! Вайнер!

* * *

Получив аванс от правой руки главаря анархистов, Вайнер воспользовался своими связями, и коллеги помогли ему доставить человека-дракона в секретный центр медицинских исследований на территории штата. Кэно вовремя оказали помощь, травма, нанесенная Коброй, не представляла серьезной угрозы, чего нельзя было сказать о результатах опытов на базе Мавадо. После множества обследований, перепроверенных несколько раз, Генрих наконец-то обнаружил причину изменений в организме.

— В его крови была обнаружена очень высокая концентрация неизвестного вещества. Точнее, это смесь нескольких веществ, и действие каждого из них отдельно взятого на организм уже само по себе выглядит невероятно. Мы установили, что именно это вызвало изменение метаболизма, заставило клетки мутировать. Мы условно называем эту смесь «герпетин». Может, звучит примитивно, но мы не

маркетинговая фирма. Хотел бы я узнать, где этот ваш гангстер-тореадор добыл такую занятную вещь, но, видимо, не судьба. Проблема в том, что для получения подобного результата герпетин нужно постоянно вводить в кровь, увеличивая дозу, иначе преобразования сойдут на нет, и организм плавно вернется в свое прежнее состояние. Прошло уже много времени — он должен был остаться человеком. Откуда герпетин в его крови, мы пока не установили.

— И это все? — недовольно уточнила Кира, выслушав доклад врача. — Чем же ты ему поможешь?

— Пока не знаю. Сегодня сделали еще одну биопсию. Я обнаружил в его организме опухоль.

Киру охватила оторопь, когда в мыслях непроизвольно всплыла единственная ассоциация: «Рак». Кровь ее похолодела от страха. Она не могла и представить, как Кэно отреагирует на такой вердикт, когда собственное тело предает тебя. Медленная смерть в больнице — самая уродливая насмешка судьбы над человеком, который не боялся даже самой страшной смерти. В бою, или под пытками, мордой в грязь — и в Вальхаллу! Как угодно, но только не вот так...

— Не спешите отчаиваться, — попытался утешить ее Генрих. — Биопсию делают в сотнях случаев. Может, это просто какой-то побочный эффект. К чему я, собственно, и склоняюсь.

Кира отвернулась к стене, закрыв лицо руками. Вайнер же ушел из кабинета — его позвал его старый друг и коллега, ученый родом из Югославии Бранко Зорич. Это он проводил биохимическую экспертизу проб тканей.

— Результаты меня, мягко сказать, потрясли, — сообщил Зорич. — В клетках этой «опухоли» содержится огромное количество герпетина. Похоже, ее клетки как раз и синтезируют это вещество...

— Ты гений! — воскликнул Генрих, на него снизошло озарение. — Теперь я все понял! Это и есть источник герпетина! Это железа, вживленная в организм!

— Значит, ты нашел выход? — поинтересовался Зорич.

— Нужно удалить ее, — сказал Генрих Вайнер. — Тогда все эти мутации пройдут.

— Надеюсь, ты осознаешь, что для достижения таких результатов — просто за гранью реальности, черт возьми! — они вживляли чужеродные клетки не в одну область? — уточнил югослав. — Все «лишнее» придется удалять хирургически.

На лице Вайнера на миг обозначилась надменная улыбка:

— Я справлюсь.

Бранко Зорич кивнул. Генрих вернулся к Кире и объяснил ситуацию.

— Значит, он спасен! — вскрикнула она от радости. — Слава Аллаху!

— Сейчас сообщу ему, — пообещал немец.

Он подошел к белым дверям изолятора, закрытого на кодовый замок. Врач ввел код, и створки дверей бесшумно разъехались. Вайнер вошел в изолятор. Он стал чутко вслушиваться в сиплое рычание, еле различая человеческие слова:

— Я чувствую... Чувствую... Это сила... Во мне... Мне нужна эта сила!

— Ты же хотел избавиться от этого! — крикнул Генрих.

Дракон развернулся и оцетинился. Щель зрачка кровожадно сузилась.

— Нет! Это моя сила! Моя свобода! Свобода!!!

Он кинулся вниз из окна, даже не почувствовав, как разбилось стекло — чешуя была прочна, на ней не осталось ни царапины. Сердце анархиста замерло. У самой

земли дракон расправил крылья и, собрав все силы, взмыл ввысь. Прохладный и свежий ночной воздух наполнил легкие. Дракон взлетал все выше и выше, ветер ласкал его холодную чешую. Улицы внизу были пустынные — ни души. Тем не менее, дракон полетел за город. Он не знал, что, стоя у разбитого окна, огненно-рыжая женщина с ледяными глазами провожала полным боли взглядом того, кто когда-то — еще совсем недавно — был человеком по имени Кэно.

Дракон поднимался все выше. Там он ощутил, как душен стал разреженный холодный воздух. Но он продолжал подниматься ввысь, точно пытался долететь до серебряного диска луны. Вдруг дракон сложил крылья и камнем упал вниз, вновь расправив их у самой земли. С замиранием сердца он играл с этой жизнью, насмехаясь над законами физики, вопреки которым взмыл в небеса. Вот она — свобода, поправшая законы природы и здравый смысл! Лети, куда хочешь! Живи, как хочешь! Ты никому ничего не должен! Никто не вправе управлять тобой — ты неприрученный зверь! Он упивался обретенной наяву властью над своими многолетними ночными кошмарами.

Дракон летел наперегонки с ветром. Он был счастлив. Счастлив чувствовать себя вольной птицей, недостижимой для бурь. Прощай, былая темная, как старый дремучий лес, жизнь вне закона!

Вдруг дракон замер на месте, завис в воздухе, ритмично вращая крыльями. «А что дальше? — задался он простым на первый взгляд вопросом. — Что теперь? Другая жизнь? Куда лететь? Есть ли место на гребаной Земле, где за мной не будут гнаться? Я все еще остаюсь человеком. Тем человеком, которого ищут. Живым или мертвым... Найдут! Убьют! Миру смерть моя нужна».

Да и что будет, если он найдет спокойное, тихое, укромное место, где можно жить и ничего не опасаться? Там он обретет свободу. Но только не покой. Ведь он был человеком. И рядом с ним были люди, которые были ему так дороги. Больше жизни дороги. И это чувство общности с кем-то себе подобным было таким человеческим... До мозга костей человеческим. Он не зверь. Но скоро совсем станет им. И тогда...

Он не сможет вернуться к дорогим соратникам уже никогда. Будет жить отшельником-рептилией, вдали от всего враждебного мира, а от одиночества на закате своих дней сойдет с ума. Эта свобода окажется одиночеством. На хер такую свободу!

Неизвестно, что трепетало чаще — крылья или сердце черного дракона. Он летел к дому анархистов в Статен-Айленде. Там было его убежище — маленькая грязная комната с решеткой на окне. Решетка забирает чувство свободы, но она защищает. Входная дверь была открыта, на пороге сидел и курил молодой светловолосый мужчина в черном кимоно и черных тактических перчатках. Кобра вздрогнул и выронил сигарету — дракон приземлился прямо перед ним. Он сложил громадные крылья за спиной, его хвост вздрагивал и извивался. Мужчина в кимоно отскочил в сторону — черный дракон вошел в помещение и направился к своему логову. Там он сел у стены, окутав себя кожаными крыльями, и закрыл глаза. Здесь было не так тревожно.

Кобра звонил Кире. Она незамедлительно приехала. Без вопросов.

Женщина не боялась. Она вошла в комнату с выбитой дверью и разбитым окном. Кэно сидел в углу. Кира внимательно окинула его взглядом — с виду он был здоров, не ранен.

— Кэно. Что с тобой? — прошептала она. — Почему решил вернуться? Что-то случилось?

Дракон помотал головой.

— Тогда чего такой угрюмый? Что тебя тревожит?

Черный дракон попытался ответить, но кроме рычания Кира ничего не могла разобрать. Отдельные слова проскакивали в хриплом реве, но объединить их в рассказ не получалось. Тогда он нашел другой выход.

Кэно открыл один из ящиков разгромленного письменного стола и достал диск Брюса Дикинсона, солиста и лидера «Iron Maiden». Он дал диск Кире и показал, какую песню поставить. Они вместе пошли в спальню женщины, где она включила запись — дракону пользоваться компьютером мешали когти.

For too long now

There were secrets in my mind.

For too long now

There were things I should have said.

In the darkness, I was stumbling for the door

To find a reason, to find the time, the place, the hour.

Waiting for the winter sun, and the cold light of day...

The misty ghosts of childhood fears...

The pressure is building and I can't stay away...

Припев Кэно попросил перемотать. Очевидно, он был не главным. Кира продолжала слушать:

Where I was

I had wings that couldn't fly.

Where I was

I had tears I couldn't cry.

My emotions frozen in an icy lake —

I couldn't feel them until the ice began to break.

I have no power over this, you know I'm afraid...

Кэно жестом показал ей выключить песню. Он смотрел в самую глубину свинцовых глаз Кире с густыми черными ресницами, поникшими в печали.

— *The tears of the dragon, for you and for me,* — проговорила она с тоской и болью. — Ты все еще рвешься на волю?

Кэно отрицательно помотал головой, глаза его вспыхнули чем-то вроде страха.

— Отчего же?

Он попытался ответить, но Кира не разобрала ни слова в хриплом ревуем рычании, вырывавшемся из его гортани. Она покачала головой и развела руками:

— Прости. Не могу понять твои слова...

Он схватил лист бумаги и карандаш, но и написать не мог — пальцы не слушались его, отросшие еще больше грязные когти не давали ничего сделать. Он бросил и эту затею и указал Кире на себя.

— Хочешь объяснить?

Кэно кивнул, прорычав что-то, отдаленно напоминающее: «Да». Он ударил себя ладонью в грудь.

— Так... Ты... — пыталась понять Кира, — что дальше?

Кэно провел большим пальцем по своей шее. Кира задумалась.

— Зарежут?

Кэно кивнул, показывая: «Да, ты догадываешься». Он еще раз повторил свои действия — указал на себя и провел по шее когтистым пальцем.

— То есть, тебя убьют? — Кира уловила ход его мыслей. — Тебя найдут и убьют? Ты этого боишься?

Кэно закрыл глаза и еле заметно кивнул в знак согласия. Он вернулся в свою обитель и сел на пол, что-то грозно рыча сквозь зубы — скорее всего, он бранился.

— Боишься... — прошептала Кира, взяв его за плечи. — Я понимаю. Ничего, верь мне. Здесь тебя не найдут.

Он отвернулся. Он не хотел, чтобы его жалели.

— Ты согласишься на медицинскую помощь? — спросила Кира.

Кэно решительно кивнул. Он устал быть зверем. Ему хотелось снова жить по-человечески. Кира чутко обняла его, пригладила его взъерошенные грязные волосы.

Ее тепло, аромат ее тела, огненный цвет ее рыжих волос, ее страстные глаза, мягкие алые губы, истинно женственный силуэт — все это не давало Кэно покоя. В уме он нашел хитрую уловку. Кэно вздернул голову вверх, будто что-то заметил за окном.

— Что такое? — Кира встала посмотреть, что же его встревожило, но за окном не было ничего, кроме старой разваленной пристани, недостроенного отеля и мертвого корявого тополя, настораживающе скрипящего так, точно он вот-вот упадет.

Кэно встал, подошел к Кире, его руки ласково обняли ее талию. Он прижался к ней всем телом. Женщина испугалась и попыталась отойти, но дракон обвил хвостом ее ноги и окутал ее исполинскими крыльями. Руки Кэно переместились выше, на грудь Кире.

— Нет! — вскрикнула она, прекрасно помня, как обернулась в прошлый раз внезапная страсть, но террорист приблизил губы к ее уху и прорычал что-то вроде:

— Нет страха...

Кира глубоко вздохнула и закрыла глаза. Он осторожно, как только мог, снял с нее одежду, почувствовал мягкое тепло женского тела, на котором он оставил свой запах, а запах женщины остался на его теле. Этот обмен запахами был подобен признанию в любви для него. И Кира, похоже, тоже ощущала это. В этот раз ей не было больно. Она чувствовала, как он боится причинить ей страдания, и сама оказывала ему содействие, направляя его. Кэно держал ее, как самое ценное сокровище во Вселенной. Кира грезила, что летит над землей в багряных лучах заката, над облаками, наполненными золотом света заходящего солнца, в объятьях черного дракона, и этот момент был одним из самых счастливых в ее жизни.

* * *

В центре медицинских исследований Кэно вернулся в здоровое сознание только спустя месяц после всех проведенных операций. Хирургические вмешательства были крайне сложными и опасными, после них лидеру анархистов сделали полное переливание крови. Кроме того, Вайнер исправил все неполадки выведенного из строя кибернетического имплантата — и Джарек прибегнул ко всем ухищрениям, что только были в его арсенале, чтобы уболтать немца сделать это бесплатно, «в рамках гарантии». Кэно очнулся через двенадцать дней после этого, но прошел еще почти месяц, пока он стал соображать, что происходит с ним и в окружающем его мире. Что творилось с ним все это время, он не помнил, но его мучили страшный бред, галлюцинации, бессонница, беспричинная тревога и необоснованные страхи. Он не помнил, как наносил себе увечья — расцарапывал когтями, которые тогда еще не

исчезли, кожу до крови, пытаюсь содрать чешую. Кэно лежал в страшной лихорадке, его кидало то в жар, то в холод, он страдал от бредовых видений и кошмарных сновидений. Он снова видел, как падает со спины дракона в пропасть, только у края пропасти появился какой-то человек с длинными черными волосами, в ночной темноте не было видно его лица, только слышался сиплый злорадный смех. Кэно позже предполагал, что это был забытый образ Морихея Уехибы... Также часто ему казалось, что он шел к какому-то храму на высокой горе. Кровавое небо резало глаза. Только храм был озарен белыми лучами светила, плывущего за горизонт. Вскоре Кэно понимал, что ему приходится идти вброд через реку, берегов которой не было видно, а храм не становился ближе, сколько бы он ни шел. В один миг Кэно опускал голову, чтобы взглянуть себе под ноги, и понимал, что идет по колено в крови... Снова и снова ему мерещились пауки, которые окружали со всех сторон, не оставляли выхода и кусали его, и каждый укус был больше предыдущего до того, что Кэно невольно посещали мысли о смерти... В лихорадке жар, как вампир, высасывал все силы. Запутанные, беспорядочные, бредовые мысли сильно утомили его воспаленное воображение. Но разум, в конце концов, вырвался из плена безумия. Изолятор, вид за окном, одежда на стуле возле кровати приобрели знакомые очертания. Кэно здраво осознал, где он находится и почему. Он осмотрел свое тело: чешуя исчезла, но на бинтах еще рдела сочащаяся из ран кровь. Он взглянул на свою кисть: когтей больше не было, на их месте снова были обычные человеческие ногти, пальцы стали снова нормальной длины. Кэно заулыбался. Он с восхищением всматривался в линии на ладони, завитки отпечатков пальцев, волосы на предплечье, проверял подвижность суставов, любясь собственным вновь обретенным телом.

— Изучаешь свою волосатую лапу... Ты можешь поверить в это? — спросил тихо вошедший Генрих Вайнер, увидев, как Кэно обследует свою руку.

— Нет, — хотел ответить анархист, но почувствовал дикую боль в горле.

— Не пытайся говорить, — предупредил врач. — Тебе исправляли хрящи гортани — боль пройдет не скоро. Но шрамов у тебя не останется, кроме старых, обещаю. Уж не знаю, когда я успел заняться благотворительностью во имя благословенной анархии, но глаз мы с твоим другом тоже исправили. Скоро у тебя все будет по-старому.

Кэно улыбнулся, обнажив желтоватые зубы, которые снова стали ровными, а не острыми.

* * *

Оправившись после всего пережитого, Кэно предложил Кире вместе съездить в Квинс и зайти в бар «Valhalla».

— О-о, салют выжившим анархистам! — торжественно прокричал Горец, потрясенный их возвращением. — Я грешным делом подумал, что вы дружно сыграли в ящик. Считаю, погода ни ответа, ни привета! Что будут пить «Черные драконы»?

— Пиво, — ответил Кэно с улыбкой. — Наконец-то снова могу себе позволить.

Кира улыбнулась и кивнула, дав понять, что будет то же самое. Женщина была в высоких сапогах, брюках из красной кожи, черной рубашке и с красно-черным платком шемахом на шее. Кэно же был одет в белые денимовые брюки, заправленные в тяжелые ботинки с ножнами для верных клинков, и плотную белую куртку без рукавов, а его шею до самой челюсти закрывал шемах защитного цвета.

— Так чем вы занимались? Воевали в Ираке? — рыжебородый шотландец в черном килте и темно-синей рубашке-безрукавке усмехнулся. — Вы похожи на моджахедов!

— Заткнись, Горец, — бросила Кира, но не стала говорить, что у главаря «Черных драконов» до сих пор болит горло, зная, как Кэно не терпит жалости. Она просто сердечно обняла вожака, погладив его плечи.

— От тебя до сих пор пахнет госпиталем, — грустно отметила она. — Медицинским спиртом, йодом, еще какой-то дрянью...

— Ничего, детка, — усмехнулся Кэно. — Пройдет неделька — и от меня снова будет пахнуть, как раньше: вискарем, сигарами и бензином. Байк охренителен! Закурим? — предложил он Кире, вытащив старый золотой портсигар с выгравированным гербом «Черного дракона».

— Похоже, теперь все будет по-старому, — улыбнулась женщина, взяв сигару.

Горец принес две кружки пива с пышной пеной, плеснувшей на стол через край. На сцене бара снова играли «Iron Certain». Они исполняли песню «Пепел на ветру», под которую Кэно и Кира когда-то танцевали в этом баре. В зале тогда царила темнота, мрак был засыпан огоньками поднятых в воздух зажигалок. Рядом танцевали Тремор с Тасией, Джарек с безумной золотоволосой воительницей Валькирией, и еще несколько пар. Кира заворожено следила за танцем огней зажигалок в руках анархистов. Кэно целовал ее, долго, пылко, страстно. Сейчас они оба хотели, чтобы все это повторилось, но... не было ребят с зажигалками, не было больше старых боевых друзей, танцевавших рядом. Был только Горец и рок-коллектив с не очень хорошо настроенными инструментами.

— Не будет, — резко возразил анархист Кире на слова: «Все будет по-старому».

— Но ведь можно забыть все это, как страшный сон? — сказала женщина, намекая на минувшие мучительные для них события.

— Нельзя, — отрицал Кэно и задумчиво пояснил: — Когда все это произошло — превращение и все такое, — я взглянул в собственную душу. Впервые глубоко, по-настоящему — это, сука, не ЛСД или мескалин. Детка, я был в шоке — какой бардак там творится! И как я жил со всем этим... Может, потому у нас все и пошло так, через задницу...

— Но ты по-прежнему можешь сказать, что веришь судьбе и ничего не стал бы менять, будь у тебя вторая жизнь? — спросила Кира.

— Конечно. Такое прозрение, мать его, стоит жертв. Но с тобой грубо вышло...

— «Рашид» принимает извинения, — усмехнулась Кира, похлопав его по плечу, припоминая знакомство в Афганистане, которое тоже вышло грубым. — Однако то, как ты принял все это, с чем столкнулся в себе — это стоит зависти.

Кэно понурил голову:

— Дьявол, я никогда не думал, что не смогу убить себя! Мать моя женщина! Видимо, недостаточно страдал.

— Любовь моя, для меня... Для нас бесценно, что ты живой. И я — думаю, как и многие — не вижу ничего зазорного в страхе смерти, — попыталась утешить его Кира. — И я не просто так сейчас говорю, это не преувеличение. Серьезно, могу поклясться на Коране... Хотя, после стольких лет едва ли это будет убедительно выглядеть.

— Детка, я всегда знал, что мир не охренителен, и жизнь нелегка. Понятное дело, это гложет меня. Не то, чтобы я боялся смерти... Как тявкнул один умник в древности: «Не стоит бояться смерти. Когда мы есть — ее еще нет, а когда она есть — нас уже

нет». Я не боюсь смерти. Вот только жить хочется. Несмотря ни на что, все равно, не поверишь, как хочется! Одно скажу тебе честно: то, что случилось, изменило меня навсегда.

20. Из праха в прах

Вам не приходилось слышать про Фредерика Тернера? <...> Он был историком.

Лет сто назад он придумал теорию о Границе. Граница — это нечто вроде предохранительного клапана цивилизации, чтобы мы совсем не сошли с ума.

Когда появляются люди, не способные жить как все — безумцы, недовольные, экстремисты — они устремляются на Границу.

<...>

Тернер умер в 32-ом, так что не увидел, что стало с миром, в котором кончились Границы.

х/ф «Трасса 60»

Октябрь 2007 года должен был стать перекрашенным из золота в кровь. Так решили «Черные драконы». Возродить клан и нанести решающий удар, поставить все на карту и не сделать больше ни шагу назад. Но как бы ни были единодушны в этом вопросе анархисты, первый и главный пункт плана казался невыполнимым. Денег и оружия у них не было. Их осталось всего четыре человека. Способный боец среди них фактически был один: Кира, прекрасно владеющая любым оружием, ставшая за годы тренировок мастером восточных единоборств. Был еще, конечно, Джарек — опытный стратег и тактик с идеальным глазомером, но стоило брать в расчет, что этот мужчина давно уже не молод. Кобра, конечно, старался и постепенно, но верно превращался в перспективного бойца, но все же он еще не знал и десятой части того, что должен был знать. У самого несменного главаря Кэно здоровье уже было не тем, чтобы драться — разве что с кем-то в паре, чтобы прикрыли спину. После плена, опытов и устранения их последствий он до сих пор чувствовал себя раненым побитым зверем. Нередко его мучили головные боли, а ненавистная хромота на левую ногу вернулась снова, спустя тридцать лет, когда уже считалась навсегда забытой. Клану нужны были средства и волонтеры, а для этого необходимо было связаться с АЧК, если эта организация все же не прекратила свое существование.

— Я готов поспорить, что Джефф на самом деле в глубоком подполье, — озвучивал свои мысли Кэно, собрав на совет оставшихся «Черных драконов». — Прячется вместе с нашими деньгами, и это верно — они, как и он сам, нужны нам в целости и сохранности. И если он до сих пор не вышел на нас, значит, мы тоже удачно залегли на дно. Но теперь надо отправить ему весть. Нужна террористическая акция. Как в старые добрые времена.

Джарек сощурился, словно от внезапной зубной боли:

— Вот только денег нет вообще. Потому я и торговался с немцем за глаз. Конечно, он никогда раньше не делал таких хирургических операций! Надеюсь, Мавадо уже горит в Аду! Я, конечно, мог бы обыграть какое-нибудь казино, но даже если тот ниггер-майор считает меня мертвым, светить свою рожу теперь рискованно.

— Никаких вопросов, брат, — хлопнул его по плечу лидер клана. — Будем думать дальше.

Кобра вскочил из-за стола и вышел из комнаты, а через минуту вернулся с ликующим выражением на лице и швырнул на стол спортивную сумку с пачками денег.

— Ну да, — гордо произнес он, ловя на себе удивленные взгляды «Черных драконов», — я в соседнем штате грабил заправки и магазины! Не мог же я просто сидеть здесь и ничего не делать! Делал все аккуратно, рожу не светил. Все, что могу — ради благословенной анархии.

Кэно встал из-за стола и перебрал пачки денег, ничего не говоря. Джарек подошел к молодому анархисту, накинул на него капюшон его черной ветровки и, широко улыбаясь, потрепал его по русой голове:

— Кобра! Поднаторел!

— Тогда доводи дело до конца, раз взялся, — приказал Кэно, строго и твердо взглянув на ученика. — На гексоген здесь хватит.

— О чем это ты? — настороженно спросил Кобра.

— Ты помнишь мост, с которого собирался прыгать в Детройте? — спросил главарь и ехидно усмехнулся. — Думаю, ты его ненавидишь. Так что, Кобра, ты взорвешь этот гребаный мост к чертям собачьим?

— Да чтоб его... — не сумев сдержать азартной улыбки, ответил Кобра.

— Тогда изучи расписание поездов. Нам нужно знать, кода на мосту разминутся два экспресса. Это будет громкое заявление, мать его! Заодно пусть все думают, что мы вернулись в Детройт.

На следующий день весть была послана. Взрывные устройства сработали по принципу цепной реакции, и прогремел не один, а пять взрывов. Расчеты Кобы не подвели, и в тот день был взорван не только мост, но и два экспресса. По городу же были разбросаны многочисленные листовки с гербом «Черных драконов» и надписью: «Мы возвращаемся!». После этого, как и ожидалось, к анархистам на связь вышел Джефф Картер. Он передал контакты через Коннора, а через пару дней смог сам явиться на встречу с «Черными драконами». Картер мало изменился: на нем была старая рваная майка сеткой и потертый кожаный плащ с цепью, висящей под погоном, как аксельбант, он все также навязчиво крутил в руке деревянные четки, да и говорил с теми же интонациями, что и много лет назад. Все это навяло «Драконам» неприятные и болезненные воспоминания об утраченном прошлом.

— Мне казалось, что я насовсем потерял надежду, — рассказывал Джефф, — когда весь мир облетело это известие об уничтожении базы «Черных драконов». Потом просто сказал себе: «Нет. Тот, кто знает Кэно достаточно хорошо, может держать пари, что он все равно вышел бы живым». И я вижу, что я был прав! Хоть бы дал о себе знать, сукин ты сын!

— Я, конечно, понимаю, что ты рад меня видеть, кретин, — ответил тем же Кэно, — но у нас были проблемы. Хотя, они есть и сейчас.

— Я всегда рад помочь родному клану, — гордо ответил Картер.

— «Клану»? Ты видишь здесь какой-то «клан»? Нас всего четверо! Понимаешь, что это значит?

— Что значит? А то и значит, что придется тебе, большой папочка, как феникс из пепла...

— Заткнись, а! — недовольно перебил его Кэно. — Давай здраво смотреть на вещи. Деньги ты сохранил, тут без вопросов. Но нам нужны волонтеры. Херова куча волонтеров.

Картер сделал уверенный шаг вперед.

— Волонтеры есть, — сообщил он. — Я видел сотни людей, готовившихся стать под флаги «Черного дракона». Их остановило только одно — весть о твоей смерти. Но, едва не прогадив свой шанс тогда, теперь они ринутся под твои знамена! Заказать оружие — тоже не проблема. А на первое время я уже достал вам пару-другую пушек и взрывчатки. Кстати, выжил ведь еще один боец нашего клана.

— Кто это? — настороженно спросил Кэно.

— Кабал, — ответил Джефф. — Ему удалось уйти с базы до взрыва. Ты же знаешь, как быстро он способен бегать — он обгоняет ветер. Он, собственно, и сообщил мне о заговоре против вас, чтобы я вовремя смылся со всеми деньгами АЧК. И, как оказалось, не зря.

— Случай, Картер, — тягостно, через силу проговорил главарь «Черных драконов», положив крепкую ладонь на плечо Джеффа. — Может, у меня паранойя никак не проходит, но... Не вводи его в игру до последнего. Держи его в Квинсе, рядом с собой и Горцем. Я дам команду.

— Как скажешь, отец, — без вопросов отрезал Джефф. Кэно коварно оскалился:

— Хорошо. Теперь, когда «Красного дракона» больше не существует, мы сможем реализовать мою великую, мать ее, мечту, — с довольным видом прошептал он. — Остров... Мы устроим этому гребаному миру восстание с того света!

* * *

С участием всех волонтеров, которых прислал Анархический Черный Крест, к весне строительство новой базы «Черных драконов» на заброшенном заводе в Статен-Айленде было успешно завершено.

— Ходят слухи, что там варили пиво, и весьма неплохое, — рассказывал Джарек, паркуя у входа на базу черный фургон, приобретенный еще до переезда.

— А чисто теоретически, когда-нибудь можно будет восстановить производство? — полюбопытствовал Кобра, выходя из машины. — В пиратском Раю обязательно должен быть пивной вулкан и фабрика стриптиза!

Лидер клана подошел к нему и сипло засмеялся, хлопнув его по спине:

— Ты шардишь, парень!

Кэно, Джарек, Кобра и Кира встретились с Джеффом Картером, который фактически руководил проектом, чтобы главарь принял у него всю работу. Джарек взялся помочь главе АЧК показать систему безопасности и центральный зал управления, далее Картер сам повел анархистов на склад боеприпасов, в лазарет и жилые комнаты. Оставалось только одно помещение за тяжелой бронированной дверью, покрашенной красной краской. Кира вышла вперед — это была ее часть проекта.

— Это твой новый кабинет, любовь моя, — произнесла она, с улыбкой сверкнув глазами и указала вожаку на сканер отпечатков пальцев. — Прошу!

— Черно-красный... — потрясенно проговорил Кэно. — Это дьявольски...

Стены кабинета были ровно выкрашены в смолисто-черный цвет, на полу был постелен паркет из черного дерева, вся мебель также была преимущественно черной, не считая красных вставок с изображением герба клана. Кроваво-красным был только потолок.

— Стол и стулья из черного дуба, отделка из красного дерева. Его называют «драконовым деревом», а его смолу — «драконовой кровью». Люстру делал один мужик — мастер художественнойковки.

Кэно поднял взгляд на массивную черную люстру. На красном фоне потолка парили три восточных дракона, извившиеся длинными телами, словно в танце, сплетшиеся хвостами и вцепившиеся лапами в цепи, которыми металлическая композиция крепилась к потолку. В лапе у каждого дракона была огромная жемчужина, как на всех классических изображениях. Лампы в светильниках-жемчужинах кидали скупые блики на мрачные стены и лак антрацитового паркета.

— Может, добавить что-то еще? — спросила Кира.

— Детка, ты хочешь, чтобы я тут вообще кончил? — усмехнулся Кэно.

— Без меня? Ага, сейчас! — иронично-грозно бросила женщина и села на стол, забросил ногу на ногу. За ее спиной главарь увидел серую шкуру койота на высоком кожаном кресле.

— Откуда шкура? — поинтересовался он, с довольной улыбкой предаваясь воспоминаниям.

— Я койота завалил, — похвастался Кобра.

— Это хорошо, раз сам завалил.

Кэно сел на кожаный диван с подушками из алого китайского шелка, на которых были изображены черные драконы в восточном стиле и еще раз посмотрел вверх. Красный цвет сильно заводил его — сердце выстукивало такой бешеный ритм, что можно было вытанцовывать степ. Красный каждый раз заставлял вспомнить о крови, о собственной крови, о ранах, телесных и душевных, о крови соратников, обо всей крови, пролитой за время всех войн. И рядом с этим цветом всегда был черный. Траур черных анархистских флагов, траур по тысячам оборванных жизней. Однако в этом кабинете черный цвет будто окутывал со всех сторон, придавал ощущение покоя и защищенности.

— Вы пока свободны, — обратился к товарищам Кэно.

Кобра, Картер и Джарек покорно вышли из кабинета. Кира встала со стола, но не собиралась уходить.

— Ты выглядишь несчастным... — прошептала она с досадой.

— Человек, которого разыскивают в тридцати пяти странах живым или мертвым, не может быть счастливым, — проговорил Кэно задумчиво и обреченно.

Он поправил подушки и лег на диван, не утруждая себя даже тем, чтобы снять увесистые армейские ботинки. Его ноги уже много лет совершенно не чувствовали их тяжести. Да, он привык, но совершенно не мог за долгие беспокойные годы привыкнуть к другому — к постоянной тревоге. И все усилия Киры с этим шикарным кабинетом, в работе над которым она прочувствовала Кэно так глубоко, как саму себя, и потому никто не смог бы превзойти ее, и даже ее долгий сладостный поцелуй перед тем, как уйти — ничто не могло убить старого демона страха. Такой была обратная сторона огромного, нерушимого желания жить.

Главарь «Черных драконов» засыпал на новом черном диване, с безропотным безразличием отдавая себя в лапы очередного кошмара. Сценарий был известен ему до мельчайших деталей — он непременно упадет со спины летящего над пропастью дракона, он ничего не изменит, не проконтролирует свои действия во сне. Кэно каждый раз твердо знал, что упадет... Но «падать с вершины очень больно». Каждый раз больно.

Поутру Кэно расслабился, пропустив стакан-другой хорошего портвейна, и стал вносить в базу данных сведения о новобранцах. В основном это были либо молодые бунтари, рвущиеся воевать, либо преступники, надумавшие применить свои бесславные навыки в борьбе за благую цель, либо бывшие военные, уставшие выполнять приказы. Расходный материал. Пушечное мясо. Эти головорезы не шли ни в какое сравнение со своими предшественниками: такими, как Призрак, Тасия, Трemor, Безликий...

— Может, как-то еще выйдем из них дурь, и сгодится? — попытался за обедом внести в ситуацию долю оптимизма Джарек, хотя и сам прекрасно видел, с каким плачевным материалом придется работать.

— А, может, в том и была наша слабость, что мы из всех выбивали дурь, всех учили, натаскивали... — рассудил Кэно.

— Так и разве результата не было? — не понял его друг.

Главарь понизил голос, чтобы никто ненароком не услышал его замыслов раньше положенного времени:

— Этот результат мешал нам действовать реально жестко! Тех ребят мы знали, даже самых конченных ублюдков. Они все были свои. А этих мы пока не знаем. И их можно бросить на убой. А что? Придется так, если иначе никак! У нас ведь стальные яйца или нет?!

Джарек, потупив взор, кивнул. Такое решение было сложно взвалить на свои плечи. Он прекрасно понимал это, как понимал и то, что кровный брат был в чем-то прав. Цель оправдывала средства. И, прежде чем попытаться построить рай, приходилось устраивать кромешный ад.

Из серой однородной массы второсортных новобранцев выделились лишь три значимые фигуры, на которых Кэно мог возложить надежды. И в первом из них анархист даже, казалось, узнал самого себя.

— Имя? — спрашивал его Кэно.

— Эдвард Блад, — отвечал широкоплечий небритый мужчина лет сорока с многочисленными шрамами от ожогов на лице.

— Навыки?

— За спиной шесть лет армии, — прохрипел Блад. — «Берет». Пятая группа.

— Звание? — спросил Кэно, заинтересовавшись.

— Лейтенант в отставке.

Анархист улыбнулся, но эта улыбка мгновенно исчезла.

— Последний вопрос, — сказал он, — мы обязаны это знать. Есть слабости или недостатки?

— Я не ценю жизнь, — рыкнул Блад. — Ни свою, ни чужую.

Кэно глубоко вздохнул и задумался. «Это мужик хорошо мне поможет, — решил он. — Идеально вписывается в намеченный план».

После него в кабинет вошли двое мужчин средних лет. Главарь поднял голову:

— Это индивидуальное собеседование.

— Мы работаем вместе, — проговорил мужчина с усами и кудрявыми черными волосами, в его карих глазах вспыхнула таинственная искра.

— К тому же братья, — добавил второй, гладковыбритый, с практически ровными светло-русыми волосами и голубыми глазами.

— Ваши имена? — спросил Кэно.

— Даррен, — ответил темный. Светлый последовал за ним:

— Тревис.

— Даррен, Тревис, а фамилия? Прозвища есть?

Братья переглянулись. Тревис неуверенно переминался с ноги на ногу. В глазах Даррена снова вспыхнула искра:

— Наша фамилия Бруверс, — ответил он. — Что до прозвищ, то нас знают как Деймоса и Фобоса. Думаю, этого достаточно.

Кэно все понял:

— Что же квалифицированные военные пилоты забыли среди террористов?

— То же, что и вы, — изрек Даррен, он же Деймос, сверкая глазами, — свободу. Как писал Альбер Камю: «Как только война становится реальностью, всякое мнение, не берущее ее в расчет, начинает звучать неверно».

— У солдата вообще не может быть ни мнения, ни совести, — добавил Тревис, известный как Фобос. — Как у выпущенной ракеты. Мы готовы дезертировать и угнать свои машины, как только Вы нам прикажете.

Братья стояли в кабинете друг напротив друга, темный и светлый — такие разные, но с поразительно похожими чертами лица. История Фобоса и Деймоса была Кэно хорошо известна. За их головы моджахеды назначили просто заоблачное вознаграждение после того, как они успешно выполнили очередной приказ. Разбомбили деревню, в которой якобы укрывались боевики. По официальной версии, боевики эти даже пытались открыть огонь, но сами пилоты ничего не говорили об этом. Они знали правду, хоть она и вскрылась уже тогда, когда дело было сделано. В деревне проходила свадьба. Все погибшие оказались мирным населением. В их числе было четырнадцать детей!

Такое случалось и раньше. Международные фирмы, занимающиеся статистикой, регулярно считали потери, и братья знали, что почти восемьдесят процентов погибших в Ираке составляет мирняк. Но это задание их доломало. Они не собирались больше исполнять такие приказы и служить такой стране. Что потеряют убийцы детей, став террористами? Уже ничего, дальше совести и чести терять было нечего! «Тяжелый и кровавый год» стоял комом в глотке у обоих, и еще один такой же туда уже не лез.

— Валить мирняк за нефть и за чужого папку — это, что ли, «угнетенных освободим»?! — оскалив зубы, проронил Даррен.

— А если бы они пришли на наши земли освобождать нас от диктатуры этого кретина? Что бы кто сказал тогда? — вторил ему Тревис.

Главарь клана «Черный дракон» тяжело вздохнул, вспоминая собственные войны.

— Вы понимаете, что здесь вам тоже придется уничтожать людей? — уточнил он, поочередно глядя на братьев. — Возможно, и мирняк.

Фобос встретил его тяжелый взгляд широко открытыми, бесстрашными светлыми глазами и произнес:

— Мы долго это взвешивали. Ваша цель оправдает это.

— Ладно. Кроме совести. У вас есть слабости? — спросил Кэно.

— Только одна, — твердо ответил Деймос, — мы смертны.

— Ждите моего приказа, — кивнул главарь террористов, и оба брата уважительно кивнули ему в ответ.

Когда они ушли, в кабинет вошла Кира. Кэно достал второй бокал, чтобы налить и ей портвейна.

— Я всегда говорил, что война в Ираке нам на руку, — отметил он, сделав глоток спиртного.

— На хер Ирак! — кинула женщина и тоже взяла бокал.

— Да, детка, на хер всех. Мы будем действовать. Без соплей. Все или ничего! Главное, чтобы все было быстро, пока я к этим людям не привязался, пока я их толком не знаю. Хуже этот гребаный мир уже не станет! И пусть дверь станет полностью черной.

С этим жестоким тостом они махом допили портвейн. А после за запетой красной дверью на черном диване с алыми подушками Кира не один раз заставила его кончить.

* * *

— Людей целая армия, денег достаточно, а когда мы заказывали оружие, поставщик просто охренел от количества! — восторженно докладывал Картер главарю спустя неделю. — Наш час пришел, большой папочка.

Кэно удовлетворенно кивнул, стоя в центре черного кабинета. На его еще больше огрубевшем из-за морщин лице блестел пот, выступивший от напряжения — он волновался, как никогда. На него в ожидании приказов пристально смотрели Кабал, Кобра, Кира, Джарек, Блад и Джефф.

— Значит так, — заговорил вожак, — первая задача — отрезать остров от внешнего мира, ясно? Кобра уже имеет опыт по мостам. В первую очередь Веррацано — это будет, как плевок им в морду. Потом Бейонн, Готалз и Аутербридж-кроссинг. Задача Кабала — парализовать работу переправы Статен-Айленд Ферри. Восемь паромов четырех классов — думаю, понимаешь, что нужна скорость. Бывшие служивые возьмут на себя полицию — они экипированы, как штурмовой отряд. Картер, как только они справятся, даешь сигнал братьям Бруверс, а после... — Кэно выдержал многозначительную паузу, — объявляем открытую войну! Джарек, на тебе оборона базы. Кира, поможешь с записью наших требований. Вопросы?

Соратники сосредоточенно молчали. Кэно перевел взгляд на лейтенанта со шрамами на лице:

— Тогда к главному. Эдвард Блад. Я выдам в твое распоряжение отряд. Люди, которыми ты будешь командовать — конченные психи, мерзавцы, откровенные кретины, одним словом — мясо. И ты это знаешь. Потому они будут атаковать в лоб, когда придут агенты Блейда. Эти расходники будут вооружены АКМ и дробовиками Mossberg. Машины вас подстрахуют. Немного подержите атаку и отступайте...

— Я не привык отступать! — ударил кулаком по столу в ярости Блад.

— Иногда отступление ведет к победе, — заявил Кэно. — Считай, что это приказ: я-то по званию тебя старше. Подпусти спецагентов поближе, мы атакуем их с флангов и с тыла.

— Окружим их? — уточнил Джарек. — А если они не так глупы?

— Атаковать будут огнеметчики. Страхуют машины. В критической ситуации пустим вертолеты.

— Не знал, что у нас есть боевые машины, — удивился Кобра.

— Да как боевые машины? Грузовики с людьми, вооруженными шестиствольными пулеметами. Люди с такими же пушками и гранатометами

охраняют завод. Но если с самолетами реально выгорит — вот это будет охренительно.

— Vivat anarchia! — одобрительно выкрикнула Кира, подняв кулак.

Кэно тоже вскинул вверх кулак и прокричал:

— Vivat anarchia!

Сплоченный строй суровых, яростных голосов вторил ему.

Начало было положено, как по плану. В результате серии страшных, одновременных терактов с сотнями жертв Статен-Айленд был отрезан. Тут же в эфир поступило обращение живого и здорового главаря «Черных драконов». А два квалифицированных военных пилота с идеальными послужными списками дезертировали, угнав на захваченный террористами остров свои самолеты.

Несмотря на первые удачи, анархисты ужасно нервничали. Впервые клан начал реальную, открытую войну, какую они не вели раньше. Это настораживало всех. Каждый знал, что война не прощает ошибок.

— Фобос, Деймос, держите оборону, — дал братьям распоряжение главарь, как только они прибыли на базу «Черных драконов». — Держитесь в небе столько, сколько сможете продержаться. Это на данный момент все.

— Кэно, — обратился к вожаку напоследок Фобос.

— Что, Тревис? — спросил Кэно, закуривая.

Фобос взглянул на него благородными и строгими голубыми глазами:

— Мы ведь смертники, так?

— Так, — честно и твердо, но с болью ответил лидер «Черных драконов».

Он был готов к последней войне. Душа томилась от предвкушения долгожданного триумфа. С каким гневом посмотрят на эту резню жалкие агенты Германа Блейда, гонявшиеся за ним столько лет! А как будет сходить с ума Соня, поклявшаяся любой ценой убить его!

— Ну что, Соня, схавала? — съязвил Кэно, обращаясь к воображаемому врагу. — Детка, не стоило недооценивать старину Кэно!

* * *

Полковник Герман Блейд не находил себе места и уже не мог этого скрывать. Подчиненные видели, что у него сдают нервы. На вопрос Джакса: «Что же случилось?» — он ответил всего одним словом:

— Кэно.

— Сколько у них заложников, господин полковник?

Герман Блейд потер ладонью уставшие глаза и скорбно прошептал:

— Весь остров — их заложники.

Джакс озлобленно ударил кулаком в стену, поднялась серая пыль, и куски бетона с грохотом ударились о пол.

— Вы будете сидеть и ждать? Ждать, пока этот урод уничтожит город?!

— Какие их требования? — поинтересовался лейтенант Джейк Беран.

Полковник Блейд прикусил губы:

— Невыполнимые.

— Какие же?

— Отдать им Статен-Айленд, — прошептал полковник. — Тогда они «с миром отпустят» всех, кто по каким-то причинам не захочет жить в их новом

самопровозглашенном «анархическом государстве»! Они уже чувствуют себя там хозяевами — убили копов, сами патрулируют улицы, творят, что вздумается. Ублюдки!

Беран вздрогнул, пожав худыми плечами, Джакс напряг все мышцы и скрестил на груди усиленные кибернетическими имплантатами руки.

— Я сам лично выпущу кишки этому ублюдку! — процедил сквозь стиснутые зубы майор Бриггс.

— Это мы еще посмотрим! — перебил его строгий женский голос. — Кэно мой!

— А-ах да, Соня! — ехидно заулыбался Джакс. — И что же ты предпримешь? Ситуация критическая, террористы оккупировали Статен-Айленд. Мосты взорваны, переправа Ферри разрушена. Ну?

На секунду лейтенант задумалась, но ответ дала:

— Атакуем с воздуха...

— Ну да! — всплеснул руками Бриггс. — Уже атаковали! Мы потеряли пять вертолетов!

Лейтенант Блейд перевела взгляд на удрученного отца, будто в последней попытке найти у него поддержку:

— Почему сюда не пришлют армию?

— Потому что это не война! — вскричал полковник, гневно брызжа слюной. — Это операция по освобождению заложников. Мир не должен знать, в какой заднице Амерка. Ни за что!

Герман Блейд обвел всех присутствующих взглядом, полным немой угрозы, и ушел, в сердцах хлопнув дверью. Соня виновато опустила глаза, но она и не думала терять своей уверенности. Она пыталась сосредоточиться, но в голову не лезло ничего, кроме мыслей об убийстве Кэно.

— Можно попробовать с воды, — опередив ее, подал идею Джейк. — Высадимся с катеров.

Соня недовольно насупила брови, а Джакс заулыбался:

— Вот так, девочка. Никогда нельзя рубить с плеча.

— Я все равно убью его! — выкрикнула женщина.

— О-о, да у тебя паранойя! — заключил Беран.

Соня ударила кулаком по столу:

— Мне нужен мой Desert Eagle и патроны пятидесятого калибра! С разрывными пулями.

— И садистские наклонности, — добавил Джакс. — Ты же в курсе, что они запрещены?

Лейтенант Блейд склонилась над столом, шумно дыша. Что она могла ответить майору? Какой толк был в наличии запретов? Ножи, например, не были запрещены — и у нее на глазах Кэно ножом вскрыл горло ее напарника. Кибернетические имплантаты не были запрещены. И она видела, как «отец террора» использовал один из таких, чтобы вырвать еще бьющееся сердце из груди ее сослуживца. Джонни он вообще убил голыми руками! Запреты не решали ничего, не спасали жизни. Соне хотелось кричать об этом. Но она сказала другое:

— Он зверь. Это моя охота. И в этой охоте подранков оставлять нельзя!

На Бордуолке Рузвельта не осталось свободного клочка асфальта. Здесь собрались многие сотни людей, одетых в черную кожу и легкие бронежилеты. Они были вооружены дробовиками и автоматами. За ними стояли два ряда «боевых машин», разрисованных гербами «Черного дракона» и анархистской символикой. Сами анархисты держали в руках множество черных и красных флагов с теми же символами. Солнце озаряло напряженные, облитые грязным потом лица, в глазах толпы горело безумие и жажда крови. Блад вскочил на одну из машин, и сотни бешеных глаз обернулись к нему. Разговоры в топе затихли. «Черный дракон» ждал.

— Жертва ничтожными приведет к победе достойных, — сказал сам себе Блад. Так ему было проще смириться со своей миссией проводника на тот свет.

— Анархия — мать порядка! — хрипло взревел он.

— Да-а-а! — взвыла возбужденная толпа.

Сердце Эдварда Блада подпрыгнуло в груди, по всем венам разошлось тепло, как после бокала хорошего виски.

— Будь свободен или сдохни!

— Да-а-а! — прогремел вновь раскатом грома рев толпы, сотни стволов были подняты вверх, сотни лиц сменились страшными звериными гримасами и в сотнях пар глаз вспыхнул азарт, граничивший с бешеным припадком. «Свободы! Крови! Да в рай бы попасть!» — будто прочел мысли головорезов Блад и снова заорал:

— Vivat anarchia!

— Да-а-а! Vivat anarchia!

Кровь била в голову Блада, вставала перед глазами алой стеной, по спине его пробежала приятная дрожь.

— Анархия — наша мать, Кэно — отец!!!

— Кэно навсегда!!! — зарычала толпа, как дикий зверь, впавший в ярость.

Блад поднял вверх кулак:

— За свободу! За анархию! За «Черных драконов»! В бой!!!

— За анархию!!! — кровожадно заорали смертники, хватаясь за оружие. Перекошенные оскалы на их лицах были каким-то подобием улыбки — им нравилась убивать, им было совершенно не страшно быть убитыми.

На берег десантировались агенты Германа Блейда. Головорезы, как и планировалось, атаковали в лоб, укладывая врагов, но вскоре погибали сами. Асфальт становился мокрым от крови.

— Все... Мясорубка началась... — удрученно проговорил Кэно, наблюдая с крыши одной из высоток в бинокль за происходящим. Он поправил передатчик на правом ухе и закричал:

— Паук вызывает Летучую Мышь! Прием!

— Летучая Мышь на связи, — отвечал хриплый голос Блада. — Паук, прием!

— Отступайте! Сейчас пойдут огнеметы! — приказал Кэно.

— Есть, — спокойно ответил Эдвард Блад. — Прием окончен.

Агенты окружали анархистов, занимая всю территорию набережной. Теперь Деймос и Фобос с воздуха видели не площадь, а зеленый остров среди моря бетона, каким стала толпа вояк в камуфляжной униформе. Три черных потока хлынули к острову с трех сторон — и зелень вспыхнула. Там, высоко над землей это зрелище напоминало пожар в джунглях, но Кэно видел в бинокль совсем иную картину. Разлет огня был неконтролируемым, он укладывал и чужих, и своих — смертников, кинутых атаковать в лоб. Многие сотни людей были заживо сожжены на площади. Гремели

тысячи взрывов — взрывались гранаты из арсенала спецагентов. Черный дым с запахом человеческого паленого мяса рассеивался над городом, огонь не унимался.

— *Out of the darkness, Brighter than a thousand suns! Out of the darkness, Brighter than a thousand suns!* — прошептал Кэно, чувствуя острую боль в сердце. — Эх, Безликий, жать, что ты не видишь!

События минувшей осени приучили Кэно вглядываться в свою душу. Сидя на крыше высотки, он понимал: он и Эдвард Блад похожи — они оба давно стали проводниками для других на тот свет. Но было и то, что в корне отличало главаря «Черных драконов» от Эдварда Блада — желание жить. И чем больше Кэно видел смерти, тем сильнее становилась его собственная жажда жизни.

Осознав, что операция завершилась успешно, но с неумолимо горьким осадком в душе, лидер анархистов вернулся на базу. Он рассчитывал принять на грудь и успокоиться, но даже не успел войти в кабинет. В коридоре Джарек схватил его за плечи. Глаза кровного брата были налиты кровью, все мышцы лица напряжены, зубы оскалены. Кэно знал, что это значит.

— Кэно! — вскричал Джарек. — Надо отступать! Мы не выстоим!

«Дьявол, почему же ты ни разу не ошибался?!» — пронеслось в воспаленном сознании Кэно.

— Давай здраво смотреть на вещи, — попытался сохранить спокойствие он. — У нас есть машины, вертолеты, два самолета... Выстоим.

— Дьявол! — заорал Джарек, будто одержимый бесом. — Ты дьявол, Кэно! Ты никого не хочешь слушать! Как после этой бойни ты сможешь заснуть?!

— Не засну! — гневно бросил Кэно. — И не говори больше никогда, что я тебя не слушаю! Я принял во внимание, и вот тебе новая задача — обеспечить нам пути отхода. Свобода или смерть, да, но штабным крысам мы не дадимся!

Он ушел в свой кабинет и закурил. В коридоре Джарек в изнеможении упал на колени, будто в последней мольбе подняв вверх воспаленные слезящиеся глаза.

— Я понял, Господи! — вскричал он, к напряженному лицу в отчаянии прилила кровь. — Понял Твое изощренное наказание за грехи мои. Я принял его с гордостью. Как и мой брат принимал все свои страдания. Но что еще мы должны пережить, чтобы Ты простил нас?! *Господи! Не в ярости Твоей обличай меня и не во гневе Твоем наказывай меня. Помилуй меня, Господи, ибо я немогущ; исцели меня!* — взмолился он об избавлении от своего тяжелого «дара». — *Господи, ибо кости мои потрясены, и душа моя сильно потрясена! Ты же, Господи, доколе?! Обратись, Господи, избавь душу мою, спаси меня ради милости Твоей!*

Джарек обессилено опустил голову, тяжело дыша. Он беззвучно рыдал, стоя на коленях. В глубине души он уже давно знал, что тщетно надеется, что где-то есть добрый бог, способный их простить после всего, что они натворили в жизни. Им не было прощения. Расплата продолжалась.

Огонь погас. Набережную покрывали страшным черно-коричневым ковром обгорелые трупы, а чаще — разорванные куски трупов спецагентов и анархистов. Блад вышел на Бордуолк Рузвельта, переступая между клочьями паленой плоти, и поставил посреди набережной черный флаг.

— Вы свободны, парни, — прошептал он, окинув взором изуродованные тела своих людей. — Мертвые свободны. Вы свободны.

— Как вы повелись на это?! — в ярости орал на подчиненных полковник Герман Блейд. — Решили, что Кэно — полный идиот, будет атаковать в лоб, даст окружить и вырезать своих людей? А этот прохиндей всех вас обвел вокруг пальца! И что вы предпримете теперь?! А?

— У них два самолета, — доложил Беран. — Это слишком круто для нас. Но это все еще не война?

Полковник проигнорировал его провокационный вопрос:

— Что за самолеты?

— «Рокуэллы».

— Что ты предлагаешь?

— Хотя как-то договариваться с армией, — развел руками лейтенант. — Вы же уважаемый человек. Убедите их дать два «Харриера» — они положили бы этому конец. Потом пойдет снова наш десант. В конце концов, пилоты-дезертиры — это их проблема!

Герман Блейд задумался. Это был большой риск, в том числе для его репутации. Но оставался ли иной выход? Выполнить требования террористов? Он знал, что этого категорически нельзя было делать. А остров нужно было освобождать, чего бы это ни стоило. После боя террористы уже начали выполнять свои угрозы — «убивать мирное население такими пачками, что в страшном сне не снилось», взрывая жилые здания. Каждые три часа они, как по расписанию, взрывали очередной объект! Этот крошечный ужас нужно было остановить, и как можно скорее! Герману показалось, что его плечи хрустнули под грузом ответственности.

— В Ваших словах есть смысл, лейтенант, — похвалил он Джейка Берана. — Мы обязаны растоптать эту змею!

* * *

Над Статен-Айлендом вместо звездно-полосатых знамен реяли черные флаги. Кэно чувствовал, что траур этих черных флагов не закончится никогда. Это был траур по каждому из «Черных драконов», но его дверь еще не стала полностью черной.

Фобос и Деймос хорошо осознавали весь ужас случившегося.

— Мы все будем лежать в земле, воздух не спасет, — подумалось Даррену.

— Из праха — в прах, — скорбно мыслил себе Тревис.

В воздухе появились два притких «Харриера». Руки братьев Бруверс приросли к штурвалам.

— Фобос, води того, что к тебе ближе, за собой! — закричал в микрофон передатчика Даррен. — Я подобью!

Тревис вошел в пике. «Харриер» шмыгнул за ним. Деймос прицелился, он преследовал «Харриер», пытаясь предугадать, что будет секунду спустя. Пилот «Харриера» перевел реактивные сопла в переднее положение — и самолет Даррена проскочил мимо. Деймос рванул штурвал на себя, выходя из пике.

— Спасибо судьбе, что я не выстрелил, — подумал он. — Сбил бы брата.

Пилот второго «Харриера» пустил в самолет Деймоса ракету. Крыло «Рокуэлла» разлетелось в щепки, небо зазвенело от взрыва, клубы огня и черного дыма рванулись ввысь.

Деймос видел, как приборы будто взбесились. Он падал. Он не видел черного шлейфа из дыма за самолетом, но он чувствовал — этот дым был словно саван смерти. Ее коса уже легла на его шею. Даррен продолжал попытки выровнять самолет, но все было тщетно. Он закрыл усталые глаза и запел:

*Silently to silence fall
In the fields of futile war.
Toys of death are spitting lead
Where boys that were our soldiers bled...*

Его губы двигались так, будто он молился, но слова были в корне противоположными:

*War horse and war machine,
Curse the name of liberty
Marching on as if they should
Mix in the dirt our brothers' blood.*

«Только бы не рвануло над городом! Только не над городом!» — молил судьбу в своих мыслях Даррен, до последнего выравнивая крылатую машину и отводя ее к воде. А душа его цеплялась из последних сил за тело, тело из последних сил цеплялось за жизнь.

*Once a ploughman hitches his team,
Where he sowed his little dream.
Now bodies, arms and legs are strewn,
Where mustard gas and barbwire bloom.*

*Each moment's like a year.
I've nothing left inside for tears.
Comrades dead or dying, lie.
I'm left alone asking why...*

Самолет вошел в «плоский штопор». Он падал, как лепесток, как желтый лист угрюмой осенью. И эта смерть, будто листопад, была жертвой, смертью ради жизни. Жизни новой весной, которой ему уже было не суждено увидеть. Деймосу не увидеть даже новый рассвет.

Фобос вышел из пике. Он пытался увернуться от второй ракеты. Резко дернув штурвал, он сделал «мертвую петлю», Тревис чувствовал, как все его внутренности швырнуло вперед внутри тела, он ударился головой о штурвал, его лицо начала заливать кровь. Он выстрелил. Он попал. «Харриер» упал, но Фобос не знал, что в этот же момент второй снова стрелял в него. Хвост самолета вспыхнул, но Тревис не чувствовал падения. Он поднял глаза вверх, в небо, где яркое желтое солнце двигалось к закату. Ему жгло глаза, лицо заливала смесь пота, крови и слез. Но Фобос не отрывал от светила ясных синих глаз. Он падал, но его душа поднималась, стремительно, не зная преград ввысь, в небеса, к солнцу...

— Братья Бруверс мертвы, — тяжело дыша, доложил Джарек, порывом ветра ворвавшись в кабинет Кэно. — А я предупреждал.

Голос Джарека сильно резал слух Кэно. Казалось, все его чувства обострились до предела. Кровь стучала ему в виски, голова тяжелела, боль пронизывала все тело. У него складывалось ощущение, будто его мозг плавился.

— На остров высаживается десант Блейда. Приказывай! Командуй же, Кэно! — взволнованно заорал на него кровный брат. — Почему ты молчишь?!

Кэно сидел в кресле, обхватив голову руками. У него дико болела голова. Эта боль не проходила уже три дня.

— Все так трясутся из-за этого проклятого острова... А когда-то остров можно было купить у индейцев за бочку рома, — хрипло простонал он, изнемогая от боли. — Бред, мать его! Пускайте машины. И вертолеты. Что с обороной базы?

— Завод охраняют люди с гранатометами и шестистволками.

— Хорошо, — гнусаво прошептал Кэно.

Он медленно встал из-за стола и долго ждал, когда страшная головная боль ослабит свои тиски. Он чувствовал невыносимое нервное напряжение каждой клеткой тела.

— Куда ты собрался? — поинтересовался Джарек.

— Мне нужен Блад... — ответил Кэно и попытался сделать шаг вперед, но его рассудок померк от боли, он упал навзничь, потеряв сознание.

Джарек пустился бежать за врачом. Новый врач клана был худощавым азиатом со шрамом на лице. Он носил серое китайское кимоно с короткими рукавами и нитяными пуговицами, чем-то похожее на обычный хирургический костюм. Вместе с медиком примчалась и Кира. Ее растрепанные рыжие волосы взмокли, льдистые глаза в негодовании просто метали молнии, а сердце трепетало в груди, как лист на беспощадном ветру.

— Что произошло? — нетерпеливо допытывалась она у врача, когда тот проверял пульс главаря.

— Обморочное состояние, проблемы с давлением, — ответил азиат.

— Он не спал около четырех дней! — взволновано проронила Кира.

— Сердце надо будет проверить, — сказал медик в сером кимоно. — Есть проблемы.

Он достал нашатырный спирт, приподнял голову вожака и поднес смоченную вату к его носу. Кэно вздрогнул всем телом, вскочил и врезал медику по лицу.

— Я же спасал Вашу жизнь! — шокировано пробормотал азиат, схватившись за сломанный нос.

— Блад! — воскликнул Кэно и бросился бежать. Он уже не слышал предостерегающих криков вслед.

У въезда на завод его встретил Кобра. Русский анархист смотрел в бинокль на обломки самолетов. Кэно отобрал у него бинокль и сам взглянул на поднимающийся черный дым.

— У всех нас один и тот же недостаток, — проговорил он, возвращая бинокль Кобре, — мы смертны.

Из-за угла к нему подбежал взмыленный, измотанный и озлобленный Эдвард Блад. Его одежда была порвана, руки, ноги и лицо изрезаны осколками и сильно обожжены. Его спас только бронежилет.

— Кэно, — прохрипел он и попытался подойти к главарю. Блада шатало, как после немалого количества спиртного. Его лицо уже, по сути, не было лицом — это была кровавая маска из изрезанной плоти.

— Кэно! — вскричал он. — Нужны еще вертолеты! Вертолеты, Кэно!

— У нас нет, — прошептал вожак.

— Люди мрут! Наши люди мрут! Дайте мне шестистволку! Богом молю! Шестистволку!

— Бери, твою мать! — испуганно пробормотал Кобра, открывая вход на базу. — Иди и возьми.

Блад скрылся во тьме, но вскоре вернулся с оружием. Он снова уходил на войну.

— Пусть только, суки, рыпнутся! — прорычал он. — Мы их на фарш перемелем!

Он с трудом держался на ногах, но шел вперед. Он шел в последний бой, бой до вечной свободы. Его силуэт таял в вечерних сумерках. Он ушел в ночь... и более не вернулся.

Кира стояла возле холодного металлического операционного стола. На столе сидел Кэно. Он был без рубашки, в одних лишь штанах цвета «городского» камуфляжа и боевых ботинках. Взгляд его был мрачен, в нем едва сдерживалось бешенство. Он до сих пор не мог поверить, как только отчаянной смуглой рыжеволосой женщине удалось таки уговорить его зайти в лазарет, пусть даже только на пять минут.

— Нехорошо. Шум отчетливо слышен, — сообщил азиат со шрамом, когда закончил прослушивать его сердце. — Нужны обследования.

— Сейчас не до этого! — отрезал Кэно, скаля зубы.

— Я все же возьму у Вас кровь, — сказал медик, затягивая жгут на его мускулистом плече. — Силы Небесные, да она настолько вязкая, что плохо идет, — отметил он, поднимая поршень шприца. — Плюс шум в сердце, и аритмия...

— У тебя даже кардиомонитора нет, — перебил его главарь, — какая на хер аритмия?!

Врач в кимоно поднял брови, взглянув в его налитые злобой глаза:

— Основы тибетской медицины. Я сразу все понял, еще по пульсу. Ваша нервная система работает на износ. У Вас было с полтора десятка хирургических вмешательств. У Вас нездоровая печень. Но главная причина — это старый металл в Вашем теле.

— Все это галиматья! — Кэно презрительно харкнул на пол операционной.

Азиат показал ему пробирку с густой темной кровью:

— Это — смерть в любой момент, — строго предупредил он.

— Вся наша жизнь — это смерть в любой момент! — спрыгнув со стола, начал отчитывать его лидер анархистов. — Ты видел, что мы устроили, какую бойню?! Ты же не совершаешь насилия, у тебя принцип... Но ты пришел сюда. Зная, кто мы.

— Зная, — смиренно кивнул азиат. — Я пришел ради вас. Потому что и вас кто-то должен попытаться спасти!

Кэно грубо схватил Киру за плечо и быстро вышел из лазарета. Он ничего не говорил, но его хриплое дыхание было исполнено гнева. По этой понятной причине Кира не решалась с ним заговорить. Она даже не могла сказать, напрасно ли уговорила его посетить лазарет. Ее пугало то, что она слышала. Словно теперь над ними всегда и везде будет нависать роковая угроза смерти в любой момент, она будет омрачать всю оставшуюся жизнь, какой бы она ни была. Сам Кэно также не хотел мириться с этим. Он даже не хотел ничего слушать, не собирался признавать истину в том, что слышал. С чего вдруг он станет верить какой-то древней тибетской медицине? Все это домыслы, не имеющие значения!

Кобра еще долго сидел у главного въезда, слушая ужасающие, лихорадящие душу звуки боя. Он боялся этой войны, боялся смерти, но в душе жалел, что не был на передовой. Может, жалел он даже о том, что не погиб, и что ему теперь придется жить

с воспоминаниями обо всем огненно-кровавом аду, развернувшемся на Статен-Айленде.

Раздался сигнал тревоги. Кобра бросился в главный зал. Там уже стояли Кэно, Кира и Джарек. Они смотрели на мониторы, отображавшие информацию с камер наблюдения. Главарь тревожно пристукивал правой ногой и перебрасывал в руке нож.

— Агенты полковника Блейда на базе, — удрученно сообщил Джарек. — Прошли через черный ход. Вопрос в том, как им удалось...

Кэно опустил нож и замер, подперев голову кулаком.

— Среди нас предатель, — на выдохе мрачно изрек он. — Тот, кому есть, за что меня ненавидеть. Тот, кто выжил после атаки «Красных драконов». Тот, кого сейчас на базе нет...

— Кабал? — предположила Кира.

Кэно склонился над пультом управления, напряжено стуча пальцами по кнопкам, он вводил какую-то комбинацию цифр. Запустив программу, главарь перебросил через плечо портупею с детонатором, его могучий оголенный торс озарили красные отблески.

За спинами анархистов грянул взрыв. Тяжелая дверь главного зала рухнула на пол, на нее посыпались бетонные обломки стены и серо-бурая пыль. В зал чеканным шагом вошла лейтенант Соня Блейд. Кэно медленно повернулся к ней лицом и взглянул на нее с безнадежной тоской. Былого блеска во взгляде главаря «Черных драконов» уже не осталось — его глаза были пусты, в них была непроглядная, вечная тьма.

— Привет, детка. Снова скучала по мне?

— Я намерена вызвать тебя на честный поединок, Кэно!

Кэно сделал несколько шагов вперед, хромая на левую ногу, и встал перед ней, гордо расправив плечи.

— Вызов принят, — проговорил он, устало понутив голову. — Выбирай: в рукопашную, на ножах...

— Нет! — крикнула Кира и метнулась к Кэно. Она заслонила его собой, ее руки легли на рукояти ножей. — Драться с тобой буду я!

— Детка, ты чего? — опешил Кэно. — С ума сошла? Это я должен прикрывать тебя.

Кира положила руку ему на грудь и взглянула ему в глаза с сочувствием и болью:

— Ты не в лучшей форме, чтобы сражаться. Я единственный способный боец. Уходи с Коброй и Джареком. Вы ведь знаете, куда идти.

— Нет! — закричал Кобра, самоотверженно бросившись вперед. Он положил руку в тактической перчатке на плечо Киры и шепнул ей на ухо: — Я не уйду. Я прикрою тебя.

— Двое на одного — это не по-честному, — проговорил низкий голос из коридора, и в зал развязной походкой вошел майор Бриггс.

Кэно, задыхаясь от злобы, бросил на него такой взгляд, точно метнул в чужое сердце нож.

— А усиливать себя в четыре раза — это, мать твою, честно?! — яростно вскричал он. — А Тремор кирпичи ребром ладони разбивал. Кобра, уходи! Этого гребаного нигтера я возьму на себя!

— Я же сказал, что не уйду! — закричал ученик главаря. — Я прикрою вас! — он обернулся и кивнул Джареку — тот кивнул в ответ и быстро скрылся.

Неожиданно в зал вошел еще один человек. Он остановился перед взорванной дверью, на его лицо легла тень. Кэно вспомнил, что уже видел этот образ. Темный силуэт мужчины с длинными черными волосами. Над пропастью... Человек был в старой одежде и тяжелых истоптанных сапогах, его покрытые ожогами руки в черных перчатках были сжаты в кулаки.

— Теперь все по-честному. Три на три, — сипло проговорил он и шагнул вперед. На месте его лица сверкнула безразличная металлическая маска.

— Что ж, все мы здесь выкупаны в крови, и не раз, — злобно произнес Кэно, уставившись на Кабала, — душа каждого из нас намертво погрязла в гребаном омуте грязи и крови. Но есть один порок, который не прощаем даже мы — конченные психопаты и головорезы: это предательство!

— Я не на твоей стороне, — презрительно выговорил Кабал. — Притом уже давно. Знаешь, кто я на самом деле? — Кабал снял респиратор, показывая то, что раньше было его лицом. — Смотри на это лицо, тварь, — может, узнаешь, найдешь под шрамами знакомые черты? Кто я? «Обкуренный недоносок» — так ты говорил? — «вечно пьяный грязный безмозглый панк», которому ты в 1988 году подкинул наркоту! Из-за тебя меня нашли старые враги, реально опасные люди, они позаботились о том, чтобы я попал в «Лагерь гладиаторов»! К твоему несчастью, одноглазый упырь, я выжил и вернулся на свободу, отмотав срок в тюрьме особо строгого режима! Как же тебе не повезло, что я не сгнил там заживо — я вернулся в клан лишь затем, чтобы уничтожить тебя! Теперь понимаешь, как давно я тебя ненавижу?! Это ты сломал мою жизнь, Кэно!

Главарь почувствовал, будто от неопишуемой ярости к горлу подступает едкая желчь. Воздух словно исчез, он не мог насытить горящие огнем легкие. Это омерзительное лицо! Этот слабак, так бесивший его с первого дня на базе! Отброс, не умеющий вкладываться в общее дело. Из таких и надо было выбивать дурь, как учил его Мастер и его подручные! И чем это выбивание теперь кончилось?!

— Жизнь? С этим я тебе помогу — ты умрешь, сучара! — прорычал Кэно.

Он смотрел на лица врагов, тяжело и хрипло дыша от ожесточения. Он напряг все мышцы, оскалил зубы и стал в боевую стойку. Его агрессия ожидала молниеносного выхода, выброса всей накопившейся в душе горести и злобы. Но где-то в самой глубине души не оставалось ничего, кроме боли. «Дьявол! — сокрушался он про себя. — Поклялся служить клану, сражался со мной плечом к плечу, из тюрьги помог меня вытащить! И в то же время, мать его, копал под меня, ненавидел и готовился уничтожить! Ублюдок! А я кто, мать моя женщина?! Ведь я подозревал. Я знал! Просчет! Но ведь сражался за меня — и предал! Сука! Самая грязная тварь из всех, что я знал!».

Кэно чувствовал себя одиноким, сорвавшимся с цепи зверем, готовым перегрызть глотку тому, кто посадил его на цепь. И он был готов взвыть от отчаянья, чтобы дикий вой разломал небеса на осколки, которые рухнули бы вниз, разбиваясь о землю с протяжным горьким звоном, с каким упали бы на землю горячие слезы боли. Но слез у гордого зверя нет. Есть только его вой и растущее безумие в горящих глазах.

— В бой! — выкрикнула Соня.

— За анархию! — взревел во все горло Кэно, вскинув вверх кулак, и началась битва.

Кобра ринулся на Кабала. Кабал с ускорением отбежал в сторону, затем развернулся и бросился бежать обратно, задев при этом Кобру кулаком по спине так, что молодой мужчина, выгнувшись назад, закричал от боли и упал на пол.

Кира в прыжке ударила ногой сверху вниз по плечу Сони. Ей удалось сбить противника с ног, но ненадолго. Лейтенант ударила ногой с разворота, Кира пригнулась и ушла от удара. Она снова бросилась в атаку.

Кобра поймал момент, когда Кабал оказался рядом, и засветил ему локтем в живот, потом кулаком в челюсть, коленом в пах и локтем между лопаток. Предатель согнулся от боли, но саданул Кобру кулаком в солнечное сплетение. Русский анархист, задыхаясь, отпрыгнул назад. Кабал подпрыгнул и несколько раз в воздухе пнул Кобру в грудь, снова повалив его на пол.

Соня Блейд уперлась руками в пол, а ногами сделала небывало сильную подсечку. Кира вскочила, схватила ее за плечи и приложила головой о свое колено. Не обращая внимания на вскрик боли, рыжеволосая женщина отпустила агента и нанесла два удара ногой в живот. Соня упала на колени, но тут же, оттолкнувшись от пола, ударила ногами вверх. Удар пришелся Кире в бедро, она ушла в сторону и немного отдышалась. Лейтенант также переводила дух.

— Ножевой бой? — спросила Кира, поглаживая рукояти пары резных ножей.

— Ножевой бой! — согласилась Соня, выхватывая из-за пояса армейский нож.

Агент выбросила руку вперед, ведя ножом слева направо параллельно земле. Кира перехватила ее руку и ударила ногой по колену. Соня вскрикнула. Кира прыгнула вперед и полоснула ее ножом по ребрам. Соня схватила ее за руку и дала ногой в предплечье. Кира упустила нож, но успела выхватить второй. Агент кинулась на нее, целясь клинком в сердце, но Кира поставила блок рукой. Кожаная накладка на руке спасла ее от пореза, она перебросила нож и пошла в атаку. Соня Блейд, получив несколько серьезных порезов, собралась и, наконец, перехватила руку Кире и выбила у нее нож. Анархистка схватила обе ее руки, нож Сони упал на пол. Кира вывернула ей руки и ударила вперед головой. У Сони моментально потемнело в глазах, она упала, теряя сознание от головной боли.

Кобра вскочил с пола и ударил двумя ногами вперед. Он пнул предателя по торсу и, встав на ноги, подпрыгнул и врезал ему наотмашь сначала одной, потом второй ногой по лицу. Оказавшись прыжком рядом с Кабалом, боец в кимоно несколько раз дал предателю кулаком по челюсти и тут же зарядил ему со всей силы ногой под дых. Кабал застыл на месте, сгорбив спину, из-под его респиратора потекла кровь. Предатель начал медленно отступать. Кобра напряг мышцы, сосредоточившись на действиях противника. Кабал сложил руки за спиной. Кобра напряженно ждал, но не торопился нападать.

— Что-то здесь не так, — догадывался он.

Кира подобрала нож Сони Блейд.

— Да, сука белобрысая, тебе нужно было поставить памятник в части, где ты служила, с подписью: «Горе-солдат», — сострила Кира и усмехнулась, перебрасывая в руке ровный армейский нож.

Она взглянула на Кабала. Кобра застыл в боевой стойке, а предатель ждал, пряча за спиной Colt M1911. Кира метнула нож. Лезвие вонзилось Кабалу в плечо, он вскрикнул и уронил пистолет.

— Кобра, прикончи его! — крикнула Кира.

Русый боец радостно улыбнулся. Он подбежал к Кабалу, закрывавшему рукой рану на плече, и добил его таким мощным апперкотом, что предатель без чувств рухнул на пол, а из-под железной маски продолжала вытекать кровь.

— Спасибо за помощь! — поблагодарил Киру Кобра.

Кира взглянула на молодого мужчину с упреком:

— Ему не хочешь помочь? — указала она на Кэно, сражавшегося с Джаксом.

— В рукопашную или на оружии? — по обыкновению спросил Кэно противника перед боем, на что Джакс ехидно ответил:

— Мое оружие со мной!

— Ненадолго! — прорычал главарь анархистов.

Майор сделал выпад вперед, его кулак с неистовой силой врезался в грудь Кэно. Террорист стиснул зубы и закрыл глаза — боль нарастала, будто растекаясь от мышц по костям и внутренностям. Ему показалось, что от этой боли у него искры посыпались из глаз.

— Удивительно, что кости целы, — постепенно приходя в себя, подумал Кэно.

Джакс схватил его за горло и поднял над землей. Кэно почувствовал режущую боль в груди и удушье. От нехватки воздуха сердце стало биться чаще, усиливая и без того мучительную резь в травмированной грудной клетке. Кровь прилиwała к голове. Главарь анархистов скалил зубы, хрипло рыча и пытаясь хоть как-то выровнять дыхание.

— Что, больно, кретин?! — прокричал Джакс. — Нет, это еще не боль. Вот сейчас, — майор разжал пальцы, но отдышаться Кэно так и не успел — Джакс вцепился стальными пальцами в его плечо, — сейчас будет больно...

Он повалил террориста на пол и ударил сверху. Кэно поставил рукой блок, в глазах потемнело снова, он ничего не видел, но слышал хруст собственных костей. Джакс взял Кэно за плечи, поставил на колени, развернув его к себе спиной, и со всей силы зарядил ему коленом по хребту между лопаток. Кэно заорал. Джакс отпустил его. Анархист упал лицом вниз, царапая напряженными дрожащими пальцами бетонный пол. Боль резала спину так, точно кинжал вонзился в его хребет. Кэно собрался с мыслями и встал на ноги, убрав сломанную руку за спину.

— Мое оружие тоже со мной! — прорычал он, стреляя по имплантатам на руках майора. Джакс запрокинул голову назад и взревел от боли, когда по его рукам стекал горячий расплавленный металл. Кэно зловеще оскалился:

— Вот сейчас будет больно...

Он в прыжке сгруппировался в шар и, швырнув себя вперед, пушечным ядром бросился во врага. Джакс скрестил покрытые металлом руки перед грудью, блокируя атаку. Кэно смог свалить его с ног, но, остановившись, сам упал на спину, чувствуя, как снова усилилась боль вдоль хребта. Джакс встал и заехал ему по лицу. Удары его были такой силы, что их невозможно было заблокировать. Террорист отступил и захаркал кровью. Теперь у него была ссечена левая скула, разбиты обе губы, сломан нос. Майор ударил еще раз, на этот раз слева по почкам, отчего Кэно еле удержался на ногах. Он стоял, отплеываясь кровью, в глазах не оставалось ни злости, ни ярости, ни отчаянья — только мучительная боль. Он выстрелил три раза подряд, но Джакс смог уклониться от лазера и тут же яростно врезал ему по лицу справа, по стальной пластине. Такой боли Кэно не приходилось чувствовать никогда в жизни. Она была подобна удару электрического тока, прошедшего через головной и спинной мозг, а потом по всем нервам тела. Ему свело челюсти, зрение резко упало, что-то

пульсировало в правом виске, чудовищно разболелись зубы. Кэно закричал, собственный крик резал ему слух, но он понимал, что почти не улавливает звуки правым ухом. Боль ослабила разум, чувства померкли, он, обессилив окончательно, упал навзничь.

Джакс ухмыльнулся. Он сделал шаг вперед, раздумывая о том, как бы прикончить террориста.

— Оставь его! — окликнул майора женский голос. Афроамериканец обернулся и увидел Киру, гордо поставившую руки на пояс и приготовившуюся к драке.

— Свали, рыжая! — грозно прикрикнул Джакс.

— Свалю. Но сперва наваляю тебе, ниггер, по твоей тупой роже — зубов не соберешь!

Джакса явно взбесила ее дерзость. Он замахнулся со всей силы, но Кира ловко отпрянула назад. Майор ударил ногой — женщина ушла в бок. Он снова попытался ударить по лицу — Кира молниеносно пригнулась.

— Отступаешь? — коварно крикнул Джакс. — То-то!

Он продолжал атаковать, Кира уходила все дальше, к выбитой двери. Джакс взмахнул кулаком прямо перед ее лицом, она сделала еще один шаг назад и ощутила, что стоит у стены. Джакс загнал ее в угол.

— Отступать больше некуда, рыжая! — ухмыляясь, сообщил он.

— Иногда отступление — путь к победе! — прокричал кто-то у майора за спиной, сильная рука обхватила его шею и стала душить. Кобра, схвативший Джакса, продолжал усиливать свою мертвую хватку.

— Брось! — услышал Кобра низкий сорванный голос. — Уходим!

Кобра обернулся — Кэно поднялся на ноги, отирая кровь с лица и торса. Он активировал детонатор, и на экранах вспыхнул таймер — до взрыва оставалось две минуты. Кира и Кобра подбежали к главарю и взяли его под руки. Соня пришла в себя и подняла на Кэно разгневанные глаза.

— Вы сидите на бомбе с часовым механизмом, — через силу улыбаясь, проговорил Кэно, глядя на Соню. — Ты же знаешь, как я люблю их, детка.

«Черные драконы» ушли. От главного въезда на завод тронулся черный фургон. За рулем был Джарек.

— Изрядно они вас потрепали, — заметил анархист, разглядывая лица товарищей.

Никто ничего на это не ответил. Кэно смотрел на дорогу с каменным лицом, в глазах, как и в душе, зияла пустота. Он не знал, что делать дальше, и стоит ли что-то делать вообще. Ставка на все не сыграла. Руки опустились, сгорели все надежды, вера принесла разочарование. Он корил себя — он срубил с плеча и просчитался. Кэно пытался убедить себя, что от рока не уйти, но разве от этого меньше хотелось, чтобы было иначе? Он был убит на этой, последней своей войне. Внутри у него все было мертво. Пустота вместо души, лишенная чувств, обреченное безразличие. Желание жить в нем не остыло, но вот зачем он живет — теперь он не знал.

— Чего стоите?! — закричал Джакс, косясь на таймер. — Соня, уходим!

Он взвалил Кабала на плечо, затем помог Соне подняться. Агенты успели уйти практически на последних секундах. Соня злилась. Кэно снова ушел. Ушел прямо из ее рук, когда расплата была так близка.

«Желание жить — обычное, человеческое, — задумалась она, может быть, впервые за все время охоты на Кэно. — Может, он и выживает лишь потому, что хочет

жить. Но жить все хотят... А он спросил у Векслера, хотел ли он жить? А у Даниэля? Он спрашивал, хотел ли жить Джонни? Он об этом и не думал! А жить все хотят».

Тем временем черный фургон мчался к богом забытому побережью, где среди желтой сухой травы оцетинились позеленевшие колья сгнивших дощатых причалов. Над кривыми частоколами гнилых досок чернело кладбище старых кораблей. В воде громоздились темные, красно-ржавые тела железных китов, навсегда выброшенных на эту унылую отмель по завершении службы. Среди угрюмых массивных громадин, загрузших в песке или повалившихся набок, не сразу можно было заметить пришвартованный к самому берегу ободранный, но рабочий катер для перевозки автомобиля. Джарек загнал фургон на обшитую ржавеющим металлом грузовую платформу и вышел из автомобиля. Организуя этот путь отступления, он не раз с благодарностью вспомнил старину Биннака, благодаря которому имел какой-никакой опыт управления водным транспортом. Его товарищи оставались в машине. Кэно использовал детонатор, чтобы устроить на прощанье еще несколько взрывов в Статен-Айленде, которые, к тому же, должны были отвлечь внимание Разведывательного агентства. И когда прогремел последний взрыв, выжившие анархисты уже ступили на сушу заболоченной бухты Джамейка.

* * *

Утро ознаменовалось экстренным выпуском новостей, прямую трансляцию которого смотрели даже на пустовавшей базе «Красных драконов»:

— Операция по освобождению Статен-Айленда была успешно завершена. Агентство полковника Блейда понесло серьезные потери, но была уничтожена база террористов. Выжившие агенты представлены к награде. По предварительным данным, лидеру анархистов, «отцу террора», особо опасному преступнику Кэно и нескольким его сообщниками удалось скрыться...

Джарек выключил телевизор и швырнул пульт в огромный плазменный экран. Его боли не было предела. Зачем ему этот проклятый дар, если его слова не могли изменить ничего? Впрочем, он уже давно не считал свое прорицание даром. И бог не собирался снимать с него это тяжелое проклятье.

Кэно спал на разложенном угловом диване в том же кабинете, если только эти мучения можно было назвать сном. Он метался, что-то невнятно рычал, скалил зубы. То ли на него напал очередной кошмар, то ли что-то сильно болело во сне. Киру это беспокоило. Ей пришлось разбудить его, чтобы выяснить, что же его тревожит. Все-таки он серьезно пострадал в битве, а у нее и до этого был повод основательно беспокоиться за его здоровье.

— Пусть только, суки, рыпнутся! — бормотал главарь во сне, когда женщина пыталась растолкать его. — Мы их на фарш перемелем... А! — он вскрикнул и вскочил, едва случайно не облокотившись на сломанную левую руку. Благо, ему помешали ремни и доски, которыми на катере пришлось насколько возможно зафиксировать травмированную конечность.

Кэно проснулся в холодном поту, все еще вздрагивая всем избитым до черных кровоподтеков телом. Слипшиеся волосы стояли торчком. В глазах оставался ужас и злоба.

— Кэно, — погладила его по плечу Кира. — Тихо, любовь моя, тихо...

Глаза Кэно вспыхнули, он схватил женщину за горло, как зверь добычу:

— Никто не вправе жалеть меня! — прошипел он. — Никогда! — он остановил на одной точке отрешенный взгляд, осознавая, что сделал, и разжал пальцы. — Прости, детка... Но так не надо, детка...

— Что с тобой такое? — без злости осведомилась Кира, вытирая мозолистой ладонью пот с его побитого лица. — Кошмар?

— Нет! — резко возразил Кэно.

— А кого ты «на фарш молоть» собрался? — с горькой иронией спросил Джарек. Кэно схватился за голову здоровой рукой.

— Конец... — запричитал он, поглядывая на Киру. — Детка, все кончено... Остров... за бочку рома... Это конец.

— Ты о чем? — не понял Кобра, которому показалось, что раненый Кэно пребывает в бреду.

Главарь захохотал. Но тут же смех его оборвался, мышцы лица напряглись, на зубах появился оскал.

— Все кончено... Все, сука, кончено! — он отрешенно уставился в одну точку. — Без шансов...

— Что значит: «Без шансов»? — испугался его слов Джарек.

— У нас не было шанса, — понурился Кэно, потупив взгляд, признал Кэно. — Даже если бы мы отвоевали остров, что потом? Облавы, облавы, облавы... Нас бы вырезали... Всех до единого. Перебили бы, суки, как собак бродячих! Если бы только мы сами не уничтожили друг друга...

Кобра, Кира и Джарек дружно опешили, услышав такое:

— Что?!

— А нечего больше тешиться иллюзиями! — зло гаркнул Кэно. — Нашлись бы такие ушлепки, как Кабал! И погрызлись бы мы, как гребаная одичалая свора! Потому что в мозгах большинства, мать их за ногу, понятия «свобода» и «ответственность» и рядом не стояли! Нет разумной свободы. Это миф, который мы сами создали для себя. Потому что по другой вере нам ничего хорошего не воздалось бы. И было бы правильно!

Кобра потянул пальцы в рот и начал грызть ногти. Кира обессилено опустила руки. Джарек замер, тяжело дыша. Его глаза сверкали. Он недоумевал, как после стольких лет священной войны за свои цели его кровный брат перечеркнул свои суждения одним махом, в одно ничтожное мгновение. Ничто не готовило его к такому.

— После всего... Да ты охренел?! — закричал он.

— Я посмотрел правде в глаза! — решительно заявил вожак. — Почему вы не можете? У меня достаточно яиц, чтобы сделать это. Вам интересно, в чем мое отчаянье? Да в том, сука, что мы прошли точку невозврата, мать ее! Мы последние из «Черных драконов»! На этот раз — точно последние! А что это значит? Скоро не останется никого.

Все замолчали. Кобра и Джарек уже не могли что-либо возразить. Они смотрели на нервного, дерганого, словно одержимого дьяволом Кэно застывшими, широко распахнутыми глазами. В душу вонзилась такая боль, какой они и не могли помыслить — боль рухнувших раз и навсегда несбыточных надежд. Кира держалась из последних сил, чтобы не плакать. Она крепко схватила главаря за здоровую руку, прижимаясь к его плечу с черной татуировкой в виде дракона, умоляя его хоть немного успокоиться. Она сама прекрасно понимала, что Кэно прав, но признать это так сразу, в один миг было очень больно, было выше ее сил.

— Давай уедем отсюда, любовь моя, — в хриплой мольбе предложила она. — Например, в Австралию.

— Ты надеешься, что там меня не ищут? — равнодушно пробурчал он в ответ.

— Значит, хоть на Аляску, хоть в Сибирь... Как можно дальше! Где не будут искать. И там спокойно будем жить. Тебе нужно отдохнуть. Иначе ты сойдешь с ума...

— Уже давно сошел, детка, — скорбно улыбаясь, ответил Кэно. — Как и мы все. Что, нормальный человек будет гнаться за недостижимым? Признайтесь себе, наконец, разумная анархия была только при моей диктатуре. Морихей Уехиба конченный недобиток войны, и мы все по сути тоже. Он заставил нас поверить в свой бред — и мы, сука, подхватили без вопросов! Я всю жизнь осознавал это. Как и вы. Но не верил. Рай на крови нам не построить. Единственная цель, которой, сука, удалось добиться, — сдохнуть за анархию! Свобода или смерть — не мы решили. Решила, мать ее, судьба.

— Ты еще жив! — выкрикнул в отчаянии Джарек. — И мы тоже! Я еще не пророчил нашу смерть!

Кэно обессиленно прислонился невыносимо ноющей спиной к холодной красной стене и сухо проговорил, как отрезал:

*You lie in your death bed now,
But what did you bring to the table?
Brought us only holy sin,
Utter trust is a deadly thing*

*To the prayer of holy peace.
We didn't know what was lying underneath!
So how could we be such fools
And to think that we thought? You knew the answer.*

*You had us all strung out with promises of peace,
But all along your cover plan was to deceive.
Can it be put to rights now only time will tell,
Your prophecies will send us all to hell as well!*

— Мы все давно в аду, что изменится после смерти? — угрюмо сделал вывод Кобра, сам не заметив, что сказал это вслух.

— Заткнись! — гаркнул на него главарь и устало опустил отяжелевшую голову на подушку.

Трудно было вспомнить более траурную и мрачную ночь. Тяжело раненный Кэно лежал на жестком диване в кабинете, некогда принадлежавшем его злейшему врагу, но в том не было ни капли триумфа, только боль. Главарь «Черных драконов» до сих пор чувствовал привкус крови в вязкой слюне и на губах. Он изнемогал, но физическую боль затмила боль измученной души, сравнивая только с сотней ядовитых игл в сердце. Кира сидела на стуле рядом с ним и пила из банки пиво, с трудом сдерживая слезы. Джарек курил в кресле у окна, завешенного тяжелыми темно-бордовыми шторами, и проклинал себя за то, что не смог предотвратить всего этого. Они молчали. Тишину в тот вечер нарушал лишь истерический крик Кобры, ушедшего в главный зал базы «Красных драконов» с испещренными пулями стенами и выкрикивавшего допоздна со слезами на глазах:

— «Судьба»?! «Сдохнуть за анархию»?! «Будь свободен или сдохни»?! Почему же я жив? Будь проклят весь этот мир! Почему я не сдох? Как жить? Зачем мы живы?! Почему мы не сдохли?!

21. Точка невозврата

*Мужество есть лишь у тех,
Кто ощутил сердцем страх,
Кто смотрит в пропасть,
Но смотрит с гордостью в глазах!*
Группа «Ария» «Беги за солнцем»

Герман Блейд добровольно ушел в отставку сразу после завершения операции по освобождению Статен-Айленда. Его пост занял майор Джексон Бриггс. Соня Блейд проводила время в интенсивных тренировках, практикуясь в рукопашном и ножевом бою, в стрельбе и совершенствуя общую физическую подготовку. Ее охота продолжалась. Она не отрекалась от своей клятвы, что ее миссия будет выполнена лишь тогда, когда бессердечный и беспринципный убийца Кэно будет мертв.

С поддержкой Джакса лейтенант Блейд упорно продолжала расследование. Ей удалось арестовать Горца в Квинсе и Джеффа Картера в Детройте. Однако, несмотря на применение самых жестких методов, оба не сдали Кэно. Впрочем, шотландец клялся, что ничего не знает, якобы он простой бармен, которого никогда не посвящали в дела анархистов. К тому же, их дела в Детройте были преимущественно до него, а дела в Статен-Айленде — без него. Горец утверждал, что хотя «Черные драконы» и дали ему средства на переезд и открытие нового заведения в Квинсе, он никогда ничего не значил для их организации. Он был готов рассказать, что едят и пьют анархисты, если это как-то поможет следствию. Шотландец не изменил показаний даже после самых жестоких допросов, и агенты были вынуждены признать, что ему нечего было предъявить. Коннора отпустили, и он поспешил навсегда уехать на родину. Конечно, соглашаясь намеренно подставиться, чтобы сбить со следа Разведывательное агентство, он говорил Кэно, что настало время и ему, Горцу, побыть Храбрым Сердцем. И он храбро выдержал все, но не был готов пережить нечто подобное еще раз. Джефф Картер же ни на одном допросе не сказал ничего. В итоге для него все кончилось казнью без суда. В ходе очередной попытки дознания Джакс избил его до смерти.

Соня не поддавалась отчаянию. Она повторяла, что найдет Кэно, во что бы то ни стало и пройдет ради этого все круги ада. Сослуживцам казалось, что в своей одержимости она становилась женщиной из литой стали, совершенно бесчувственной и беспощадной, но одной ей было известно, что привело ее понурым майским вечером на могилу Векслера — одиночество.

— Этот грязный головорез за все заплатит! — с желчной злобой причитала лейтенант Блейд. — Я знаю: эта смерть не вернет мне тебя, но таких, как этот Кэно, нужно отстреливать, как бездомных собак, чтоб на людей не бросались!

— И что ты сделаешь? Где будешь искать? Не будешь же вышибать ногой каждую дверь в надежде увидеть за ней Кэно и пристрелить его?

Соня вздрогнула и обернулась — за ее спиной стоял человек в темной камуфляжной одежде и высоких черных боевых ботинках. На его лицо легла тень

черного капюшона. Он дышал громко и хрипло, и это рычащее дыхание вселяло тревогу.

— Кто ты? — спросила Соня, вынимая из кобуры Desert Eagle.

— Теперь простой бродяга, — ответил странник и, хрипло вздохнув, скинул капюшон. В сумерках блеснули стекла респиратора.

— Кабал, — с облегчением узнала скитальца лейтенант Блейд.

— Я тоже ненавижу Кэно и желаю его смерти, как ты понимаешь, — шепотом заговорил Кабал. — Позволь предложить тебе свою помощь в последний раз.

Соню пробрал озноб, ее сердце вздрогнуло.

— Почему ты говоришь: «В последний раз»? — запинаясь, спросила она.

Кабал понурил голову:

— За двойное предательство «Черный дракон» захочет найти меня. Почему бы нам не позволить им сделать это?

Соня Блейд схватила Кабала за запястья и с тревогой взглянула на его лицо, но увидела только свое отражение в линзах его железной маски и слезы на собственных глазах.

— Нет! — выкрикнула она с надрывом. — Этот паршивый гад столько лет забирал у меня тех, кто мне дорог! Ты мне дорог! Ты уже столько сделал! Сдал «Черных драконов» Мавадо, а потом дал мне повод арестовать «Красных драконов», сообщив, что они не убили Кэно. Дал нам новые координаты базы террористов, провел нас на базу, самоотверженно сражался плечом к плечу с нами! Ты дорог мне как соратник и друг! Слышишь? Дорог! Я не хочу терять тебя!

Кабал молчал.

— Я не хочу терять тебя! — слезно повторила женщина.

— Чего стоит жизнь одного, когда погибнут миллионы? — мрачно проговорил бродяга. — Да ничего! Этот сучий сын не остановится на достигнутом! Погибнут еще люди! Больше! Именно поэтому ублюдок Кэно не должен оставаться в живых! Верь мне, Соня, другого шанса у тебя не будет. Это добровольная жертва. Прими же ее.

* * *

Кобра отрабатывал в зале для тренировок стойки и удары синъицюань. Он босиком переступал по блестящему паркетному полу, его черное кимоно было влажным от пота и прилипало к телу, сквозь плотную ткань проступали контуры весьма развитых мускулов. Кира, облаченная в черную майку и рваные красные джинсы, отдыхала после собственной тренировки и с усмешкой наблюдала за ним, присев на маты и потягивая холодное пиво. Кобра старался изо всех сил, вкладывал усилие в каждое отточенное движение, но Кира все равно находила его попытки упражняться забавными.

— А-а, все тренируешься, — окликнул его Кэно, когда он и Джарек вошли в спортзал. — Может, сразишься с реальным противником, салага?

— Не хочу еще раз доломать тебе ребра, мастер! — огрызнулся Кобра. Главарь зловеще ухмыльнулся.

— А может, боишься сам получить пару переломов? — ехидно спросил он, хотя и не собирался драться. После сурового противостояния с Джаксом Кэно фактически остался с одной рукой — левая рука практически не действовала, и при каждом напряжении она просто взрывалась болью. Кобра замер.

— Сколько еще ты будешь смеяться надо мной?! — закричал ученик. — Молодой орел в первый раз вылетел из гнезда, пробует едва окрепшие крылья, наслаждается первым полетом, а старый уже сразу упрекает его: «Ты не так держишь крылья! Как ты планируешь? Как поворачиваешь? Все не так! Все не то!»! Что, старый орел, совсем забыл, как сам учился летать?!

Глаза Кобры покраснели. Неудачные попытки стать своим среди бывалых террористов доводили его до отчаяния. Ему казалось, что он уже достаточно хлебнул вместе с ними, особенно на Статен-Айленде, к тому же он пытался совершенствовать свои навыки, а также наводить хоть какой-то порядок на базе «Красных драконов», где они осели, чтобы для главаря и его соратников хоть что-то было по-старому. Он закрасивал гербы клана Мавадо на стенах, он принес шкуру койота и накинул ее на кресло в кабинете лидера, он повесил на стене черный флаг вместо «Смерти тореадора», он приносил хороший виски из запасов бара «Valhalla», но никто словно и не замечал его усилий.

— Я докажу, что у меня есть яйца! — чеканя каждое слово, швырнул Кобра, глядя на Кэно блестящими, полными отчаяния и гнева глазами. — Знаешь, как? Я покончу с собой! И в этот раз мне хватит духу сделать все правильно.

Лидер «Черных драконов» смотрел на русого бойца с каменным лицом.

— Хорошо, что ты к этому готов, — кивнул он. — Но пока такого приказа не было.

Кира едва не уронила банку пива:

— А что, будет? — спросила она с ужасом в свинцовых глазах. Она всей душой надеялась, что вожак просто нелепо пошутил.

— Я еще не решил, — ответил Кэно без тени иронии. — Смыться отсюда мы не можем, ни о Биннаке, ни о Корсаре ничего не слышно. Может, заложим под пол взрывчатки и будем жить дальше, а если нагрянет Разведывательное агентство — сюрприз, суки! Но в любом случае, прежде чем пробьет наш час, мы должны захватить на тот свет одну траханую мразь. Кобра, если ты хочешь быть полезным, я дам тебе это задание: разыщи и приведи сюда этого гребаного предателя Кабала!

— С удовольствием! — кровожадно ответил анархист, едва не брызжа слюной от ярости. — В преступном мире ходят слухи, что он наведывается в наш бар в Квинсе. То ли ловит ностальгию, то ли вот так пытается станцевать на вражеских костях, типа как мы сейчас.

Кира встала и выбросила банку из-под пива в угол зала.

— Я тоже пойду! — заявила она. — Уже давно горю желанием начистить харю этому выродку!

Вдруг Джарек подошел к Кэно вплотную и жестом отозвал его в сторону. Главарь обернулся и внимательно посмотрел на его лицо: он был бледен, как мертвец, его правая рука была в крови, которую он отер с лица.

— Что такое? Болен? — спросил Кэно. — Давление, что у тебя кровь из носа идет?

— Не в этом дело, ты давно это знаешь, — хрипло прошептал Джарек, щуря глаза от сильной головной боли. — Чувствую, все это закончится плохо. Кабал не так прост...

— Тогда молись своему богу! — огрызнулся на него Кэно. — Но мы сделаем это, он должен заплатить!

— Да послушай ты меня хоть раз! — разозлено закричал Джарек. — Я чувствую... Такое ощущение, что мы все обречены.

— Ты помнишь, мудак, что ты сам сказал мне на это?! — кровь в жилах Кэно вскипела от ярости. — Тогда, после Статен-Айленда. После всего... Ты охренел?!

— Да хер знает. Как скажешь, — обессилено прошептал Джарек, на паркет сорвалось несколько капель его крови.

Он взглянул на лицо главаря сквозь пелену стоявшего перед глазами тумана. Что-то было не так, как прежде. Головная боль усилилась, по всему телу пробежала крупная дрожь, мышцы были будто налиты свинцом, Джарек с трудом стоял на ногах. Он почти ничего не видел перед собой, только фигура Кэно обозначилась перед его взором темным силуэтом, когда кровь с неистовой силой ударила в виски. Боль немного прошла, глаза отчетливо различали все, что находилось вокруг, но черты лица Кэно почему-то покрывала тень.

— Ты умрешь, — проговорил, глядя в одну точку, Джарек. — Этой ночью.

— Знаете, теперь, когда мы прошли точку невозврата, — заявил Кэно оставшимся товарищам, — если нам и суждено уйти, то мы уйдем достойно.

Джарек развернулся и нетвердым шагом направился в ванную. Открыв холодную воду, он принялся смывать с лица кровь, но кровотечение из носа не прекращалось. Головная боль внезапно вернулась с прежней силой. Джарек поднял голову и взглянул на свое отражение в зеркале: на его лицо легла та же тень смерти. Его снова пробрала дрожь, душа стонала от боли и безнадёги. Когда-то в такие моменты с ним действительно была вера, но после Статен-Айленда он перестал молиться.

— Погибнем, — обреченно прошептал Джарек. — Все погибнем. Гребаная точка невозврата.

* * *

Кобра и Кира пришли в бар «Valhalla», такой знакомый и родной до боли. В помещении стояла траурная тишина, столики покрылись тонким слоем пыли, у стойки не было знакомого рыжебородого лица забулдыги Горца. Кира села за липкий от грязи столик с вырезанными похабными надписями и рисунками и смахнула с него ладонью в черной перчатке пыль. Когда-то ее несколько раздражала чрезвычайно шумная обстановка в баре, но теперь... Она понимала, что тоскует. Тоскует по звону пивных кружек, по матерщине соратников, даже по дыму их в большинстве своем дешевых сигарет.

Кобра зашел за барную стойку и взял с полки приглянувшуюся ему бутылку сухого вина и два бокала.

— Теперь же здесь все на халяву: бери — не хочу! — улыбаясь, проговорил он. — Не удивительно, что Кабал сюда зачастил...

— Поставь бутылку туда, откуда взял, — сердито приказала Кира. — Пойдем отсюда. Теперь здесь все веет духом смерти.

Она вышла из бара, не оборачиваясь. Кобра совестно глядел ей вслед. Кира не реагировала ни на что: ни на его попытки извиниться, ни на безуспешные старания немного подбодрить ее. Она кулаком дала ему знак замолчать, когда они остановились за углом в темноте, чтобы наблюдать за входом в заведение и ждать появления предателя, сколько бы ни пришлось.

— А кто это мимо идет? — указал Кобра на человека в камуфляже с длинными черными волосами, говорившего с кем-то по мобильному телефону. — У меня галлюцинации, или это Кабал?

— Сейчас подойдем и спросим, — ответила Кира.

Кобра подбежал к мужчине и вцепился рукой ему в плечо.

— Эй, бродяга! — крикнул он. — Припоминаешь старых друзей? Зарою тебя живьем, Иуда!

Кабал бросил телефон и выхватил из-за спины два меча, клинки которых оканчивались стальными крючьями. Правая рука Кобры стиснула рукоять мачете. Кира подобрала мобильный телефон предателя, сунула его в карман красной кожаной жилетки и выхватила из ботинок ножи.

Кабал полоснул Кобру мечом по руке, и парень отпрыгнул в сторону. Предатель подбежал к Кире с невыносимой быстротой, свалив ее с ног. Кира подняла голову и прищурила глаза. Кабал продолжал бегать вокруг нее с нечеловеческой скоростью, у нее начала кружиться голова. Кира сосредоточилась, сконцентрировала все внимание на враге и метнула нож. Лезвие вошло в ногу Кабала чуть выше правого колена. Предатель хромая попятился назад.

— Э-э, не так скоро! — преградил ему дорогу Кобра. — Искренне сожалею, что Кэно приказал брать тебя живым — я бы с радостью познакомил твою голову с мачете! А твои кишки — с твоими же гадскими крючьями!

Кабал с размаху начертил в воздухе крест сверкающими крючковатыми клинками, но Кобра ушел от лезвий красивым движением, будто нырнул под воду. Он ухватился за рукоять ножа, который Кира всадила в ногу предателя, и резко провернул его. Кабал, как раненый зверь, хрипло взвыл от боли. Кобра отошел, взял разгон и в прыжке ударил Кабала ногой в висок. Предатель упал без сознания, выронив крючковатые мечи. Кобра подошел к Кире и подал ей руку.

— Спасибо, — вполне искренне произнесла женщина. — Кэно будет доволен тобой.

Кобра смутился.

— Не стоит благодарности, — ответил он, забрасывая Кабала на мотоцикл. — Покатили отсюда, пока шумиха не началась.

* * *

Кабал опомнился и открыл глаза. Туман перед взором медленно рассеялся: перед ним стояли «Черные драконы», четверо озлобленных анархистов — те, с кем он когда-то сражался плечом к плечу и кого он смог дважды предать.

Кабал осознал, что он находится в сыром подвальном помещении. С него сняли респиратор, скрывавший его обезображенное лицо, оставив только подсоединенную к горлу трубку дыхательного аппарата. Его привязали к железному стулу и теперь готовились пытать самыми жестокими методами. Однако Кабал был готов ко всему. Раздраженные террористы вселяли ему безрассудный страх, но он мужественно смирился со своей участью. Он знал: так было надо.

— Твою мать! — произнес Джарек, глядя на лицо Кабала. — Поправьте меня, если ошибаюсь, но ты сдал всех нас, Фредди Крюгер недоделанный!

— Напомнить, по чьей воле я стал таким?! — съязвил Кабал, яростно впиваясь глазами в Кэно.

Кэно сделал вид, что не слышал этих слов, а только харкнул в его сторону на пол.

— Ну говори, Иуда, — разминая руки, заговорил лидер «Черного дракона», — как давно ты под нас копаешь?! На кого ты работал все это время? Лучше скажи все сразу. Иначе придется еще подразукрасить твою хамскую рожу!

Кэно ударил Кабала по лицу, сломав ему правую скулу.

— Ну что, — спросил он, пока предатель сплевывал кровь, — сам все расскажешь, или тебя пытаться?

— А ты сам адрес знаешь, или тебя послать! — нервно выкрикнул Кабал.

Кэно собирался снова ударить его, но Кобра положил руку ему на плечо и попросил не торопиться.

— У меня есть идея, — шепотом сказал он, отведя главаря в сторону. — Он ведь на наркоте сидит. Когда начнется ломка, он выдаст нам все за дозу. А доза у меня есть, и я покажу ему ее.

— А идея хороша. Что ж, работай, — Кэно похлопал Кобру по плечу и удалился.

* * *

Как и ожидалось, в страшной ломке Кабал рассказал все. Он перешел на сторону «Красных драконов» и рассказал им то, что он знал об анархистах. К счастью, он знал далеко не все. Мавадо объединил силы с Разведывательным агентством, и вместе им почти удалось разгромить «Черных драконов». Тогда Кабала впечатлила решительность Сони Блейд, а ее цель, как выяснилось, совпадала с его собственной, и он решил помогать именно ей. С его легкой руки месяц спустя агенты предали «Красных драконов», много гангстеров и наемников Мавадо погибло, остальных арестовали. Мавадо осудили за эксперименты над людьми, поскольку Соне Блейд стало известно о его цели создать универсальных солдат — настоящих драконов, гибриды людей и рептилий. С такими обвинениями даже старые друзья-политики не смогли помочь лидеру «Красных драконов» — ему был вынесен смертный приговор. После этого Кабал вернулся в клан, как ни в чем не бывало, но в глубине души продолжал лелеять свой план мести. И он привел на базу спецагентов.

— Значит, лидера «Красных драконов» больше нет? — Кира злорадно заулыбалась.

— Нет, — простонал со слезами Кабал. — Мавадо ждет исполнения своего приговора.

— Приговора? — задумался Джарек, складывая на груди руки с напряженными мускулами. — Нет... Мавадо предназначено умереть от руки одного из «Черных драконов».

Кэно взглянул на него с удивлением:

— Знаешь, от чьей именно?

— Увы, но нет.

— Что ж, — заключил Кэно, выслушав все это, — я так и подозревал. А теперь, — он протянул Кобре шприц и указал на Кабала, — коли его.

— Он же пустой! — удивился Кобра, глядя на шприц.

— Он не пустой.Пусти небо по венам! Знаешь, что будет? Мучительно загнется. А потом кинем труп этого выродка в метро под поезд — и никто не узнает, где могила твоя, Кабал! А найдут останки, проведут экспертизу — в крови следы

наркотиков. Конченный обдолбыш в невыносимой ломке прыгнул под поезд. Не первый случай.

Кобра уже закатил предателю рукав его грязной тактической кофты, готовясь ввести иглу в вену.

— Не надо, — часто и громко дыша, прохрипел Кабал.

Кобра вколол и ввел воздух в вену. Из горла предателя вырвался нелепый хрип, он резко запрокинул голову, а его глаза будто остекленели. Кобра выдернул иглу из его вены и пнул ногой бьющееся в агонии тело. Кэно молча наблюдал за происходящим. Он просмотрел списки вызовов на телефоне Кабала: перед тем, как его взяли, он звонил всего на один номер. Кэно мучило подозрение, что Кабал сознался не во всем.

Ночью к одной из станций метро на окраине города подъехали двое мужчин на мотоциклах. Труп Кабала был перекинут через заднее сиденье мотоцикла Кэно. Анархист встал, отвязал веревки и попросил Кобру помочь перенести мертвое тело. Спустившись в метро, где не было совершенно никого, они оставили труп на рельсах. Поезд промчался мимо без остановки.

— Получи свет в конце тоннеля, крыса! — прорычал Кэно, когда раздался хруст костей.

— Кишководеры у него интересные, — восхитился Кобра, вспоминая оставленную на базе пару крючковых мечей, принадлежавших ранее Кабалу. — Я бы попробовал такими поработать.

— Как хочешь, мне по хер, — сухо ответил Кэно. — Уходим.

Кэно не зря мучили подозрения. По пустующей станции разнесся эхом марш решительных шагов. Кобра обернулся и увидел, что их преследует Соня Блейд. Парень неистово закричал:

— Дьявол, как эта сучка нас нашла?!

— Кабал! — крикнул в ответ Кэно.

Кобра бросил взгляд на раздавленное тело Кабала на рельсах: на запястье посиневшей мертвой руки блестел разбитый экран передатчика. Очевидно, Кабал прятал его под перчаткой, и спец агенты следили за его передвижениями.

— Сукин сын! — гневно прокричал Кобра, почесав отросшую на щеке щетину. Кэно ударил его по плечу, заставляя бежать быстрее.

Они выбежали из метро и вскочили на мотоциклы. Соня видела, как Кэно показал ей средний палец и покатил прочь на черно-красном «Харлее» с номерами: «Fuck U!». Лейтенант Блейд подбежала к черному автомобилю Ford LTD Victoria Crown, который принадлежал ее отцу, села за руль и на полной скорости помчалась за террористами через заросшее высокой травой поле на месте давно снесенных старых нефтехранилищ. Она опустила стекло и крепко взяла Desert Eagle. Надпись «Fuck U!» на номерах мотоцикла Кэно перед ее глазами ввергала ее во все большую ярость с каждой секундой. Адреналин бушевал в крови — до цели было рукой подать.

Кобра достал телефон и, не глядя, куда ведет мотоцикл, набрал номер Джарека.

— У нас на хвосте психованная сука! Нам срочно нужна подмога!

Он сообщил Джареку координаты и начал прибавлять скорость.

— Уходим в разные стороны! — закричал Кэно. Кобра моментально свернул направо.

Кэно повернулся и попытался выстрелить лазером в Соню Блейд. Выстрел прошел мимо. Лейтенант уже выставила руку с пистолетом вперед...

Кэно прибавил скорость, начал петлять, но это мало помогло. Он слышал за спиной выстрелы, семь выстрелов. Последние два были удачными. Кэно почувствовал, как пули вошли в тело, и на секунду закрыл глаза. Перед взором вновь ожил столько лет мучивший его кошмар: холодный лунный свет озарял бездонную пропасть, ожидавшую его падения, его тело уже ударялось об острые черные камни, зубцы которых кинжалами входили в его грудную клетку и хребет, а издалека будто эхом доносится голос Морихея Уехибы:

— Помни: падать с вершины будет очень больно!

И Кэно упал с мотоцикла, чувствуя слева под ребрами и в области бедра неопишимо острую боль. Он лег на влажную колючую траву, бросил взор на свою рану и ужаснулся — пули оказались разрывными. Кэно расстегнул штаны, осмотрел вторую рану и понял, что идти он не сможет — ему раздробило кости. Он также знал, что у него разодраны внутренности, что далеко не все осколки вышли из тела, кашлял кровью, понимая, что они задели и легкое, но сдаваться не собирался. Кэно достал нож.

Кобра видел, как Кэно упал с мотоцикла. Он мигом развернулся и поехал навстречу Соне Блейд. Кобра развернул мотоцикл перед приближающимся с огромной скоростью автомобилем и резко затормозил. Руки Сони сжали руль мертвой хваткой, пальцы заоченели. Ее глаза расширились от страха, с криком она в последнюю секунду успела нажать на тормоз. Столкновение оказалось не таким сильным, как могло быть. Соня слышала звон стекла, когда у нее начало темнеть в глазах. Когда автомобиль врезался в мотоцикл, Кобра прыгнул прямо на капот. Встав во весь рост, Кобра снял с себя верхнюю часть кимоно.

— Возьми, — он бросил кимоно лидеру «Черных драконов», — закрой рану, чтобы не истечь кровью.

Кэно поднял руку и схватил в воздухе черную ткань с разноцветными нашивками. Закрыв рану, он осторожно опустил голову на холодную мокрую траву и сомкнул отяжелевшие веки. Кэно стиснул зубы, боли он уже не ощущал, в душу закрадывалось чувство кровной обиды. «Все должно было кончиться так, ты знал», — пронеслось в его мыслях. Его сердце захлестнула гнетущая печаль. Главарю «Черных драконов» казалось, что его путь был пройден впустую, а былые мимолетные удачи являлись лишь случайным сбегом обстоятельств. Но Кэно тут же заставил себя опомниться и понять, что иначе быть не могло. Он был из тех, кто смог найти себя, из тех, кого смогли понять и за кем пошли. В таком случае, его смерть — еще не конец.

Соня Блейд выскочила из разбитой машины, закрывая рукой кровавую ссадину на лбу.

— Че вылупилась, дура?! — спрыгивая с капота машины прямо перед ней, выкрикнул Кобра. — Помнишь, мы за равноправие — сейчас будешь отгребать по полной, курица!

Соня собрала силы и замахнулась на него кулаком. Кобра свободным движением уклонился от ее удара и перехватил в воздухе ее руку. Заломив руку ей за спину, боец в кимоно дважды двинул ей ногой по почкам. Лейтенант Блейд закричала от боли, но тут же попыталась нанести ему удар ногой с разворота. Кобра подпрыгнул, сделал в воздухе сальто и оказался прямо перед ней, когда она проводила удар назад. Обескураженная таким уходом от атаки, женщина встала на руки и, обхватив ногами шею анархиста прямо таки стальным захватом, свалила его с ног. Хватка не ослабевала. Чувствуя нехватку воздуха пересохшим сдавленным горлом, Кобра со

всей силы ударил лейтенанта Блейд локтем по колену. Он высвободился, но она тут же вскочила и саданула его кулаком по плечу. Слегка поморщившись от боли, Кобра резко вцепился в руку Сони и вывернул ее. Не давая ей даже вскрикнуть от неопишуемой боли, он два раза подряд врезал ей ногой в живот, а когда она упала на колени с безумным стоном, нанес резкий удар локтем по позвоночнику между лопаток. Боец в комино отошел на несколько шагов, готовясь с разбегу в прыжке прикончить агента, переломив ей шею ударом ноги в челюсть. Соня подняла голову. Пятна, стоявшие от боли перед глазами, мешали ей собраться с мыслями. Но она все же смогла нажать нужную кнопку на раструбе перчатки. Совершая прыжок, Кобра упал на землю, чувствуя сильное удушье. В воздухе над ним медленно рассеивались клубы ядовитого черно-фиолетового газа. Вся кровь прилиwała к его голове, все плыло перед глазами, сдавливающая тупая боль в груди усиливалась с каждым вдохом. Он согнулся над землей, стоя на коленях, его тело несколько раз пробрала сильная судорога, после чего мужчину начало рвать. Когда он выблевал все остатки пищи, началась рвота желчью, а затем густой темной кровью, все его внутренности будто были изрезаны, боль пронизывала все тело до мозга костей. Увидев муки Кобры, Соня Блейд встала и направилась к нему, сжимая кулаки. Она готовилась прикончить врага.

Резкий порыв ветра растрепал волосы молодого террориста. Кобра поднял голову и вздохнул с облегчением: слева от него остановился черный фургон Джарека. Прибывший на подмогу анархист открыл дверцу машины и пустил по Соне очередь из АК-47.

— Чтоб ты сдохла, безмозглая блондинка! Тупая тварь! — во всю глотку закричал он, его лицо исказила страшная, полная гнева гримаса.

Отбежав в сторону и укryвшись за машиной, Соня Блейд попыталась выровнять дыхание. Очередь стихла. По ее правой руке от плеча стекала кровь — одна пуля все же зацепила ее. Но сейчас ничто не могло ее остановить. Соня перезарядила пистолет.

Джарек вышел из машины и направился к Кobre. У молодого анархиста дико болела голова и ныли, словно медленно рвались на куски, все внутренности, но хотя бы мучительная рвота закончилась.

— Пей! — Джарек протянул ему блестящую флягу.

Кобра сделал несколько глотков и сморщился, как от зубной боли.

— Что это? — резко мотнув головой, спросил он.

— Водка. Сейчас немного опомнишься. Держи автомат. Увидишь ведьму — стреляй.

Джарек подбежал к Кэно. Главарь открыл глаза, закашлялся и сплюнул на траву сгусток вязкой крови. Джарек отдал флягу ему. Кэно вырвал флягу из его рук, жадно припал к ней губами и выпил залпом все ее содержимое, как воду.

— Встать сможешь? — спросил Джарек, осматривая раны.

— Нет, — чуть слышно проговорил Кэно.

Кровный брат взял его под руки и осторожно затащил в фургон. Он снял свою потертую жилетку, свернул ее и положил под голову вожаку.

— Я знал, что ты приедешь, — хрипло прошептал главарь. — Ты всегда был за меня горой, брат. Но ты должен понять — уже слишком поздно.

— Мы сделаем все возможное, и ты это знаешь! — закричал в отчаянии Джарек.

— Ты врешь самому себе. Твои предчувствия тебя не обманули. Позаботься о Кире. Не хочу, чтобы мою детку постигла моя участь. Очень не хочу...

Джарек сел за руль, не ответив ни слова. У него звенело в ушах от звука очередей, пущенных Коброй из его АК-47. Соня пыталась отстреливаться, но Кобра уже пришел в себя после действия отравляющего газа и мастерски уворачивался от ее выстрелов. У нее быстро кончились патроны, и лейтенанту Блейд вновь пришлось укрываться за разбитой машиной.

— Че, настрелялась, сука?! — драл глотку Кобра, поливая автомобиль очередью. — Ты сортиры зубной щеткой будешь драить, шестерка ниггерская! Крыса штабная! Шлюха белобрысая, надо было у меня отсосать, чтоб я тебя пощадил! В задницу себе засунь свой Desert Eagle сраный! Подстилка шизонутого Мавады!

— Кобра, заткнись! Твоя матерщина хрена с два нам поможет! — прикрикнул на него Джарек. — Быстро садись в машину.

Кобра запрыгнул в кабину, и Джарек резко нажал на газ. Черный фургон скрылся в ночной мгле бесследно.

Соня Блейд сидела за разбитой и расстрелянной отцовской машиной, обхватив руками голову. Обе ее руки были в крови, также Кобра попал ей в правую ногу.

— Ночной Ястреб вызывает Кардинала! — попыталась она выйти на связь с Джаксом. — Прием! Ночной Ястреб вызывает Кардинала! Джакс, ты слышишь? Прием! Мне нужна помощь!

Очевидно, во время драки Кобра разбил ее передатчик — связи не было. В ярости лейтенант Блейд несколько раз со всей силы ударила кулаком в землю. В который раз «Черные драконы» пришли на помощь своим, и она вновь упустила Кэно.

Сзади послышался рев мотора. Соня вздрогнула всем телом, но тут же ее лицо озарила чуть заметная улыбка, когда она увидела синий автомобиль Mazda 3, принадлежавший Джаксу.

— Соня, ты жива! — обрадовался он, выходя из машины. — Девочка, мы думали тебе каюк.

— Не тут-то было! — ехидно ответила Соня Блейд. — Как ты сам говорил, Джакс, это жизнь: если упал — встань, отряхнись и иди дальше, — женщина умолкла и в бешенстве ударила кулаком по дверце автомобиля. — Я его упустила! Дайте мне перевязочный пакет — и я продолжаю охоту!

— Радуйся, что ты жива, — заметил, выходя из машины, лейтенант Беран. — Я с трудом смог запеленговать сигнал твоего разбитого передатчика.

Соня прищурила глаза и насторожилась.

— А Кабал? — спросила она, глядя на ноутбук Джейка. — Ему еще можно помочь?

— Связь с ним оборвалась в этом месте, — лейтенант поправил очки и развернул ноутбук так, чтобы Соня видела карту. Он указал на станцию метро, где она пыталась после скрытного преследования перехватить Кэно. — Мы не проверяли, но, думаю, ты сама понимаешь, зачем они могли его сюда вывезти.

Лейтенанта Блейд до костей пробрала дрожь. На лице агента появилась тень какой-то траурной грусти. Кончено же, она все понимала, таков и был план, который столь самоотверженно предложил Кабал, и все же даже после всего никогда нельзя было привыкнуть к смерти.

— Что будем делать? — тихо проговорила лейтенант.

— Возьмем группу и будем следовать по его маршруту, — решительно ответил Джакс. — Здесь же записаны все передвижения Кабала, — он указал на красную линию на карте. Его палец переместился по линии к выделенному красным цветом

маленькому прямоугольнику: — Это здание вызывает у меня наибольшие подозрения — здесь он пробыл дольше всего. Это якобы пустующая база «Красных драконов» в Бруклине. Так что не нервничай. Далеко он, твой горячо любимый Кэно, не уйдет и сопротивления не окажет, если уж ты всадила в него разрывные пули пятидесятого калибра.

— Выходит, мы найдем эту хитрую тварь Кэно и его мерзких недобитых «Драконов»? — с отвращением высказала Соня Блейд. Джакс развел руками:

— Если я уж пообещал, то, поверь, мы их из-под земли достанем!

Агент коварно улыбнулась и, чувствуя, как волнуется заколотилось ее сердце, провела рукой по массивному, все еще теплому стволу Desert Eagle'a.

* * *

Джарек припарковал фургон у входа на базу «Красных драконов». Он выскочил из машины, снял номера и прикрепил на их место другие.

— Кобра, помоги мне! — крикнул он, вынимая из машины автомат и закидывая его на плечо. — Похоже, у Кэно дела совсем плохи.

Кобра подошел к главарю. Кэно лежал на полу фургона, закрыв глаза, на его губах и в уголках рта запеклась кровь, но он ни на секунду не терял сознания. Джарек вышел на проезжую часть, отодвинул крышку канализационного люка и выбросил поддельные номера и автомат. Закрыв люк, он на минуту метнулся на базу и тут же вернулся к фургону, держа в руке свою старую серую рубашку.

— Что тут? — спросил Джарек Кобру. — Ну, убери кимоно.

— Не могу, — пробормотал молодой мужчина дрожащим голосом, он чувствовал, как трясутся его колени.

Джарек присел возле Кэно и начал осторожно убирать с раны насквозь мокрое кимоно Кобры.

— В мясо. Разрывные пули, — тяжело дыша, прошептал он, глядя на огромные рваные раны.

У Кобры от испуга встал ком поперек горла, по телу волной пробежала дрожь, когда он взглянул на клочья истерзанной плоти и осколки костей. Из раны под ребрами обильно лилась темная и густая, практически черная кровь. Джарек закрыл раны своей рубашкой и жестом подозвал Кобру к себе.

— Держи. Плотно прижми ткань к ране. Когда пропитается кровью — скажешь.

Кобра положил руки на ткань и придавил. Кэно вздрогнул и застонал, медленно открыл глаза и снова захаркал кровью.

— Я гильзу нашел, можешь сказать что-нибудь? — Кобра протянул Джареку стрелянную гильзу. Джарек поднес к глазам медный цилиндр, подавленно глядя на него.

— О, Боже! — проговорил он, сдвинув брови. — Двенадцать и семь десятых миллиметра!

— Я видел его мотоцикл, — заговорил Кобра дрожащим сиплым голосом, его глаза покраснели от подступивших слез, которые он сдерживал с огромным трудом, — там на сиденье, на бензобаке и даже на спидометре... — он запнулся и резко протер глаза, — брызги крови и... куски мяса.

— Не хнычь, сопляк, лучше помоги мне! — прикрикнул на него Джарек.

Кобра и Джарек провели под руки обессилившего Кэно на базу. Он закрывал рукой свои раны и волок левую раненную ногу по земле. Лидер клана кусал губы до крови, чтобы отвлечься от невыносимой жгучей боли.

— Хорошо, что Кобра позвонил сразу, как только началось преследование, — говорил ему Джарек. — Явись я минутой позже, мы бы уже не разговаривали. Кобра молодец!

Они провели Кэно в кабинет с красными стенами, понимая, что главарь, даже если бы мог идти, ни за что не спустился бы в лабораторию «Красных драконов». В кабинете Джарек помог ему лечь на диван и попробовал немного перевязать его раны. Впрочем, вскоре он отказался от попытки, видя, что доставляет этим Кэно только лишние мучения.

— Кобра, иди, вымой фургон от крови. И везде, где остались следы крови: на земле, на траве, на асфальте — вытри или присыпь землей. Понял?

Кобра кивнул и кинулся выполнять приказ Джарека. Тем временем лучший друг главаря позвал Киру и попросил ее плотно зашторить окна. Несмотря на шок, Кира готова была сделать все, чтобы помочь Кэно и сразу принесла ему воды.

— Любовь моя, все будет хорошо, — взволнованно прошептала она, поднося ему питье.

— Нет, — осипшим от кашля голосом ответил Кэно. — С такими ранениями не живут.

— Брат! — Джарек схватил Кэно за руку. — Мы привыкли идти до конца! Держись! Все будет хорошо!

— Не будет, Джарек, — холодно отвечал Кэно, по-прежнему кашляя кровью. — Они найдут нас.

— Брось, Кэно! Что эта белобрысая сука видела? Паленые номера? Мы с Коброй все улики уничтожили. Кто нас додумается здесь искать?

— Найдут, — резко отрезал главарь. — Кабал настучал. Какой ты на хер пророк, если не можешь знать всей правды?! Он же, сука, поклялся отомстить мне за то, что с ним сделали «Черные драконы». И для достижения своей цели он был согласен на все. Кабал приведет сюда агентов, мать его. У него был передатчик, и они фиксировали все его передвижения, а мы сами затащили его на базу, как гребаного Троянского коня! Соня знала, где встретить нас, сможет найти и теперь! Война проиграна... Да уж, Соня, обломала ты меня...

— Вломить бы этой суке с разворота ногой в зубы! — войдя в помещение, гневно выкрикнул Кобра и закурил сигарету.

— Соня, конечно, стерва последняя, но слово сдержала. Сказала, что найдет меня и убьет — нашла и убила. Только посмотрим, какую песню она запоеет, когда увидит мой труп. Гонялась за мной столько лет, но так и не поймала! Я остался свободным.

— Остался свободным?! — пораженно воскликнула Кира. — Кэно, ты о чем? Тебе же никогда не нравилась эта херня, что якобы только мертвые свободны!

— Как посмотреть, детка, — проговорил он, скаля зубы от боли, которой ему теперь стоило каждое слово. — Я же умираю на свободе, среди своих единомышленников и друзей. Среди своих, а не в тюрьме! Я так и не сдался этим ушлепкам, мать их! Они смогут забрать мое тело, но мою душу... они сами отпустили на свободу. Хер им всем! Они не подчинили, не взяли меня! Я хотел именно такой смерти. *Like so many before me I'll die with honor and pride. The right of a warrior — Forever to fight by your side,* — хрипло и напряженно шептал главарь, пытаясь скрыть

свои страдания. — *Send a sign, raise the sail, Wave a last goodbye. Destiny is calling Immortality be mine...*

Кира положила руку ему на грудь, склонилась над диваном и прикоснулась губами к горячему лбу мужчины.

— Ты бредишь, — с болью и досадой произнесла она.

— Сильный жар? — настороженно спросил Джарек. Кира кивнула ему в ответ. Он взял главаря за левую руку, снял часы и толстый золотой браслет и положил два пальца на его запястье: — Пульс сильно учащен. Все из-за потери крови. Кира, дай ему еще воды.

Кира поспешно выполнила поручение. Кэно почувствовал некоторое облегчение — боль в пересохшем горле немного отпустила. Кобра принес в кабинет мечи с крючьями, принадлежавшие Кабалу, и поставил их у стола.

— Когда эта психованная ведьма явится — сам лично ее прикончу! — прошипел он сквозь зубы со слезами на глазах. — Медленно выну всю требуху, чтобы мучительно было адски, сука!

— На что вы еще уповаете? — прохрипел Кэно. — Джарек, ты сам предсказал эту смерть.

— Хер тебе! Ты не умрешь! — закричал Джарек, но Кэно его не слушал.

Джарек принес из лаборатории медицинские инструменты, разложил их на столе и достал зажигалку. Он долго дезинфицировал инструменты в огне, после внимательно осмотрел раны.

— Что ты собрался делать? — с волнением спросил Кобра.

— Вытащу осколки, попытаюсь остановить кровотечение. Надеюсь, знания, полученные в армии, сгодятся...

— Проклятье! Да вам нужно уносить ноги отсюда, — тихо заговорил Кэно. — Кабал — предатель — следил за нами, а потом выдавал всю информацию агентам, че не ясно? Все кончено. Здесь вы обречены. Сматывайтесь, пока не поздно. Меня лучше оставьте здесь. Вам меня не спасти, а Соня, сука, пусть получает то, что хотела. Джарек продолжит мое дело, но уже в другом месте. «Черный дракон» выживет...

Кира испуганно схватила его за руку.

— Кэно, о каком деле может идти речь?! Ты при смерти!

Но Кэно оставался принципиален:

— Вам нельзя медлить. Собирайте вещи и идите, пока сюда не явились спец агенты...

Главарь стиснул зубы и хрипло застонал от неистовой боли. Джарек напряженно склонился над его ранами. Рассудок Кэно ослабевал. Перед глазами вновь стояли серые стены сырого темного подвала, который кишел пауками, сотнями тысяч черных пауков...

— Две разрывные пули, мать их! — будто издали доносился до него голос Джарека. — Херова куча осколков, в том числе его собственных костей! Боюсь, это безнадежно — у него разорвана селезенка, повреждены кишки и левая почка, задето легкое. Он теряет невероятное количество крови — я не могу с этим ничего сделать!

— Кэно! Держись, прошу тебя! — дрожащим сорванным голосом шептала Кира, приглаживая его мокрые взъерошенные волосы. — Аллах, молю, дай ему немного сил, чтобы выжить!

— Эх, неужели у тебя еще осталось вера, детка? — проговорил Кэно, немного опомнившись. — Думаешь, кто-то из нас пройдет по узкому расшатанному мосту над Преисподней? Спасай свою жизнь, ведь после жизни уже ничего не будет.

Он закрыл глаза. Ему виделся огромный зал с невообразимо высокими колоннами. Между колоннами горел огонь. Приглушенный черно-белыми и зелено-синими витражами лунный свет проникал в помещение серебряной паутиной. Откуда-то из пустоты слышалась знакомая мелодия:

Use your might! Kano, fight!

The world is at your feet.

Fight! Use you might!

I'm on your side.

Посреди зала в полумраке стоял огромный дубовый стол. Он, Кэно, восседал во главе стола, по правую руку от него сидел его лучший друг и кровный брат Джарек, а по левую руку — Кира, его верная любимая женщина и, возможно, единственный человек, к которому он был нерушимо привязан. И все, абсолютно все «Черные драконы», воины свободы, сидели перед ними, за этим столом, и пировали, произнося одни и те же тосты: «За свободу!», «За Черных драконов!», «За Кэно!»...

Но в один момент этот придуманный им самим славный зал Вальхаллы исчез, вокруг сгустился крошечный мрак. Тьма покрыла все, она въедалась в глаза, а изнурительная жара медленно вытягивала из тела последние силы. Над головой клубились черно-красные тучи едкого и колючего, несущего вонюю ядовитой серы тумана, сквозь них в никуда прорывались колонны, выложенные из почерневших человеческих костей. Под ногами рдела старая кровь и гниющая плоть, между которой сетью тонких ручьев протекала ярко-оранжевая кипящая лава. Ее брызги горели во тьме, как трассеры. Сквозь мрак к главарю анархистов уверенным, отчеканенным шагом направлялась высокая худощавая фигура. Черный дым окутывал темнеющий впереди силуэт. Он приближался. Окутывающая фигуру мгла начала рассеиваться, взору Кэно предстали красные с сине-зеленым длинные одежды, расшитые золотом. Таинственный и зловещий некто подошел к Кэно вплотную, из темноты на террориста гневно взглянуло тощее, бледное лицо с серо-синеватой кожей и горящими холодным зеленым светом глазами...

Iron will, Iron fist.

How could it have come to this?

Кэно очнулся оттого, что Кира крепко сжала его руку. Он взглянул в ее глаза и впервые за долгое время увидел ее слезы. Главарь еще раз сорвался на кашель и прикусил губы, чувствуя, как усилилась боль в раненом боку.

— Мы ни за что тебя не бросим! — воскликнула Кира. — Мы не дадим тебе умереть! Ты нам нужен, Кэно! Слышишь? Ты нам нужен!

Но Кэно знал, что умирает. Он стиснул зубы от боли, которую причинял ему каждый вдох.

Анархиста одолевала болезненная тоска, тоска за чем-то сокровенным, чему он принадлежал весь, всей своей сущностью, частью чего он являлся, ради чего жил. Ему хотелось снова поверить в манящие идеалы «Черных драконов», отдать им всю свою сущность до последней капли, бороться за них на смерть — только бы избежать такого нелепого конца.

Он жил. Он с презрением смотрел в глаза смерти. И теперь, здраво осознавая, что все должно было рано или поздно так завершиться, что весь путь, пройденный

«Черным драконом» — пустая затея, он не хотел мириться с мыслью, что это — настоящее начало конца, конца без малейшего шанса на новое начало.

Если бы Кэно знал, что все кончится этим, что для него все непременно, со стопроцентной вероятностью все сложится именно так... Если бы даже он знал, навряд ли он жил бы иначе. Впервые за свою долгую, еще недавно беспечную жизнь старый матерый террорист жалел о прошлом. Но судьбу не обмануть. Действуя иначе, он предал бы сам себя.

Кэно улыбнулся и взглянул в пронзительные свинцовые глаза Киры.

— Прощай, детка, — с горестной улыбкой прошептал он совсем сорванным голосом, закрыл левый глаз и спокойно опустил голову на подушку. И последнее, что видел Кэно, прежде чем мир в его глазах опрокинулся во тьму, были ясные глаза Киры, полные слез. Эти глаза будто отражали высокое небо, и ему хотелось одного: пусть ее душа навсегда останется такой, как небеса, — чистой, недостижимой для всякого зла и вечной. После его хриплое дыхание оборвалось, с лица исчезло всякое выражение. Джарек встал, проверил у Кэно пульс на запястье, потом на шее, обессилено опустил руки, отвернулся, закрыл глаза, и, сделав над собой усилие, тихо прошептал сквозь зубы:

— Все кончено. Он умер.

Воцарилась тишина. Нервы дрожали, как задетые струны. Подступающие слезы перекрывали дыхание и речь. Время остановилось. Часы, брошенные на столе, показывали четыре утра, но мучительная ночь не завершалась.

Джарек заплакал. Он чувствовал боль, которую испытывал Кэно, чувствовал до последнего мгновения его жизни. Теперь же в сердце образовалась пустота. Он перестал чувствовать — вместе с Кэно погибла часть его души.

Кира в последний раз обняла Кэно, изо всех сил прижавшись к его разгоряченному, но уже бездыханному телу, и упала на колени. Ее самый кошмарный страх сбылся в эту роковую ночь. Ее любимого мужчины больше не было на этом свете. Она сожалела, что не была рядом, когда это случилось, что не заслонила его собой, хотя и понимала, что это противоестественно, что так не должно было быть.

Кобра рыдал, но все же нашел в себе силы на то, что всем сердцем желал сделать. Он стал на одно колено и приклонился, отдавая дань уважения лидеру клана и учителю. После Кобра обессилено упал в кресло и начал курить, утирая слезы. Он жалел об одном — он не успел выучиться всему у этого человека, не успел до конца, всецело понять его.

Теперь ученик главара сквозь пелену слез смотрел, как, стоя на коленях, плачет Кира. Он не слышал ее плача, но видел ее слезы, впервые за все время, которое Кобра знал ее. «Ты воин, — подумал он. — Истинный воин. Но это сломило даже тебя...».

Джарек не смотрел на лица соратников, не видел их отчаянья и осознания того, что теперь все действительно было кончено. «Черные драконы» родились и перестали существовать вместе с Кэно. Они никогда не сомневались друг в друге, они никогда не искали предателей среди своих. И они расплатились за это сегодня ночью.

Скрывая нарастающую боль, Джарек вышел из кабинета в коридор, и, глядя в окно, не своим голосом, будто напевом, начал произносить бессмертные слова:

— *Господь — Пастырь мой! Я ни в чем не буду нуждаться...*

22. Окованная сталью свобода

Каждому поколению свойственно считать себя призванным переделать мир.

Альбер Камю

— Где же ваша правда: «Выживает сильнейший!»? — издевательски спрашивал теперь майор Джексон Бриггс.

Минуту Джарек находился в мертвом ступоре, уставившись в одну точку мутными безумными глазами и кусая губы. Наконец-то появились силы произнести слова, описать то, что засело в душе. Он метнул на Джакса дикий озлобленный взгляд, шатнулся в сторону и выхватил нож.

— Вы стреляли в спину, а он смог уйти с улыбкой на лице! Так кто сильнее?! Что, ничтожество, нацепил железяки на руки и возомнил себя богом?! Увы, зачастую умирают именно те, кто достоин жить. Но «если нам суждено уйти, — повторил Джарек слова Кэно, — то мы уйдем достойно»! *For the Greater Good of God!*

Одним махом ножа он перерезал глотку одному из спецагентов и выхватил из его рук автомат. Очередь вдвое проредила ряды людей в форме, но прежде, чем они опомнились и начали стрелять в ответ, окутанный сталью кулак Джакса ударил Джарека наотмашь по лицу. Послышался хруст костей. Усиленный кибернетикой в четыре раза, кулак раздробил террористу челюсть, выбил несколько зубов и переломил шею. Джарек упал, как подкошенный, раскинув руки и выронив нож и автомат. От правого уголка рта на бетонный пол тонкой струйкой засочилась светлая кровь. Он умер с открытыми глазами, в которых навсегда застыло выражение ненависти, гнева и безумия. Он умолк навсегда, но его последние слова будто парили в задымленном воздухе: «Мы уйдем достойно. *For the Greater Good of God!*».

* * *

Кобра сидел в допросной за металлическим столом, и над ним мигала одна тусклая лампочка. Из полумрака в его глаза вглядывался майор Бриггс. Тело Кобры было покрыто кровоподтеками и ссадинами, волосы и одежда вымокли от пота, по лицу и шее стекала кровь.

— Дайте мне воды! — умолял он майора невнятным голосом — похоже, у него была сломана челюсть.

— Расскажешь все — и дам, — отвечал Джакс с такой издевкой, что Кобре становилось трудно дышать от гнева. Но даже зла не хватало, чтобы забыть о боли во всем теле.

— Что, доволен, что переломал мне кости, поотбивал мне почки, печень, повыламывал суставы? Но это не изменит того, что ты лишь вонючая шестерка! Ты понятия не имеешь ни о «Черном сентябре», ни о Войне Судного дня, ни об Афганистане! За что только тебе страна и берет, и звания, и кибернетические усилители?! Видимо, просто за то, что ты черный! Бей меня хоть до смерти — а я ничего не скажу!

Джакс встал и ударил Кобру по спине. Что-то хрустнуло, Кобра растянулся на столе, изо рта у него пошла кровь. Анархист пытался сплюнуть, но не получилось — кровь потоком сочилась из его горла.

— Я больше не буду тебя бить, — с усмешкой заявил Джакс, — а вот Кире, наверное, сломаю челюсть...

Кобра поднял серые глаза в таком выражении, будто он молился. Он не мог произнести ни слова, но из его глаз потоком лились горячие слезы.

— Не трогай ее, тварь ты беспринципная! — рыдая, прокричал он. — Я все скажу! И про теракты, и про Кабала...

— А что Кабал? «Самоубийство», — говорят эксперты.

Кобра закрыл лицо руками и громко зарыдал. Он никогда не чувствовал себя таким ничтожеством и подлым трусливым предателем, как сейчас. Но мысли о Кире заставили его говорить:

— Кабала убил я...

Джакс сел напротив, скрестил на груди идеально восстановленные техническими специалистами Разведывательного агентства руки с испачканными кровью кулаками и стал с довольной улыбкой слушать исповедь русого террориста.

— Киньте его в одну камеру с Мавадо! — злорадно ухмыляясь, приказал майор после допроса.

Кобра опешил.

— Что ж ты за тварь, мать твою! — простонал он, глядя на ухмылку Джакса и мечтая разорвать этот черный рот, чтобы по самодовольному лицу майора потекла кровь. Так, как сейчас она струилась по его собственному опухшему от побоев лицу. Задышавшись, Кобра из последних сил зашагал к камере, кинув на прощанье майору:

— Будь ты проклят, сукин ты сын!

Мавадо стоял у стены камеры, злорадно смеясь.

— «Черные драконы». Ну что, обрели свободу, анархисты сраные?

Кобра отвернулся и ничего не ответил.

— Как там Кэно? — продолжал глумиться над ним лидер «Красных драконов». — У этого животного остался хоть один чистый костюм — для деревянного ящика?

— Не смей осквернять память Кэно, ушлепок ты шизонутый! — буквально прорычал Кобра, сжимая кулаки.

Мавадо засмеялся.

— Знаешь, Кобра, — смеясь, говорил он, — мне, как и всем вам, вынесли смертный приговор. Знаешь, почему я еще жив? Как бывшему союзнику, агенты оставили мне право на последнее желание. И я пожелал увидеть смерть «Черного дракона».

— Не дождешься! — прохрипел Кобра.

Он собрал все свои последние силы, всю свою злобу и отчаянье. Его сжатый кулак уже начал дрожать и болеть от напряжения, на правой руке выступили вены, когда он замахнулся и ударил Мавадо в грудь.

Дыхание бывшего матадора сорвалось, он услышал хруст собственной грудины. Его сердце просто обезумело в груди, затрепетало, как крылья перепуганной птицы, и в одно мгновение остановилось навсегда. Лидер «Красных драконов» упал замертво, на полу тюремной камеры в беспорядке легли складки его алого плаща.

Кобра обессилело упал у стены. Он чувствовал жгучую боль в правой руке, но она была ничтожна в сравнении с болью душевной. Сквозь слезы он видел, как на исполнение смертного приговора ведут Киру. Она пела песню группы «Мастер», под которую в баре «Valhalla» танцевала с Кэно много лет назад:

Пей, звонарь, за нашу грусть,

За любовь и черный блюз,

Белый свет везде...

У его камеры женщина остановилась и замолчала. Молодой мужчина смотрел на нее чистыми серыми глазами, в которых была бескрайняя тоска и скорбь.

— Прощай, родной, — тепло улыбнувшись, сказала она.

Кобра открыл рот, но ничего не смог сказать. Он не ожидал такого отношения, пусть даже в час смерти, и не считал себя достойным в последнюю минуту так стать своим. Он просунул руку между прутьев решетки и провел ладонью по смуглому лицу Киры. Сзади стоял и посмеивался Джакс.

— Знаете, — обратилась к майору Кира, повернув к нему опечаленное лицо, — я хочу попросить Вас об одном. Не за себя. За Кэно. Похороните его на кладбище Статен-Айленда, острова, о котором он мечтал. Прошу Вас. Он заслужил.

Джакс молчал.

— Что ты молчишь, сукин сын! Что, нас за людей не считаешь?! — закричал Кобра, выплескивая всю горечь и боль. — Как и ваша гребаная, в конец охреневшая власть, будь она навеки проклята! Которая разрешила вам казнить нас вот так, без суда, да?!

— А вы и есть нелюди! — басом выкрикнул в ответ майор. — Сколько жизней вы погубили, зверье!

Кобра смотрел на Киру, и его сердце стонало.

— Расстреляйте меня первым! — закричал, срывая голос, он. От крика в груди проснулась давящая боль, Кобра закашлялся и сплюнул на пол камеры сгусток запекшейся крови. Боль в груди становилась сильнее с каждым вздохом. Кира протянула к нему ладони, насколько позволили цепи на руках и ногах, прикованные к поясу, и крепко взяла его за руку.

— Уже ничего не изменить, родной, — прошептала она. — Смирись. Будь сильным в последние минуты.

Она ушла. Молодой анархист слышал, как она тихо напевала на прощанье:

Я пепел на ветру,

Пыль и пепел на ветру...

Он подхватил мотив, глядя ей вслед, ловя каждое движение жадным взором, осознавая, что видит ее в последний раз:

И звони, звонарь, зарю, звони —

Добрым словом братьев помяни.

Бог с тобой, звонарь, и Бог со мной —

Ветер всех развеет над землей...

Из глаз Кобры снова начали течь слезы:

Мы — пепел на ветру.

Мы только пепел на ветру...

Кобра лег на холодный пол камеры и безудержно зарыдал.

— Я ничтожество! — одолевала его навязчивая мысль. — Ничтожество. Право, это звучит смешно! Кэно всегда был прав — я гребаный слабак! Я подвел его. Да, да, я, конечно, знаю, что он говорил так, чтобы я пытался доказать ему обратное, чтобы я стал сильным... Но я не стал! Я недостойн того, чтобы жить!

Он обыскал труп Мавадо, но не нашел ничего, чем можно было бы свести счеты с жизнью.

— Хер с ним! — Кобра плюнул в сторону. — Ждать осталось недолго.

Он снял с мертвого тела Мавадо ассимметричный кожаный плащ с ярко-красной подкладкой и накинул его на свои плечи. Плащ сидел хорошо, его блестящие черные складки эффектно разошлись по спине молодого мужчины.

— Кобра, на выход! — услышал он бас майора Бриггса.

Кобра еще раз поправил на себе плащ. Чувствуя его тяжесть на плечах, он пытался убедить себя в том, что хоть в чем-то он оказался победителем, оказался сильным, оказался не слабаком. И с этой эйфорией от победы над самим собой под маршевый грохот презренных цепей он гордо пошел на смертную казнь, и черно-красный плащ Мавадо торжественно развивался за его спиной.

* * *

Капитан Соня Блейд, получившая за исполненную миссию повышение в звании и награды, планки которых украшали теперь ее облегающую серую куртку, сидела в своем кабинете, прислонившись к стене, кинув на стол пистолет и закрыв лицо руками. Множество людей — политиков, служивых, представителей СМИ и всяких фондов и организаций, помогающих жертвам терактов и борющихся за мир — ждали ее где-то за стенами штаба, чтобы вознести ее, воспеть ее героизм, поздравить ее с успешным завершением личной миссии. Она разделалась с самым опасным террористом в мире, практически в одиночку нашла и убила его — и теперь не чувствовала ничего, кроме горького осадка в виде однозначного ощущения, что поздравлять ее было не с чем. Из ее разгоряченного сознания не шел посмертный образ лидера «Черных драконов».

— Это должно было быть не так! Как-то иначе, не могу понять... но не так. Может, мне нужно было, чтобы он страдал? Так он страдал, с такими-то ранами, понятное дело. Или мне нужно было видеть его мучения? Нет-нет. Я столько раз представляла себе, как убиваю его, медленно и мучительно, как намеренно истязая, и рука бы не дрогнула! Всегда была уверена, что не дрогнула бы. Дьявол, а сейчас с чего-то это чувство, что нечем тут гордиться. Лучше бы рука дрогнула — это было бы по-человечески... Проклятье! Я просто не понимаю, как теперь жить! Построить такую карьеру — и все ради убийства одного человека! Одного, мать его, человека — никуда от этого не денешься. Проклятье! Ведь это мои слова: «Он — не человек! Такие, как он, зря землю топчут!». А по сути... чем я лучше, чем он?! Убийца. Профессиональный, хладнокровный убийца. Да, он убивал невиновных, в отличие от меня, но с другой стороны... Только чрезвычайно гордый и глупый человек мог возложить на себя функции вселенского правосудия! Да уж. Так все заканчивается. Человек всегда выбирает для себя дело, которое ему не по плечу. Но приходится жить дальше... Но нет, не моему пистолету Desert Eagle решать, кому жить, а кому умереть!

Стук в дверь заставил ее моментально вскочить с кресла и распрощаться со всеми мыслями. Соня быстро запрятала пистолет в кобуру и надела кепку.

— Входите, — попыталась спокойно сказать она, но почувствовала, что голос ее дрожит. В кабинет строевым шагом вошел Джакс.

— Наша миссия выполнена, капитан Блейд, — улыбаясь, сказал он. — С террористами покончено. Это конец анархического бунта. И мы показали всему миру, что так будет с каждым, кто поднимется против Америки! Отныне и всегда.

Соня ничего не ответила. Она прошла в другой конец кабинета и стала смотреть в окно. В сумерках еще можно было различить серые стены домов, на которых за один

день появились изображения герба «Черных драконов», анархические символы, портреты Кэно и надписи вроде: «Anarchy for this fucking world!», «Kano, you will live forever!», «Vivat anarchia! We fuck them all!», «Kano, we'll remember you!». На улицах толпилось огромное сборище людей, одетых в черную кожу или камуфляж. В руках одни держали черные и красные флаги анархистов, другие — зажженные свечи. Кто были эти люди? Единомышленники «Черных драконов»? Воздавали почести памяти погибшего кумира, чтобы плюнуть в лицо официальной власти? Только где они были, когда «Черные драконы» гибли за свои идеи? Где они были, когда в Кэно — их кумира и героя — стреляли? И что они здесь делают теперь? Что пытаются доказать? Что они всегда были мысленно с «отцом террора», только боялись сказать это вслух? Арестов, преследований, смерти боялись? А теперь кому нужны их признания! Кэно не услышит! А сейчас придут стражи порядка и разгонят этот митинг.

Уже идут. Уже звучит приказ: «Сомкнуть щиты!». И три сотни человек с дубинками и щитами, в касках, в один голос отвечают: «Есть!». Побоище началось. Толпа с таким же единодушным криком «За Кэно!» выхватывает оружие, начиная от пистолетов и ружей и заканчивая кастетами и бейсбольными битами. Резня... К утру здесь останутся только трупы бунтарей. Кровь на асфальте будут присыпать песком.

Соня сорвала с шеи военный жетон. Она видела истинное лицо своего «правого дела». Как теперь казалось ей, человечество уже давно запустило программу самоуничтожения, и никакие усилия армий, правительственных подразделений и еще каких-то борющихся за мир организаций не смогут остановить его. «Человек всегда бывает добычей исповедуемых им истин», — всплыла знаменитая фраза одного философа в сознании капитана Блейд, а в синих глазах отражалась бойня между агентами, гордо, но слепо выполнявшими чужой приказ, и анархистами, ринувшимися в бой с именем Кэно на устах.

— Правда, один из «Черных драконов» убил Мавадо, — продолжал свой отчет о проделанной работе Джакс, — но я сам виноват: не нужно было сажать их в одну камеру. Он дал нам чистосердечное признание, и теперь дело можно закрыть. Знаешь, что попросила та рыжая террористка, Кира Тараки? — майор засмеялся. — Похоронить Кэно. Причем на кладбище Статен-Айленда. Он, видите ли, «заслужил».

— Чего смеешься-то? — с укором ответила Соня. — Вполне закономерная просьба...

Она вспоминала лозунги анархистов, красивые лозунги, как однажды сама сказала Мавадо. Их война была, по сути, не хуже любой другой войны — за мир, демократию и прочее эфемерное добро. Все это были сорта дерьма, в котором больше не хотелось участвовать, прекрасно понимая, что под красивые цели всегда можно подогнать даже самые ужасные и бесчеловечные методы. В этом и представители Разведывательного агентства были едва ли лучше террористов свободы. Теперь Соне не давал покоя вопрос: неужели это действительно был конец? Конец борьбы и конец охоты. И никому не стало лучше. Столько лет... и вдруг напрасно... Такая участь была страшна. И смех майора теперь звучал совершенно неуместно и нелепо на фоне траурных мыслей капитана.

— Да не смей меня, Соня! Еще скажи, что собираешься выполнить эту просьбу!

Соня резко повернулась и возмущенно взглянула на Джакса.

— Я тебе не Соня, а капитан спецназа Соня Блейд! Это — во-первых. А во-вторых, я действительно выполняю эту просьбу. Думай что хочешь, — она запнулась, говорить было очень сложно — ранее она никогда не могла и помыслить, а сейчас не

могла поверить, что способна сказать такое: — думай, что хочешь, но я теперь уверена, что они все заслужили это. Они тоже люди. И они тоже в чем-то были правы. У них тоже были мечты, поинтереснее наших. И они за них погибли. И только подобный жест успокоит теперь закономерный бунт. Иначе, после всего, что творит нынешняя власть, народ никогда не успокоится.

Джакс тоже не мог поверить тому, что услышал. Он усмехнулся, но его сарказм сменился негодованием.

— Нам что, после всего не хватало только заплеванного и загаженного кладбища в Статен-Айленде?! — грозно прикрикнул он. — Ты же понимаешь, что такие вот ушлепки, как сейчас собрались на улице, будут там творить! А? Что скажете, капитан?

Соня опустила голову. Ей почему-то снова вспомнилась смерть Векслера. Но отчетливее всего сейчас обозначилась в ее памяти фраза Кэно: «Идешь с пистолетом на безоружного? Дерись по-честному, как мужчина, а то стрелять в спину умеет любой мудака!».

— Джакс, выметайся! — резко приказала она, подняв глаза.

— Я тебе не Джакс, а майор спецназа Джексон Бриггс! Научись разговаривать со старшим по званию! — гневно прикрикнул он.

— Да мне начхать на тебя и твое звание, — равнодушно ответила она, почувствовав какой-то сладкий привкус в своей решительности произнести нечто подобное. — А отправишь меня в отставку — я только скажу тебе спасибо. А сейчас убирайся — и без тебя тошно...

Она еще не знала, что чувствует опьяняющее послевкусие свободы.

— Не ожидал от тебя, — подавленно произнес Джакс. — И было бы из-за кого? Из-за террориста!

Майор ушел, хлопнув дверью так, что она чуть не слетела с петель.

* * *

В день похорон Кэно была сильная гроза. Его хоронили в армейских штанах цвета пустынного камуфляжа и военных ботинках с ножнами для много лет верно служивших ему резных ножей, поношенной косухе с выложенными заклепками драконами на плечах и футболке «Iron Maiden» «A Matter of Life and Death». Его черный гроб был окован сталью, и на крышке стальную пластину украшал выгравированный герб «Черных драконов» и надпись: «Свобода или смерть!». Но порой только смерть дарует свободу.

Его хоронили без эпитафии, ибо никто ничего достоверно не знал об убитом: ни настоящего имени, ни даты рождения — ничего. Свое истинное имя этот человек, как и поклялся, унес с собой в могилу. На черно-сером гранитном надгробье был изображен портрет анархиста, а ниже было всего две строчки: «Кэно. Убит 7 июня 2008 года». У Сони по этому поводу крутилась в голове лишь одна, но самая верная мысль: «Никто в этом мире не рождается и не умирает просто так». Она еще не знала, что будет делать дальше с собственной жизнью, но твердо понимала, что Кэно не просто так встал на ее жизненном пути.

Парадокс, но на его похоронах присутствовала только Соня Блейд.